Одесский
альманах

№66

III / 2016

ДЕРИБАСОВСКАЯ ПРИШЕЛЬЕВСКАЯ

PLASKE
ПЛАСКЕ

Литературно-художественное издание серии «Одесская библиотека»
«Дерибасовская – Ришельевская». Альманах
№ 3 (66), 2016
Издается с 2000 г.

Учредитель и издатель: Издательская организация АО «ПЛАСКЕ»
(свидетельство ДК № 3673 от 21.01.2010 г.)
Председатель редакционного совета: Иван Липтуга
Редактор: Феликс Кохрихт
Редакционная коллегия: Евгений Голубовский (заместитель редактора), Олег Губарь, Иван Липтуга
Технический редактор: Геннадий Танцюра
Верстка, корректура: Татьяна Коциевская

Свидетельство о государственной регистрации печатных средств массовой информации:
КВ № 19644-9444Р от 08.01.2013 г.

Адрес редакции: 65001 Украина, Одесса, ул. Ак. Заболотного, 12, а/я 299
Тел.: +380 (48) 7-385-385
books@plaske.ua
www.plaskepress.com

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Плутон»
65023 Украина Одесса, ул. Нежинская, 56
Тираж 500 экз.
Заказ № _____

Літературно-художнє видання серії «Одеська бібліотека»
«Дерибасовская – Ришельевская». Альманах
№ 3 (66), 2016
Видається з 2000 р.

Засновник і видавець: Видавнича організація АТ «ПЛАСКЕ» (свідоцтво ДК № 3673 від 21.01.2010 р.)
Голова редакційної ради: Іван Ліптуга
Редактор: Фелікс Кохріхт
Редакційна колегія: Євген Голубовський (заступник редактора), Олег Губар, Іван Ліптуга
Технічний редактор: Геннадій Танцюра
Верстання, коректура: Тетяна Коцієвська

Свідоцтво про державну реєстрацію друкованих засобів масової інформації:
КВ № 19644-9444Р від 08.01.2013 р.

Адреса редакції: 65001 Україна, Одеса, вул. Ак. Заболотного, 12, а/с 299
Тел.: +380 (48) 7-385-385
books@plaske.ua
www.plaskepress.com

Надруковано з готового оригінал-макету у типографії «Плутон»
65023 Україна Одеса, вул. Ніженська, 56
Тел.: +38 (048) 700-42-42
Наклад 500 прим.
Замовлення № _____

© АО «ПЛАСКЕ», 2016
© «Дерибасовская – Ришельевская», 2016

Улицы: память города

Пришла очередная пора переименований. После постановления Верховной Рады Украины о декоммунизации меняют названия городов и поселков, улиц и переулков. Начать бы декоммунизацию с уничтожения коммун, коммунальных квартир, но это трудно. А вот переименовать улицу Советскую в Антисоветскую – большого ума не нужно. Правда, в Одессе, в отличие от многих городов Украины, еще в девяностые горсовет вернул исконные названия улицам центра города. Какие-то забыли. Пастера так и не стала Херсонской, Заславского – Мещанской… Но тут скорее вопрос не в декоммунизации, а в целесообразности.

Сейчас, когда вопрос топонимики стал острой проблемой для города, захотелось напомнить принципы, по которым именовались изначально улицы нашего города.

В юной Одессе не было названий улиц и соответствующих указателей. Частные, казенные здания и сооружения числились по номерам кварталов и мест. Поначалу это не вызывало особых затруднений с поиском конкретного дома. Однако по мере роста города адреса становилось искать все труднее. Поэтому официальная нумерация стихийно дополнялась *народными названиями* улиц, переулков, спусков, площадей. Для удобства ориентирования выбирались приметные объекты – храмы, учреждения, рынки, специализированные торговые ряды, крупные частные дома, элементы рельефа, предприятия, этнические районы и др. Такие топонимы обеспечивали функцию поиска и позднее были официально закреплены. Таким образом, всякое первичное историческое название – как бы словесная археология.

На Садовой давно нет больших садов Кобле и Ферстера, но их давнее бытование фиксирует название. На Дегтярной нет дегтярных рядов,

на Кузнечной – кузниц, на Старорезничной – резниц, и т. д. и прочее. Топонимы – это виртуальные памятники истории Одессы, родословная города, его биография. Достойных людей много, а улиц мало. Есть разные способы увековечения – памятники, мемориальные доски, знаки, арт-объекты, пароходы, строчки, далее по тексту. Забывая и переименовывая, мы вновь и вновь забудем, вновь и вновь переименуем. Этим руководствовались наши предки.

Попытайтесь отыскать хотя бы два-три нефункциональных первичных названия старых одесских улиц, переулков, площадей. Поэкспериментируйте. Тогда станет ясна их семантика, и почему нельзя никому позволять бездумно их менять.

Рассмотрим типологию первичной номинации одесских улиц. Прежде всего, подчеркнем – все эти названия были *народными*, а уж затем официально узаконивались.

1). Именные, по фамилиям крупнейших владельцев недвижимости (по резиденциям или местам постоянной дислокации видных фигурантов региональной истории) – Кобле, Мясоедова, Ризо, Пишона, Садикова (Садыкова), Пишенина, Божаки, Разумовского, Воронцова, Вагнера, Третецкого, Серединского и т. д. И даже первые официальные переименования – Дерибасовская, Ланжероновская, Ришельевская, позднее Пушкинская, Новосельская – фактически построены по тому же принципу. Здесь эти лица жили.

2). Связанные с геоморфологией, особенностями топографии, наличием источников водоснабжения, зелеными зонами + то же в сочетании с фамилиями землевладельцев и (или) функцией: Балковская, Водяная балка, Фонтаны, Жевахова гора, Военный, Карантинный спуски, Колодезный переулок, Садовая, Косвенная, Лиманчики и т. д.

3). Стерильно функциональные: Почтовая, Провиантская, Госпитальная, Казарменный переулок, Кузнечный, Дегтярный, Рыбный, Красный, Сенной, Щепной и проч. ряды, Старорезничная, Каретный переулок, Таможенная площадь, Ставки и др. В том числе связанные с направлением главных трактов: Херсонская, Тираспольская, Дальницкая.

4). Храмовые: Преображенская, Успенская, Троицкая, Рождественская, Пантелеймоновская, Покровский, Лютеранский переулки, Соборная площадь и т. д.

5). Связанные с учреждениями: Мещанская, Земская, Комитетская, Дворянская и др.

6). Связанные с этническими центрами: Арнаутская и Молдаванская слободки, Еврейская, Греческая, Немецкая, Нежинская (греки из Нежина), Польская и др.

Сегодня мы провозглашаем обязательность общественных слушаний. А тогда это и были *народные* топонимы, оставленные нам вместе с Одессой ее фундаторами и первостроителями. Это не просто объекты культурного наследия, но живая история города.

И что за манера непрестанно все переименовывать? Это ж и есть совок. Есть другие способы отдавать должное: поддержите семью, издайте книгу, снимите фильм, учредите именную премию, стипендию, организуйте мемориальные чтения, фестиваль, конференцию, установите памятный знак, скиньтесь на обелиск и т. д. и прочее. Вместо того чтобы за чужой счет переименовать улочку на задворках. Хороших людей много, и число их всегда растет, а улиц мало: так и будем бесконечно переименовывать? Главный критерий топонимической практики – функциональность, а не произвольная мемориализация. Если же ставить во главу угла второе, то логично сперва обратить внимание – в нашем случае – на реальный вклад увековечиваемого в становление и развитие Одессы.

Мы часто предлагаем новые имена лишь на том основании, что это *наши современники*, что *мы знали их лично*. Пусть даже вклад их несоразмерен с вкладом тех, кого *мы не знаем, не помним*, не хотим знать и не хотим помнить. А ведь город обязан им всем, даже самим фактом своего существования. Джованни Капелло, Жан-Мари Дюпон и многие их коллеги погибли, спасая горожан от чумных и холерных эпидемий. Супруги Харламовы построили храм Живоносного Источника. Княгиня Гика финансировала постройку женского монастыря. Анисья Крамарева – сооружение Сретенской церкви на Новом рынке. Не щадивший живота своего городской голова Мигунов и почти вся его семья стали жертвами чумной эпидемии. Купец Лашин основную часть своего полутора-миллионного состояния оставил благотворительным организациям. Боевой флотский офицер Марангопуло завещал свой роскошный дом Греческому училищу. Дмитрий Инглези – ликвидатор трех чумных эпидемий (1812, 1829, 1837). Выдающийся благотворитель Янкель Рублев – основатель Еврейской больницы. Голландский гидротехник Фан-дер-Флис – один из главных строителей Одесского порта. Военный инженер Ферстер и братья Фраполли – авторы генплана Одессы, первостроители. Поджио, Железцов, Клёнов, Ростовцев, Андросов, Амвросио, Дестуни,

Рено, Россет, Гаюи, Трегубов, Волконский, Бларамберг, Зонтаг, Достанич, Лучич, Жевахов (Джавахишвили), Андрияш, Чехненко, Аргутинский-Долгоруков, Даллаква, Потье, Дигби, Круг, Боффо, Козлов, Черкунов, Торичелли, Моранди – сотни и сотни имен тех, кто сделал Одессу Одессой.

Но даже им, ушедшим и забытым, улиц не хватило. И не могло хватить. Именно поэтому они и будут увековечены мемориалом в Преображенском парке. И это правильно. А первичные названия улиц оставим в покое – все они говорящие, повествующие, живые.

В этой части заметок – от редакции – мы использовали уже опубликованные в Фейсбуке тексты члена нашей редколлегии, известного краеведа, Почетного гражданина Одессы Олега Губаря. Но мы решили выйти за пределы соображений только членов редколлегии и выслушать мнения еще ряда уважаемых граждан нашего города, спрашивая их, как они относятся к переименованиям, какие улицы в нынешней Одессе, им кажется, следует переименовать, какие названия они бы предложили для этих улиц.

Андрей Добролюбский, доктор исторических наук, профессор:

– Страсть к переименованиям стара, как Рим. Да и этот Вечный город император Коммод в 190 году нарек в свою честь – разумеется, Коммодом. Но – не прижилось, и Рим остался Римом. Во времена Великой французской революции тогдашние «топонимисты» переименовали практически все населенные пункты страны, увы, при равнодушном попустительстве народа. Но вскоре Бонапарт все вернул на свои места. Лихо и самовольно меняли исторические названия большевики, некоторые из их одиозных новаций остались в Одессе и сегодня. Их надо менять, но без суеты и тенденциозного ража, опираясь на историю и здравый смысл.

Анатолий Горбатюк, ветеран Одесского морского порта:

– В последнее время мне, как и многим неравнодушным одесситам, приходится вести острую полемику с теми, кто вознамерился разрушить всемирно известный архитектурный ансамбль Екатерининской площади. Они настаивают на возвращении скульптурной группы, отражающей не историческое событие, а сцену из художественного фильма «Броненосец «Потемкин», и требуют убрать с площади памятник Основателям Одессы, высоко оцененный мировой общественностью, в том числе

и ЮНЕСКО. Для тех активистов, кто не знает истории, добавлю, что в те черные дни 1905 года «революционные матросы» обстреляли Одессу с броненосца тяжелыми орудиями и подожгли портовые склады…

Виталий Абрамов, директор Одесского художественного музея, искусствовед:

– Переименования меня раздражают. Хоть понимаю, что город – живой организм, и какие-то неизбежны. Есть улицы в разных концах города, носящие одни и те же названия. И это, естественно, плохо. Давая названия улицам, нельзя переносить на карту города вообще великие имена, не связанные с историей Одессы. Нелепо было бы получить улицу Шекспира, Рембрандта, Бетховена… А вот то, что есть улицы Костанди, Довженко, Паустовского – замечательно. Это воспитывает любовь к городу. Я многие годы изучаю связи Одессы с Василием Кандинским. Рад, что есть улица Кандинского, что есть мемориальная доска на Дерибасовской, где он жил. Сейчас киевляне думают назвать свой аэропорт «Малевич», в честь своего великого земляка. А почему бы одесский аэропорт не назвать «Кандинский»? При нем зарождалась авиация, его отец был Почетным гражданином Одессы, из Одессы он покорял мир.

Николай Прокопенко, народный художник Украины:

– Естественно, имена политических деятелей, которые управляли страной после Октябрьского переворота, замешанных в репрессиях, в геноциде, должны кануть в лету. Но имена художников, писателей, ученых, героев войны с фашизмом, живших в те же времена, не должны быть забыты. Особенно если они связаны с нашим городом. Кому-то не нравится маршал Жуков, дескать, не лучший полководец. Но именно его солдаты взяли Берлин, он принимал Парад Победы. У нас, одесситов, есть и свои воспоминания. Когда Сталин сослал его в Одесский военный округ, Г.К. Жуков избавил город от бандитизма. Снять такое имя с карты города – значит перечеркнуть нашу эпоху.

Инна Голубович, доктор философских наук, профессор:

– Печально, что декоммунизация проводится теми же принципами, что когда-то коммунизация. Есть имена, которые исчезают по заслугам, будь то Дзержинский или Ярославский, Косиор или Петровский… Но кому мешает и чем Юрий Гагарин? Но вот несколько дней назад

дипломированный экскурсовод, приглашенный показать город политехникам, объясняет им, что проспект Гагарина назван в Одессе в честь… князей Гагариных. Это уже не декоммунизация, а фальсификация. Мне бы очень хотелось, чтобы все традиционные названия сохранялись в нашем городе. А вместо Колхозных, Ударных, Советских мы дали имена людей, прославивших именно наш город во всем мире. Какие у нас замечательные музыкальные традиции! Пусть будет улица Рихтера, улица Гилельса, улица Столярского…

Анна Стреминская, старший научный сотрудник Одесского литературного музея, поэт:

– Я коренной житель одесской Слободки, старого своеобразного района Одессы. Естественно, и я, и мои родные обрадовались, когда части улиц Слободки вернули их исторически сложившиеся названия. Но не всем. К примеру, рядом со мной улица Матюшенко. Нужно ли объяснять, что именно Матюшенко спровоцировал кровавую развязку событий на броненосце «Потемкин»? Он лично убил пятерых из семи погибших офицеров броненосца. Если мы думаем о декоммунизации всерьез, а не ради очередного ритуального действия, то я прежде всего сняла бы с карты города имя убийцы.

Слышала, что Елена Павлова, Александр Ройтбурд, Феликс Кохрихт предлагали увековечить имя талантливого художника Валентина Хруща. Так вот он жил на улице Матюшенко. Мне скажут: он жил и на Пантелеймоновской. Правильно. Но я против того, чтобы менять укорененные названия. А вот забыть название – улица Матюшенко – следует. И как замечательно было бы назвать ее улицей Валика Хруща!

* * *

Шесть мнений, шесть точек зрения. Разных, но единых в том, что названия улиц – это система координат, как в повседневной жизни, так и во времени. Это сквозьвременные ориентиры, и поэтому они не должны подвергаться политической, идеологической, военной конъюнктуре. Названия улиц ,взятые из региональной истории, – это наш культурный код, передаваемый из поколения в поколение.

Михаил Жванецкий

Предисловие к книге М.А. Булгакова «Собачье сердце»

Первое впечатление.

Ужас!

Швондеры!

Им показалось…

Что они могут возглавить…

После погромов им так показалось.

Мейерхольду показалось, что он может ставить.

Ученым-генетикам показалось, что они могут…

Всем им недолго осталось.

И дело не во враждебности.

То и другое просто было мышлением.

А страна превратилась в съезд одной личности.

Профессор Преображенский никуда не уехал.

Не успел.

Он просто переехал в шарашку и занялся переоборудованием полевых кухонь.

Семь комнат больше никогда ни у кого не было.

Был крик:

– Жванецкий, вы развязно сидите на собрании!

– Как можно развязно сидеть?

– А вот сядьте смирно и неподвижно.

Швондеры опять участвовали в судебных процессах, но уже как подсудимые.

Лечение вождя их не спасло.

Пролетариат был главным до изобретения атомной бомбы.

Потом ученые получили квартиры в лесу и коттеджи в Арзамасе-16.

И возможность сделать что-то на пределе человеческих возможностей для уничтожения человеческих возможностей.

А все домкомы, завкомы, профкомы, райкомы стали крикливыми судами в полувоенной форме.

Сапоги, портупея, кобура.

Если сапоги начищены – идем в театр.

Замызганные – сопровождение эшелона.

Авто заводили ведром, кипятком, вторым аккумулятором.

Где была конкуренция, там мы были первыми.

В ракетах.

И последними в производстве лекарств.

Мужчины жили до 58 лет.

И, казалось бы, в расцвете сил по статистике надо было умирать.

У них в жизни было временное освобождение в виде Отечественной войны. Когда очевидно преимущество свободы. Оставшиеся в живых стали профессионалами и победили с большим преимуществом.

Домой привезли авторучки, невиданные закрутки, автомобили типа «Москвич».

Мой дядя моей маме привез целый зубоврачебный кабинет.

А мечта Булгакова в словах профессора Преображенского:

– Можете уплатить?

– Могу.

– А почему не платите?

– Не хочу.

– Можете уплотниться?

– Могу.

– А почему?

– Не хочу. Под наркозом не буду хотеть. Ибо не хочу – и всё.

Я компанию себе выбираю сам.

Другого ассистента не хочу.

Другой кухарки не хочу.

В мозгах наших людей это не укладывалось.

Ты разве чего-то можешь не хотеть сам?!

Но кое-кто мог.

– Не хочу оперировать жену в Кремлевке, – заявил член Политбюро, министр обороны.

И из Барнаула привезли профессора на истребителе МИГ.

1200 километров в час.

Из Барнаула, где не мешали оперировать…

Он мне сам это рассказал.

Жив до сих пор.

А Михаил Афанасьевич Булгаков был последний великий русский писатель, случайно попавший в советское время.

И переживший его навсегда.

Но и ему показалось.

Уж если Сталину понравились «Дни Турбиных»!..

Но нет! Не надо!

Хватит исключений.

Всё было изрублено.

Даже что-то о Сталине в Батуми…

Не захотел вождь.

– Чувствуется, что товарищ Булгаков пакривил душой. Зачем? Такой талант… Лучше еще раз сходим на «Дни Турбиных».

Кому дано поймать перемещение мысли вождя?

Вожди безошибочно чувствуют талант и безошибочно чувствуют его непредсказуемость.

И патологическую тягу к правде.

Не надо, товарищ Булгаков!

И пережил намного вождь гения.

И до сих пор скучает население по вождю.

И до сих пор считает, что гений написал достаточно.

Хотя мог бы и больше.

Олег Губарь

Путеводитель по пушкинской Одессе*

…Прежде чем говорить о нем (втором подвале Питейного откупа. – **О. Г.**)., надо обсудить одно важное обстоятельство. Дело в том, что сказанная аллея (Городского сада. – **О. Г.**) до некоторых пор была проездной, собственно говоря, продолжением Ланжероновской улицы, и разделяла два квартала – LXIV и LXV. Второй из них изначально полностью принадлежал Феликсу де Рибасу, в первом находился питейный подвал и другая недвижимость, о которой еще пойдет речь. В 1806-м два дома де Рибаса перешли в казенную собственность, а расположенный меж ними сад он подарил городу. Вынужден заметить, что подарок этот, очевидно, был вынужденным, ибо, лишившись домов, он так или иначе не смог бы сохранить сад в одном из центральных кварталов, предназначенных под застройку.[104] Герцог Ришелье увеличил территорию бывшего сада Дерибаса присоединением куска улицы и частью лежащего за ней квартала LXIV. Это означало существенное изменение магистрального маршрута от Херсонской рогатки до будущей Таможенной площади. Если ранее с Херсонской улицы можно было попасть непосредственно на Ланжероновскую, то после фактического объединения LXIV и LXV кварталов в один (хотя формально прежняя нумерация сохранилась) гужевому транспорту приходилось объезжать Казенный сад по Дерибасовской. Впрочем, путь удлинялся незначительно – несколькими десятками метров по Преображенской. Именно этим маршрутом следовал в пушкинское время транспорт, въезжающий в центр с Херсонской улицы.

Но вернемся ко второму питейному подвалу, вид которого открывался на повороте с Херсонской на Преображенскую. Он рас-

* Продолжение. Начало в кн. 64.

полагался в пятне застройки нынешней Научной библиотеки Одесского университета имени И.И. Мечникова, и в его истории имеются отдельные лакуны, впрочем, не чересчур существенные.

Библиотека находится в пределах мест № 704-705 LXV квартала Греческого форштата. Эти места, как и примыкающие к ним со стороны Городского сада места № 706-707, где находился летний театр Одесской филармонии, а до революции так называемое Отделение Городского сада (сдавалось в аренду), изначально были отведены небезызвестному Михаилу Михайловичу Кирьякову (старшему). Затем все эти места перешли к городовому врачу, первому директору Городского госпиталя Джованни Франческо (Ивану Францевичу) Капелло, о котором у меня есть отдельная обстоятельная публикация.[105] Весной 1809 года возникла проблема дефицита помещений для расквартирования в городе штабофицеров, и 27 апреля Ришелье решил продать небольшой обветшавший казенный дом на углу будущей Полицейской улицы и Александровского проспекта – с тем чтобы взамен приобрести более просторный и прочный частный. Капелло предложил свой дом со службами, недавно построенный на местах № 704-705, по смежности с австрийским консулом фон Томом, владевшим местами № 702-703 по будущей Преображенской, к переулку.

Городской архитектор Франческо Фраполли освидетельствовал постройки, и 3 июня 1809 года Строительный комитет обсудил результаты обследования и кондиции приобретения. В натуре обнаружился дом габаритами 5 саженей 1 аршин на 4 сажени 1 аршин. Сени одни, покой (жилая комната) с деревянной перегородкой 1, кухня с 2 чуланами, 1 голландская печь, 1 очаг, 1 «варистая печь», 4 двери с прибором, окон со стеклами и приборами 3, пол и потолок дощатые, весь дом покрыт по стропилам гонтою (деревянной черепицей, дранкой). При доме погреб, отделан штуковым (пиленым по определенному формату) камнем 3 на 3 сажени: в нем 1 дверь, 2 окна, крыт камышом. Во дворе флигель 13 саженей 1 аршин на 2 сажени 2 аршина 8 вершков из 8-вершкового камня в одну штуку; в нем 5 покоев, 1 кухня, 1 кладовая, 3 деревянных сеней, 1 чулан, дверей с приборами крашеных 9, окон со стеклами и приборами 8, печей голландских 4 и варистая 1, полы и потолки дощатые, крыт дранью на одном скате, выштукатурен изнутри

и снаружи. В конце флигеля маленький погреб. Сарай с погребом из бутового камня 6 на 3 сажени и 1 аршин. Сарай под дранью, погреб под черепицей – в нем створчатые двери, 1 окно. Землянка из бутового камня 3 сажени 2 аршина на 2 сажени 2 аршина – в ней 1 людская, 2 варистые печи, 3 окон со стеклами, 2 двери, покрыта землею. Ворота деревянные с калиткою и деревянными дверьми на каменных столбах, сверх оных карниз и архитрав. Земли 30 на 30 саженей. Все строения обнесены каменною стеною из штучного камня высотой с фундаментом 4 аршина.

По смете строения оценили в 3.896 рублей 6 и две трети копейки. Остановились на 4.000 рублей. Из этой суммы Капелло должен был получить сразу 2.600 рублей, вырученные от продажи обветшавшего казенного дома елисаветградскому купцу Кондрату Сапожникову, а остальные – в первых числах января 1810 года. Свой дом Капелло должен был передать казне в последних числах июня. На заседании ОСК 7 июня 1809-го в присутствии герцога Ришелье кондиции утвердили, и сказанная недвижимость перешла в ведение Строительного комитета.[106] К сожалению, мне пока не удалось отыскать информации, когда именно это приобретение передали в собственность питейному откупу. Но можно уверенно говорить, что довольно продолжительное время дом использовался для той задачи, каковую преследовала покупка, тем более, то было сделано в годы войны, когда Одесса, по существу, была прифронтовым городом. Кроме того, первичный подвал вполне удовлетворял запросы откупа, да и на плане города 1814 года мы не видим существенных изменений, каковые должно было бы вызвать перепрофилирование функционального назначения этой территории. Полагаю, та инфраструктура была передана откупу не ранее конца 1810-х или даже в начале 1820-х.

Документально функционирование второго питейного подвала, причем уже на протяжении некоторого времени, фиксируется в декабре 1824 года. В журнале заседаний ОСК речь идет о переделке фронтона и брандмауэра «при подвале Одесской питейной конторы». Старый фронтон упал, и поскольку сосед, консул фон Том, нарастил стены смежного флигеля до 1½ аршин, то существует опасность, что выброс из возвышающихся там дымовых труб может послужить причиной пожара. По итогам обследова-

ния и оценки ситуации подполковником Кругом и архитектором Франполли строительный подрядчик Вальб получил соответствующие указания.[107] Указание о разрушении старого фронтона как будто говорит о давности постройки. Однако у нас нет надежных гарантий, что это одна из построек, осуществленных еще Капелло. Фронтон вполне мог разрушиться в течение первых лет постройки, как неоднократно случалось в те годы.

Дома фон Тома

Как мы видели, слева с этим питейным подвалом соседствовал большой дом хорошего пушкинского знакомца австрийского консула фон Тома[108]. То был обширный комплекс строений на углу нынешней Преображенской улицы и переулка Маяковского, поблизости от Городского сада, Соборной площади, резиденции градоначальника. Из генерального плана Одессы, составленного под началом военного инженера Е.Х. Ферстера в 1802-м и высочайше утвержденного в 1803-м, видно, что уже в ту пору на сказанном углу существовали значительные приватные постройки в виде прямоугольника, образующего внутренний двор, с воротами, выходящими на переулок, места № 702-703 LXIV квартала Греческого форштата.

На данный момент мы не располагаем документами о покупке этих строений и участка в 1804-м. Однако трудно предположить, что могло быть иначе: фон Том не перебрался бы в Одессу из Херсона с соответствующими полномочиями и семейством в некое арендованное помещение, ибо подходящие для этого апартаменты известны наперечет, и нам известно их функциональное назначение. Впрочем, давность означенной покупки отчетливо фиксируется в сюжете продажи «в казну» смежного с фон Томом дома городского врача Капелло, по Преображенской (1809-1810 гг.). Это видно хотя бы из того, что во владельческих бумагах самого Капелло указаны владельцы смежных мест не на момент продажи, а на момент строительства его дома. Среди них – Витторио Поджио, крупнейший строительный подрядчик, и, как мне представляется, владелец проданного фон Тому здания.

План, составленный городским архитектором Франческо Фраполли в 1807 году, дает более наглядное представление об этой недвижимости австрийского генерального консула. Упомянутый прямоугольник с внутренним двором формировался четырьмя отдельными разновеликими флигелями – двумя дворовыми и двумя фасадными, из которых самым значимым явно был угловой, масштабный. На рубеже 1820-1821 гг. он приобрел смежный участок и новый дом помещицы Попроцкой по переулку.[109] В конце мая 1821-го в Одесском строительном комитете утвержден план на перестройку принадлежавших ему первичных угловых строений – явно увеличение этажности.[110] Это подтверждается документами 1824 года о строительных работах в соседнем (бывшем Капелло) казенном доме, переданном питейному откупу. Согласно ведомости о взыскании налога с недвижимости, считая с 30 апреля 1824 года, сказанная недвижимость австрийского генерального консула оценена присяжными окладчиками в весьма значительную по тем временам сумму – 60.000 рублей. При этом указано, что оная недвижимость дохода не приносит.[111] То есть фон Том не использовал принадлежащий ему комплекс строений – ни целиком, ни по частям – в коммерческих целях. А это означает, что здесь находилась консульская резиденция и проживало все его семейство. Пушкин наверняка посещал дом австрийского консула, хотя прямых свидетельств мы не имеем. Во всяком случае, визит Поэта на его обширный хутор в Дальнике (50 десятин) подробно описан Ф.Ф. Вигелем. Интересующихся фон Томом отсылаю к предыдущим своим публикациям.

Чтобы закрыть тему обоих питейных подвалов, надо сказать несколько слов о дальнейшей судьбе территорий, на которых они располагались. Старый подвал функционировал до конца 1840-х, а затем места разделили меж приходом реформатской церкви, дворянами Александром Нарольским и Николаем Керстичем, каковые их застроили до Крымской кампании[112], сохранились планы[113]. Гуляет много недостоверной информации о сохранившемся по улице Преображенской, № 21, доме Нарольского. Его путают с находившимся на противоположной стороне улицы домом князя Павла Ивановича Гагарина – как раз территории второго питейного подвала, да еще приводят неверную дату постройки –

1834 год[114]. На самом деле князь застроил место, где ныне Научная библиотека ОНУ (здание, естественно, другое), в середине 1840-х, и не 3-этажным домом, а одноэтажным частным театром.[115] Неверное понимание ситуации объясняется, во-первых, незнанием старой топографии, во-вторых, так и не реализованным проектом 3-этажной застройки 1834 года[116]. Князь Павел Гагарин – фигура прелюбопытная; его одесскую эпопею я описал в «Энциклопедии забытых одесситов».[117]

Дома де Рибаса и гауптвахта

Повернув с Херсонской на Преображенскую и двигаясь направо, путник видел по левую руку бывшую недвижимость Феликса де Рибаса, а по правую – гарнизонную гауптвахту, располагавшуюся за старым подвалом питейного откупа, практически на Соборной площади.

С гауптвахтой особых исследовательских проблем не возникает, сохранилась и кое-какая иконография. В фонде Одесского строительного комитета имеется архивное дело 1817-1823 гг. о ее построении.[118] Множество деталей, связанных с постройкой и эксплуатацией, можно найти и в журналах заседаний Комитета.[119] Заметим вскользь, что речь идет о главной гауптвахте, поскольку были и другие.[120] В совокупности материалы позволяют составить довольно рельефное представление о данном объекте. Сохранилась иконография и подробные планы – как первого, так и второго этажей.[121] Разумеется, это нестандартное сооружение, находившееся на одной из важнейших транспортных развязок, обрамленное примечательными объектами, многократно попадало в поле зрения Пушкина. Знакомство с офицерами вполне могло приводить его и непосредственно к портику гауптвахты или к входу во внутренний дворик со стороны Преображенской, в том числе по случаю их ареста и содержания.

Исторические реалии, связанные с недвижимостью Феликса де Рибаса в квартале LXIV (меж главной аллеей Городского сада – изначально продолжением Ланжероновской улицы, Преображенской, Дерибасовской и Гаванной), как будто лежат на поверхности:

Здание гауптвахты

о них бесконечно пишут, основное домостроение в наличии, да и сад, подаренный им городу (1806), можно условно считать сохранившимся. На самом же деле сложившаяся в 1806 году ситуация нехорошо вписывается в сформировавшиеся за многие десятилетия историко-краеведческие стереотипы, не все было так просто: дом продал, сад благородно презентовал.

Надо понимать, что в 1795-1796 гг. Феликс имел большие возможности – как застройщик и подрядчик, его охотно кредитовали предприниматели, входили с ним в разного рода коммерческие проекты. Но когда его влиятельный старший брат Иосиф вынужденно оставил Одессу, младшего де Рибаса буквально накрыла волна судебных тяжб, разбирательств. Материальные претензии к нему предъявляют архитектор Фраполли, подрядчик Поджио, подпоручик Шрейбер, мать его покойной супруги бригадирша Качковская. На грани банкротства Феликсу де Рибасу не оставалось ничего другого, как продать более ценную городскую недвижимость. Она заключалась в двух домах со служебными по-

стройками и саде меж ними в LXIV квартале, причем один из этих домов, на углу Гаванной и Дерибасовской, требовал достройки (каковую Феликс сам же и осуществил, согласно контракту, уже после продажи «в казну»), а также доме по Преображенской улице (ныне – пятно застройки дома № 40, середина квартала меж ул. Греческой и Бунина), который де Рибас продал частному лицу.

Сделка была и выгодна, и спасительна для Феликса. Что касается сада, он все равно не сумел бы его сохранить, лишившись примыкающих домов. Почему? Потому что под садоводческие заведения места в городе не отводились и не предусматривались: другое дело – дворовые садики. Участки под садоводство отводились из городского выгона, за чертой оборонительных казарм. Для влиятельных лиц (Ферстер, Кобле) делались, понятно, исключения, однако и эти значительные сады все же состояли при их домах, да и впоследствии тоже были в основном застроены. Понимая все это, Феликс сделал красивый жест: подарил городу сад, который все равно не смог бы удержать, и таким образом получил моральный бонус в этой благоприятной для него сделке. Позднее он оправился и, начиная с 1815-го, вновь стал строиться, соорудив во второй половине 1810-х два небольших дома в окрестностях прежних: в Малом переулке и на Гаванной улице (о них – см. ниже). Все архивные ссылки, иллюстрации архивных документов можете глянуть в монографии по истории градостроительства,[122] а о судьбе Феликса – в других моих книгах[123].

Двухэтажный дом по Дерибасовской близ Преображенской в классическом стиле Феликс строил совместно с архитектором Франческо Фраполли, что привело к упоминавшемуся разбирательству меж ними. На генплане 1802-1803 гг. виден прямоугольный служебный флигель, примыкающий к ликвидированной позднее улице (нынешняя главная аллея Городского сада). На планах 1807 и 1814 гг. обозначен и другой флигель, по Преображенской, протянувшийся от главного здания в направлении первого флигеля. Та же застройка фиксируется на плане 1828 года, добавилась лишь маленькая сторожка, в саду – за главным корпусом, ближе к первому служебному флигелю. Таким образом, мы наглядно представляем ситуацию в пушкинское время. Сохранился подробный план построек и двора бывшего дома

де Рибаса, составленный несколько позднее архитектором Гаэтано Даллаква. Тут фиксируются некоторые достройки при главном корпусе со стороны Городского сада, но в целом картинка дает отличное представление о масштабах и пропорциях интересующих нас сооружений.[124] В длинном одноэтажном флигеле по Преображенской проживали некоторые чиновники канцелярии генерал-губернатора, поэтому Пушкин вполне не только мог посещать ведомство А.И. Казначеева, но и сюда заходить.

Дом этот издавна использовался для жительства «генералитетов». Если бы его приобрели раньше, тут наверняка обосновался бы герцог Ришелье, но ко времени покупки он уже обустроил свою резиденцию в другом казенном доме, также приобретенном от частного лица «в казну». В интересующую нас эпоху в нем последовательно жили: градоначальник Н.И. Трегубов (1820-1822), граф А.И. Рибопьер (1822-1823), граф М.С. Воронцов (лето-осень 1823), полковник А.И. Казначеев (с осени 1823-го). Фигуры известные. Перемена обитателей, как правило, сопровождалась большими или меньшими ремонтами, переделками, перепланировками, что фиксируется архивными документами. Так, 8 июля 1820-го архитектор Джованни (Иван) Фраполли представил Строительному комитету смету по ремонту. Он указывает: при доме надо сделать ледник, «три комнаты в верхнем этаже дома» предполагает «расписать живописью», но целевые расходы на этот счет в смете не назначены, «ибо живописная работа не имеет постоянных цен, а зависит от условия с мастером». Комитет определил «приискать живописца» и заключить с ним особый контракт.[125]

Затем прораб Строительного комитета Лука (Лучиано) Бертини ремонтировал здание перед заселением туда Рибопьера, о чем отчитался в феврале 1823-го.[126] К слову, сказанный Бертини сам жил в этом доме и надзирал за ним после ухода Трегубова. Поэтому перед поселением канцелярии Воронцова он просил принять по описи имеющуюся в доме мебель: большие зеркала, стол красного дерева, канапе, стулья, кресла красного дерева, обитые желтым трико, жестяные фонари со стеклами и др.[127] О Трегубове и Бертини я сделал отдельные очерки.[128]

3 октября 1823 года Фраполли представил Комитету смету на необходимые починки в верхнем этаже дома, занимаемого

гвардии полковником и кавалером Казначеевым.[129] Из более поздних записей в журнале заседаний Строительного комитета, от 4 октября 1824-го, мы узнаем о работах и «о вещах, сделанных им (сотрудником Комитета титулярным советником М.С. Кривчиковым. – **О. Г.**) в казенный дом, что близ Городового сада, по случаю приезда и квартирования в нем господина новороссийского генерал-губернатора и кавалера графа Воронцова». Упоминается: столов для кухни – четыре, по 30 рублей, шесть полок и рама для кухни стекольная, 32 фунта железа для исправления очага, сукно для оклейки круглого стола, принадлежащего Городской думе, и проч. Здесь же указано, что вещи приняты Комитетом на основании контракта с Фундуклеем от 3 декабря 1823-го.[130] Что это означает? То, что вещи эти после передислокации Воронцова отсюда в дом Фундуклея отправились вместе с ним, после чего бывший дом де Рибаса частично переоборудовался уже под Казначеева.

Не могу не упомянуть здесь добрым словом моего старшего товарища краеведа В.А. Чарнецкого, первым прикоснувшегося к архивным материалам о доме Фундуклея и первым внятно сообщившим об использовании бывшего дома де Рибаса в пушкинское время.[131]

Дом Крамарева

Напротив бывшего дома де Рибаса, на месте нынешнего «Пассажа» тогда находился большой двухэтажный дом авторитетного муниципального деятеля, одесского купца 1-й гильдии Михаила Антоновича Крамарева, одно из лучших зданий в городе. О Крамареве я опубликовал довольно подробный биографический очерк; в том же издании – информация о его родственном окружении и др.[132] История и предыстория этого дома Крамарева представляет значительный интерес, поскольку не только связана со многими пушкинскими знакомыми, но и с посещениями предшествующих сооружений непосредственно Пушкиным. Сюжет на этот счет, опубликованный в 2006-м,[133] я уже несколько раз исправлял, уточнял и детализировал, по мере поступления новой информации. На сегодняшний день ситуация основательно прояснилась.

Преображенская площадь. Слева – дом Крамарева

При первичном планировании сетки кварталов и отвода мест в августе-сентябре 1794-го – это VI квартал Греческого форштата, включавший десять мест, № 49-58. Их получили под застройку: № 49-50 – капитан-лейтенант Дзивович, № 51-52 – капитан Крюков, № 53 – мичман Тунда, № 54-55 в реестре пропущены по недосмотру, № 56 – «прапорщик Клаудерист» (Клаудий Ристори), № 57-58 – капитан Беляк.[134] Насколько можно судить, никто из этих небогатых офицеров застроиться не сумел, и не позднее 1796-го места начали переходить в другие руки. Нас в данный момент в первую очередь интересуют: угловое место по Дерибасовской и Преображенской, № 58, и примыкающие к нему по этим улицам соответственно № 57 и 54.

Из архивных документов четко видно, что первым успешным застройщиком здесь был чиновник Одесской таможни Константин Иванович Андрияш (Андреяш, Андриаш), дослужившийся до коллежского асессора, попечитель сооружения соборной церкви во имя Святого Николая. Он также владел весьма приличным домом на противоположной стороне Соборной площади, на углу Садовой улицы, который арендовался городом для размещения Благородного пансиона и Девичьего училища.[135] Андрияш продал дом, занимавший места № 57-58, небезызвестному коммерции советнику, казначею Одесского строительного комитета Жану Рено[136], однако дата сделки неизвестна. Зато мы знаем,

что ранее 29 сентября 1810 года этот дом Рено состоял в залогах по подрядам[137], что указывает на некоторую давность владения и солидную оценочную стоимость. Мы знаем также, что Андрияш сдавал находящийся неподалеку другой свой дом в аренду с 1806 года. Можно предположить: первый дом продан Рено с целью покупки этого доходного дома. Сопоставление планов 1802-1803 и 1807 годов свидетельствует о достройке сооружений на местах № 57-58, в частности появлении углового флигеля. Очевидно, это указывает на преобразования, осуществленные Рено после покупки дома у Андрияша. Таким образом, я бы отнес оформление купчей крепости примерно к 1805-1806 гг.

16 марта 1812 года Жан (Иван) Рено продал этот дом статскому советнику Федору Петровичу Беину (другой каменный дом, на смежном участке № 54, ему продала 16 июня 1811 года вдова придворного метрдотеля Ивана Бертена Мария) – эта фамилия в различных источниках бесконечно искажается: Бень, Бейн, Бейм, Бем. Однако идентификация не вызывает у исследователей ни малейших сомнений. Федор (Теодор) Бейн (Бем) потомок польского рода, служил урядником в Дубоссарах, был помощником главного попечителя задунайских переселенцев Валахии, Молдавии и Бессарабии, владел солидным недвижимым и движимым имуществом. Он вступил в брак с Екатериной Катаржи, дочерью Ильи Филипповича Катаржи, представителя влиятельного молдавского боярского рода, главнокомандующего войск Молдавии, активного и успешного участника турецкой кампании 1806-1812 гг. на стороне России, состоявшего в тесном родстве с семействами Стурдза, Гика (женат на дочери молдавского господаря Григория III Гики) и т. д. Федор и Екатерина Бейн жили в основном в Молдавии, умерли соответственно в 1814 и 1821 гг. Их имущество перешло к дочерям, Марии и Елене. Первая вышла замуж за подполковника Камчатского полка Петра Степановича Лишина, вторая – за полковника, командира Охотского пехотного полка георгиевского кавалера Василия Тимофеевича Соловкина.

Тут мы переходим непосредственно к пушкинской теме, поскольку хорошо известно (свидетельство И.П. Липранди), насколько Поэт был увлечен Еленой Соловкиной (Бем). Общение Пушкина с Соловкиными и Лишиными относится к кишиневскому

Дом Крамарева

периоду: первые обитали непосредственно в городе, вторые наезжали туда из Орхея[138]. Он был знаком и с дядей сестер Бейн (Бем), лейб-драгунским капитаном Павлом Ильичом Катаржи.

После смерти отца проживавшие в Молдавии Мария и Елена решили продать его одесскую недвижимость. 3 марта 1822 года в «Крепостной книге Одесского коммерческого суда для записки крепостей, закладных, дарственных и раздельных, духовных завещаний» зафиксировано следующее: «По доверенности от законных супруг – дочерей и наследниц умершего статского советника Федора Петрова сына Беина, Елены и Марии: Охотского пехотного полка полковник Василий Тимофеев сын Соловкин и 31-го Егерского полка подполковник Петр Степанов сын Лишин за освидетельствованием в Бессарабском областном гражданском суде, прошлого 5 мая 1821 года под № 78 и 79, продали одесскому 1-й гильдии купцу Михаилу Антонову сыну Крамареву и наследникам его (…) два каменные дома, состоящие в Одессе на Военном форштате 1 части в VI квартале под № 54, 57 и 58-м и всем принадлежащим к ним постройкою (то есть хозяйственными помещениями. – **О. Г.**) и садом; под коими земли с местами

мерою: по площади (Соборной. – **О. Г.**), к дому купца Хаджи Мими – тридцать семь с половиною, а по Рыбасовой (Дерибасовской. – **О. Г.**) улице – тридцать саженей и два аршина». Получили от этой сделки 23.000 рублей государственными ассигнациями. Здесь же сообщается о том, что № 57-58 приобретены у Рено, а № 54 – у вдовы Бертен, а купчие крепости совершены в Херсонской палате гражданского суда 16 марта 1812-го и 16 июня 1811 гг.[139]

Для полноты картины приведу еще и выписку из журналов заседаний Строительного комитета: «1822-го года марта 1 дня Одесский комитет слушали: рапорт архитектора Фраполли, которым доносит, что по повелению Комитета освидетельствовал он места, принадлежащие г. статскому советнику Бейну, и нашел, что оные состоят в 1-й части на военном форштате в XVI квартале под № 54-м, 57-м и 58-м и имеют меры по площади к дому купца Хаджи Мими 34½ саженей, по рыбасовой улице 30 саженей и 2 аршина. По справке оказалось: освидетельствование сие последовало по данному от г. титулярного советника Захария Леонтовича в Комитет прошению, которым он просил о выдаче свидетельства, в каком квартале и под какими номерами состоят места верителя его г. статского советника Бейна, и сколько оные имеют меры...».[140] Доверенное лицо Бейна – титулярный советник Захарий Прокофьевич Леонтович, одесский старожил, домовладелец (Гаванная угол Малого переулка), служил в Карантинной конторе, судьба его достойна сериала, но этот сюжет слишком далеко нас заведет.

Насколько можно судить, Ф.П. Бейн никакими серьезными достройками после Рено не занимался, и эти дома использовались как доходные. М.А. Крамарев не тотчас же приступил к реконструкции, приведшей к застройке почти всей красной линии трех мест по Преображенской и Дерибасовской. Первичные строения при этом, думаю, использовались, ибо явно были значимыми и хорошо сработанными. Сроки строительства можно уточнить, если учесть, что после покупки Крамаревым двух домов они некоторое время сдавались в аренду под различные заведения. Скажем, в 1822-м и первой половине 1823 года знаменитый Цезарь Отон содержал здесь кухмистерский стол и выражал желание завести гостиницу.[141] Вскоре, однако, он перебазировался в так называемый Клубный дом упоминавшегося Ж. Рено в начале Ришельевской, где открыл

ресторацию при существовавшей там гостинице, и, судя по всему, именно по причине начавшейся перестройки зданий. Очень может быть, что Пушкин бывал у Отона в доме Крамарева еще до окончательного переезда в Одессу летом 1823-го, в ходе предыдущих вояжей из Кишинева. Очевидно, это «предприятие общепита» находилось в небольшом угловом доме, на самом бойком месте.

Строительство началось лишь после 7 июня 1823 года, ибо именно в этот день Одесский строительный комитет выдал Крамареву утвержденный план и фасад предполагаемого им к постройке дома на местах № 54, 57 и 58.[142] То есть далее, вплоть до своего отъезда из Одессы, Пушкин наблюдал сооружение одного из самых больших приватных зданий в городе. 20 февраля 1825 года Строительный комитет получает прошение М.А. Крамарева о выдаче ему открытого листа, то есть владельческих документов на выстроенные на указанных участках домостроения. «Я построил дом, – пишет он, – и при нем службы по плану, Комитетом утвержденному». Через два дня, после положенной процедуры освидетельствования, архитектор Ф.К. Боффо докладывает, что строения соответствуют заведомо утвержденному Комитетом плану, и 26 февраля Крамарев получает открытый лист.[143]

Мемориальный знак Льву Сергеевичу Пушкину

Основная наша задача – градостроительный, ландшафтный, топографический, историко-бытовой срез Одессы первой половины 1820-х плюс формирование оных, однако невозможно обойти вниманием и некоторые выходящие за эти хронологические рамки объекты. Дело в том, что позднее в описанном выше доме Крамарева жил с семейством и умер Л.С. Пушкин.

В 1823 году, находясь в Одессе, А.С. Пушкин посвятил младшему брату блистательную поэтическую миниатюру:

Брат милый, отроком расстался ты со мной –
В разлуке протекли медлительные годы;
Теперь ты юноша – и полною душой
Цветешь для радостей, для света, для свободы…

«Милый брат, – писал Александр Сергеевич еще из Кишинева, – я виноват перед твоею дружбою, постараюсь загладить вину мою длинным письмом и подробными рассказами». Далее – подробное описание вояжа по Кавказу и Тавриде, а позднее – пространное письмо о переезде в Одессу. В годы южной ссылки младший брат был первым помощником и конфидентом поэта: нередко улаживал его литературно-издательские дела в столице, выполнял различные поручения, в том числе пересылку книг и периодики, с ним Пушкин обсуждал текущие дела, свои и чужие тексты, переводы, наставлял брата, делясь жизненным опытом, и т. д. С ним он бывал предельно откровенен, если знал наверняка, что письмо не перлюстрируется. Именно брату Пушкин, например, доверительно рассказывал о намерении подать прошение об отставке, о контактах с М.С. Воронцовым и проч.

Обладавший исключительной памятью, Лев Пушкин знал наизусть буквально все произведения брата, в том числе наброски, варианты, версии, реплики. Он сообщил много бесценной информации П.В. Анненкову, М.Н. Лонгинову, Б.М. Маркевичу, Я.П. Полонскому, и эти воспоминания опубликованы. П.А. Вяземский когда-то написал, что со смертью Л.С. Пушкина «погребены многие стихотворения брата его, не изданные, даже и не записанные…»

Сейчас время такое – русскую литературу преподают в школе как раздел зарубежной, и мне могут возразить: все это лирика, чего ради увековечили память Льва Пушкина в Одессе? Только из почтения к его старшему брату? Так нам эти «старшие братья» – комом в горле. Коль скоро для рассуждающих подобным образом персонажей аргументов недостаточно, приведу другие, быть может, более весомые в данном контексте. Все дело в том, что Лев Сергеевич Пушкин все последние годы жизни, без малого десятилетие, верой и правдой служил Одессе непосредственно – как гражданин, как чиновник, как культуртрегер, и снискал колоссальное уважение в городе. Но – обо всем по порядку.

Я мог бы, конечно, сослаться на опубликованные материалы, однако предпочел для большей убедительности обратиться к историческим первоисточникам, прежде всего, к документам из Государственного архива Одесской области. В фонде Одесской портовой таможни хранится несколько

дел, содержащих полные сведения о государственной службе Л.С. Пушкина. Из его «формулярных списков» разных лет узнаем: 26 октября 1843 года он определен чиновником Санкт-Петербургской таможни «для познания дел с прикомандированием к Одесской портовой (таможне. – **О. Г.**) для исправления должности сверх штата». 11 ноября того же года «переименован в коллежские асессоры», а 9 мая 1848 года произведен в надворные советники.

До самой своей кончины, последовавшей 19 июля 1852 года, Лев Сергеевич служил в Одесской портовой таможне, некоторое время, впрочем, прослужив и в сухопутной (1844-1845 гг.). Здесь уместно упомянуть о том, что до 1842 года он в основном пребывал в войсках, участвовал в ряде военных кампаний, дослужился до майора, неоднократно поощрялся и награждался за отвагу – кавалер орденов Станислава 3-й степени, Владимира 4-й степени с бантом, Анны 3-й степени с бантом и 4-й степени за храбрость, получил серебряные медали за персидскую и турецкую войны, польский знак отличия за военные достоинства. За годы служения в Одесской таможне многократно награждался и поощрялся, в том числе «денежными награждениями» и чинами.

Служба в таможне в годы порто-франко считалась одной из самых значимых, ответственных, престижных. И не зря чиновники, сотрудники этой институции, обязаны были обладать незапятнанной репутацией, не зря они знатно поощрялись за безупречную самоотверженную службу. Расхожее мнение, будто порто-франко не знало таможенных пошлин, – блеф. Пошлины взимались, однако были значительно ниже, чем в портах с традиционным таможенным режимом, – $^{1}/_{5}$-$^{2}/_{5}$. И этот «урезанный» таможенный сбор давал 75-80%, а то и больше всех доходов города! Другими словами, сотрудники таможни непосредственно способствовали наполнению городского бюджета. И именно за это неоднократно награждался Л.С. Пушкин! Разве не заслуга перед Одессой, по существу, жившей и строившейся за счет таможенных сборов?

Однако пойдем дальше. Не только на государственной службе проявил себя «брат милый». Достойный всякого доверия современник пишет о том, что «Лев Сергеевич Пушкин пользовался

в свое время большим влиянием на общественное мнение Одессы, как в деле искусства, так и в вопросах справедливости», что подобные ему люди «даже впоследствии, несмотря на перемену обстоятельств, до конца своей жизни сохранили свободу слова и мнений, и свой авторитет». Л.С. Пушкин и его супруга, люди, прямо скажем, не слишком хорошо обеспеченные, тем не менее, участвовали в движении благотворительности и милосердия. В «Одесском вестнике» 1840-х годов есть публикации о пожертвованиях этой четы в пользу неимущих. Ко Льву Сергеевичу часто обращались в приватном порядке как к третейскому судье, когда речь шла о различных спорах и «вопросах чести».

Редактор «Одесского вестника» Н.Г. Тройницкий сообщает: «Брат поэта, Лев Сергеевич Пушкин, был замечательно остроумный человек и феноменальной памяти. Он знал на память и превосходно читал все ходившие тогда в рукописи русские стихи. Он и познакомил автора (то есть Тройницкого. – **О. Г.**) с Гоголем». Тройницкий рассказывает, как Л.С. Пушкин повел его в карантин, в котором проходил положенную обсервацию Н.В. Гоголь, и здесь они общались на дистанции, разделенные несколькими проволочными решетками. Лев Сергеевич был самым близким Гоголю человеком в Одессе. «Гоголь не раз заходил к автору стихотворения (Тройницкому. – **О. Г.**) и Льву Сергеевичу, в дом Крамарева, на Дерибасовской, где они оба квартировали».

Дом купца М.А. Крамарева – предшественник нынешнего «Пассажа», он занимал, как было сказано, то же «пятно» на углу Дерибасовской и Преображенской улиц. Это был огромный доходный дом, одно из самых обширных и величественных зданий старой Одессы – здесь бывал даже император Николай I, не говоря уже о новороссийских генерал-губернаторах. В самом конце позапрошлого столетия дом Крамарева (тогда он уже числился за Синицыными) сменил крупный торговый центр с гостиницей. Это и есть памятное место, связанное с пребыванием Льва Сергеевича Пушкина в Одессе. Здесь он прожил около девяти лет со своей супругой (с 1843 г.) Елизаветой Александровной Загряжской (1823-1898 гг.), здесь родились их дети – Ольга (21 сентября 1844 г.), Анатолий (17 марта 1846 г.), Мария (27 мая 1849 г.) и умершая в младенчестве София.

Летом 1852 года Лев Сергеевич Пушкин был погребен на Старом городском кладбище – главный вход со стороны улицы Преображенской. В одном из одесских справочников 1920-х годов еще упоминается его могила. Во второй половине 1930-х этот старейший одесский некрополь варварски разрушили.

Разумеется, было бы уместно установить памятную доску на стене Старого кладбища. Однако в последние годы постоянно дебатируется вопрос о создании мемориала всем похороненным здесь одесситам. Предполагается установить стелы с именами лиц, захоронение которых здесь документально подтверждено. Впрочем, затянувшиеся разговоры никак не приводят к конструктивному итогу. Поэтому общественная организация – международный поэтический фестиваль «Пушкинская осень в Одессе», регулярно собирающий в нашем городе десятки литераторов из дальнего и ближнего зарубежья (штаб-квартира фестиваля находится в Лондоне, где также ежегодно проводятся пушкинские поэтические форумы) инициировал и финансировал установку памятного знака Л.С. Пушкину на фасаде «Пассажа» со стороны Дерибасовской. Торжественное открытие состоялось 15 сентября 2011 года. О других мемориальных объектах, открытых по инициативе и на средства этой организации, речь пойдет ниже.

В перспективе устроители фестиваля намерены поэтапно установить добровольными пожертвованиями участников памятные знаки на всех сохранившихся зданиях и сооружениях, связанных с пребыванием А.С. Пушкина в Одессе, – домах Феликса де Рибаса, Фундуклея, Кирьякова, Бларамберга, Давыдовых, Ферстера, Строительного комитета и др. Убежден, формирование такого «пушкинского маршрута» прибавит Одессе и славы, имиджа, и, если хотите, практической выгоды (туризм).

Дом Мими

Нельзя обойти вниманием и смежный с крамаревским дом Мими по Соборной площади, то есть по Преображенской улице, который упоминается в документах о купчей крепости. Семейство Мими греческого происхождения, хорошо мне известно

по целому ряду архивных документов, включая метрические записи церкви Святой Троицы. О давности пребывания Алексея Мими говорит тот факт, что в 1819 году его привлекали как свидетеля по делу о построении частного дома Одесской портовой таможни надзирателем титулярным советником Василием Кошевским: «Истекает уже тому 22-й год», как тот владеет местом и построенными там недешево сооружениями.[144]

Дело о причислении дубоссарского купца Алексея Мими открывается 11 июля 1808 года, однако на этот момент он уже какое-то время обитает в Одессе, и недавно обзавелся солидным «домостроительством». Ему 36 лет, он холост, состоял купцом 3-й гильдии в Дубоссарах с 1798 года. В одесское купечество принят с объявленным капиталом 50.050 рублей с начала 1811 года, по высочайшему указу с подачи герцога Ришелье.[145] Женился несколько ранее этой даты, фиксируется рождение сыновей Алексея и Марфы Мими – Димитрия, 8 апреля 1811-го, и Николая, и 23 августа 1817-го. Также имеется запись о кончине 24 мая 1822 года трехлетней девочки Ефимии Хаджиевны Мими, дочери турецко-подданного, и другие[146]

Закономерно возникает вопрос: почему в 1822-м домовладельцем называют Хаджи, а не Алексея Мими? Здесь возможно лишь два варианта. Коль скоро мы точно, по документам знаем, что Алексей владел местом № 51, вторым от угла Преображенской по Греческой, то можно предположить, что угловое место № 52 в ту пору принадлежало Хаджи. Второй вариант: возможно, надо говорить об управлении домом близкого родственника по случаю болезни и кончины хозяина: по крайней мере, духовное завещание датируется 13 июня 1824 года.[147] 5 августа того же года магистрат делает запрос в Строительный комитет: нет ли каких препятствий на выдачу свидетельства опекунам над имением покойного одесского купца Алексея Мими – одесскому купцу Ивану Амвросио и нежинскому греку Александру Кумбари, которыми представлена купчая крепость Мими на дом и место № 51. По свидетельству архитектора Боффо, «оный дом хотя построен по плану, но тем после испорчен, что в строении в конце сделаны вороты, коих переделать невозможно потому, что ворота под одною крышею с домом,

и другого места для ворот нет, а потому без разломки строения сделать ворота нельзя». Тем не менее, Комитет выдает магистрату просимые документы.[148]

Когда Алексей Мими приобрел этот дом? Из дела от 11 июля 1808-го о причислении в купечество как будто бы следует, что он уже владел этой недвижимостью. Но на самом деле указание на недавнее обзаведение «домостроительством» говорит о получении 5 сентября 1807 года места под мельницу.[149] Что касается интересующего нас дома и места № 51, то купчая крепость заключена 22 октября 1810-го в Херсонской казенной палате гражданского суда. Что касается предшественника, то, согласно журналу инженерной команды, упомянутое место отмечено отданным под застроение до 1800 г. столярному мастеру Лигде».[150] 24 июня 1806 года купец Николай Лигда взял на два года в Строительном комитете ссуду 1.500 рублей для домостроительства.[151] В это время он, очевидно, строил лавку с жилыми покоями и двором в Бакалейных рядах на Александровской (Греческой) площади[152], а дом на месте № 51 уже существовал, что видно из синхронного плана Ф. Франполли. Фигурирует Николай Лигда и в переписке о причислении одесских мещан в купечество[153], и в метрических записях греческой церкви Святой Троицы[154].

Впрочем, ранняя история застройки мест № 51-52 этими фигурантами не исчерпывается. Первым, в августе-сентябре 1794-го, оба места, как было сказано выше, отвели армейскому капитану Крюкову. Все указывает на то, что он застроился: и обозначенный на генплане 1802-1803 гг. на углу Преображенской и Греческой (место № 52) дом, и участие Федора Михайловича Крюкова (уже майора) в занимательной истории, связанной с находившейся напротив недвижимостью его товарища, лишенного чинов и отправленного в Тобольскую губернию секунд-майора Михаила Ивановича Иванова; любопытствующие могут обратиться к моей публикации 2012 года[155].

В целом эволюция плановой застройки мест № 51 и 52 выглядит следующим образом. Не позднее 1798-го, а скорее раньше, Крюков освоил угловой № 52. Соседнее место оставалось пустопорожним, и не позже 1800-го его предали Лигде. Он тоже построился не сразу, а лишь меж 1803-м и 1807-м годами, что видно

из сопоставления городских планов. Поздней осенью 1810-го дом Лигды купил Алексей Мими. О времени перехода дома Крюкова к Алексею или Хаджи Мими информации пока нет. В любом случае это были близкие родственники, и оба места со строениями в итоге унаследовали Марфа Мими и ее сын, которые лишь в мае 1848-го приступили к значимым застройкам к первичному дому со стороны Преображенской, ситуационные планы и чертежи фасадов сохранились.[156] Таким образом, Пушкин видел тут небольшие архаичные, но крепкие плановые дома, иллюстрирующие один из первых этапов становления Одессы.

Дом Дель Сассо

Но мы несколько отклонились от генерального маршрута. Если на дворе 1823 год, и мы следуем по Дерибасовской от угловых зданий Крамарева и де Рибаса, то по правую руку – дом Дель Сассо, а по левую – Казенный (Городской) сад. О домовладельце с экзотической итальянской фамилией я сделал довольно подробный очерк.[157] Дель Сассо (Del Sasso) Сильвестр (Silistrio), подпоручик, один из первых одесситов, представитель старинной итальянской фамилии – этимология от итальянского *sasso*, то есть *камень*, однако метафорически указывает на Святого Петра: целый ряд итальянских храмов, религиозных коммун, святынь именуются Del Sasso. Принадлежал к немногочисленной, но влиятельной итальянской колонии нарождающейся Одессы, в которую входили братья де Рибас, плац-майор Августин де Пачиоли, неаполитанский вице-консул Гаэтано Гульельмучи, архитектор Франческо Фраполли, подрядчик Витторио Поджио, негоциант Пьетро Сканцио и др. Как весьма авторитетный человек Дель Сассо был избран в состав первого Одесского городового магистрата в 1796 году. Он, между прочим, поставил свою подпись под письмом к императору Павлу I от 8 февраля 1800 года, приложенном к знаменитому подношению – 3.000 отборных померанцев. Община доверила Сильвестру Дель Сассо надзор за сооружением новой Католической церкви по Екатерининской улице, и к этому сюжету мы еще вернемся.

А пока напоминаю о местах № 54-55, которые в реестре 1794-го пропущены по недосмотру канцеляриста. В 1819 году наследники уже покойного подпоручика, вдова Мария Антоновна и сын Джованни Дель Сассо, ходатайствовали перед Строительным комитетом о выдаче им копии утраченных в период чумной эпидемии 1812-го владельческих документов на дом, занимавший два стандартных места по улице Гимназской (первое название Дерибасовской). Сказанный дом со службами находился по адресу Дерибасовская, № 31 – в современном, естественно, прочтении, – и занимал половину квартала по этой улице, от Колодезного переулка. Сын к тому времени еще не достиг совершеннолетия, вдова толком не владела русским, а потому семейный архив разбирали опекуны – авторитетнейшие негоцианты, коммерции советники Антон Форгегер (вероятно, отец Марии) и Людвиг Пеццер.[158]

В ходе разбирательства выяснилось, что сам Дель Сассо получил при первичной раздаче (1794) угловое место, а соседнее, к середине квартала, ему уступил 13 января 1796 года прапорщик Клаудий Ристори. Еще один благородный итальянец в ранней истории Одессы: представители этого славного рода достойно служили России, например, генерал-лейтенант П.О. Ристори, георгиевский кавалер; разумеется, более известна выступавшая и в Одессе вокалистка Аделаида Ристори. В упомянутой ведомости от 15 сентября 1794 года о раздаче мест имя и фамилию Клаудия анекдотически записали в одно слово: «прапорщик Клаудерист», а Дель Сассо и вовсе пропустили. На российский лад его называли Дельсасо, Делсасо и Дельсасов.

Дата кончины Сильвестра Дель Сассо пока неизвестна, а вот завещание оформлено им 31 декабря 1814 года в присутствии свидетелей. Жене и детям он оставил дом, хутор на Сухом лимане и наличные деньги. В ноябре 1819-го архитектор Джованни Фраполли и известный в истории градостроительства подрядчик Чезаре Монако свидетельствовали о том, «что меньшой сын Николай волею Божею умре».[159] Таким образом, наследниками остались Мария Антоновна и старшой, Иван Сильвестрович. Однако распределение доходов от недвижимости и процентов с капитала покойный оговорил в пользу обоих

сыновей. А потому в случае второго замужества его вдовы – а Мария состояла во втором браке ранее 1 марта 1817-го с неким Сонторе, Сантара или Санторе[160] – она формально могла получать не половину, а лишь треть из этих доходов, несмотря на смерть младшего сына.

Сличая ранние планы Одессы, видим: Дель Сассо ранее 1802 года застроил место, уступленное ему Ристори, а ранее 1807-го – и свое собственное, угловое. На обоих участках находился довольно большой, но, судя по всему, одноэтажный дом со службами. Вход во двор обозначен со стороны Дерибасовской улицы. Оказавшийся в самом эпицентре общественной жизни города, дом привлекал внимание многих заинтересованных арендаторов, здесь размещались разнообразные заведения и офисы. Так, в середине 1820-х находился элитарный магазин французского булочника Луи Николаса. В конце 1810-х – первой половине 1824 годов «дом вдовы дворянки Дельсас» оценивался в 20.000 рублей, принося 1.000 рублей годового дохода.[161]

В октябре 1827 года оная недвижимость поступила в публичную продажу по решению Одесского коммерческого суда и была оценена в 25.500 рублей государственными ассигнациям, принося ежегодно прибыль в 2.670 рублей.[162] Причины продажи мне пока неизвестны. Знаю только, что торги надолго затянулись. Наконец, в июне 1830-го дом приобрел сосед М.А. Крамарев. Как было сказано, в 1822-м он купил смежные места и постройки со стороны Преображенской, на месте будущего «Пассажа», и к началу 1825 года капитально их перестроил.[163]

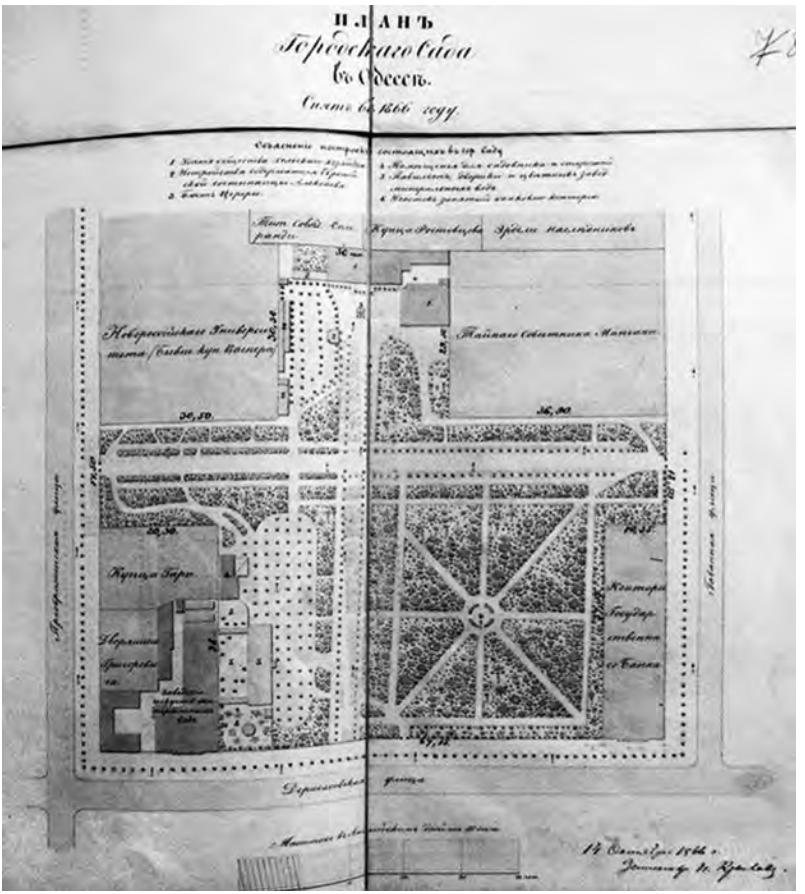
На общий с супругой Анисией Андреевной, урожденной Железцовой (дочери первого городского головы), капитал Крамарев возвел (1835-1837) по сию пору сохранившееся монументальное здание по Дерибасовской, № 31. Использовалось ли, надстраивалось ли первичное строение дома Дель Сассо, без тщательного инженерно-строительного с привлечением историков обследования сказать наверняка нельзя. Как показывает практика, это не исключено. Проект, по всему видно, составил архитектор Г.И. Торичелли, который и освидетельствовал готовую постройку 19 октября 1837 года.[164] Отмечу: план фасада утверждал непосредственно одесский

градоначальник, а не Строительный комитет. Почему? Потому что постройка намечалась, как принято говорить, эксклюзивная, отличная от типовых высочайше утвержденных проектов. Дворовые строения дома с нынешним № 31 были двухэтажными, и сохранились по сию пору. Оба въезда с Дерибасовской – как в доме № 31, так и в доме № 33 – в ходе этой перестройки ликвидировали.

Мимоходом отметим, что смежное от Дель Сассо место № 53, по Колодезному переулку, изначально отведенное мичману Тунде, уже в 1795-м передали «шкиперу майорского чина Окунькову». Его дочь состояла в браке с дворянином греческого происхождения капитан-лейтенантом Погонато, который поэтапно застраивал этот участок до сентября 1808 года, когда и получил владельческие документы на «дом и другие при нем строения»[165]. Строения, которые мог видеть здесь Пушкин, наверняка были одноэтажными, причем фасад со стороны переулка не застраивался. То есть за забором находился двор, застроенный по периметру. Правый флигель выходил на красную линию торцом.

Казенный сад

Он располагался прямо напротив дома Дель Сассо. История дарения мною уже рассказана. Первые деревья, если верить А.М. де Рибасу, были посажены здесь в 1796 году.[166] Как этот сад обслуживался Феликсом и что собой представлял осенью 1806-го, сказать трудно. Во всяком случае, он привлекал к себе внимание, поскольку был первым опытом садоводства в историческом центре. Должность садовника Городского сада занимал чиновник Строительного комитета шляхтич Дзярковский, по совместительству – «форшмейстер», то есть форстмейстер, смотритель за планируемыми лесопосадками. «В обоих случаях, – сообщается в архивном документе от 28 июня 1809 года, – он при искусстве своем оказывал столько усердия, сколько желать можно. Наконец, бывши отправлен для опкупки дерев, захвачен на дороге скоропостижно болезнью и, лишен-

ный способов к помощи со стороны медицинских чинов, умер. По смерти его осталось его семейство в совершенном сиротстве, лишенное всякия ниоткуда помощи». Комитет в присутствии Ришелье, сострадая, определил: из числа его детей малолетнего сына Петра Дзярковского определить в здешнюю коммерческую гимназию, с тем, чтобы в течение двух лет его содержание оплачивалось из городских доходов, на особом

пансионе.[167] Поскольку в журнале заседаний Комитета от 15 марта 1809-го отмечено, что Ришелье приказал отпустить «ученому форштмейстеру Шульцу на покупку деревъ в Городовой садъ трехсот рублей»[168], становится понятно: Дзярковский скончался, по крайней мере, месяцем ранее.

29 апреля того же года датирована расписка, отданная иностранцу Юзефу Курио смотрителем при Городовом саде Савоини по случаю принятия от него 150-ти тополей для сада ценою по одному рублю.[169] Стало быть, Савоини какое-то время уже служит в этой должности, а сад интенсивно пополняется тополями.

К слову, еще 1 ноября 1806-го Комитет рассчитался за купленные герцогом Ришелье для рассадки в городе 3.000 тополей. Деньги получил управляющий графа Потоцкого дворянин Рапацкий.[170] То есть саженцы доставили из окрестностей Умани. Как видно из городского плана Ф. Франполли 1807 г.[171], деревья были рассажены в пределах, ограниченных улицами Преображенской, Успенской, Ланжероновской и Польской. Кроме того, охвачена вся четная сторона Преображенской от сада де Рибаса до самого приморского обрыва (вплоть до находившегося на склоне недостроенного и обветшавшего Морского госпиталя), Малый переулок, часть Гаванной – от этого переулка до Ланжероновской, квартал Ремесленной – меж Троицкой и Успенской. Особое внимание уделялось Александровскому проспекту – как главному в то время коммерческому центру. Деревья рассадили в два ряда параллельно каждому из четырех отделений одноименной площади, в центре которой устроили овальный газон с палисадом. Далее, на протяжении четырех кварталов проспекта, деревья высаживались в один ряд (всего восемь рядов), причем возле Гостиных (Красных) рядов зеленые насаждения в 1809 г. окружили палисадами «для сбережения посаженных там на три отделения деревъ».[172] К 1823-1824 годам тополя, конечно, подросли, но, видимо, не настолько, чтоб разубедить Пушкина насчет «насильственной тени».

Несколько слов об оказавшемся в поле нашего зрения Савоини. Помимо информации, почерпнутой в архивах и литературе, располагаю данными, полученными в приватном порядке от зарубежных корреспондентов. У нас широко известен лишь доблест-

ный военачальник генерал от инфантерии Еремей (Джеронимо) Яковлевич Савоини (1776-1836), протеже Иосифа де Рибаса. Как сообщают итальянские исследователи, Савоини – из простолюдинов. В середине 1780-х де Рибас пригласил главу семейства – флорентийского коммерсанта, часовщика, ювелира Джакомо (Якова) Савоини в Россию. У него было пятеро сыновей – Антон, Григорий, Еремей, Франц, Яков, причем судьба всех связана с Одессой. В архивных документах они фигурируют как владельцы недвижимости, чиновники, участники значимых событий городской жизни. Мы еще повстречаемся с ними по ходу нашего маршрута, а тут выясняется, что смотрителем бывшего сада де Рибаса был как раз друг семьи, Яков (Джакомо), отец. Путаница исключена, ибо Яков Яковлевич в это время состоял в воинской службе, подпоручиком Ладожского пехотного полка.

Содержание Городского сада, да еще при наличии «ученого форшмейстера», не требовало особых специальных знаний и сводилось в основном к административно-хозяйственной работе. Савоини с нею более чем успешно справлялся: «Публичный сад» постепенно благоустраивался. Встречаются его рапорты Комитету о плановых и неплановых расходах[173], о постройке беседки[174], палисада[175], ограждении дорожек[176], починке колодезного ворота, ремонте скамеек, покупке тополей, в том числе – у госпожи Потоцкой, оплате водовозам, возчикам песка и дерна, покупке инвентаря[177], устройстве ворот в палисаде, жаловании сторожа[178] и проч. Но самое занимательное – упоминание о солнечных часах в Городском саду: это были первые в Одессе солнечные часы, а фактически и первые городские часы. Вот где проявился бывший часовщик из Флоренции. Поскольку 22 августа 1812 года речь идет об окраске палисада вокруг солнечных часов[179], постольку сей «хронометр» функционировал еще до начала чумной эпидемии.

30 декабря 1812-го Савоини еще отчитался перед Комитетом по поводу текущих расходов, а 30 октября 1813-го в заседании озвучена информация о «бывшем садовнике, ныне уже умершем Савоини». Какое-то время назад в Городской сад доставили бревна для ремонта колодца, однако расписка «в приеме оных от него, Савоини», не получена «по причине его болезни»[180]. Мог ли

он пасть жертвой чумы? Маловероятно. Хотя полностью исключать такую версию нельзя.

В пушкинское время этого колодца уже не было: его засыпали и укрепили сводом в 1820-м под надзором архитектора Джованни Фраполли[181].

Продолжение следует

Примечания

[104] Олег Губарь. История градостроительства Одессы и функции Одесского строительного комитета. – Одесса, 2015, с. 36-38; Олег Губарь. Автографы Одессы. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 333-341.

[105] Олег Губарь. Энциклопедия забытых одесситов. – Одесса: «Optimum», 2011, с. 167-184.

[106] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 259, л. 272, 279, 280, 287, 306, 307, 308, 353, 359, 363, 364-365.

[107] Там же, д. 287, л. 708-710.

[108] Пушкин. Статьи и материалы. Выпуск III. – Одесса, 1926, с. 88-89.

[109] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 145, ч. 2, л. 668; ф. 2, оп. 5, д. 279, л. 405.

[110] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 9, л. 4 об.

[111] Там же, ф. 4, оп. 1А, д. 215. – № 125

[112] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 2606. – 329 л.

[113] Там же, ф. 895, оп. 1, д. 247, 339

[114] Валентин Пилявский. Здания, сооружения, памятники Одессы и их зодчие. – Одесса: «Optimum», 2010, с. 102.

[115] ГАОО, ф. 895, оп. 1, д. 413.

[116] Там же, д. 403.

[117] Олег Губарь. Энциклопедия забытых одесситов. – Одесса: «Optimum», 2011, с. 315-334.

[118] ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 56.

[119] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 275, л. 91, 495; Там же, д. 276, л. 285 об. – 286, 309 об., 486 и др.

[120] См., например: там же, ф. 59, оп. 1, д. 23, л. 148, 149.

[121] Олег Губарь. История градостроительства Одессы и функции Одесского строительного комитета. – Одесса, 2015, с. 390, 476.

[122] Там же, с. 37, 38, 196, 213, 221 и др.

[123] Олег Губарь. Автографы Одессы. – АО «ПЛАСКЕ». – Одесса. – 2012, с. 333-341; Первые кладбища Одессы. – Одесса. 2012, с. 338-339.

[124] ОГИКМ, инвентарный № К-443

[125] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 278, л. 21.

[126] Там же, д. 283, л. 163-164.

[127] Там же, л. 784-785.

[128] Олег Губарь. Автографы Одессы. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 24-32, 386-389.

[129] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 284, л. 599-600.

[130] Там же, д. 287, л. 45 об. – 47.

[131] В.А. Чарнецкий. Древних стен негласное звучанье. – Одесса: «Друк», 2001, с. 64, 65, 71, 73.

[132] Олег Губарь. Автографы Одессы. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 174-176, 242-247 и др.

[133] Олег Губарь. Старые дома и другие памятные места Одессы. – Одесса: «Печатный дом», 2006, с. 112-127.

[134] Записки Одесского общества истории и древностей. Т. III. – Одесса, 1853, с. 593.

[135] Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 301-302.

[136] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 65, л. 73.

[137] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 262, л. 147.

[138] Летопись жизни и творчества Пушкина: 1799-1826. – Ленинград: «Наука», 1991, с. 325; Л.А. Черейский. Пушкин и его окружение. – Ленинград: «Наука», 1989, с. 411-412 и др.

[139] ГАОО, ф. 18, оп. 3, д. 7, л. 27-27 об.

[140] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 281, л. 163.

[141] Там же, ф. 4, оп. 1А, д. 9.

[142] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 16, л. 1 об.

[143] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 460, л. 1, 2, 3.

[144] Там же, д. 153, ч. 1, л. 78.

[145] Там же, ф. 17, оп. 3, д. 287, л. 1, 4, 5, 10.

[146] Греки Одессы. Ч. I. Труды государственного архива Одесской области. Т. XXXVIII. – Одесса, 2014, с. 314-315.

[147] ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 1209, л. 3-4.

[148] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 286, л. 284.

[149] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 23, л. 81-82.

[150] Там же, оп. 2, д. 1209, л. 3-4, 5.

[151] Там же, оп. 1, д. 20, л. 5.

[152] Там же, оп. 1, д. 75, л. 550.

[153] Там же, ф. 17, оп. 6, д. 6.

[154] Греки Одессы. Ч. I. Труды государственного архива Одесской области. Т. XXXVIII. – Одесса, 2014, с. 276-277.

[155] Олег Губарь. Автографы Одессы. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 191-202.

[156] Олег Губарь. История градостроительства Одессы и функции Одесского строительного комитета. – Одесса, 2015, с. 179.

[157] Олег Губарь. Автографы Одессы. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 150-157.

[158] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 276, л. 415-417.

[159] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 153, ч. 2, л. 467.

[160] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 273, л. 137-138.

[161] Там же, ф. 4, оп. 1А, д. 215. – № 82.

[162] Одесский вестник. – 1827, 24 сентября (6 октября), № 75; Там же, 1828, 1 февраля, № 9; Там же, 4 февраля, № 10; Там же, 31 марта, № 25-26; Там же, 13 июня, № 47.

[163] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 469. – 4 л.

[164] Там же, оп. 2, д. 491. – 4 л.

[165] Там же, оп. 1, д. 27, л. 186.

[166] Владимир Чарнецкий. Вдали Италии своей. – Б. м. (Одесса) Б. г. (1993), «Титул», с. 33.

[167] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 259, л. 426.

[168] Там же, л. 178.

[169] Там же, л. 277 об.

[170] Там же, д. 258, л. 155.

[171] ОГИКМ, инвентарный № К-602.

[172] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 259, л. 138.

[173] Там же, д. 262, л. 13.

[174] Там же, д. 264, л. 70.

[175] Там же, л. 98.

[176] Там же, л. 102.

[177] Там же, л. 102 об.

[178] Там же, л. 229, 303, 507.

[179] Там же, л. 323 об.

[180] Там же, д. 266, л. 304.

[181] Там же, д. 278, л. 209.

Александр Дорошенко

Русский модерн в Городе*

V

Над головой

Переулок Чайковского, № 14, 1844 год**

Крутится-вертится шар голубой,
Крутится-вертится над головой,
Он крутится-вертится, хочет упасть,
Кавалер барышню хочет украсть.***

* Окончание. Начало в кн. 65.

** Прорись приведена по книге «Балконы Одессы». – Одесса, 2012 год.

*** Старая еврейская песня, исполняемая на идиш. Без голоса Утесова это все не то и не так – как он это слово, «кавалер», произносил! Какая барышня не согласилась бы украсться?! (Прим. автора)

В высоте вторых этажей старых домов висят балконы. Они основательны, уютны и покоятся на изящно завитых кованых усиках-кронштейнах. «Одесса город балконов»*.

Когда-то балкон, или галерея, открывались только внутрь дома, в дворовое его пространство, во внутренний двор, а наружные стены были высоки и глухи, как крепостная стена. Так выглядели города и улицы древнего Востока и во многом так выглядят они там и сегодня. Тот, кто впервые шагнул сквозь глухую стену дома в высокое уличное пространство, был гениален и смел. Он шагнул в Европу, в нашу нынешнюю культуру.

С тех времен балконы прожили долгую и содержательную жизнь, они изменяли ширину и глубину, становились лоджиями и эркерами, превращались в многоярусные этажерки… В разное время различны были вкусы у горожан. На домах середины XIX века кронштейны, поддерживающие балконы, выполнены плавной дугой, сопряженной с кольцом в середине, касающимся стены и балкона. Таких много балконов на Преображенской, Еврейской, Пастера. Но есть и смелее рисунком – только одна высокая дуга несет на себе балкон, а в нижней, пристенной части она свернута в напряженную пружинистую спираль. Кронштейны эти, как рессоры у экипажей, – легки, невесомы, надежны.

Лучший балкон есть на Приморском бульваре, в третьем от Думской площади доме с дворцовой высотой двух этажей – он висит на выкованных лентой опорах, у него чугунная решетка с простым узором меандра.

Рисунок балконных решеток разнообразен. Они так различны, их обдумывали с любовью. Легкие, невесомые, сотканные из паутины кронштейнов с лебедиными шеями и невесомой легкостью решеток. Как раскрытая ладонь, бережно несущая в высоте своих обитателей…

Над проездными воротами дома номер 34 по Новосельского висит балкон, решетка которого вся в гирляндах кованых роз. Они, стебли роз, вырастают из открытого рта сатиров… Кто-то это заказал, еще кто-то нарисовал, и мастера так выковали эту решетку. Сегодня первый этаж заботливо приводит-

* Юрий Олеша. Первое мая.

ся в порядок. Вымазывают его стены светлой краской и установили ворота в проезде – глухие-глухие, а над ними (между воротами и этим балконом), сделали навершие из прорезного листа металла…

Была когда-то в Городе романтичная профессия – фонарщик. В 1866 году установили на центральных улицах сразу 1420 газовых фонарей, а позже так осветили несколько улиц в предместьях. Фонарщики вели ночную жизнь, полную света и ночных теней… гулко звучали торопливые шаги ночных прохожих, летели на свет этих фонарей бабочки и мошкара. В городе с такими уличными фонарями иначе смотрится луна и ночные коты…

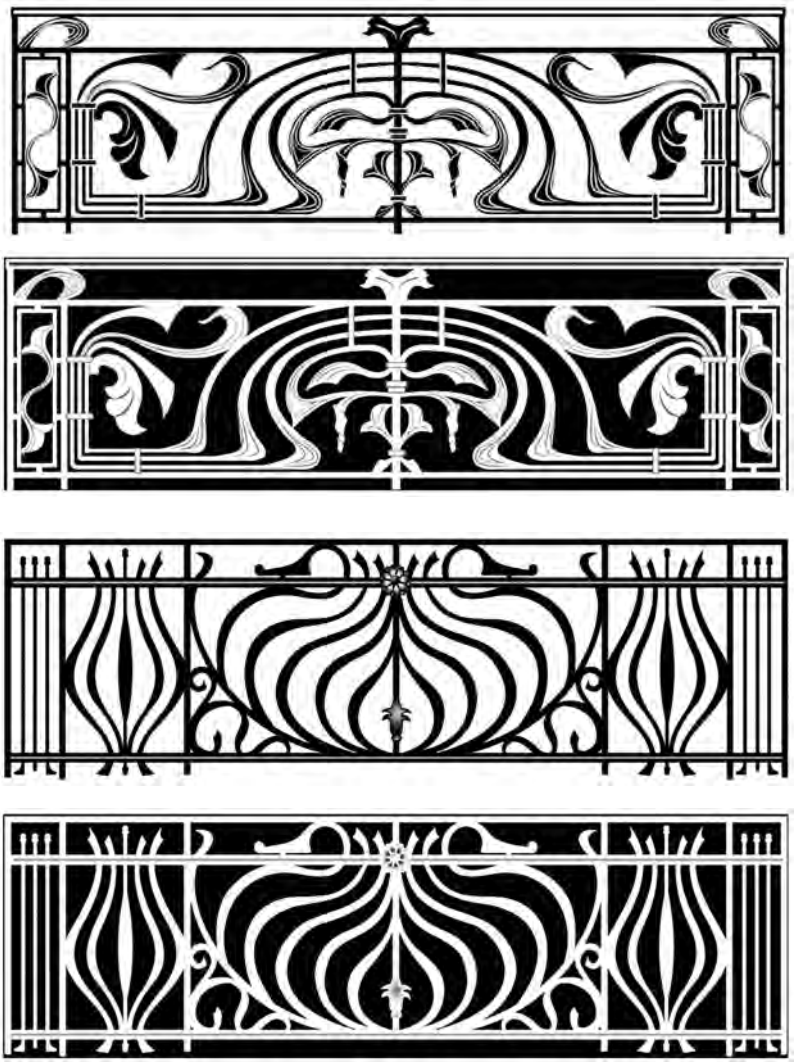
Но и любовное письмо можно было прочесть, подойдя к фонарю, и правильно читать любовные письма именно в свете таких фонарей…

Великое множество в Городе труб, теперь редко дымящих. А когда-то под вековыми шапками сахарноголового снега они весело дымили, и по виду дыма можно было определить, что там сегодня готовят к обеду, зайти сюрпризом в гости.

И еще была в Городе романтичная профессия – трубочист… Было в те поры с кем целоваться принцессе и о ком писать Гофману.

Они, трубочисты и фонарщики, вели разновременную жизнь, ночью одни, днем другие, общим у них были коты, ночная и крышная порода (и, вероятно, женщины, но ведь можно было вымазаться сажей, любя трубочиста…).

Крыша, темная синь неба, турецкий профилем месяц, труба, на ней кот. Он рядом с луной и, протянув лапу, может покачать ее, поиграть, как с мышкой… Вот прошуршала летучая мышь, и кот злобно фыркнул ей вслед (это ведь против всяких правил, чтобы летала, а не бегала мышь, и уж если вам вздумалось иметь летучих мышей, то и коты тоже должны быть летучи! Но и собаки тоже – вот красота была бы – прогуливаетесь вы, а на поводке над вашей головой порхает любимая собака! У разных собачьих пород была бы особая повадка летать. Самая красивая, конечно же, – у пуделя!).

Русский модерн. Переулок Чайковского (Театральный), № 10, архитектор Л.М. Чернигов, 1905 год
Решетки балконов одного дома*

* Этот текст является предисловием автора к книге «Балконы Одессы», издатель ФЛП «А.С. Фридман», 2012 год. Прориси решеток взяты из этой книги.

И можно было в те годы определить завтрашний день: если кот от луны слева, а дым между ними и вертикален – это к удаче, ну, если справа – главное здоровье, а это пройдет.

Как теперь определяться, не приложу ума!

VI

Смутная, чудная музыка…

Светлой памяти наших лучших архитекторов и инженеров, подаривших нам музыку городского пространства:

Франца Сент де Волана
Л.М. Чернигова
Л.Л. Влодека
К.О. Даллаква
Франца Боффо
Н.К. Толвинского
Дж. Фраполли
Д.Е. Мазирова
С.И. Хоржевского
Н.Н. Черкунова
Л.В. Камбиаджио
Л.Ц. Оттона
Дж. Торичелли
Ф.О. Моранди
К.М. Попова
О.С. Шашина
В.Ф. Мааса
Ф.В. Гонсиоровского
А.О. Бернардацци
Е.Н. Смидовича
И.С. Козлова
инж. И.И. Круга
В.И. Шмидта
инж. М.И. Богданова
Э.Б. Вей
А.С. Панпулова
Г.Ф. Лонского
Ф.Л. Паппе
Н.И. Розетти
Ж.Л. Гофмана
П.В. Апышкова
Ц.Э. Зелинского
И.Ф. Яценко
Ф.А. Троупянского
инж. П.О. Заварзина
Н.Н. Черкунова
В.И. Прохаски
П.Л. Славкина
П.У. Клейна
Д.В. Талежинского
А.Э. Шейнса
Х.Г. Бейтельсбахера
Л.Ф. Прокоповича
А.В. Юргевича
Э.Я. Мэснера
М.И. Линецкого
Я.М. Пономаренко

В.И. Кундерта
А.Б. Минкуса
С.А. Ландесмана
М.Г. Рейнгерца
Б.А. Бауера
А.А. Дигби
В.Ф. Харламова
инж. И.А. Крестинского
И.А. Моргулиса
инж. Х.Я. Скведера
инж. Л. Розена
Ш.Е. Каменецкого
Ю.М. Дмитренко
С.С. Гальперсона
В.А. Домбровского
Ф.П. Нестурха
Я.С. Гольденберга
В.М. Кабиольского
Вейсмана
И.А. Жуковского
А.К. Вейтко
Ю.И. Серадзского
Л.И. Весселли
инж. С.И. Миловицкого
инж. Д.А. Корницкого
А. Нисса
В.И. Шмидта
А.И. Гольцврума
Ю.Л. Дюпона
Р.Л. Радбиля

Из чего можно сделать прерию –
Из пчелы и цветочка клевера –
Одной пчелы, одного цветка –
Но, если там не растут цветы, –
Хватит одной мечты.

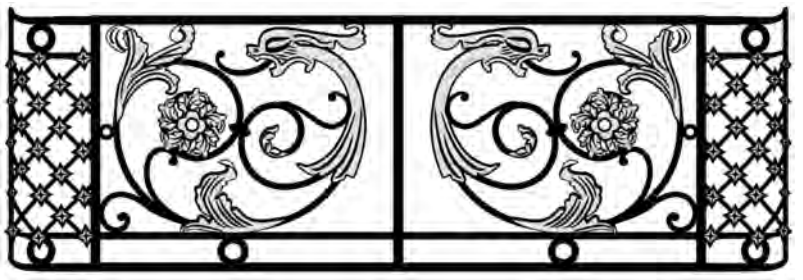
Эмили Дикинсон

VII

«Одесса город балконов»*

Все в этом мире по-прежнему.
Месяц встает, как вставал,
Пушкин именье закладывал
Или жену ревновал.

* Юрий Олеша. Первое мая.

Маразлиевская, 20, арх. Л.Л. Влодек, 1890-е гг.

И ничего не исправила,
Не помогла ничему
Смутная, чудная музыка,
Слышная только ему.

Георгий Иванов

Архитектор Леонид Чернигов, когда обдумывал рисунок этих решеток, слышал музыку. Она доносилась из Оперы и пронизывала все пространство Театрального переулка, узкого, высокого и длинного… Пространство вибрировало, задевая душу беспечного путника, шедшего прозрачным вечером или солнечным утром, или глухой осенней ночью Театральным переулком, и музыка была различной – в зависимости от времени дня, от времени года, времени возраста и направления пути.

Как торжественно звучит этот мотив, как возвышает душу, как успокаивает наболевшее сердце…

Возникновение языка, как отмечают современные лингвисты, является загадкой. Его появление не обусловлено требованиями эволюции. Для нашего убогого обихода тогда, много тысячелетий назад, когда у нас еще не отпал хвост, и сегодня, когда он начинает отрастать вновь, такой язык, такая немыслимая сложность речи не востребована и не нужна. Она не мотивирована и не оправдана скудностью нашего бытия. Ее оставили в наследство, и теперь вполне очевидно – не нам!

Мы это чужое наследство промотали.

Зрение человека активно. Глаза ощупывают, охватывают, освещают мир и вводят его внутрь. Глаза читают написанное и озвучивают немые слова. Наши глаза, как руки музыканта на клавишах – глядя на изображение, на форму, они рождают мелодию, главную музыку нашего земного бытия.

Эта музыка у каждого дома своя. Она своя у каждой нашей улицы, у каждой балконной решетки и даже у неповоротливых тумб, позабытых у въездных ворот. Когда ты идешь по городу, мелодия меняется и, повернув за угол, ты изменяешься вместе с ней. Поэтому есть улицы, где нам уютно и хорошо, и есть, куда мы редко сворачиваем, которые, не задумываясь, обходим.

Это язык, который нуждается не столько в расшифровке и понимании, сколько в любви. Это письмо нам, потомкам, разучившимся читать.

Это признание в любви, но такое признание требует ответного чувства.

Первые города возникли в начале наших времен, их строили шумеры в Месопотамии и египтяне на севере Африки. Самым первым был город Иерихон на Ханаане, созданный за десять тысяч лет до новой эры. Конечно же, такая древность и ветхость, как стены Иерихона, вполне могла рухнуть даже от пения вторгшихся диких еврейских племен. Тем более что в пении этом металлом звучал голос Бога.

Первые города людей были «глухими». Каждый дом был окружен глухими стенами, без окон. Это был замкнутый объем, отгораживающий наглухо внутреннюю жизнь человека, домкрепость, и такие дома стояли в ряд, вдоль улицы, а улица была узкой меж ними щелью. Это легко понять, рассматривая остатки фундаментов раскопанных городов библейских времен.

Без окон, без дверей… так начиналась наша общественная жизнь, жизнь горожан. Человек человеку… но волки ведь идут стаей!

Не знаю, когда человек впервые прорубил стену своего дома и выглянул во внешний мир, любопытствуя, что там и как. Это было окном в мир людей. Именно это и определило появление Го-

рода, городской среды и новой человеческой общности – горожан. Потом человек расширил окно, превратив его в дверь, и шагнул во внешний мир, к людям. Так впервые родился балкон.

Балкон это символ доброжелательства, это приветствие путнику, идущему нашими городскими улицами. Это выход в городское пространство, не в магазин, не на торг, не на работу, название и суть которой нацело выражены словом-корнем «раб», но к праздношатающимся людям, это символ беспечности и доброты.

Наш Город благожелателен, он город балконов, и каждый из них протянутая приветствием рука! Подними голову, и ты увидишь множество приветствующих тебя рук. Именно тебя, ведь те, кто создал эти балконы, давно покинули жизнь, и рассчитывать они могли только на тебя, случайного и неведомого им человека новых времен, кем бы ты и каким бы ты ни был. Постой, оглянись вокруг и пойми – еще никогда никакого самого известного президента, а в прошлом самого-самого короля из королей, так не встречали горожане, как сейчас тебя, но короля-то ведь играют подданные, и ты теперь этому, этой встрече, этим взмахнувшим в приветствии рукам должен соответствовать!

И если когда-нибудь ты остановишься не у магазина или кофейни, но удивленный и обрадованный увиденной красотой – балконной решеткой, ковкой ворот, лепниной карниза, затканной смеющимися над тобой крылатыми ангелочками, или попросту въездной тумбой, – вот с этого самого момента ты свой, ты здесь в Городе свой, и это неважно, откуда пришел и как долго ты прожил уже в нашем Городе.

Странные все же люди жили когда-то в Городе. Строили они в его центре доходные дома, пересчитывая загодя дивиденды. Понятно, что там и тут, тогда и сегодня, сотню лет назад и в наше безвременье, эта нехитрая математика была проста и надежна – чем меньше вложишь, тем больше окажется прибыль.

Почему же они это делали, наши, твои и мои, предки? Почему тратились на украшение дома, на ковку решеток в воротах домов, в оградах Французского бульвара, в висящих над пространством и глубиной улиц балконах? Ведь так понятно: отхватил место, огородил участок глухой стеной, чтобы не лезли глазами – и порядок.

Такая прозрачная невесомая решетка, она ведь не защищает, она не отторгает нескромного соглядатая, но приглашает его к себе, в глубину своего пространства и времени, она манит и завлекает красотой и любовью…

Странными людьми были наши предки!

> Орнамент сохраняет следы своего происхождения, как разыгрываемый кусок природы, живой, растительной, степной… какой угодно, национальный или варварский, – он говорящ, видящ, деятелен.
>
> О.Э. Мандельштам

Шло время, изменялся мир, изменялись люди, или так им казалось, что они изменяются, появлялись и умирали новые стили и не вполне стили, и все это отражалось в их оттиске на камне и металле, в тени, так легшей на стену здания, и это разная была тень, даже и одного человека, в его детстве, юности, молодости, зрелости, а старость отражается только страхом в глазах.

Так это все проявлялось во вкусах и предпочтениях горожан. Псевдоклассицизм сменила эклектика, смесь прошлых времен и растерянности сегодняшних. Архитектор рисовал Город, создавал здание, учитывая характер улицы, вид рядом стоящих домов-соседей, среди которых предстояло поселиться его детищу, нарядную кованость решеток ворот и балконов, удерживая цельность городской среды и гармонию городского пространства.

Решетки первой половины XIX века в Города это отзвук и отблеск мировой классики, от (*псевдо-псевдо*) барокко и готики до мавританского стиля. Город был молод, сдержан и строг. Он строился в торжественной тишине, но предстоящее уже ощущалось, и строившие стремились ему соответствовать. Вглядываясь, они видели встающие стены чудесного города и строили его для своих потомков.

Ах, эти первоначальные городские решетки – прозрачная невесомость овалов и пик, вьется по краю меандр, ритмируют пространство очаровательно вытянутые овалы и катятся двой-

ные концентрические круги, чугунные неостановимые кольца, на которых мы отправились в долгий путь к счастливой жизни в самом красивом городе на земле. Эта колесница отправилась с Приморского бульвара, развернулась на Пушкинскую-Итальянскую и покатила, сворачивая на всех углах, любопытствуя, как это будет, каким станет наш Город.

Вторая половина века сохранила регулярность кованого узора. Но его строгость нарушилась, рисунок теперь перегружен деталями и часто избыточен. Решеток становится больше, они приобретают массовость, и это сказывается на упрощении стиля. В рисунке господствует симметрия, основанная на многократной повторяемости исходного элемента. Основные композиционные «кубики» представляют собой повернутые друг к другу волюты и сердечки, пронизанные во всех направлениях пиками. Тузы, пики, червы, крести – вся карточная рать вышла на наши балконы.

Вот бедное сердце, пронзенное стрелой, и из него капает с балконной высоты кровь.

Но симметрия означает тупик, остановку и накопление сил для нового рывка.*

В конце XIX века решеток уже великое множество, они стали дешевле и демократичнее, и поэтому во многом утратили индивидуальность. Любимые в Городе балясины теперь перебрались с козырьков крыш на решетки балконов и, утратив очаровательную полноту, стали прозрачнее и невесомее. Как нарядные модницы, упершие руки в бока или дружно взявшиеся за руки в танце.

Масса сердечек, сияющих праздничной красотой или отраженных вертикально, опрокинутых в обмороке, связанные полуовалами волют, и все это в кокетливых завитках-усиках, как ползущие по стене дома виноградные лозы. Дуги, одиночные или парные, перевернутые, в виде лодочек, пальметты и многолистники –

* Интересно отметить, что симметрия полностью господствовала на зданиях и строениях двух тоталитарных режимов – гитлеровского в Третьем рейхе и сталинского у нас, в советской империи, – симметрия, детище убогости и внутренней пустоты, пропитанной страхом для одних и желанием подавлять для других.

великое и малоотличимое многообразие рисунков и форм. Но может быть, это вовсе и не виноградные усики, а смеющиеся удивленные рожицы-человечки – усик сверху и к нему парный, симметрично отраженный, усик книзу и к нему второй усик… И часто по центру решетки балконной в такое сердечко вплетены инициалы владельца и год рождения дома.

Эклектика неизбежна, в ней всего понемногу и отовсюду. Мастера сменяют дилетанты, их множество, и созданное Мастером они растаскивают в свои бесчисленные поделки. Это не плагиат и даже не бессилие, это неуемная жажда жить и проявляться в жизни.

В 1880-х на балконных решетках появляются большие и цельные прямоугольные элементы (пласты) с центрально-симметричным узором. Это позволило смягчить мелочность членения, монотонность и навязчивую повторяемость узора. В решетки теперь вплетаются изобразительные элементы, литые и штампованные, среди них маски и листья. Такая решетка висит над въездными воротами дома по Новосельского, 34. Сатир, широко раскрывший рот, из которого растут ветви, полные листьев и расцветших роз, а среди них прячутся смешные рожицы то ли растений, то ли человечков. И все это на строго геометричной кованой надежной решетке, с жесткой прямолинейностью устойчивых сочленений.

К концу века решетки стали строже, геометричнее, просторнее и шире. В рисунок вплетается жесткая ромбовидная плетенка, иногда заполняющая все поле решетки и смягчаемая понизу или в углах причудливыми овальными формами. Такие прямоугольники, жестко выделенные, обособленные, несущие особый узор – они как родовой герб, как флаг на конце рыцарского копья, и кажется, что он слегка колеблется на ветру в балконной высоте дома.

На короткое время на фасады зданий пришел псевдорусский стиль, с кокошниками и матрешками, смесь Садко, заморского гостя и салонной приторности. Существовал он недолго, оставив странное чувство неосновательности, дамской выдумки и неумной нарочитости.

Рождение новых форм пришлось на начало XX века. Из этой смеси, из напряженного поиска цельности и новизны, но, главное, меры родился стиль модерн и охватил все, как последний у человечества стиль – одежду, прически и украшения женщин, силуэты мужчин, рисунок оконных рам, но главное – форму, рисунок и цвет.

Он был универсален, стиль русский модерн, пришел, как водится, иностранцем, с Запада, обрусел, существовал недолго, охватил рубеж веков XIX-го и XX-го, конец эпохи надежды и начало самого страшного столетия человечества. И даже в этом коротком промежутке времени модерн стремительно изменялся – слишком долго мы ожидали появления стиля, слишком много нас было тогда, ищущих и способных найти, слишком напряженным было время, в единицу которого теперь укладывалось невероятно многое. Стиль модерн чувствовал, что жить остается малое время, и спешил жить.

Это был последний стиль человечества, и затем, на следующее столетие, он сменился рывками находок и откатов назад, компиляцией и неспособностью ощутить и выразить цельность. Для цельности видения надо обладать цельностью мира. И то сказать, надо ведь иметь спокойный промежуток времени, пусть даже недолгий.

В этих решетках появилась асимметрия как основной принцип развития. Овалы, напряженные страстью к расширению, сдерживаемые боковыми порывами…

В последние годы существования модерна, в первом десятилетии XX-го века, в нем проявилась боль времени, предчувствие войн, разорения всего, что было, и острое чувство предстоящей смертельной опасности. Появились жесткая прямолинейность рисунка, прямые и косые углы, торчащие пиками, направленными в глаза зрителя, в наши глаза.

Я с детства не любил овал!
Я с детства угол рисовал![*]

Это проявилось в самом конце века модерн, в конце эпохи разума, в конце строительства Города – в начале тупика, где мы оказались.

* Павел Коган. Гроза. 1936.

Больше уже ничего хорошего с Городом не случилось![*]

Эти решетки рисовал на листах бумаги Мастер, набрасывал, торопился, падали на пол листы черновиков, он работал, отходил от стола, смотрел с расстояния, как это будет, – вот с этой, противоположной стороны улицы, и от ее угла, и от угла противоположного…

Как это будет утром, когда тень балконная под утренним солнцем ляжет на стену, косо, и будет на этой стене жить, перемещаясь.

Как это будет вечером, когда прохожий идет уличным пространством домой, идет не торопясь или бежит, опаздывая.

Как это будет ночью, особенно если выдастся знаменитая одесская неповторимая и никогда нигде не бываемая лунная ночь.

«Архитектор расстрелян»

Это убийственное сочетание слов придумал Сергей Довлатов, идя от имени великого русского архитектора Варфоломея Растрелли и глядя на жизнь своих соотечественников.

Посмертная реабилитация это оскорбительная глупость. Посмертный расстрел Мастера, подарившего нам красоту, это преступление!

Мы теряем эту красоту. С каждым днем, с каждым годом, с каждым часом.

Эта книга говорит о том, что в Городе жили люди, нуждающиеся в красоте мира. В выражении этой красоты, отблеском легшей

* Возник еще спустя множество лет безвременья новый советский стиль, сталинской незабвенной эпохи, названный кем-то, беспечным насмешником, «ампиром во время чумы», и был он, «стиль вампир», действительно стилем – попыткой отдышаться, охватывал все, архитектуру и лепнину, рисунок оконных наличников и решеток, независимо от «советского, самого в мире прогрессивного» содержания, основываясь на форме, но воздух, которым дышала эпоха, мало подходил для свободного дыхания, и каждое живое дыхание тогда ставилось на правеж и в счет («каким воздухом дышите?» – был основной вопрос этого времени, а ответы мы знали), и удивительный этот стиль умер, так и не возмужав. Он остался в немногих городских строениях, остался тайной запиской, несмелой, нам, потомкам, чтобы знали, как тяжело приходилось нашим родителям и какие они были смелые и хорошие люди! (Прим. автора)

на объем и рисунок наших улиц и зданий, наших привратных тумб и флагштоков, наших ворот и решеток.

Она говорит и о нас, сегодняшних. Если пройтись по Городу, всматриваясь в эту красоту, завещанную нам предками, легко убедиться, что завещание не нашло наследников.

Был Город, украшенный красотой и музыкой литых и кованых решеток.

Теперь он стал городом за решеткой.

Жизнь сельского жителя горизонтальна.

Эта жизнь прижимает человека к земле тяжестью беспредельных космических пространств, страшным грузом мириад звезд, каждой из которых достаточно, чтобы человека раздавить и сплющить, чтобы лишить его Душу надежды и веры…

Мы, горожане, поднимаем глаза к небу.

Это заставляет встать, не лежать пластом, не сидеть, горестно охватив руками колени, но встать во весь рост и протянуть руки в высоту улицы, приветствием и объятьем. Так растет на наших улицах дерево.

Наше городское пространство объемно. Мы впускаем в городской интерьер природу, над головой полосою неба, и в ней группу звезд, и улица города, ее вертикальное пространство, выбирает, отделяет и вырезает каждый раз новую звездную систему, и у каждой улицы есть свое созвездие, наши городские зодиакальные знаки. Каждой нашей улице соответствует в высоте неба своя собственная звезда!

Мы впускаем в наш городской интерьер полосу неба и дерево, поставленное на перекрестке улиц, украшением и напоминанием о том, что здесь с нами случилось, памятным говорящим знаком, и в этом пространстве уличном мы живем, как в своем доме, где подобрана к нашей душе каждая деталь, где луна в высоте улицы звучит как люстра и означает вечер, начало ночи, покой, и она теплом согревает сердце – где облака, несущиеся над крышами зданий, говорят что-то важное нашему сердцу, успокаивая или предупреждая…

Ты здесь, на улице, у себя дома!

Так и наши балконы, прозрачные, невесомые, надежные, – они под стать этому небу и этому дереву, рядом с которым выросли, ветви которого нежным прикосновением ласкают балконную решетку. Странная вещь, но дерево и дом, ветви дерева, мягко плывущие в вечерних сумерках под ветерком, они всегда родственны балкону, его решетке, и ветви переплетаются с линиями решетки, рождая неповторимый узор.

На самом деле стиль, стилевые признаки времени это музыка нашей души, неповторимая, своя у каждого, и общая мелодия Города, который один на всех.

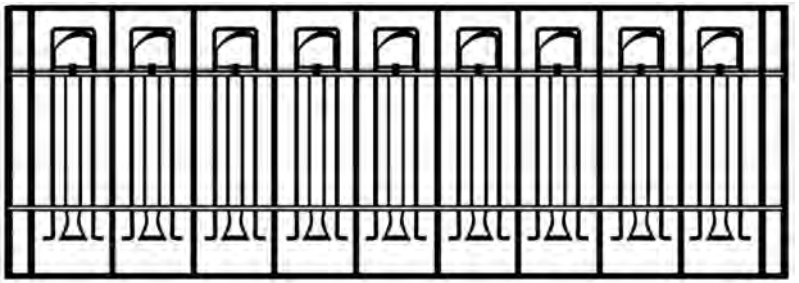
Ты изменяешься, изменяются обстоятельства времени и жизни, женщины тебе изменяют или остаются верны, на твою голову, но Город всегда с тобой, с мальчишкой, с юношей, со зрелым мужчиной и со стариком, и для каждого тебя у твоего Города есть своя мелодия, чтобы ободрить, чтобы успокоить, чтобы обнадежить…

Ребята, которые выполнили эту колоссальную работу, молодцы. Удивительно, что они вообще отыскались в наши сиюминутные дни. Это ведь колоссальный труд, и если присмотреться к выполненным прорисям решеток, видно, что они созданы, сотканы и вылеплены из любви.

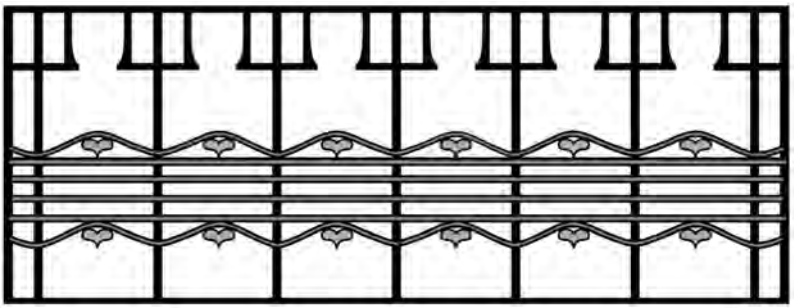
Создание этой книги было работой археолога, открывателя потерянного мира. Рука, восстанавливающая решетку, повторяла рисунок Мастера, восстанавливая биение его сердца. Эта книга есть прикосновение к нашему прошлому, к тем, кто рисовал Город, кто думал о нас, зная, что никогда не увидит, но веря, что мы расслышим его музыку…

Смеются решетки, но у этой нахмурены брови, а вот эта, пока идешь от угла квартала, она и так и эдак вертится-поворачивается, только чтобы ее заметили, а уж там, заметивши, не оторвать восхищенных глаз!

Остановись, полюбуйся, скажи ей несколько слов, тихо, про себя, чтобы не удивлять прохожих, и решетка тебя услышит, обрадуется, повеселеет… И тот, кто ее так задумал, множество лет назад живший здесь и тебе неизвестный, там, где он сейчас есть, – услышит тебя!

Успенская, 10

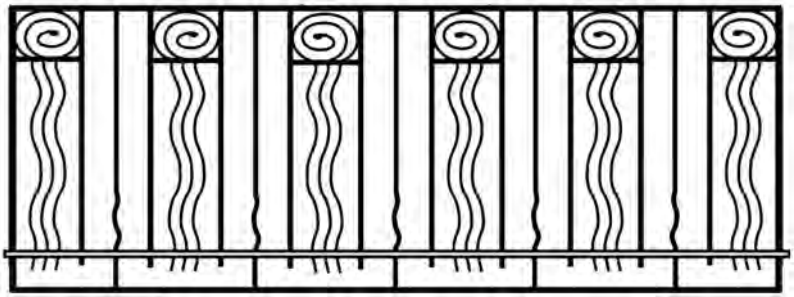
Коблевская, 38-А, арх. Л.М. Чернигов, конец XIX века

Она еще не родилась,
Она и музыка и слово,
И потому всего живого
Неразрушаемая связь.

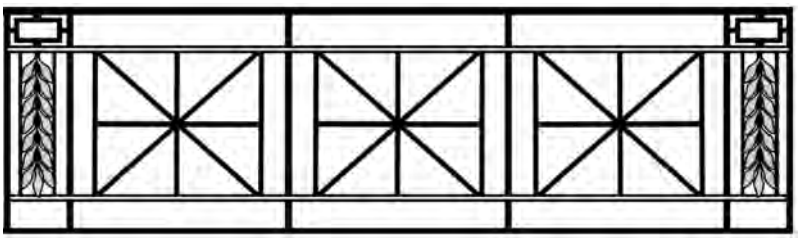
Осип Мандельштам

Неразрушаемая связь...

Но если она будет окончательно нарушена, распадется связь времен, связь слова и музыки, связь каждого из нас с каждым из нас.

Маразлиевская, 3, арх. А.О. Бернардацци, 1887 год

Пушкинская, 38, 1910-е годы

Поднимите голову!

Хватит бежать крысиной побежкой с кошелкою на базар, с портфелем на работу, с номерком в очередь. Все это никуда не денется и подождет. Поднимите голову, научитесь читать и видеть. Пора расслышать музыку, в которой мы рождены!

Музыку, из которой соткана наша душа.

Татьяна Гоголина

Служение библиотеке

К 150-летию со дня рождения М.Г. Попруженко

Михаил Георгиевич Попруженко
(25.07.1866-30.03.1944)

Михаил Георгиевич Попруженко – историк, филолог, профессор Новороссийского университета, секретарь Императорского Одесского общества истории и древностей, заведующий Одесской городской публичной библиотекой (1896 – 1919 гг.).

Он родился в Одессе в семье священника, получил образование в Новороссийском университете. В 1888 году окончил историко-филологический факультет с золотой медалью. В 1889 году защитил докторскую диссертацию, с 1909 года – ординарный профессор по кафедре славянской филологии.

В 1894 году М.Г. Попруженко переводит «Книгу царств». Этот труд оценивается специалистами как крупный вклад в историю славянского перевода библейских книг.

Вторая большая работа – историко-литературное исследование памятника Болгарии «Синодик царя Бориса». До Попруженко его не могли изучать в силу плохого состояния первоисточника.

По оригиналу, находящемуся в Софии, и по фотографиям Попруженко восстановил текст, напечатал его и наряду со славянским дал текст греческий. Результатом этой исследовательской работы была его вторая докторская диссертация.

Многолетние занятия в архиве бывшего Новороссийского и Бессарабского генерал-губернаторств позволили ему выявить ценные первоисточники и опубликовать в 1902 году в Одессе работу «Материалы для истории славянских колоний в России».

Одесская Национальная научная библиотека хранит некоторые рукописи М.Г. Попруженко:

– Записки по грамматике славянских языков. – [Б. г.]. – 60 л.

– Протоколы Издательского комитета Одесского общества истории и древностей. (1896-1912 гг.). – 23 л.

– Разные бумаги Одесского общества истории и древностей. – 1904, 1907, 1909, др. – 19 л.

– К истории возникновения церквей в Александровском уезде Херсонской губернии: статья. – [Б.г.]. – 12 л.

– Бумаги отца М.Г. Попруженко Георгия Ивановича (1818-1889). 70-80-е гг. XIX в. – 27 л.

В 1889 году Городской публичной библиотеке (ГПБ) была передана библиотека Одесского Славянского благотворительного общества, состоявшая из 2.545 названий в 3.647 томах с коллекцией рукописей и старопечатных книг.

А в 1890 году выходит из печати ее каталог.[1] Предисловие к каталогу написал профессор А.И. Кирпичников, бывший в этот период попечителем ГПБ. «М.Г. Попруженко взял на себя труд составить описание рукописей, старопечатных книг и сборников по народной поэзии славян»,[2] – пишет он.

Работа М.Г. Попруженко составляет первую часть «Каталога». Достоянием читателей стали 15 рукописей, 8 старопечатных книг, сборники народных славянских песен, сказок и др. (31 произведение).

Отчеты ГПБ начинают регулярно печататься с 1887 по 1916 год. С 1896 года автором этих отчетов является М.Г. Попруженко. С этого времени он возглавляет библиотеку в должности ее директора.

В 1911 г. он пишет исторический очерк «Одесская городская публичная библиотека (1830-1910 г.)[3]. Это своеобразная летопись жизни библиотеки, начиная с момента появления идеи о необходимости городу иметь общественную библиотеку, о развитии и воплощении этой идеи.

М. Г. ПОПРУЖЕНКО.

ОДЕССКАЯ

ГОРОДСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛІОТЕКА

1830—1910 г.

(Историческій очеркъ).

ОДЕССА

Архивные документы, отчеты библиотеки давали возможность Попруженко охарактеризовать работу каждого директора, описать проблемы, которые он решал, перечислить адреса, где библиотека располагалась, показать рост ее фондов, превращение библиотеки в научное книгохранилище для «серьезных занятий», назвать имена жертвователей коллекций, отдельных книг, картин, фотографий, показать роль попечителей, назначаемых Городской думой. С 1897 г. попечителем стал граф М.М. Толстой. В очерке Попруженко мы читаем[4]:

«Деятельность библиотеки за последние 15 лет (с 1896 г.), ее пополнение, развитие ее функций ежегодно отмечается в отчетах, которые неизменно издаются из года в год для общего сведения, а потому и явятся в свое время вместе с архивными делами достаточным и полным материалом для характеристики этого периода в жизни библиотеки.

Из периода этого, который историком будет, без сомнения, всецело связан с именем попечителя библиотеки графа М.М. Толстого, отмечу лишь следующие факты и моменты.

Библиотека пополняется большими ценными партиями книг, которые приносятся ей в дар очень многими жертвователями; среди них на первом месте нужно назвать графа М.М. Толстого;

его драгоценные коллекции обогащают библиотеку весьма существенно.

Пожертвования графа являются исключительными по своему значению; за время своего попечительства он передал библиотеке много тысяч томов различных книг, среди которых имеется подбор драгоценных изданий по истории, истории искусств, литературе и проч.; благодаря же ежегодным крупным денежным пожертвованиям графа библиотека имеет возможность приобретать в книжных магазинах и у частных лиц очень много сочинений для систематического пополнения отделов; щедро помогает граф библиотеке и в деле пополнения ее хозяйственного инвентаря (шкафы, полки, переплетные инструменты и проч.)…

За это время в значительной степени при библиотеке сформирован музей, назначенный для хранения гравюр, картин, документов, главным образом касающихся истории Одессы. Музей этот ныне помещается в «зале имени графа М.М. Толстого».

Начиная с 1883, получает осуществление идея издания каталогов, выходит «Каталог одесской городской публичной библиотеки», в который внесены все печатные книги, поступившие по 1 января 1883 года. В 1885 выходит «Первое прибавление» к каталогу, в 1889 г. – «Второе прибавление», а в 1895 г. – «Третье прибавление». В 1895 г. ко всем томам был издан сводный алфавитный указатель, облегчающий поиск читателям необходимых книг.

К 1901 году оказались израсходованными все экземпляры каталога. Встал вопрос о его переиздании. Благодаря ходатайствам графа М.М. Толстого перед Городской думой средства были выделены (5.472 руб.), к ним граф присоединил свое специальное

крупное пожертвование, и к 1911 году было издано пять томов основных каталогов. Помимо этого, на средства графа составляется и издается «Каталог читального зала».

С 1897 по 1 января 1911 года библиотеку посетило 1.429.609 читателей, которые получили по своим требованиям 2.441.967 книг. Городом за это время на содержание библиотеки израсходовано 193.642 руб.

Нужно сказать, очерк М.Г. Попруженко является единственным, в котором с такой полнотой запечатлена 80-летняя история библиотеки.

Обращают на себя внимание также работы М.Г. Попруженко, посвященные ученым Новороссийского университета. Об историко-литературных трудах профессора А.А. Кочубинского[5] Попруженко пишет в связи с его кончиной. Предметом исследования профессора была история славян, их этнография и история литератур. Собранные им материалы и факты, его труды, по мнению Попруженко, не потеряют своего значения и в будущем.

Одесская городская публичная библиотека. Кабинет директора проф. М.Г. Попруженко. 1910 г.

Проф. М.Г. Попруженко, А.М. де-Рибас, А.И. Кирпичников, И.Н. Прокопович, М.Н. Пфейфер (де-Рибас)

Сорокалетию научной работы академика Феодора Ивановича Успенского[6] была посвящена речь М.Г. Попруженко в заседании Историко-филологического общества в день юбилея 3 ноября 1911 года. В своей речи он подробно рассказал о трудах юбиляра, о разнообразии научных тем и основательности их разработки. К изданной речи присоединен «Перечень сочинений, статей и рецензий, напечатанных Ф.И. Успенским». Этот перечень включает 115 библиографических описаний работ академика.

Памяти академика Владимира Ивановича Ламанского[7] посвящает свою работу М.Г. Попруженко в связи с его кончиной 19 ноября 1914 г.

«…русское славяноведение потеряло в высшей степени выдающегося и авторитетного представителя, в течение шестидесяти лет работавшего на ученом поприще и создавшего целую

школу русских славистов… деятельность Ламанского в истории русского просвещения оставила крупный, навсегда неизгладимый след»,[8] – так высоко оценивает М.Г. Попруженко вклад в науку академика.

М.Г. Попруженко как ученый-славист занимался болгаристикой на протяжении всей своей творческой деятельности. Предметом его исследования была история возрождения болгарского народа.

В 1393 году пало Болгарское царство, страна была завоевана турками, наступил период многовекового рабства. К XVIII веку болгарский народ дошел до такой степени упадка, что о нем многие ученые даже начала XIX века имели неточные сведения. Была утрачена история и культура народа.

В конце XVIII века в Болгарии пробуждается стремление к воссозданию своей истории периода самостоятельной государственности, появляются деятели, пробуждающие самосознание народа, работающие на ниве просвещения.

Это начало периода возрождения, который закончился с победой в русско-турецкой войне 1877-79 гг. Вековое иго пало, и болгарский народ вернулся к самостоятельной и свободной жизни.

Попруженко изучает труды деятелей периода возрождения, когда появляются первые переводы Евангелия на болгарский язык, первоначальные школьные руководства, исторические работы. Он создает ряд очерков о деятелях периода возрождения, об о. Паисии Хиландарском, Софронии Врачанском и других.

Особое историко-литературное значение придает Попруженко произведению Козмы Пресвитера[9], писателя X века, времени расцвета болгарской литературы. Он признан единственным славянским писателем, давшим в качестве очевидца ряд ценных сведений о богомилах.

Попруженко исследует первый печатный памятник новоболгарской литературы «Абагар»[10], в котором болгарский язык используется как литературный, что было очень важно в период возрождения. Таким же важным было появление труда М.С. Дринова[11] об истории болгар и болгарской церкви. Попруженко этим книгам и их автору посвящает отдельный очерк. Марин Степанович Дринов родился в 1838 году в болгарском городке

Панагюрите. Высшее образование получил в Московском университете, окончил курс в 1865 году. Основательную и серьезную подготовку получил под руководством таких ученых, как О.М. Бодянский и Ф.И. Буслаев.

Труд М.С. Дринова об истории болгарской церкви был первым. Его стали изучать, распространять по школам и среди болгарского духовенства, составлять учебники церковной болгарской истории.

Дринов своими историческими трудами способствовал укреплению болгарского самосознания.

В 1914 году М.Г. Попруженко публикует большую библиографическую работу «Указатель статей, помещенных в I-XXX томах Записок Одесского общества истории и древностей»[12]. Материал представлен разделами: исследования, материалы, смесь, некрологи, протоколы.

В указателе в алфавитном порядке по заглавиям расположены все материалы.

В конце указателя для облегчения и удобства пользования им помещены:

1). Алфавитный перечень авторов, переводчиков и лиц, сообщивших материалы.

2). Алфавит упомянутых в заглавиях статей имен, предметов, событий и проч.

3). Хронологический указатель томов, то есть I том – 1844 г., II том – 1848 г., и т. д. XXX т. – 1912 г.

М.Г. Попруженко в «Записках…» опубликовал около двадцати своих статей, сообщений на самые разные темы: о благоустройстве Одессы, о материалах для истории одесских просветительных учреждений, по истории славянских колоний в России, об отыскании древностей в Новороссийском крае и др., а также некрологи, посвященные памяти Н.И. Пирогова, бывшего вице-президента Одесского общества истории и древностей, А.И. Кирпичникова, Л.Ф. Брун и др.

В мае 1917 года был отпечатан отчет библиотеки за 1916 год, составленный заслуженным профессором, доктором славянской филологии М.Г. Попруженко. В начале 1920 года он эмигрирует в Болгарию, преподает в Софийском университете.

Его многочисленные труды продолжают служить науке, востребованы новыми поколениями научных работников, читателями времени вопреки.

Примечания

[1] Каталог книг, принадлежащих Одесскому славянскому благотворительному обществу и хранящихся в Городской публичной библиотеке. – Одесса: Тип. «Одесского вестника», 1890. – 119 с.

[2] Там же, с. II.

[3] Попруженко М.Г. Одесская городская публичная библиотека (1830-1910 г.): исторический очерк. – Одесса: «Славянская» типография Е. Хрисогелос, 1911. – 84 с.

[4] Там же, с. 67.

[5] Попруженко М.Г. Историко-литературные труды профессора А.А. Кочубинского. – Одесса: «Экономическая» тип., 1909. – 15 с.

[6] Попруженко М.Г. Сорокалетие ученой деятельности академика Ф.И. Успенского. – Одесса: «Экономическая» тип., 1912. – 41 с.

[7] Попруженко М.Г. Памяти В.И. Ламанского. – Одесса: «Экономическая» тип., 1913. – 22 с.

[8] Там же, с. 3.

[9] Св. Козмы Пресвитера слово на еретики и поучение от божественных книг / Сообщение М.Г. Попруженко. – С.-Петербург: Тип. М.А. Александрова, 1907. – 88 с.

[10] Попруженко М.Г. Абагар. – С.-Петербург: Тип. Ак. наук, 1906. – 32 с.

[11] Попруженко М.Г. М.С. Дринов (Очерк из истории возрождения болгарского народа). – Харьков: Тип. «Печатное дело», 1908. – 22 с.

[12] Указатель статей, помещенных в I-XXX томах Записок Императорского Одесского общества истории и древностей / Сост. М.Г. Попруженко. – Одесса: «Славянская» тип. Е. Хрисогелос, 1914. – 63 с.

Наталья Панасенко

Заступник портовых босяков

О начале журналистской карьеры Лазаря Кармена есть немного путаное свидетельство некоего Власова. В некрологе, ссылаясь на слова самого писателя, он пишет, что тот стал репортером после публикаций в журнале «На море и суше». «Я был в порту, – говорил мне Кармен, – когда провожали уезжавшего из Одессы на Сахалин фельетониста Дорошевича. Проводы его произвели на меня такое сильное впечатление, что я решил во что бы то ни стало и самому стать писателем». Маленький приказчик бросает магазин железных изделий, где он служил, попадает в тяжелые условия буржуазной прессы».[1]

Дорошевича проводили на Сахалин в 1897 г., а публикации в журнале (стихи и сатирические заметки «Мои наблюдения») появились в 1894-м. Возможно, Власов изложил историю не в том порядке, и было наоборот: печататься Кармен начал, работая в магазине, а проводы Дорошевича отмели сомнения, и он бросил службу.

В 1900 г. вышла книжка Кармена «В родном гнезде»[2]. Она была издана на средства санитарного попечительства «с тем,

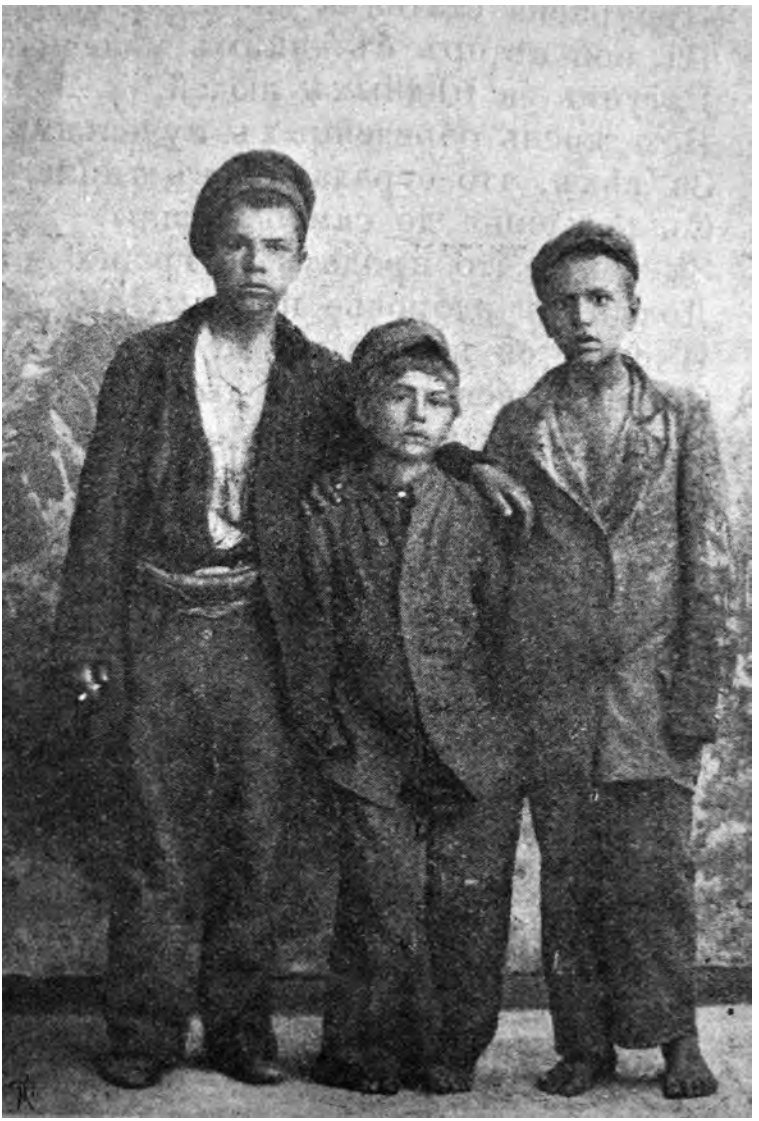
чтобы доход от издания, по продаже 3000 экземпляров, поступил в пользу попечительства на его нужды».[3]

Автор предисловия, описывая бедственное положение портовых босяков, сетовал на недостаток у попечительства средств для улучшения условий жизни этих людей. «Нам нужна еще помощь извне и сочувствие той части публики, которая так мало знакома с портом, его страждущим населением и нуждами. Для достижения этого сочувствия нами решено приступить к изданию серии правдивых очерков «из жизни и мира босяков порта». <…> Очерки эти принадлежат перу молодого начинающего беллетриста – члена нашего портового попечительства, Л.О. Корнмана (Кармена)[4], в некоторой степени уже знакомого читающей публике по многим очеркам своим из жизни того же порта в «Южном обозрении», «Народе» и «Одесском листке».[5]

Примечательно, что в перечне публикаций, по которым читатели должны знать Кармена, отсутствует «Шестая палата». Эта маленькая пятнадцатистраничная книжечка была издана в 1895 г., о чем сообщают и Краткая литературная энциклопедия[6], и биографический словарь «Русские писатели»[7]. Но книжка не только не попала в Одесскую публичную библиотеку,[8] но и, как видно, не произвела впечатления. Как и еще несколько более поздних изданий. Сегодня о них можно судить только по каталожным карточкам РНБ, выложенным в Интернет.[9]

Еще в «Русских писателях» сказано, что в 1892-1893 гг. Кармен издавал журналы «Ракета» и «Эхо Одессы». Следов таких изданий обнаружить не удалось. В каталоге РНБ есть карикатурно-юмористический сборник «Ракета», выпущенный Карменом за свой счет в 1896 г. Он состоял из 8 страниц, включая обложку. В каталожной карточке нет никаких указаний на периодичность. Нет таких названий и в справочнике Н.М. Лисовского «Русская периодическая печать 1703-1900».[10]

В 1901 г. у Кармена выходит полноценный, состоящий из 17 рассказов, сборник «Дикари». В.Г. Короленко, написавший на него рецензию, считал, что автор напрасно избрал несвойственную ему беллетристическую форму, и лучше было бы изложить наблюдения в виде этнографического очерка.[11]

К фельетону Л. Кармена «Глухари-дети». Закадычные друзья-приятели: Ванька-рябой, Мишка-куцый и Сенька-медвежонок. Фото И. Шнейдера

Но у Кармена в это время начинается взлет. По мнению критика Н. Ларионова, популярность его очерков была вызвана не только знанием среды портовых люмпенов, беспризорных детей и проституток, но и возросшим в начале 900-х годов интересом общества к социальным низам.[12] Жаботинский утверждал, что босяков Кармен знал гораздо лучше, чем Горький. «Этот и в обиходе говорил на ихнем языке – Дульсинею сердца называл «бароха», свое пальто – «клифт» <…>, мои часики (у него не было) – «бимбор», а взаймы просил так: нема «фисташек»? <…> Его все любили, особенно из простонародья. Молдаванка и Пересыпь на его рассказах, по-видимому, впервые учились читать; в кофейне Амбарзаки раз подошла к нему молоденькая кельнерша, расплакалась и сказала:

– Мусью, как вы щиро вчера написали за «Анютку-Божемой»…».[13]

Книги выходят одна за другой: «Маяк», «Жизнь одесских приказчиков», «Стон татарки», «Ответ Вере», «Дорогие аплодисменты», «Кусочек сна», «Кирпичница Мотя». 10 октября 1903 г. Т.П. Невская, служащая «Южного обозрения», писала уехавшему в Лондон Чуковскому: «Вчера Кармен приносил показать мне присланную ему из Вены изданную на немецком языке <…> его книжку «Дикари». <…> Его новая драма уже возвращена с одобрением из Петербургской цензуры».[14]

Кармен в письмах к Чуковскому рассказывал не только о своих писаниях и редакционных делах, но и о знакомстве и романе с девушкой по имени Дина (его будущей женой).

До недавнего времени о ней не было известно ничего, кроме отчества – Львовна. В письмах Кармена есть несколько дополнительных подробностей. Дине в 1903 г. 18 лет, она окончила гимназию, живет на Дальницкой. «Я разговорился с нею и убедился, что имею дело с умной, серьезной девушкой <…>. Она с блестящими глазами говорила о людях, которые жертвуют собой на пользу идеи <…>, рассказала, что она в настоящее время занимается с 10 фабричными девушками <…>».[15]

Через некоторое время после их знакомства Дина уехала погостить в Вержболово.[16]

Дина

Генеалогический сайт «Jew Age»[17] выдал девичью фамилию Дины: Лейпунер. Интернет, правда, источник не очень надежный, но неожиданно нашлось подтверждение.

Описывая развитие их отношений, Кармен упомянул, что вокруг Дины «уже вились, привлеченные светом ее симпатичного лица, несколько мотыльков в образе студента-социал-демократа <…> и еще один «пистолет».[18]

14 июля 1903 г. у арестованного «за подстрекательство рабочих к забастовке» Евгения Борисовича Шкловского[19], среди прочего, при обыске изъяли письмо в конверте, подписанном: «Дальницкая, 23, завод Мускат, Дине Львовне Лейпунер».[20] На допросе Шкловский пояснил, что это письмо он написал своей знакомой барышне, уехавшей в Вержболово.[21]

На упомянутом генеалогическом сайте показано родство семей Мускат (Мушкат) – фамилия писалась двояко – и Лейпунер, в том числе мать Дины – урожденная Мускат.

Таким образом, Е. Шкловский – это один из вившихся вокруг Дины «мотыльков», вероятно, студент социал-демократ. И прося Чуковского передать привет Дионео[22], Кармен не догадывался, что передавал его дядюшке «патлатого» студента.

Возможно, социал-демократ вился вокруг Дины не только потому, что был «привлечен миловидностью ее лица». В письме от 14 октября 1903 г., перехваченном охранкой, Кармен пишет Чуковскому: «Дина не чужда современного движения в России. Она хорошо осведомлена обо всем, происходящем на Руси, благодаря обществу социал-демократов, в котором она вращается».[23]

Сам-то он социал-демократов не жаловал, по крайней мере тогда. «Пробовал я прочитать три революционные книжки и несколько прокламаций, – пишет он. – Скажи, – какие бездарности составляют их? Пока, должен тебе заявить, я не чувствую еще необходимости делаться социал-демократом. Я сделаюсь им тогда, когда потребность вырастет во мне, а поддаваться одному влиянию не имею охоты».[24] И позже: «Вижу Раю Лифшиц. Зондирует мою почву и думает перетянуть меня в лагерь социал-демократов. Когда будут меня тянуть за… не пойду».[25]

После февраля 1917-го все надели красные банты. И Кармен смягчился. 4 июля 1917 г. он пишет жене в Ловизу (Финляндия): «В городе брожение – рабочие и солдаты требуют перехода власти в руки С[овета] Р[абочих] Д[епутатов]. Оживление. <…> Все выступления в городе – бытовое явление и я привык к ним и смотрю на них оптимистично. Верю в народный разум, верю в инстинкт массы и в то, что Россия воспрянет и возродится».[26]

Но это больше похоже не на веру, а на надежду, что все обойдется.

Он не был ни мыслителем, ни аналитиком. Добрым и сострадательным – да, но это совсем другое. Чуковский вообще отказывал ему в уме: «Он глуп, бедный человек. Абсолютно и неукоснительно».[27] «Напиши мне про Дину, – пишет он жене в мае 1904 г. – Сильно она любит Кармена? Это невозможно. Он такой нудный, как испорченный зуб. Помянешь мое слово – дальше он никуда не пойдет».[28] И чуть позже: «Кармен, у которого нет ни наблюдательности, ни чутья, ни такта».[29]

Тем не менее земляки и литераторы, они продолжали приятельствовать и после переезда в Петербург. Петербург – это обобщенно говоря. Кармен не попадал в те категории иудеев, которым разрешалось жить вне черты оседлости. И если Чуковский до самой революции прожил в Куоккале, откуда до Петербурга рукой подать, то Кармену не раз приходилось переезжать. Письмо 1908 г. написано из Сиверской.[30] Какое-то время он жил в Куоккале, откуда его с началом войны выселили, а потом погнали и с нового места… Об этом он написал фельетон «Губернаторский прыщ»[31], часть которого позже вошла в рассказ «Сын мой».

Писатель Карменъ
на отдыхѣ въ Одессѣ.

Наездами Кармен бывал в Одессе, а в 1918 г. вернулся окончательно.[32]

По совету врачей, как пишут в официальных биографиях? Или просто от тягот революции, как многие? Возможны оба варианта. Причем одновременно.

Он действительно был серьезно болен. Печатался редко. Но если «Губернаторский прыщ» – претензия к старому режиму, то «Приданое выручило»[33] – осуждение нового, и написано именно в духе бежавшего от совдепии.

Но чем больше времени проходило после смерти Кармена, тем большим революционером его делали. Судя по тому, что сочинять начали еще в некрологах, большевизация писателя была спонтанной. Вероятно, просто хотели сказать о покойном хорошо, хорошо в понимании того времени. Позже это желание могло усилиться, к примеру, стремлением переиздать книги… В общем, пошло-поехало.

Совсем пламенным революционером Кармен изображен в книге В. Коновалова «Схватка у Черного моря», изданной в 1965 г.

«В тюрьму был брошен пролетарский писатель Л.О. Кармен. <…> Следователь, допрашивающий Кармена, говорил ему, что если он публично отречется от большевизма и опубликует в газете письмо с призывом помогать Добровольческой армии, то будет освобожден из тюрьмы.

Кармен отвечал, что хотя он в партии большевиков и не состоял, но он сочувствует большевизму и будет за него бороться до последней минуты своей жизни.

Несколько раз водили Кармена в комнату для «допросов» и каждый раз его оттуда уже выносили. Из тюрьмы Кармен был освобожден после изгнания белогвардейцев».[34]

Это плоховато придумано. Даже популярность Кармена осталась в прошлом. А «властителем дум» он не был и тогда, когда газеты с его очерками шли нарасхват. Избивать его в тюрьме ради антибольшевистского письма было бы зверством совершенно бессмысленным.

В одном из некрологов сказано, что Кармена арестовали за участие в советской печати.[35] Он вполне мог сотрудничать в советской прессе. Но сотрудничество это не было хоть сколько-нибудь заметным. Во всяком случае, в просмотренных газетах за 1919 год («Известия», «Советская власть», «Одесский коммунист») подпись *Кармен* не встречается. Его, разумеется, могли печатать анонимно или под другим псевдонимом, но неужели деникинцы внимательно изучали тексты газет за прошлые месяцы и выявляли авторов?

О работе Кармена в Политуправлении известно, что он проводил экскурсии с детьми. Да, это были дети рабочих и красноармейцев, и собирались они в клубе им. т. Троцкого, но дальше все было невинно: «сытный завтрак, чай и розданы подарки. Затем, под руководством писателя т. Кармена, дети пошли к морю. Т. Кармен давал им объяснения о значении одесского порта. После этого детей повели на пароход «Мария» <…>. На пароходе т. Кармен рассказал детям о трюме, машинах, лебедке и якоре <…>».[36]

В другом объявлении даже подчеркивалось, что экскурсия «На поклон к морю» «исключительно увеселительная. Цель – дать возможность детям рабочих кварталов хотя бы на день уйти подальше от своих мрачных сырых подвалов. Оркестр, чай, завтрак, игры на чистом воздухе у моря. Открыта широкая запись детей 12-13 лет. Запись принимается ежедневно от 12 <…> при школьно-курсовой секции, Пушкинская, 5, тов. Л.О. Кармен».[37]

После 28 августа 1919 г., когда Одессу заняли деникинцы, не похоже, что Кармен прятался. В октябре в прессе появляются сообщения, что кинофабрикой К. Борисова приобретены у писателя Л.О. Кармена два сценария «боевика» – «Растоптанное гнездо» (из жизни художников) и «Яшка-скакун» (на дне Одессы)[38]; что на одесской кинофабрике приступлено к съемке[39].

Истпартом было собрано много воспоминаний о периоде власти деникинцев, в том числе написанных людьми, побывавшими в тюрьме, или теми, кто занимался вызволением арестованных. Никто не упомянул о Кармене. В газетах об этом аресте тоже ни слова. Обычно о задержании известных людей писали. Так, например, в 1918 г. «Одесские новости» и «Одесский листок» сообщали об аресте, а потом освобождении в далеком Сухуми одессита доктора Ценовского. А тут все происходило в Одессе с известным писателем – и тишина.

В «списке лиц, содержащихся в одесской тюрьме во время власти Добровольцев в 1919 г. за гос[ударственные] прест[упления] и др.» Кармен действительно есть. Но из этого документа явствует, что он был освобожден в день ареста – 21 декабря.[40]

Роман Кармен писал, что мать развила бурную деятельность по спасению мужа.[41] Как видно, успешно.

В тех же воспоминаниях сына говорится, что за гробом писателя шла трудовая Одесса, сотни людей.[42]

Из некролога, помещенного в одесских «Известиях»: «Несколько журналистов, родственников и знакомых проводили в могилу Кармена, народного писателя. Сын служащего торговой

158

№ записей	Месяц и число смерти	Место смерти	Пол умершего	Имя фамилія и родъ занятій умершего	Причина смерти
3858 2084	1 Декаб.	Городская санитария им. тов. «Будьлю»	м.	Лазарь Соломонович Коренман — Кармен — Журналистъ	опухоль средостения

Подпись лица, сообщившего о событии и получившаго свидетельство

Заведывающий Подотделом

фирмы и сам мальчик приказчик, он полюбил литературу и весь отдался ей <...>»[43]

Между «несколько» и «сотни» – большая разница. Но интереснее другое. Отец – не «бедный ремесленник» и не «бедный учитель», как обычно пишут, а служащий торговой фирмы.

Надежда на получение хоть какой-то информации об отце из записи в метрической книге о рождении будущего писателя – не оправдалась. Более того, добавилось еще одно несоответствие общепринятой биографии.

Чаще всего датой рождения Кармена указывается 14 (26) декабря 1876 г. В письме к Чуковскому, написанном не позже 10 ноября 1903 г., Кармен пишет: «До сих пор я временами думал, что мне 32-33 года. Вчера достал документы и проверил. Мне 27 лет и 7 месяцев».[44] Таким образом, выходит, что он родился не позже апреля 1876 г.

В альбоме «Современные русские писатели» под портретом Кармена указано: 1877 г. р.

В загсовской записи о смерти, в графе о возрасте – 45 лет. Если исходить из того, что медики называют количество полных лет, то он мог быть с 1875 года.

Запись о рождении Лазаря Корнмана (Коренмана) не обнаружена в одесских метрических книгах ни за 1875, ни за 1876, ни за 1877 гг.

Имя, фамилия и местожительство врача выдавшего свидетельство смерти и № свидетельства	Место погребения	Год, месяц и число рождения	Семейное состояние умершего (хол., жен. вдов.)	Имя, фамилия и местожительство лица сделавшаго заявление о смерти	Особые примечания
удостов.	в	45	умер.	Дина	
Одес.	Одессе			Львовна	
Город.				Коренман	
ком. нов.					
свидетель				Водопьяновский	
от 17 авг.				пер., 8.	
№ 229					
смотр. № 2007					

Не обнаружена и запись о рождении его младшего брата, Давида.

Это говорит о том, что родились они не в Одессе, как принято считать. (Не случайно в Краткой литературной энциклопедии место рождения Кармена не указано.)

По метрическим книгам удалось установить только, к какому мещанскому обществу они были приписаны.

В 1906 г. в Одессе родился сын писателя, будущий знаменитый кинооператор Роман Кармен. Об этом есть соответствующая запись: «<…> 17 ноября родился, 24 обрезан сын Эфраим. Родители: теофипольский мещ[анин] Лейзор Иось-Берович Коренман, жена Дына».[45]

В «Одесских новостях» от 8 мая 1912 г. напечатан некролог: «3 мая с. г. в г. Выборге скончалось Матильда Коренман. Извещают <…> сыновья Давид и Лазарь Осиповичи, с. Куоккала, Финл. ж. д.». Раз извещают только сыновья, значит, их отец умер еще раньше. Потому они и перевезли мать в Выборг, что она осталась в Одессе без поддержки.

Запись о смерти отца есть в книге за 1910 год. «Скончался 5 февр. в Одессе в 75 лет от старческой дряхлости теофипольский мещ[анин] Иось-Бер Михелевич Коренман».[46]

В Одесском областном архиве на сегодня известно очень мало документов, касающихся Кармена. Самый информативный – запись о смерти.

«1920 г., месяц и число смерти – 16 апреля;

место смерти – народная санатория им. тов. Свердлова;

ф. и. о. и род занятий умершего – Лазарь Иосифович Коренман-Кармен, журналист;

причина смерти – опухоль средостения; <…>

место погребения – в Одессе;

год, мес. и число рождения – 45;

сем. пол. умершего – жен[ат];

и. ф. и м/ж лица, сделавшего заявление о смерти – Дина Львовна Коренман, Воронцовский пер., 8».[47]

Санаторий им. Свердлова помещался на Канатной, 27. Хоронили оттуда.[48]

Уже в 1924 г. в заметке «Памяти писателя Кармена» отмечалось, что могила его на 2-м еврейском кладбище «почти заброшена» (жена с сыном уехали в Москву, присматривать было некому).[49]

А в рецензии на сборник 1927 г. констатировалось: «Читательская масса мало знает Кармена».[50]

Примечания

[1] Власов. Памяти писателя. // Известия Одесского совета рабочих и красноармейских депутатов, 1920, 21 апр., с. 2.

[2] Книжка состояла из одного рассказа.

[3] Отчет санитарного бюро Одесского городского общественного управления за 1900 г. – Одесса, 1902, с. 52.

[4] Настоящая фамилия Кармена писалась двояко. В более ранние времена – Корнман (так ее пишут в журнале «На море и суше», в списках членов Литературно-артистического общества на 1902 и 1903 годы), а потом – Коренман.

[5] Иогансон А.А. Вместо предисловия. // Кармен. В родном гнезде. – Одесса, 1900, с. I. 18 мая 1900 г. в «Одесском листке» появилась заметка: «Е.Л. Шорштейн обратился к нам с письмом, в котором выражается благодарность неизвестной даме, пожертвовавшей в пользу «глухарей-детей», «шариков», о которых писал г. Кармен в нашей газете, – пять рублей. При этом г. Шорштейн заявляет, что деньги эти, согласно желанию жертвовательницы, будут обращены в пользу упомянутых «шариков».

[6] Краткая литературная энциклопедия. Т. 3. – М., 1966, ст. 414.

[7] Русские писатели. 1800-1917: Биографический словарь. Т. 2. – М.: Большая российская энциклопедия, 1992, с. 486.

[8] Ее нет не только в фонде, но и в печатном каталоге.

[9] Среди них: «Берегитесь» (Доброе слово к женщинам). – Одесса: Одесское отд. Рос. о-ва защиты женщин, 1904; «Проснитесь!» (Доброе слово к обитательницам «веселых домов» и «одиночкам»). – Одесса, Одесское отд. Рос. о-ва защиты женщин, 1904.

[10] Н.М. Лисовский. Русская периодическая печать 1703-1900. – Петроград, 1915.

[11] Короленко В.Г. О литературе. – М., 1957, с. 337-339.

[12] Литературная энциклопедия. Т. 5, 1931, ст. 135.

[13] Жаботинский В. Пятеро. – Одесса, 2000, с.32-33.

[14] РГБ, ОР, ф. 620, к. 68, д. 45.

[15] http://www.chukfamily.ru/Kornei/Biblio/ivanova_karmen.htm

[16] Оттуда она однажды написала, что нарвала в степи васильки и сплела из них венок. Кармен с умилением пересказывает это Чуковскому, а в 1912 г. пишет рассказ «Васильки». (Из записок влюбленного.)

[17] http://www.jewage.org/wiki/ru/Profile:P0653144552

[18] http://www.chukfamily.ru/Kornei/Biblio/ivanova_karmen.htm

[19] Е. Шкловский родился в 1881 г. в Петербурге. Сводный брат писателя Виктора Шкловского. У его отца во 2-м браке было четверо детей. (В 1903 г. в анкете арестованного Евгений Борисович назвал только самого младшего – Виктора.) В 1900 г. Е. Шкловский был исключен из Харьковского университета за сбор пожертвований в пользу политзаключенных. В 1901 – привлечен к дознанию о харьковском комитете РСДРП. В июне 1903 г. дознание разрешилось административным порядком, Е. Шкловского подчинили гласному надзору полиции на 2 года. В Одессе жил на Дегтярной, 7. Учился в художественных классах Остроменского. В. Шкловский писал, что брат в Париже кончил архитектурное отделение Академии. В Российском медицинском списке на 1914 г. сказано, что Е.Б. Шкловский – лекарь, окончил курс в 1909 г. Погиб во время гражданской войны. Он сопровождал санитарный поезд, на который напали и стали убивать раненых. В. Шкловский трижды описывал этот эпизод. В письме В. Конецкому (1979 г.) написал, что убили зеленые, брат отстреливался. («Северная Аврора», 2005, № 5). В мемуарах «Жили-были» – белые закололи штыком. («Жили-были». – М., 1966, с. 35.) В «Сентиментальном путешествии», написанном в 1923 г. и в том же году изданном в Берлине, – еще один, и самый подробный вариант. «Он стал объяснять, что этого нельзя делать. До революции ему раз удалось остановить в городе Острове холерный бунт. Здесь это было невозможно. Его избили, раздели, заперли в пустом вагоне и повезли. Фельдшер дал ему пальто. Его перевезли в Харьков, здесь он отправил записку к родным. Те долго искали на путях. Нашли, вымолили и положили в госпиталь, где он умер от побоев в полном сознании. Сам щупал себе пульс. Он сильно плакал перед смертью. Убили его белые или красные. Не помню, действительно – не помню». (Шкловский В.Б. Сентиментальное путешествие. – М., 1990, с. 165.)

[20] Государственный архив Одесской области (ГАОО), ф. 2, оп. 4, д. 7379, л. 271.

[21] Там же, л. 280 об.

[22] Дионео – псевдоним Исаака Владимировича Шкловского (1865-1935), журналиста, очеркиста, этнографа. Дионео – родной брат отца Евгения и Виктора Шкловских. Он тоже учился в Харьковском университете, а в 1887 г. за народническую деятельность был сослан в Средне-Колымск. После окончания ссылки жил в Лондоне. Чуковский во время своего пребывания в Лондоне дружил с ним.

[23] Центральный государственный исторический архив в Киеве (ЦГИАК), ф. 386, оп. 1, д. 332, л. 133.

[24] http://www.chukfamily.ru/Kornei/Biblio/ivanova_karmen.htm

[25] Там же.

[26] Одесский государственный литературный музей, Р-1440.

[27] Чуковский К.И. Собр. соч. в 15-ти тт. Т. 11. – М., 2006, с. 53.

[28] Чуковский К.И. Собр. соч. в 15-ти тт. Т. 14. – М., 2008, с. 48.

[29] Там же, с. 49.

[30] http://www.chukfamily.ru/Kornei/Biblio/ivanova_karmen.htm

[31] Кармен Л. Губернаторский прыщ // Огоньки. – 1918, № 21, 5 (22) октября, с. 5-6.

[32] Первая публикация появляется в «Одесском листке» 14 июля 1918 г.

«Письмо в редакцию.

Гражданин редактор! Не откажите в целях ограждения писательских прав поместить след. письмо. До моего сведения дошло, что некоторые господа, пользуясь моим продолжительным отсутствием из Одессы, разрешили себе всякие нечистые махинации с моей книгой «На дне Одессы». Предупреждаю этих господ – любителей чужой собственности и легкой наживы, что фамилии их мне известны, и через некоторое время им предстоит знакомство с прокурором. Кармен <…> Одесса. 8 июля».

[33] Кармен Л. Приданное выручило // Огоньки. – 1918, № 28, 23 (4) ноября, с. 13-14.

[34] Коновалов В. Схватка у Черного моря. – Одесса, 1965, с. 232-233.

[35] ЮгРОСТА. – 1920, 17 апр., с. 1.

[36] Советская власть. – 1919, 11 июня, с. 4.

[37] Приложение к № 60 «Известий». – 1919, 12 июня, с. 3.

[38] Одесские новости. – 1919, 16 (29) окт., с. 4.

[39] Мельпомена. – 1919, № 56, с. 13.

[40] ГАОО, ф. Р-3832, оп. 1, д. 19, л. 12.

[41] Кармен Р. Вспоминая отца // Кармен Л.О. Рассказы. – М., 1977, с. 282.

[42] Там же.

[43] Известия. – 1920, 21 апр., с. 2.

[44] http://www.chukfamily.ru/Kornei/Biblio/ivanova_karmen.htm

[45] ГАОО, ф. 39, оп. 5, д. 119, л. 323 об. Теофиполь – город в Хмельницкой области.

[46] ГАОО, ф. 39, оп. 5, д. 137, л. 31 об.

[47] ГАОО, ф. Р-8085, оп. 1, д. 48, л. 157 об. – 158.

[48] ЮгРОСТА. – 1920, 17 апр., с. 1.

[49] Силуэты. – 1924, № 31, с. 3.

[50] Тиц Н. Заметка о вышедшей книге Кармена «Накануне» // Красная новь. – 1927, № 5, с. 248.

Сергей Котелко

Портрет барона Рено

Среди тех людей, кто стоял у самых истоков нашего города, достойное место занимает Иван Петрович Рено. Француз по происхождению, Жан-Франсуа Рено приехал в Одессу еще тогда, когда количество домов тут можно было сосчитать на пальцах. По легенде, его призвал сам первый губернатор Одессы, дюк де Ришелье, и Жан-Франсуа, ставший в России Иван Петровичем, оставил уже налаженное тогда дело в Санкт-Петербурге, поверив в грандиозный проект города-порта на Черном море.

Приехав в Одессу в 1801 году, он сразу основал здесь успешную торговую контору, а на следующий год стал коммерческим агентом Франции в Одессе. Его заслуги перед Одессой связаны с его многолетней деятельностью в Одесском строительном комитете – учреждении, ведавшем тогда многими сферами жизни молодого города, включая раздачу земельных участков, строительство домов, создание условий для этого и т. д. Став членом этого комитета в 1804 году, в 1811 он был избран его казначеем. Другим заметным вкладом в развитие города было многолетнее директорство в тогдашнем Одесском театре – с 1804 и вплоть до самой смерти в 1835-м.

Но, пожалуй, более всего в памяти одесситов сохранился дом Рено, который в первой трети XIX века был одним из центров культурной и деловой жизни города. Иван Петрович Рено приобрел свой дом на Ришельевской, у самого театра, у князя Григория Семеновича Волконского, одного из самых первых жителей города. Дом это Рено расширил и достроил к нему флигели. Обширная усадьба Рено тянулась по Ланжероновской, поворачивая по Ришельевской и вновь поворачивая вниз по Дерибасовской.

Ришельевская улица. Дом Рено и биржевой зал слева. Фрагмент литографии Франца Гросса

В одной из частей усадьбы, той, что по Ланжероновской, жили генерал-губернаторы Одессы – Ришелье, Ланжерон и Фома Кобле. Со стороны Дерибасовской Рено устроил гостиницу, где долгое время проживал Александр Сергеевич Пушкин. Александр Сергеевич захаживал в открытое в доме Рено казино, о чем упомянул в «Евгении Онегине» –

…Открыт Casino, чашек звон
Там раздается, на балкон
Маркер выходит полусонный
С метлой в руках, и у крыльца
Уже сошлися два купца.

Купцы сходились тут потому, что в центре квартала по Ришельевской Рено устроил большую овальную залу, где разместилась первая одесская биржа, существовавшая здесь вплоть

до постройки специального биржевого здания на Приморском бульваре. Вечером в этой зале, вмещавшей, согласно сохранившимся воспоминаниям, до тысячи человек, устраивались светские приемы и балы. В ней бывали императоры Александр I и будущий Николай I, министры и множество других интересных лиц своего времени. И конечно же, здесь танцевал Александр Сергеевич Пушкин. Таким образом, адрес дома Рено на Ришельевской – еще один пушкинский адрес нашего города.

Нужно сказать, что за свою деятельность Иван Петрович был неоднократно награжден – здесь и высочайше пожалованный бриллиантовый перстень, и ордена, и звание коммерции советника, и – особая награда от его покровителя, герцога Ришелье, в виде баронского титула Французского королевства, который Ришелье выхлопотал у Людовика XVIII после своего возвращения во Францию.

Другим известным местом Одессы, связанным с именем барона Рено, была его знаменитая и, увы, не сохранившаяся дача на берегу моря недалеко от Малого Фонтана. Дачи тогда назывались хуторами, возможно, ввиду их огромных размеров – хутор Рено занимал около 40 гектар земли. Ныне это место примерно соответствует территории, известной одесситам как санаторий имени Чкалова. Хутор Рено был самой красивой и благоустроенной тогда еще загородной территорией Одессы. По воспоминаниям Александра де-Рибаса, потомка основателя города, Рено стал обустраивать свою загородную резиденцию в 1810 году. Хутор условно делился на две части – верхнюю, где на месте некогда голой степи стараниями Рено был высажен парк, и нижнюю, где были строения усадьбы и служб, роскошные беседки, дорожки с мраморными статуями и обелисками… Бывавший у него князь Иван Михайлович Долгоруков писал: «Г. Рено, зажиточный купец, ожидал Дюка в своем новостроящемся хуторе. Домик прекрасный, с хорошим выпуском на берегу Черного моря; виды волшебные, местоположение божественное; высоко, величественно всё, правда…».

Интересно, что дачу Рено облюбовал для себя граф Михаил Семенович Воронцов, поселив здесь свою супругу, несравненную Елисавету Ксаверьевну, и сам был не прочь жить здесь, намекая

Франц Гросс. Хутор Рено

Рено на то, что желал бы ее приобрести. Но Рено ни за что не хотел ее продавать, и даже пошел на хитрость, заложив ее в банке и наложив тем самым юридический запрет на продажу хутора. Хутор Рено – еще одно пушкинское место Одессы, здесь поэт бывал неоднократно. Другим показателем уровня хутора Рено являлось то, что его в качестве своей резиденции избрал император Николай I со своей супругой.

В свое время именно история дачи Рено вызывала у меня большой интерес, и я занялся, вместе с Сергеем Решетовым ее исследованием и написанием книги о даче и семье Рено. Процесс этот оказался достаточно долгим, сложным, и окончание его пока еще плохо различимо, но та история, которая вырисовывается, очень занимательна и интересна. Постепенно мне удалось раздобыть изображения того, как выглядел тогда берег уютной бухты, где хутор находился, как выглядела, увы, совершенно не дошедшая до нас дача Рено, как выглядели даже отдельные комнаты усадьбы.

Но недоставало одного – нигде не было портрета самого главного героя и устроителя всего вышеперечисленного – а именно барона Ивана Петровича Рено. Изображения его не было ни в воспоминаниях, ни в каких-либо изданиях тех лет, ни в юбилейных книгах к столетию города – нигде. Казалось, мы никогда не узнаем, как выглядел этот достойный муж своей эпохи…

Однажды в процессе работы над книгой я получил письмо на английском, в котором мне предлагалось встретиться. Письмо было написано от лица прямых потомков самого Жана-Франсуа Рено… Мало того, для того чтобы встретиться, не надо было ехать во Францию! Сергей Михайлович Рено, представитель VI поколения одесских Рено, был в Одессе! Эта встреча в Горсаду, эти разговоры и поездки по Одессе переросли в дружбу. Никогда не забуду трогательную сцену, когда Серж Рено собирал в пластиковую бутылку землю у некогда принадлежавшего их семье особняка на Французском бульваре и долго ходил вокруг него. С тех пор мы встречались не раз, я был в гостях у семьи во Франции, куда в небольшой провансальский городок из многих уголков Франции и Германии съехались члены большой и дружной семьи Рено. Конечно же, темой для разговоров была история семьи, история Одессы и те исследования, которые веду я и которые ведут сами Рено, а особенно младший брат Сержа – Мишель.

И вот однажды я получаю от Мишеля, Михаила Михайловича на наш манер, письмо с портретом, с которого на меня смотрит некий прекрасного вида господин в характерном костюме начала XIX века. В письме Мишель рассказывает мне, что, продолжая свои поиски, будучи в Берлине он встречался со своей дальней родственницей – Людовикой Гвидотти, из так называемой итальянской ветви семьи, и что она передала ему этот портрет. Это – Жан-Франсуа Рено, барон Иван Петрович Рено.

Наконец-то! Здесь несколько слов нужно сказать о том, кто такая Людовика Гвидотти. У Ивана Петровича Рено было двое сыновей, от старшего из которых, Осипа Ивановича, также директора театра в Одессе, произошла ветвь, к которой принадлежат Серж и Мишель Рено. А кроме сыновей была дочь Мария, вышедшая замуж за представителя древней фамилии молдавских господарей, перешедших в русское подданство, князей Кантакузен.

Дочь Марии Ивановны и князя Александра Николаевича Кантакузена, Ольга Александровна, в 1876 году вышла замуж за итальянского князя Лоренцо-Мария-Джузеппе Алтиери, переехав на родину к супругу. Там она родила дочь Людовику, вышедшую замуж за Маргерито Гвидотти, ставшего дедом той самой Людовики Гвидотти, которая передала этот замечательный портрет Мишелю Рено.

Первый же взгляд на портрет дает несколько косвенных подтверждений того, что перед нами именно Иван Петрович: на его груди – орден Св. Владимира на ленте в черно-красных орденских цветах, а на шее – тоже на орденской красно-желтой ленте – орден Св. Анны, что в точности соответствует наградам барона Рено. Так, увезенное более ста лет назад изображение одного из тех, кто создавал Одессу, вернулось в наш город, пусть пока в таком электронно-современном виде… К сожалению, пока нет более подробной информации обо всех деталях, связанных с этим портретом, но надеюсь, в скором времени они появятся. А пока спешу вернуть в историю Одессы изображение человека, который эту историю тоже творил.

Письмо в редакцию

Хотел побеспокоить вас и спросить вопрос, как говорят мои студенты.

У Прегель есть серия очерков «Моя Одесса», которые я решил включить в книжку. Ряд ее мемуарных свидетельств меня несколько озадачивают. Может, более знающих людей озадачат меньше. Так, например, она пишет, что Багрицкий любил прогуливаться по Дерибасовской со своим котом Циперовичем. Не встречали ли вы где-нибудь еще упоминания об этом? Простите за темное невежество, если факт общеизвестный. Буду искренне вам признателен, ежели наведете на какой-нибудь дополнительный источник. Или подскажите, у кого можно на эту тему проконсультироваться.

Ну и, конечно, простите, если отнимаю время и отрываю от ваших собственных дел.

Искренне ваш,

Владимир Хазан, профессор Иерусалимского университета

В доме Багрицкого, где бы он ни жил, не было котов и кошек. Аквариумы с рыбками и птицы могли бы стать легкой добычей.

Позвонил Алене Яворской и вдове Саши Розенбойма – его уже год как нет. Реакция одинаковая. То ли автор так весело пошутила, то ли пересказывала чью-то выдумку. Любой футуристический жест был бы расцвечен одесскими репортерами.

Но одесскими мемориями заинтриговали.

Всего доброго

Е. Г.

Олег Губарь

Очерки ранней застройки Екатерининской улицы

Будущая Екатерининская улица начала застраиваться одной из первых, причем довольно плотно. Впрочем, постройки были в основном небольшими, занимали лишь часть фасада отведенных мест, то есть разобщались значительными просветами, заборами. Самая значительная из них – так называемый дом главного начальника, двухэтажный, меж будущими улицами Ланжероновской и Дерибасовской. Позднее герцог Ришелье передал его коммерческой гимназии, впоследствии преобразованной сперва в Благородный институт, а затем в Ришельевский лицей. В процессе всех этих пертурбаций здание неоднократно достраивалось и перестраивалось. Но этот сюжет я уже излагал в прежних публикациях.

Немалый интерес представляет ранняя история застройки отдельных кварталов, в основном практически не исследованная, в частности, первых по обеим сторонам, второго по нечетной стороне, квартала, где расположен католический храм, да и ряда других. На некоторых из этих моментов хочу сосредоточить внимание, в том числе на тот, что тема взаимосвязана с дальнейшим устройством Приморского бульвара и соответствующей эволюцией его окрестностей.

Часть «военного городка»

Уже неоднократно сообщал о том, что темп плановой застройки в историческом центре изрядно тормозился наличием здесь «военного городка», занимавшего территорию нынешнего Приморского бульвара и его окрестностей, включая Екатерининскую

площадь и первые кварталы одноименной улицы. Здесь находились солдатские казармы, укрепления, офицерские флигеля, военный госпиталь, баня, пекарня, временная военная церковь, недостроенный Екатерининский храм и т. д. Некоторые из этих сооружений сохранялись до первой половины 1820-х, и были ликвидированы постепенно в процессе застройки бульвара. Несколько офицерских флигелей располагалось в пределах первого четного квартала Екатерининской со стороны площади, а потому первые частные постройки возникали на некотором удалении – это угол Ланжероновской и примыкающие по ней места.

Согласно генплану 1802-1803 годов, данного квартала еще нет как такового: разбивка сетки кварталов начинается лишь вверх от Ланжероновской. Он спланирован несколько лет спустя, и отвод мест под приватные домостроения по факту разворачивается в 1807-м. Большим подспорьем в изучении обстоятельств застройки первого квартала по четной стороне Екатерининской (LXVIII квартал, 1-я часть города, Военный форштат) может служить солидное архивное дело из фонда Одесского строительного комитета, охватывающее период с 1804-го по 1827 гг.[1] Здесь фигурируют все лица, имеющие отношение к первичным отводам, застройке и эксплуатации недвижимости: греческие купцы Буба и Москули, полковник Парадовский, шляхтичи Якубовский и Чеполовский, небезызвестные инженер-полковник Потье и его супруга, урожденная Рувье. При этом осваивались места, свободные от казарм.

Резюмируем. 22 сентября 1804 года купец 1-й гильдии Федор Москули первым запросил, а 26 сентября получил место (№ 736) под застройку в этом квартале. Это место примерно соответствует строениям и двору по улице Екатерининской, № 8/10.[2] Здесь проблем со строительством не возникало, поскольку территория как бы выходила за пределы «военного городка», лишь примыкала к нему. 24 июля 1823 года одесский 1-й гильдии купец Иван Буба сообщил Строительному комитету о покупке недвижимости Федора Москули – дома и земли, просил официально обмерить участок, что и сделал архитектор Боффо.[3] 20 сентября 1824 года в Комитет обращается уже следующий фактический владелец, брат Ивана Бубы, нежинский грек Анастасий Буба, просит прибавить смежное пустопорожнее место для постройки магазина.

Оценка принадлежащих ему строений составляет 44 тысячи рублей[4]. Летом 1825-го ему прибавили пять саженей и 12 вершков.[5] Из более поздних оценочных ведомостей видно, что купец Буба владеет домом и двумя магазинами по Екатерининской.[6]

Далеко не так гладко складывалась застройка других мест в том же квартале со стороны Екатерининской. Поскольку середина квартала в пределах дворов нынешних домов № 2-6 была занята офицерскими флигелями (казармами) и конюшнями при оных, то застройщикам приходилось их обтекать, со скрипом вписываясь в ситуацию. Разборка казарм несколько раз откладывалась, в итоге затянулась на много лет. По этой причине даже в 1820-х годах застройка всего квартала по Екатерининской ограничивалась лишь торцами трех относительно небольших домов в пределах нынешних № 2, 8/10, 12.[7]

В числе примечательных фигурантов тут – полковник Феликс Осипович Парадовский, в сентябре 1807-го получивший под застройку места № 737, 738, 739, включавшие часть «военного городка», и в сентябре 1810-го построивший дом со службами на бывшем плацу. Наследница полковника Роза Якубовская, урожденная Парадовская, 20 сентября 1820 года сообщает Комитету, что «на оном плацу стоящие поныне в среди двора три казармы».[8] В 1821 году Роза продала часть унаследованной недвижимости дворянину Николаю Якубовскому, а другую – помещику Подольской губернии Гайсинского повета Чепелиовскому[9]. Ф.О. Парадовский – доблестный воин, дворянин Волынской губернии, награжден орденами Св. Георгия 4-й степени (1806), Св. Владимира 3-й степени, Св. Анны 2-й степени с алмазами, золотым оружием «За храбрость», секунд-майор Переяславского конно-егерского полка (1795), командир Мариупольского гусарского полка (1806), шеф Лифляндского драгунского полка (1810). Георгиевским кавалером стал за отличие в легендарном сражении при Шёнграбене, погиб в ходе кровопролитной битвы при Кацбахе (1813). Георгиевскими кавалерами были и его младшие братья, генерал-майор Александр Осипович (1837) и полковник Карл Осипович (1836).

Еще одна любопытная деталь. Ф.О. Парадовский задолжал Одесскому строительному комитету довольно крупную сумму. Судя по всему, он взял ссуду под домостроительство. Для погаше-

ния этого долга 31 марта 1813 года был заключен контракт о размещении в его доме офицерского лазарета, что логично по причине соседства военного госпиталя. Сам полковник в тот период находился на театре военных действий. 13 октября того же года в счет погашения долга по этому контракту списали уже 1.525 рублей.[10] Поскольку к наследнице Якубовской впоследствии не было никаких претензий, это означает, что контракт еще некоторое время продолжался, и долг был списан полностью. О другой недвижимости Парадовского упоминал в монографии по истории градостроительства.[11]

С упомянутыми неудобными «казарменными местами» № 738-739 продолжалась многолетняя чехарда. Сперва их по объективным причинам не мог застроить Парадовский, по тем же причинам ничего не сделал штаб-доктор Яворский (1816), затем генерал-лейтенант граф Ламберт (1817), и в декабре 1819-го их передали коммерции советнице Рувье. «А как на сих местах состоят старые казармы, то построение дома расположить таким образом, чтобы место отделено было от казармы и не делало помех казармам».[12] В итоге 3 августа 1822-го об окончании постройки двухэтажного планового дома (проект Франсуа Шааля) рапортовала полковница Клара Ивановна Потье, урожденная Рувье,[13] то есть дочь знаменитого предпринимателя-овцевода Гильома Рувье (1756-1815), супруга Шарля (Карла Ивановича) Потье (1785-1855). До 9 (21) сентября 1824 года Потье был директором 1-го отделения IV округа Управления путей сообщения, а с этого момента – членом Совета управления,[14] чрезвычайно значимой фигурой в Одесском строительном комитете, обладавшей немалыми полномочиями и ресурсами. Как выясняется из архивных документов, в ходе строительства дома госпожа Потье сумела добыть разрешение на снос конюшен при трех офицерских флигелях (которые на 12 (24) ноября 1824 года по-прежнему остаются на своих местах), тем самым обретя выгодный стартовый плацдарм в ущерб Якубовскому и Чепелиовскому.[15] То есть выходило так, что владельцы бывшего участка Парадовского заведомо поставлены в неравные условия. В 1825-м Якубовскому, Чепелиовскому и Бубе прибавили земли, однако разбирательство продолжалось и далее, по крайней мере до конца 1827 года.[16] Оценочная

стоимость домов Потье и Якубовского весной 1824-го – соответственно 30.000 и 5.000 рублей,[17] то есть второй, бывший дом Парадовского, явно одноэтажный.

Клубный двор

Так на протяжении нескольких десятилетий именовали сердцевину XIV-го квартала, ограниченного улицами Екатерининской, Греческой, Ришельевской и Полицейской (Бунина). Мы говорим о месте, ныне застроенном большим торговым центром по улице Екатерининской, № 27, и смежной территории со стороны Ришельевской.

Это и был так называемый «старый клубный двор», то есть двор, примыкавший к временному Городскому театру, устроенному в хлебном магазине при доме покойного питейного откупщика Жана Дофине, который после его кончины перешел в казну за долги, а затем был продан в частные руки. Во всяком случае, временный театр всегда связывали с дворовыми местами дома графини Ржевуской на углу Греческой и Ришельевской улиц. А.А. Скальковский пишет: «До его (Городского театра. – **О. Г.**) открытия была временная зала в большом магазине помещицы Ржевуской, на Ришельевской улице, существовавшем еще в 1830 году. В этом доме был и род гостиницы с общественною залою для вечерних собраний, которая, до постройки дома Рено, называлась Старый клуб». На самом деле все гораздо любопытнее и немного сложнее, чем сообщает далеко не безошибочный Скальковский, приехавший в Одессу только в 1828 году, и мы сейчас с этим разберемся.

8 августа 1802 года купец из Умани Нахман-Нусим Рабинович, впоследствии упоминающийся как Рапопорт, купил у итальянского негоцианта Николая Бальтазаровича Юстиниани несколько строений, включая большой зал, по нечетной стороне будущей улице Екатерининской, посередине квартала, меж Греческой и Полицейской. 6 марта 1810-го уже опекуны умершего одесского 1-й гильдии купца Нусима Рапопорта формально продали (по типу маклерской сделки) сказанное место и недвижимость купцу польского происхождения Жоису Иоанновичу Куцовскому за 2.900 гол-

ландских червонцев (дукатов), из которых 2.300 составлял вексель за долг Рапопорта. То есть опекунам вернули этот вексель – с тем чтобы при фактическом заключении сделки доплатить оставшиеся 600 червонцев. Однако эти доверенные лица не были осведомлены о том, что данная недвижимость покойного состояла в залоге. Начались тяжбы, в итоге которых сделка с Куцовским так и не была заключена, а имение Рапопорта надолго осталось под опекой.

Занимательно, что при формальном составлении сделки 1810-го помимо места и недвижимости Куцовский приобретал и «один фортепьян новой черного дерева». Место покойного Рапопорта как раз и называли «старым клубным двором», то есть это и есть место временного театра, функционировавшего как раз при жизни Рапопорта. Двор этот выходил углом к месту и приметному дому графини Ржевуской, находившемуся на пересечении Греческой и Ришельевской и служившему хорошим ориентиром. Доверенным лицом вдовы Рапопорта был небезызвестный впоследствии Иосиф Гурович, причисленный в одесское купечество в 1812-м. Постфактум Рапопорта называют купцом, числящимся в гильдии города Умань, хотя, обзаведясь солидной недвижимостью в Одессе, он записался здесь в первую гильдию. Когда именно он ушел из жизни? В одной из описей Одесского городового магистрата значится утраченное архивное дело от 25 января 1810 года: вдова умершего купца Нахмана Рапопорта просит исключить ее из гильдии и записать в мещанство. Стало быть, Рапопорт ушел из жизни совсем недавно, вероятно, в том же январе 1810-го, либо в самом конце 1809-го.

Очевидно, «Большая зала» с «фортепьяно черного дерева» в доме Рапопорта, а ранее Куцовского – Старый клуб, – и была первым местом общественных увеселений в Одессе, устраиваемых еще до функционирования временного Городского театра. Сличение городских планов свидетельствует о том, что к 1802-му году бы построен небольшой фасадный дом, к которому примыкал обширный двор. Впоследствии это здание удлинялось, постепенно появлялись и различные дворовые постройки.

О том, насколько значимым социальным, этнически пестрым местом был дом Рапопорта в пушкинское время, говорит тот факт, что в нем помимо ренскового погреба, который содержал одесский купец Андрей Руджиери, помещались кофейня и харчевня.

Первую содержал «одесский 3-й гильдии купец Джоржий Месини», а вторую – «экономический крестьянин Алексей Гайдуков», параллельно державший неподалеку трактир и харчевню в двух других частных домах. Опять-таки «в доме наследников Рапопортова, называемом старый клуб» открылось первое маклерское место набора «слуг и рабочих людей», каковое довольно долго содержал Янкель Моргенштерн. На рубеже 1820-1830-х «бывший дом Рапопорта» (очевидно, не все строения, а только их часть, ибо в сентябре 1833 года дом «умершего уманьского купца Нусима Рапопорта» в 1-й части отдавался внаем с публичного торга в присутственном месте Городской полиции) принадлежал уже статской советнице Анне Новицкой и был выставлен ею на продажу. В это самое время (октябрь 1830 года) здесь по-прежнему функционировала греческая кофейня.[18]

Временная Свято-Николаевская соборная церковь и Католический храм

Очень своеобразна и практически не изучена ранняя история кварталов, в пределах которых расположены Католическая и Греческая церкви. Из упомянутого выше генплана 1802-1803 гг. и комментариев к нему отчетливо видно: 1) нынешний квартал, ограниченный улицами Екатерининской, Жуковского, Ришельевской, Бунина, представляет собой площадь, на которой находилась временная деревянная Николаевская соборная церковь и заложен Католический храм; 2) квартал, где находится Греческая церковь – меж Екатерининской, Успенской, Ришельевской, Троицкой, – представляет собой частично застроенный обычный жилой квартал. Подоплека такова, что заложенная в 1795-м[19] на будущей Соборной площади Николаевская соборная церковь по недостатку средств довольно долго не достраивалась; по этой причине примерно на углу Бунина и Ришельевской устроили временную деревянную. Это был первый значимый в городе приход, в котором, к слову, освящен дарованный Одессе в 1798-м герб. Сохранились приходские метрические книги,[20] сведения о причте, ктиторах[21] и проч. Что до Греческого храма, фактически тоже

Греческая церковь

временного, то изначально он функционировал на Арнаутской слободке, и на период составления генплана закладка нового, стационарного в интересующем нас квартале еще не состоялась.

Возобновление строительства собора торжественно началось уже под эгидой герцога Ришелье. 8 апреля 1804 года по этому поводу состоялся крестный ход от старого к новому собору, а освятили его 25 мая 1808-го.[22] Исследование дальнейшего развития сюжета сооружения особых проблем не создает, обстоятельства детально фиксируются, например, в журналах заседаний Одесского строительного комитета: поставка материалов, финансовое обеспечение и т. д.[23] Вопросы вызывает как раз история строительства, эксплуатации, эволюции Католического храма, и прежде всего по причине утраты двух краеугольных архивных дел: «О пособии на построение Католического костела», от 22 декабря 1804 года, на 122 листах[24] и «Об окончательной отделке Католического костела», от 26 апреля 1808 года, на 40 листах[25]. Впрочем, есть возможность хотя бы отчасти восполнить этот пробел информацией, почерпнутой в журналах Строительного комитета и других источниках.

Католический молитвенный дом функционировал в Одессе с самых первых лет существования города. Это видно, к примеру, из архивного дела 1830 года «О доставлении архивариусу новороссийского генерал-губернатора переписки об отводе в 1796 году для Католической церкви земли».[26] Судя по всему, первичная католическая община сформировалась годом ранее, ввиду довольно широкого представительства уроженцев соответствующих стран: уже в реестре отвода мест под застройку в августе-сентябре 1794-го мы встречаем итальянцев, австрийцев, французов, поляков, испанцев. Скажем, к немногочисленной, но влиятельной итальянской колонии нарождающейся Одессы принадлежали братья де Рибас, плац-майор Августин де Пачиоли, неаполитанский вице-консул Гаэтано Гульельмучи, архитектор Франческо Фраполли, крупный строительный подрядчик Витторио Поджио, негоциант, гоф-маклер биржи Пьетро Сканцио, член магистрата подпоручик Сильвестр Дель Сассо и др. В январе 1800 года «пастор Падре Андреа-Аридоли-Пароха» доносил в магистрат о том, что к его приходу относится 29 домов, в коих 147 душ католиков, в основном купеческого звания. «При доме земли и руги (то есть государственной выплаты священнику. – **О. Г.**) не имеется, ризница заводится вновь, в богослужебных книгах недостатка нет, поучения читаются, а проповедей не сказывается».[27]

Ссылаясь на архивное дело, которое до нас не дошло, Смольянинов сообщает о закладке Католического храма в 1802 году.[28] Закономерен вопрос: там ли он заложен, где находился первичный молитвенный дом, по крайней мере в том ли квартале? Однозначного ответа пока нет. Согласно самым ранним планам города, Католический храм предполагалось возвести на Александровском проспекте, но вскоре местоположение изменилось. Павел Сумароков (1799) пишет: «В Одессе церквей: деревянная – 1, начатых каменных – 3, старообрядческая – 1, часовня – 1, и Еврейская школа».[29] Речь идет о временной Николаевской соборной церкви, недостроенных храмах: Соборном, Екатерининском, Греческом – на Арнаутской слободке. Католический не упоминается вовсе, а это может означать, что он функционирует как частная жилая или хозяйственная постройка Сооружение костела община начала в 1802-м своими силами, а с 1804-го его курировал де Ришелье. Кураторство

Католический храм

герцога отмечает и Шарль Сикар.[30] Попечителем выступал подпоручик российской армии в отставке, домовладелец, землевладелец, один из первых муниципальных деятелей Сильвестр Дель Сассо, которому я не так давно посвятил очерк в одной из книг.[31]

Для поддержки де Ришелье распорядился отпускать средства из суммы, собираемой за отпуск экспортируемого через порт зерна, – по 2½ копейки с четверти (209,91 литра; от 8-ми до 10 пудов, в зависимости от влажности). Показателен активный 1805 год. Деньги и материалы отпускаются Дель Сассо и «патеру Елизеусу». 16 января в ответ на рапорт попечителя Строительный комитет выдает 336 руб. 33 коп., 27 марта – 150 руб., 4 апреля – 250 руб. на штукатурные работы, 20 апреля – 500 руб., 2 мая у крупных негоциантов Форгегера и Катлея приобретено 14 бочонков белой жести (6.284 листа) – 942 руб. 60 коп., 19 мая из портовых материалов отпущено четыре пуда железа и восемь четвертей угля на изготовление креста, 22 мая – 1.000 руб., 12 июня – 1.000 руб.[32] Этот перечень можно продолжить. Скажем, 20 сентября 1806 года куплено 445 листов жести по 25 копеек за лист, затем еще 500, а 8 октября Комитет отпускает средства на покупку дополнительно 600 листов.[33] Итого получается 1545 листов жести – это ли не свидетельство масштабности сооружения?

Отсутствие упоминавшегося архивного дела от 22 декабря 1804 года «О пособии на построение Католического костела», меж прочим, лишает нас информации о ходе строительства на собственные средства представителей общины в 1802-1804 годах. Но совершенно ясно, что «каменные работы» они осуществили сами: на генплане 1803 года Католическая церковь обозначена № 26, при этом поясняется, что сооружение уже доведено до карниза. Это понятно, тем более что первыми крупнейшими поставщиками камня в городе были Витторио Поджио и Феликс де Рибас. В сообщениях журналов Одесского строительного комитета 1805-го речь идет уже об отделочных и кровельных работах, устройстве креста.

Новый храм не только масштабен по тем временам, но и довольно благолепен. После завершения строительства здания начинается его внутреннее благоустройство. 18 января 1809 года заключен контракт «с иностранцем, слесарным мастером Эбервинъ (Эбервейном. – **О. Г.**), о наблюдении ему за состоящими при одесской католической церкви часами и о починке оных». Согласно этому документу, мастер получал 100 рублей в год за исправное содержание плюс 100 рублей единовременно за починку часов до начала срока действия контракта.[34] В тот же период «иностранец Антон Котвальт» подрядился изготовить для Католической церкви четыре капители, за первую из которых 8 февраля Комитет выплатил ему 50 рублей. 22 марта он полностью окончил работу, 8 апреля городской архитектор Франческо Фраполли освидетельствовал ее (полагаю, Фраполли проектировал и сам храм), и Котвальту выплатили остальную причитающуюся сумму.[35] 10 июня 1809 года «ксендз одесской Католической церкви Максимилиан» просит Строительный комитет об отпуске извести, каковое ходатайство было удовлетворено.[36]

Синхронно понемногу начиналась своеобразная застройка квартала, в начале столетия лишенная других сооружений, кроме временной соборной церкви Святого Николая и постепенно возводимого костела. Первым застройщиком был упоминавшийся гоф-маклер Пьетро Сканцио, очевидно, один из спонсоров строительства Католического храма. Свой дом он возвел на самом углу будущих улиц Екатерининской и Почтовой. 12 июля австрийский негоциант, крупный экспортер в 1800-1820-х Марк Андрич (Mar-

Католический храм

со Andrich) доложил о приобретении на аукционном торге имения умершего гоф-маклера Сканцио – дома и участка 15×15 саженей «на площади, где католическая церковь», и 24 июля получил «открытый лист»,[37] то есть владельческие документы от Строительного комитета. Надо сказать, что у Андрича и Католического храма – как у владельцев недвижимости – отношения складывались чрезвычайно конфликтно. Сперва претензии предъявляла церковь – по поводу того, что Андрич пробил в своем доме окна на их участок и установил балкон.[38] Затем в Комитет жаловался уже домовладелец, в связи с захватом соседями принадлежащей ему земли. Конфликт затянулся на годы.[39] В конце 1820-х Андрич ушел из жизни, и по долгам перед Одесской конторой коммерческого банка этот дом сдавался внаем на их погашение.[40]

Место, «где была временная русская церковь», то есть со стороны будущей Полицейской (Бунина) улицы, 31 декабря 1807 года запросил под приватное домостроение аптекарь Johane Schmidt.[41] Однако места здесь он не получил, и предпочтение было отдано самому Католическому храму, построившему здесь

собственный доходный дом, впоследствии подвергавшийся реконструкциям. Здание изначально было довольно солидным, и уже ранее 13 августа 1814 года находилось в залоге от содержателей винного откупа с оценкой в 22.500 рублей.[42]

Летом 1812 года, накануне чумной эпидемии, подрядчики Симон Стифель и Иван Еройский под надзором графа Леона Рошешуара произвели работы по мощению тротуаров, прилегающих к Католической церкви, дому Андрича и лежащей на противоположном углу Екатерининской Почтовой конторы. Кроме того, были вымощены и переходы через улицы.[43]

К дальнейшей истории Католического храма мы еще вернемся, а сейчас глянем, как она трактуется в наши дни. «Екатерининская, 33, римско-католический кафедральный собор Успения Пресвятой Богородицы, 1805, деревянный храм, арх. Фраполли Ф.: 1805-1819, перестроен в камне, арх. Фраполли Ф; 1851-1853, заменен новой постройкой собора, арх. Моранди Ф.О. (проект), Гонсиоровский Ф.В., отец Г. Разутович (строительство), скульп. Фишер (памятник архитектуры); 2004, реконструкция…».[44] Все, что здесь написано, не просто нонсенс в свете изложенных выше архивных данных, но и лишено элементарной логики. То есть получается, что при острейшем дефиците ресурсов на довольно короткой хронологической дистанции строится один храм, демонтируется, затем другой, и тоже демонтируется, чтобы построить третий. Тем не менее подобная информация широко растиражирована в Интернете, и за неимением другой ею столь же широко пользуются.

Впрочем, искаженное толкование истории Католического храма появилось не просто так. Сумятицу, надо полагать, вносит сообщение, помещенное в солидном фолианте, изданном муниципалитетом к 100-летию Одессы. Издание чрезвычайно информативное, подготовлено коллективом авторов, в целом квалифицированных, но в отдельных случаях небезупречных. Можно допустить, что два основополагающих в данном исследовании архивных дела – 1804 и 1808 годов, о которых говорилось выше, были утрачены ранее начала 1890-х, а журналы Строительного комитета, соответствующий обширный фонд, картографические материалы этими авторами физически не могли быть подробно изучены из-за дефицита времени. По этой причине и сконденси-

ровалось путающее карты резюме: «Римско-католическая церковь (по Екатерининской улице), во имя Успения Пресвятой Богородицы, сооружена сначала (в 1805 году) деревянной, но уже в 1809 году начата постройка каменной церкви. В настоящем же виде храм был совершенно окончен в 1853 году»[45].

Здесь уместно еще раз отметить, что авторитетный К.Н. Смольянинов, работавший с архивными документами в начале 1850-х в ходе написания «Истории Одессы», утраченные позже дела держал руках. Он прямо говорит о том, что капитальный Католический храм заложен в 1802 году, а в 1804-м при активном содействии де Ришелье сооружение продолжилось.[46] Далее. Вступая в должность, герцог Ришелье запросил все имеющиеся статистические данные о состоянии Одессы и получил точную информацию. Так вот там упоминаются и недостроенные каменные церкви: две русских и одна католическая.[47]

О дальнейшей истории храма, его собственной и смежной недвижимости сохранился ряд дел в фонде Одесского строительного комитета.[48] Принципиальным остается вопрос мнимой разборки первичного каменного Католического храма в середине XIX столетия. У меня нет никаких сомнений: в начале 1850-х он был не демонтирован, а лишь подвергся капитальной реконструкции, достройке, расширению. Это тем более очевидно, что сооружение было довольно масштабным, приглядным (достаточно взглянуть на синхронную иконографию, к примеру, Боссоли), затратным, качественным, молодым. Характерно сообщение такого авторитетного свидетеля, как Эдвард Мортон, посетившего Одессу в 1828 году: «Католическая церковь (…) это была одна из первых церквей, построенных в Одессе. Причина этого ясна – ведь герцог Ришелье сам был католиком. Церковь во многих отношениях подобна православному собору, который, по всей вероятности, стал ее видоизмененной копией. Оба сооружения весьма красивы и величественны».[49] Римско-католическую церковь регулярно посещали даже представители русской знати: довольно, к примеру, назвать графа М.Д. Бутурлина, который молился, стоя на коленях.[50] Одновременно с ним тут побывал П.П. Свиньин: «Католическая церковь невелика, но убрана с немалым великолепием. В ней замечателен прекрасный образ Богоматери, кисти Карла Дольче, присланный в церковь сию от М.А. Нарышкиной».[51]

Поэтому исключаю возможность полной замены первичного храма новым: можно говорить лишь о реконструкции и достройке. Полный демонтаж не может не ставить и вопроса о судьбе захоронения графа А.Ф. Ланжерона.[52]

Почтовая контора и соседи

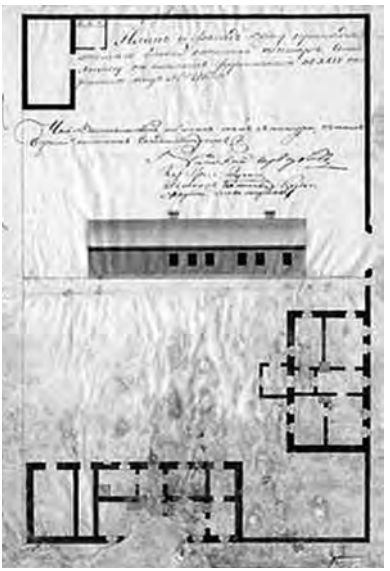
Следуя от Католического храма к Греческому, мы оказываемся на следующем квартале нечетной стороны Екатерининской улицы, меж Жуковского (Почтовой) и Еврейской. Эволюция застройки тут тоже несколько необычна, поскольку связана с историей региональной почтовой службы. Здесь переплетаются интересы приватных застройщиков, городской администрации в лице Строительного комитета, перекупщиков недвижимости, различных кредитных учреждений, частных заемщиков, институций откупа и проч.

Изначально Одесская почтовая контора занимало угловое место № 216 в XXIV квартале Военного форштата, на пересечении будущей улицы Почтовой и Покровского переулка – ныне пятно застройки 9-этажного дома по улице Жуковского, № 33. Сохранился чертеж фасада и план Ф. Франполли (1812), из которого видно, что контора представляла собой два одноэтажных строения, большее из которых стояло по красной линии улицы, другое – переулка, угол меж ними застроен не был. Территория ограждена каменным забором, въездные ворота в почтовый двор находились со стороны переулка за меньшим флигелем, в левом верхнем углу двора обозначена хозяйственная постройка, очевидно, конюшня.[53]

К этому времени значимость Одессы значительно возросла, сильно увеличился и объем почтовых отправлений. Герцог Ришелье поставил перед Строительным комитетом задачу приобрести близ старой почтовой конторы более приличное для нее строение, достроить и переоборудовать оное, а прежнее продать с целью частичного покрытия расходов. Выбор пал на близлежащую недвижимость находившегося в стесненных обстоятельствах помещика дворянина Ксаверия Брезовского (то есть Бржезовского). В общей сложности ее оказывалось более чем достаточно, и еще

21 февраля 1812-го де Ришелье определил продать часть этой недвижимости, также с целью покрытия расходов на обустройство новой почтовой конторы.

Не позднее 1809-1810 гг. в залоге по разным коммерческим операциям находились сразу четыре принадлежавших Бржезовскому дома и места, в том числе – два по нечетной стороне Екатерининской, № 206 и 202 в XXIII квартале военного форштата, то есть угловое место по Почтовой и смежное посередине квартала: ныне Жуковского, 25, Екатерининская, 37. Оценочные свидетельства магистрата – соответственно от 21 декабря 1804-го и 27 июля 1809-го.[54]

План дома и участка Одесской почтовой конторы. Архитектор Франческо Фраполли. 4 апреля 1812 г.

Первые отводы сказанных мест – артиллерии лекарю Иерсу и лейтенанту Мащину – датируются еще августом-сентябрем 1794-го,[55] однако в положенный срок застроены не были. В 1796-м место № 202 передали артиллерии штык-юнкеру Андрею Савицкому, а место № 206 передали 17 июня 1803-го инженеру унтер-цейхвартеру Добришину. Савицкий застроился, и его место досталось Бржезовскому по купчей. Место Добришина так и осталось пустопорожним, и шляхтич построил там дом, на который получил владельческие документы в сентябре 1808-го[56].

Активные действия по продаже старого почтового двора, покупке и перестройке недвижимости Бржезовского осуществлялись накануне чумной эпидемии, в июне-августе 1812 года. Аукционный торг проходил в два этапа по три дня в первой и второй декаде июня. Сперва его почти выиграл купец Бернштейн, назначивший цену 7.177 рублей, однако упоминавшийся выше аптекарь

Шмидт прибавил еще 23 рубля до круглой суммы, и в итоге старая почта осталась за ним.[57] Он, к слову, еще весной 1809-го принимал участие в другом аукционе, по продаже ветхого казенного дома по будущей Полицейской улице, возле Александровского проспекта, но тогда проиграл конкурентам.[58] Расчеты со Шмидтом, что любопытно, надолго затянулись[59] в связи со сложившимся по ходу катастрофической эпидемии обстоятельствами. В то суровое время он, рискуя жизнью и не считаясь с издержками, снабжал городских врачей медикаментами. В итоге город задолжал ему 12.171 рубль 28 копеек, тогда как за старый почтовый дом сам Шмидт должен 7.200 рублей плюс оформление купчей, всего 7.499 руб. 13 коп. Таким образом, долг остается как раз за городом – 3.672 руб. 15 коп., да за отпущенные им после этого аптекарские материалы – 3.987 руб. 75 коп. Расчеты отражают статус на 24 мая 1815 года, при этом Шмидт старым почтовым домом уже какое-то время фактически владеет,[60] но, во всяком случае, не ранее ликвидации чумной эпидемии.

Что касается оформления сделки на недвижимость Бржезовского, то для ее совершения в начале июля 1812-го в Херсонской казенной палате Комитет откомандировал туда коллежского асессора Дорошенко.[61] Однако, как мы увидим ниже, с купчей все оказалось не так просто.

Параллельно с аукционом по продаже старой почты Комитет составил и 6 июня заключил контракт на построение дома для почтовой конторы за 9.600 рублей с одесским купцом 3-й гильдии Василием Замятиным, что подкрепляется соответствующими залогами со стороны подрядчика.[62] При этом он сразу получил транш, очевидно, в 2.000 рублей, поскольку при выделении следующего, от 25 июля 1812 года, сказано: еще 2.000 рублей.[63] Из этого можно сделать вывод о том, что строительство продвигалось довольно быстро, а после ликвидации чумной катастрофы столь же энергично продолжалось.

Другое дело, возникла проблема реализации «излишнего строения» на месте № 202. Это обусловливалось необходимостью юридического урегулирования с кредиторами Бржезовского – как приватными лицами, так и казенными структурами. Кроме того, и сам шляхтич стремился выкупить часть собственной недвижимости.

Так, Одесский коммерческий суд заявил о претензиях купца Арешникова к Бржезовскому на сумму 5.817 рублей. Ответчик заявил, что претензия необоснованная, и он сие докажет в суде. Тем не менее 31 июля 1812 года рачительный Ришелье предложил придержать 6.000 рублей из следуемых Бржезовскому, так сказать, до выяснения. Кроме того, удержать из следуемых ему денег 1.000 рублей, взятые им в Комитете заимообразно 2 марта 1805 на 1 год из суммы 80 тысяч на ссуду одесских жителей плюс проценты за 6 лет и 5 месяцев на капитал, что составляет 385 рублей, и 1% из этих процентов «на содержание огнегасительных инструментов» – это соответствует обычной процедуре выдачи ссуд.[64] 14 августа во исполнение повеления Ришелье от 21 февраля Комитет определил «излишнее строение, из числа купленного у дворянина Бржезовского в казну для почтовой конторы, показанное по плану на военном форштате в XXIII квартале под № 202, продать с публичного торгу», торги назначить: 27 августа, 6 и 7 сентября, для присутствия при продаже откомандировать члена Комитета Инглези.[65]

По причине объявления карантина торги не состоялись, да и устройство новой почтовой конторы приостановилось. К этому вернулись лишь после ликвидации чумной эпидемии, в заседании Строительного комитета 4 июля 1813 года. Освежались в памяти все обстоятельства: финансовые претензии к Бржезовскому, первый этап работы подрядчика, которому уже выдана часть положенной по контракту суммы, и проч. Кроме того, принято решение описать и оценить другую недвижимость шляхтича, которая может служить залогом по взятому Бржезовским подряду на земляные работы.[66] К вопросу о торгах вернулись 19 марта 1814-го, и 29 апреля «излишня недвижимость», купленная Комитетом у Бржезовского, досталась авторитетному одесскому купцу Семену Андросову за 8.500 рублей. Желая вернуть собственность, Бржезовский 4 мая прибавил 25 рублей, и 14 мая состоялись новые торги. Андросов набавил еще 25 рублей. Тем дело не кончилось: 11 июля Комитет распорядился увеличить длину продаваемого с домом участка на три сажени для устройства ворот. Тогда Андросов прибавил еще 500 рублей, и недвижимость осталась за ним, несмотря на челобитные прежнего владельца, которому указали, что он «и теперь еще может удержать дом, прибавив цену».

В архивном деле четко указаны соседи: с одной стороны по улице Екатерининской – новый дом почтовой конторы, с другой – дом штабс-капитана Балтакова, позади – маклера Славича.[67] Иван Егорович Балтаков фигурирует и в других архивных делах: в 1811-м – поручик Саратовского пехотного полка, в 1831-1832 гг. – отставной майор.[68] Его недвижимость располагалась в пределах пятна застройки нынешних домов № 39 и 41, к углу Еврейской. Что касается тыльного участка Славича, то он находился в пределах пятна застройки нынешних строений по улице Ришельевской, № 26.

XXIV квартал

Есть смысл коснуться истории его застройки во взаимосвязи с эпизодом перемещения отсюда почтовой конторы на новое место. Нас будет интересовать недвижимость по нечетной стороне улицы Почтовой, меж Екатерининской и Покровским переулком. Как было сказано выше, старую почтовую контору (место № 216) перед чумной эпидемией 1812-го приобрел на аукционном торге аптекарь Шмидт, который владел ею, по крайней мере, до лета 1815-го. Сохранившееся архивное дело 1828-1831 гг. о территориальных претензиях тогдашнего владельца соседнего места № 215 григориопольского гражданина Киркора Симонова (то есть Симоновича, Семеновича) Амасьянова позволяет проследить переход из рук в руки всех мест этого квартала с самого начала его застройки.

Итак, бывшая почтовая контора меж 1815-м и 1821-м перешла к еврею Рабиновичу: в ту пору в городе проживало несколько предпринимателей с такой фамилией, причем неподалеку, поэтому воздержусь от атрибуции. Позднее место со строениями «куплено от казны», то есть явно за казенные долги оного Рабиновича, одесским первой гильдии купцом Давидом Герценштейном. Любопытно, что во времена владения этой недвижимостью Рабиновичем «во дворе были заведены еврейские харчевни».

Сказанное место № 215 – ныне застройка по улице Жуковского, № 31, – Амасьянов незадолго до конца августа 1828-го приобрел у титулярного советника Федора Ковалевского. Дом построен

в 1797 году. Как видно из городских планов, он фасадный. О Ковалевском и его семействе есть информация в метрических книгах Свято-Николаевской соборной церкви. Из оценочных ведомостей городской недвижимости видно, что в 1823-1824 гг. этим домом владел именно Ковалевский.

Наиболее интересна ранняя и притом масштабная застройка соседних мест № 213-214, ныне – застройка домами по улице Жуковского, № 29 и № 27, угол Екатерининской. В день десятилетия Одессы, 22 августа 1804 года, эта недвижимость по купчей крепости досталась титулярному советнику Кривчикову от флота капитана второго ранга Леонтовича, произведшего постройки в 1795-м. По журналу инженерной команды 1796 года все четыре места в этом квартале значились за артиллерийскими офицерами, однако, как видим, реально застроились другие лица. Михаил Степанович Кривчиков – фигура поистине легендарная в ранней истории Одессы. Офицер-первопоселенец (1794), один из первых застройщиков (вторая половина 1790-х), он с 8 мая 1800-го состоял приемщиком материалов в Комиссии по отстройке гавани в Одессе, а затем на протяжении трех десятилетий – комиссаром (прорабом) Одесского строительного комитета. Это абсолютный рекорд в подверженной постоянным ротациям юной Одессе. В пушкинское время этот протяженный доходный дом Кривчикова имел оценку 20.000 рублей и давал годовой доход 1.000 рублей. При нем имелся целый ряд служебных построек, включая дворовую баню.[69]

Типологию ранней застройки близлежащих кварталов Екатерининской выборочно рассматривал в ряде монографий и отдельных публикаций.[70]

Квартал Греческой церкви

В принципе ранняя история и предыстория сооружения греческой церкви Святой Троицы рассмотрена мною в монографии по истории градостроительства Одессы.[71] Здесь считаю необходимым резюмировать упомянутое исследование на фоне эволюции застройки всего квартала, поскольку это вещи взаимосвязанные.

В первые годы заселения Одессы «греческое предместье» планировалось устроить на так называемой Арнаутской слободке, однако по целому ряду причин проект осуществить не удалось. Одно из неблагоприятных обстоятельств: из-за корректировки генплана предполагаемая «Арнаутская площадь» оказалась на отшибе, да и разрастающийся по соседству Вольный рынок вызывал отток застройщиков и коммерсантов, а десятилетие спустя эту рыночную площадь как бы репрезентовали Бакалейные, Мелочный и Железный ряды – формирующийся Греческий базар. Построенные для средиземноморских переселенцев помещения оказались без присмотра и превратились в руины, а заложенная в 1795 г. церковь Святой Троицы и Спиридона Тримифутского, на которую Кес-Оглу получил от казны безвозмездно 500 рублей и строительные материалы, была доведена только до окон. Новая волна застройки этого района началась уже после образования Одесского строительного комитета, в 1803 году. На синхронных планах недостроенный здесь храм обозначен и снабжен пояснительной надписью. Богослужения отправлялись поблизости, во временном помещении.

13 мая 1803 г. одесский купец Н.А. Попандопуло подал прошение на высочайшее имя от «купцов и мещан греческой нации». В нем говорилось, что поскольку таковые не обзавелись домами, «а ныне возымели намерение поблизости греческой церкви Святой Троицы, ныне строимой, выстроить по плану на пустопорожних местах, с начала города Одессы розданных, дома», то для отвода означенных мест просят дозволения. К прошению прилагается доверенность 50 лиц, составленная в апреле. Доверенность завизирована в магистрате 4 мая 1803 г. В издании, посвященном истории Свято-Троицкой церкви, возведенной на Екатерининской улице в 1803-1808 гг., этот храм ошибочно отождествляют с тем, который так и не был достроен на Арнаутской слободке.

Впрочем, тут есть некоторые неясности. Судя про всему, временный храм на Арнаутской слободке близ недостроенного функционировал до 1799 года, а затем был переведен в деревянный Свято-Троицкий, располагавшийся по Екатерининской. В 1803-м рядом заложили каменную церковь. Об этом, в частнос-

ти, говорят названия двух несохранившихся архивных дел, от 18 мая 1799 года: «По прошению Греческого общества поверенного Георгия Петараки, коим просит учинения, куда следует, о перенесении с нынешнего дома (в коем ныне богослужение отправляется) в новопостроенный дом церковных святостей». В это время община собирала доброхотные пожертвования на сооружение Свято-Троицкой каменной церкви, о чем свидетельствует название другого несохранившегося архивного дела, от 6 сентября 1799 года: «Доношение, рапорт и указ по поводу проверки денежных сумм, собранных путем подаяния для построения в Одессе Греческой церкви». Смольянинов пишет о том, что недостроенный храм на Арнаутской слободке разобрали после закладки нового Свято-Троицкого.

Так или иначе, а Попандопуло от имени греческого общества просит места не вблизи будущего храма по Екатерининской улице, как это может показаться, а как раз на Арнаутской слободке. Да и не было в ближайших кварталах по Екатерининской, Троицкой, Ришельевской, Успенской и др. свободных мест, розданных ранее и уже частично застроенных. В числе прочих был размежеван и XXXIII квартал, где вскоре заложили новую Свято-Троицкую церковь, так что отдельные строения здесь уже существовали ранее. Это отлично видно из генплана 1802-1803 гг. и различных его версий.

Теперь перехожу к синхронным архивным документам, на которые ранее не ссылался. 1 июня 1803-го подпоручик Ладожского мушкетерского полка Григорий Кузменко просит место № 301 в XXXIII квартале Военного форштата. Это место на углу будущих улиц Троицкой и Ришельевской еще в 1795-м было отведено инженерной командой шкиперу Петру Сониту (Сонирсу?), однако осталось пустопорожним. 9 июня Кузменко получил просимый участок под застройку.[72] 16 июня 1803-го смотритель провиантского магазина титулярный советник Былдин (Булдин?) просит место № 303 в том же квартале. В 1797-м это место было отведено известному архитектору Эммануилу Портарию, однако тот его не освоил (Портарий застроил место в другом квартале, по Полицейской, от угла Ришельевской). 19 июня прошение было удовлетворено.[73]

Екатерининская в XIX ст. Справа – ограда Католического храма

Чтобы было понятно, XXXIII квартал представлял собой прямоугольник, длинные стороны которого проходили по Троицкой и Успенской. Всего было восемь мест: по четыре в два ряда, то есть по Екатерининской и Ришельевской – по два места. При этом к 1803-му году основная застройка квартала отчетливо тяготела к Успенской, места № 297-300, где обозначено три довольно значимых строения. Со стороны Троицкой два места, о которых шла речь, и на плане показаны совершенно пустынными. Промежуточный № 302 включает лишь маленький флигель по красной линии. Угловой № 304 к Екатерининской тоже практически пуст, не считая небольшого флигеля посередине квартала Екатерининской, прямиком на границе № 300, выходящего также на Успенскую и застроенного довольно солидным зданием в форме уголка. Чья это собственность (№ 304 и 300), я, к сожалению, пока не знаю; очевидно, кого-то из состоятельных греческих купцов, видных представителей общины; в противном случае строи-

Екатерининская в XIX ст. Вид со стороны Еврейской на Греческую церковь

тельство нового Греческого храма на частных территориях было бы невозможно.

Изложенное соображение косвенно подтверждает следующая архивная информация. 7 августа 1805 года ктитор строящейся греческой церкви Святой Троицы известный муниципальный деятель и коммерсант Иван Дестуни докладывал Строительному комитету о покупке общиной за 350 рублей у знакомого нам поручика Кузменко смежного места «для удобнейшего пространства». Но при обмере оказалось, что восемь саженей из того места незаконно застраивает сосед, капитан (ротмистр) Дмитрий Гунари (Гулдарий, Гулодар). Комитет поручает городской полиции разобраться с этим делом, а документ на право землепользования, переданный Греческой церкви поручиком Кузменко, возвращают ктитору.[74] Место Гулдария, № 297 – половина всего квартала по Ришельевской от Успенской. В 1795-м инженерная команда отвела участок мещанину

Даниле Романовскому, но поскольку тот не застроился, место освоил ротмистр Гулдарий, который строил и перестраивал дом «на собственный капитал», и в итоге соорудил приличное плановое здание, освидетельствованное архитектором Франполли.[75] В метрических книгах Греческой церкви зафиксировано рождение сыновей Димитрия Гулдария и его супруги Аргирии – Феофила (1805) и Иоанна (1811). Восприемниками выступали: «Александр, майор, тесть князя Кантакузина» и «Родеус Екатерина, жена протоиерея Родеуса (настоятеля греческой церкви Святой Троицы. – **О. Г.**)». Зафиксирована и кончина отставного ротмистра 16 августа 1828 года в возрасте 70 лет.[76]

Вырисовывается общая картина ранней застройки. Начинался он как обычный жилой квартал. Ввиду концентрации здесь греческой недвижимости появилась возможность переноса прихода общины из периферийной Арнаутской слободки в более престижное, перспективное, да еще близкое к Старому базару, Красным рядам, главным магистралям место. Территория, принадлежащая строящемуся храму, была расширена покупкой смежных участков, что, меж прочим, позволило устроить участок для единичных погребений архипастырей.[77]

«Армянский квартал»

Это условное название даю XXX кварталу во 2-й части города, примыкающему к Старому базару и лежащему меж улицами Екатерининской, Базарной, Ришельевской и Большой Арнаутской. По сравнению с предыдущим он имеет большую площадь, квадратную форму, мест здесь больше, 14, но нарезаны они гуще.

По своему местоположению близ главной торговой площади юной Одессы он и застраивался довольно интенсивно. Так, на генплане 1802-1803 гг. здесь обозначено восемь строений, в том числе – относительно больших. Примерно та же ситуация отображена на городском плане Ф. Франполли 1807 года.[78] На плане 1814-го квартал показан густо застроенным практически по периметру, за исключением разве что Б. Арнаутской, где наблюдается проплешина в пределах нынешних домов № 44, 50,

которая сохраняется и на плане Торичелли 1828 года. Далее плотность строений нарастает.

В монографии по истории градостроительства Одессы в большей степени рассмотрена, скажем так, этническая составляющая, и глава «Армянский квартал» (единственная из всех) опубликована без ссылок, как заготовка, заявка, проект.[79] Поэтому здесь несколько ее дополняю.

В числе первых застройщиков квартала были, конечно, «дети разных народов». Скажем, одно из мест на углу Екатерининской и Базарной, где впоследствии построена Армянская церковь, в первой декаде июня 1803-го получил одесских морских провиантских магазинов вахтер Денисов.[80] Теперь это пятно застройки домом по Екатерининской № 71. Местом, на котором в 1814-1817 гг. построил дом григориопольский гражданин Аким Асфадоров (Асвадуров), ранее принадлежало греку Златареву, но тот сумел устроить лишь быстро обветшавшую землянку.[81] Ныне это половина участка застройки по улице Ришельевской, № 60, удаленная от угла Б. Арнаутской. Ранее 21 сентября одесский купеческий сын, представитель известной греческой фамилии Дмитрий Димо приобрел дом на том самом месте, каковое в 1803-м получил упоминавшийся выше Денисов.[82]

Однако армянское присутствие и деловое доминирование в этом и отчасти в соседних кварталах быстро становится очевидным. К солидному дому Асвадурова в самом начале 1820-х прибавляются другие, в частности плановое здание григориопольского гражданина Томаса (Томаша), то есть Тевоса Чекалова (Черканова), располагавшееся напротив Армянского квартала, на углу Базарной, № 74, и Ришельевской, № 50.[83] Любопытный сюжет 1824 года, связанный с мощением главных улиц и устройством дренажа, по счастливой случайности воссоздает значимый фрагмент истории Армянского квартала. 15 декабря его обитатели григориопольские граждане Мегердичи (то есть Мкртич) Асвадуров, Хачик Сукьянов, Аким Асвадуров и одесский мещанин Сидор Николенко обращаются в Строительный комитет с жалобой по поводу того, что из-за сооружения шоссе по Ришельевской улице в их дворах скапливается вода. Комитет подключает к решению проблемы военного инженера Ж.В. Гаюи. В прошении

указано: все заявители имеют здесь плановые дома, они же упоминают соседа, одесского купца Федора Качулкова – возможно, тоже армянина.[84]

Еще один армянский плановый дом в этом квартале ранее 1831-го находился на месте нынешнего здания по улице Ришельевской, № 56. Принадлежал он григориопольскому гражданину «Хачуку Сукиасову сыну Сукиасову» (Сукиас – «счастливое лицо») и был оценен: в несгораемых материалах – 5.000 рублей, в сгораемых – 1.500, итого 6.500.[85]

Считаю своим долгом привести тут реестр архивным документам, имеющим прямое и опосредованное отношение к истории Армянского квартала и общины в целом.

28 сентября 1823 г. «О выданном открытом листе григориопольскому гражданину Томашу Черканову на 25-десятинный участок земли, состоящий в VI части, № 50».[86]

6 декабря 1823 г. «Об отводе на Молдаванке места мещанину Качикову».[87]

31 декабря 1823 г. «О месте, приобретенном Одесскою городскою думою, состоящем на Военном форштате в XLVII квартале под № 588, которого просит в отвод армянское сословие для построения церкви, одесский мещанин Авдей Иванов, коллежский секретарь Горянинов, и об отводе оного одесскому купцу Димитрию Коколани».[88] (Ныне это двор дома по улице Б. Арнаутской, № 77.)

9 июля 1824 г. «Об отводе места на Молдаванке гражданке Качиковой».[89]

3 декабря 1825 г. «Об отводе 33 десятин земли армянскому священнику Киркору Шахию для заведения хозяйством».[90]

8 января 1826 г. «О выдаче григориопольскому гражданину Акиму Асвадурову открытого листа на 25-десятинный участок земли, состоящий в VI части под № 47».[91] (Это часть Жеваховой горы, обращенная к городу. О хуторах «армянина Асвадурова» и «армянина Чекомова» см.: «Одесский вестник», 1833, № 16, 25 февраля.)

1828 г. «По жалобе григориопольского гражданина Киркора (Симонова, Семеновича. – **О. Г.**) Амасьянова о делаемых ему утеснениях соседями его титулярным советником Кривчиковым и купцом Герценштейном».[92] (То есть – спор о недвижимости

с соседями, титулярным советником Михаилом Кривчиковым и одесским 1-й гильдии купцом Давидом Герценштейном. На самом деле, как выяснилось, никаких утеснений не было. Речь идет на об «Армянском квартале», а о недвижимости по улице Почтовой: нечетная сторона меж улицей Екатерининской и Покровским переулком.)

1831 г. «По рапорту архитектора Козлова о утверждении плана для построения дома одесским 3-й гильдии купцом Димитрием (Кирилловичем. – **О. Г.**) Коколани на месте, владеемым им по купчей крепости, состоящем в 2 части города, в XXI квартале, под № 310-м».[93] (Место на углу улиц Екатерининской, № 81, и Б. Арнаутской.)

1832 г. «Об указании границ места григориопольского гражданина Хачикова».[94]

1836 г. «О месте на Молдаванке, на коем находится виноградник григориопольского гражданина Киркора Качикова, перешедшем к Тимофею Торину».[95]

16 января 1843 г. «Об отводе места в 1-й части князю Манук-Бею».[96]

1843 г. «О доме титулярной советницы Анастасии Гуренковой, бывшем Попова, проданном князю Манук-Бею».[97]

1844 г. «О фасаде на магазин князя Манук-Бея».[98] (План этого магазина см.: ОГИКМ, инвентарный № К-168.)

1844 г. «О фасаде на магазин Устинии Аргутинской-Долгорукой».[99]

1845 г. «О фасаде стены для обнесения Армянской церкви».[100]

1846 г. «О фасаде на флигель купца Дмитрия Коколана».[101]

13 июня 1846 г. «Об отводе места в 3-й части на Пересыпи григориопольской гражданке Розе Бибрилюковой».[102]

21 августа 1850 г. «Об отводе места в 1-й части ротмистру Сергею Аргутинскому».[103]

1851 г. – «Утверждение фасада на пристройки к дому григориопольского мещанина Илии Крымни».[104]

22 сентября 1853 г. «По прошению григориопольского гражданина Ильи Кремни об освидетельствовании места на Пересыпи».[105] (Ясно, что фигурант двух последних дел – одно и то же лицо.)

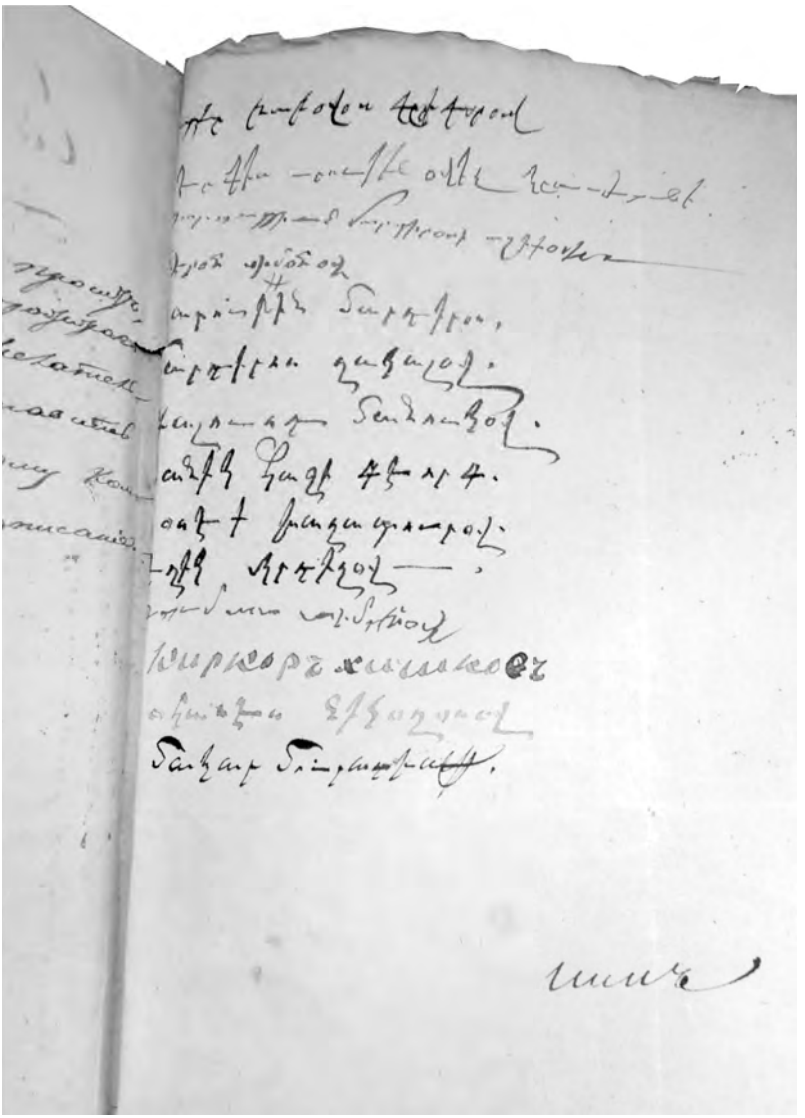
3 февраля 1855 г. «По прошению григориопольского гражданина Киркора Хачикова об отводе ему под мельницы места».[106]

* * *

Дело от 31 декабря 1823 г. «О месте, приобретенном Одесскою городскою думою, состоящем на Военном форштате в XLVII квартале под № 588, которого просит в отвод армянское сословие для построения церкви, одесский мещанин Авдей Иванов, коллежский секретарь Горянинов, и об отводе оного одесскому купцу Димитрию Коколани»[107] заслуживает того, чтобы ознакомить читателя с резюме. Почему? Потому что сюжет крутится вокруг устройства полноценного армянского храма. Тут и любопытные обстоятельства, и реестр просителей, представляющих «армянское сословие» юной Одессы.

1). 20 декабря 1823 года в Строительный комитет было написано прошение «от проживающего в Одессе общества армянского сословия», подано 22-го и рассмотрено 31 декабря. В прошении сказано, что Общество проживает в городе «несколько лет», желает построить церковь, для чего нашло пристойное место. Документ подписан 14-ю представителями общины, подписи не всегда четко прочитываются и интерпретируются: (??) Григоров; (?) Арутинович; Арутюн Мартироси (это отчество) Ашигов (?); Ерем Симонов; Арутин Мардирос; Мартирос Гакалов; Галуст (?) Мануков; Ваник (?) Каджи Геворг; Осеп Хачатуров; Эдик Мкрдичов; Оканес Никохайов; Макар Мурадис; Киркор Хачиков; нрзб.

2). В июле 1817-го Городская дума за 560 рублей приобрела это место у мещанина Тульской губернии города Белева Авдея Иванова, которому оное место отведено 17 марта того же года, для построения 2-й съезжей части. Однако таковая часть в итоге обосновалась в здании бывшей Тираспольской таможенной заставы. То есть на момент запроса армянской общины участок был муниципальной собственностью. Освидетельствовавший в феврале 1824-го место архитектор Боффо обнаружил на нем две старые землянки и разваленный магазин (амбар). Вероятно, эти постройки могли остаться от более раннего владельца места, поручика Вржеца (?), каковому оно отведено 6 октября 1805-го.

Подписи представителей первичной армянской общины под прошением от 20 декабря 1823 г. об отводе места для построения храма

3). Со своей стороны, Строительный комитет счел это место узким, непригодным для устройства благолепного храма. Кроме того, по генплану участок предназначен под жилую застройку. А поскольку позднее поступило прошение об отводе от коллежского секретаря Степана Дмитриевича Горянинова, то Комитет согласился передать место ему, но при условии, что тот вернет Думе потраченные тою 560 рублей.

4). Дума согласилась, однако с оговоркою: место выгоднее продать с публичного торга, будет выручено больше денег. Горянинов апеллировал к Воронцову, и тот принял правильное решение. Суть в том, что сделка Думы с Ивановым не могла считаться вполне законной, ибо продажа незастроенных территорий в городе запрещалась. Если бы Иванов исполнил существующие правила, выстроил плановый дом и получил владельческие документы, тогда дело другое.

5). Горянинов вернул Думе 560 рублей, получил просимое место, но из-за «служебных дел» застроиться не сумел. В итоге место досталось греческому купцу Димитрию Коколани, который в свою очередь вернул Горянинову злосчастные 560 рублей. История затянулась, и лишь 30 июля 1830 года архитектор Риглер составил для Коколани план и фасад для построения одноэтажного дома в 12 окон. Строительство было окончено 24 июля 1831 года, а 12 августа архитектор Козлов доложил Комитету об освидетельствовании.

6). Все это как будто больше не имеет отношения к прежнему прошению армянской общины. Однако план внутренних помещений дома Коколани вызывает вопросы. Если правая фасадная часть здания разделена на части, то симметричная левая, весьма обширная, представляет собой некое специальное отдельное помещение. Не исключено, конечно, что это был магазин. Но нельзя исключать и того, что помещение арендовалось армянским обществом под временный храм. Такое предположение косвенно подкрепляется тем обстоятельством, что буквально в то же самое время Коколани приобрел для себя жилой дом неподалеку, на углу улиц Екатерининской (№ 85) и Малой Арнаутской (№ 60) – ныне тут 3-этажное здание.[108]

Напоминаю: в рассматриваемом деле речь идет об адресе по Большой Арнаутской, 77, находящемся в нескольких десятках метров от «Армянского квартала».

Примечания

[1] Государственный архив Одесской области (ГАОО), ф. 59, оп. 1, д. 11. – 71 л.

[2] Там же, л. 1.

[3] Там же, л. 23, 24, 25.

[4] Там же, л. 28-29.

[5] Там же, л. 41-42.

[6] Список домам и прочим строениям в 1-й части города Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1848 года, подлежащим и не подлежащим оценке. – Б. м., б. г., с. 5.

[7] Олег Губарь. История градостроительства Одессы и функции Одесского строительного комитета. – Одесса, 2015, с. 228, 229.

[8] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 11, л. 2, 3, 7.

[9] Там же, л. 10, 26.

[10] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 266, л. 251-252.

[11] Олег Губарь. История градостроительства Одессы и функции Одесского строительного комитета. – Одесса, 2015, с. 248, 284, 298.

[12] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 11, л. 13.

[13] Там же, л. 11, 12.

[14] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 286, л. 535-536.

[15] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 11, л. 30-31.

[16] Там же, л. 41-42, 45, 70 и др.

[17] Там же, ф. 4, оп. 1А, д. 215 – № 118 и 119.

[18] Олег Губарь. Очерки ранней истории евреев Одессы. – Одесса, 2013, с. 130.

[19] А. Орлов. Исторический очерк Одессы с 1794 по 1803 год. – Одесса, 1885, с. 76.

[20] ГАОО, ф. 37, оп. 3, д. 71, 76, 80 и др.

[21] Там же, ф. 17, оп. 3, д. 28, 151, 152.

[22] Смольянинов К.Н. История Одессы. – Одесса, 1853, с. 140-141, 154.

[23] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 257, л. 220 об., 268 об.; Там же, д. 258, л. 99, 252 и др.; Там же, ф. 59, оп. 2, д. 20 и др.

[24] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 9 (утрачено).

[25] Там же, д. 30 (утрачено).

[26] Там же, оп. 2, д. 212.

[27] А. Орлов. Исторический очерк Одессы с 1794 по 1803 год. – Одесса, 1885, с. 84-85.

[28] Смольянинов К.Н. История Одессы. – Одесса, 1853, с. 143.

[29] Павел Сумароков. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. – Москва, 1800, с. 216.

[30] Письма об Одессе. – СПб., 1818, с. 28.

[31] Олег Губарь. Автографы Одессы. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 150-157.

[32] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 257, л. 29 об., 30, 112, 134 об., 147 об., 178, 218 об., 224 об., 282 об.

[33] Там же, д. 258, л. 57, 94 об.

[34] Там же, д. 259, л. 25.

[35] Там же, л. 61, 209, 224.

[36] Там же, л. 380.

[37] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 17, л. 11-12.

[38] Там же, д. 75, л. 41-45.

[39] Там же, д. 127, л. 128.

[40] Одесский вестник. – 1830, 26 апреля, № 34.

[41] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 27, л. 1.

[42] Там же, д. 80, л. 44.

[43] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 264, л. 121, 201, 224, 310, 360.

[44] Валентин Пилявский. Здания, сооружения, памятники Одессы и их зодчие. Справочник. – Одесса: «Optimum», 2010, с. 44-45.

[45] Одесса: 1794-1894. – Одесса, 1895, с. 394.

[46] К. Смольянинов. История Одессы. – Одесса, 1853, с. 141, 143.

[47] Аполлон Скальковский. Первое 30-летие истории города Одессы. – Одесса: «Optimum», 2007, с. 91.

[48] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 2877; Там же, оп. 2, д. 386, 674, 1419; Там же, оп. 3, д. 211.

[49] Эдвард Мортон. Одесса, какая она есть. Записки путешественника. – Одесса: «Optimum», 2012, с. 96.

[50] Записки графа М.Д. Бутурлина, 1824-1827. – Русский архив, 1897, № 5, с. 18-19.

[51] П.П. Свиньин. Взгляд на Одессу. – Отечественные записки, 1830, январь, с. 28.

[52] К. Смольянинов. История Одессы. – Одесса, 1853, с. 188. Примечание.

[53] ГАОО, ф. 895, оп. 1, д. 266.

[54] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 262, л. 210.

[55] Записки Одесского общества истории и древностей. Т. III. – Одесса, 1853, с. 592.

[56] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 27, л. 195.

[57] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 264, л. 52, 263.

[58] Там же, д. 259, л. 280, 287.

[59] Там же, д. 265, л. 91; Там же, д. 267, л. 496.

[60] Там же, д. 268, л. 442-444.

[61] Там же, д. 264, л. 134.

[62] Там же, л. 28.

[63] Там же, л. 234.

[64] Там же, д. 264, л. 260-262.

[65] Там же, л. 298, 313.

[66] Там же, д. 266, л. 15-19.

[67] Там же, д. 267, л. 150-152.

[68] Там же, д. 265, л. 388; Там же, ф. 4, оп. 8, д. 84, л. 175-176.

[69] Там же, ф. 59, оп. 2, д. 159. – 22 л.

[70] Олег Губарь. Очерки ранней истории евреев Одессы. – Одесса, 2013; Олег Губарь. История градостроительства Одессы и функции Одесского строительного комитета. – Одесса, 2015; Олег Губарь. Дерибасовская, № 17 + Екатерининская, № 16: недвижимость Калафати (Санца). // Дерибасовская – Ришельевская. Кн. 63. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», 2015, с. 70-90. И др.

[71] Олег Губарь. История градостроительства Одессы и функции Одесского строительного комитета. – Одесса, 2015, с. 90-92.

[72] ГАОО, ф. 17, оп. 3, д. 214, л. 69, 70-71.

[73] Там же, л. 97-99.

[74] Там же, ф. 59, оп. 2, д. 13, л. 238-240.

[75] Там же, оп. 1, д. 96, л. 169-172.

[76] Греки Одессы. Труды Государственного архива Одесской области. Т. XXXVIII. – Одесса, 2014, с. 130-131.

[77] Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 194.

[78] Одесский государственный историко-краеведческий музей (ОГИКМ), инвентарный № К-602.

[79] Олег Губарь. История градостроительства Одессы и функции Одесского строительного комитета. – Одесса, 2015, с. 451-458.

[80] ГАОО, ф. 17, оп. 3, д. 214, л. 87-89.

[81] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 80, л. 412-414; Там же, д. 114, л. 82-84; Там же, ф. 2, оп. 5, д. 267, л. 39; Там же, д. 273, л. 136.

[82] Там же, д. 278, л. 230.

[83] Там же, оп. 5, д. 8, л. 7 об.

[84] Там же, д. 287, л. 577-579.

[85] Одесский вестник. – 1831, № 34, 29 апреля.

[86] ГАОО, ф. 59, оп. 3, д. 58. – 4 л.

[87] Там же, оп. 1, д. 299. – 3 л.

[88] Там же, д. 304. – 54 л.

[89] Там же, д. 401. – 6 л.

[90] Там же, оп. 3, д. 92. – 2 л.

[91] Там же, д. 93. – 9 л.

[92] Там же, оп. 2, д. 159. – 22 л.

[93] Там же, д. 306. – 3 л.

[94] Там же, д. 377. – 4 л. (утрачено).

[95] Там же, д. 496. – 11 л.

[96] Там же, оп. 1, д. 2706. – 21 л.

[97] Там же, оп. 2, д. 627.. – 5 л.

[98] Там же, д. 713. – 3 л.

[99] Там же, д. 723. – 4 л.

[100] Там же, д. 815. – 4 л.

[101] Там же, д. 891. – 3 л.

[102] Там же, оп. 1, д. 2930. – 14 л.

[103] Там же, д. 3264. – 9 л.

[104] Там же, оп. 2, д. 1614. – 3 л.

[105] Там же, оп. 4, д. 192. – 6 л.

[106] Там же, д. 323. – 4 л. См. также: ф. 2, оп. 5, д. 503, л. 11. 19 ноября 1866 г. Касательно достройки колокольни к существующей Армянской церкви. Об армяно-григорианском участке на Старом городском кладбище см.: Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 239-242.

[107] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 304. – 54 л.

[108] Там же, ф. 59, оп. 2, д. 306. – 3 л.

Алена Яворская

«Бестолковая улица»

Из книг, написанных об Одессе, вполне можно сложить пирамиду. Думаю, по величине она как раз сравнится с пирамидой Хеопса.

Но ведь город состоит из улиц. А кто из поэтов и писателей воспел улицы нашего города, хотя бы главные? Вспоминается разве что Семен Юшкевич и его «Дерибасовская». И краткая ироническая характеристика десятка улиц у Ефима Зозули.

Но если внимательно прочитать хотя бы часть написанного об Одессе, можно собрать литературный портрет каждой улицы.

Вот, например, Екатерининская – улица и площадь.

В 1818 площадь являет грустное зрелище, описанное князем Иваном Долгоруким в книге «Славны бубны за горами»:

«Другая церковь в городе предполагалась, при начальном его основании, во имя Св. Екатерины, но что же? Заложена, застроена до половины и брошена. …О, как времена, да и в какой короткий срок, все истребляют! Ныне вы тут найдете недостроенные стены открытого со всех сторон храма, который разрушает и ветер тлетворный, и морские непогоды, и пуще еще пренебрежение человеков.

Вокруг его всюду настроены казармы: там живут солдаты; жены их ходят выливать в развалины храма всю домашнюю нечистоту; словом, воспетая и молитвословием прославленная скиния обратилась в место пустое и омерзительное. Древность предварила наложить на сей несовершенный храм печать свою, обложила его мхом и зарастила травой, а тем почтила намять соименной церкви сей Владычицы. Жаль, что я это видел, но, увидавши, не мог смолчать».

Руины сменил скверик, фонтан, а затем памятник. И вот уже иное, восторженное описание Дона Аминадо, картина начала XX века: «С высоты чугунного пьедестала, на примыкавшей к морю площади, неуклонно глядела вдаль бронзовая Екатерина II, а к царским ногам ее верноподданные сбегались переулки – Воронцовский, Румянцевский, Чернышевский, Потемкинский, и прямые, ровные, главные улицы, параллельные и перпендикулярные, носившие роскошные имена дюка де Ришелье, Де-Рибаса и Ланжерона».

После Февральской революции памятник «был накрыт брезентом во избежание эксцессов». Одесситы мгновенного отреагировали: очередной номер сатирического журнала «Бомба» украсила карикатура MAD (Михаила Дризо) – человек в канотье разглядывает памятник: «Чтоб в Одессе кого-нибудь не накрыли!». После прихода австрийских войск ткань исчезла, но ненадолго.

В короткий период советской власти весной-летом 1919 г. история повторилась. На майские праздники памятник «украсила» ткань с громадными звездами. В «Окаянных днях» Иван Бунин писал:

«Перед вечером был на Екатерининской площади. Мрачно, мокро, памятник Екатерине с головы до ног запутан, забинтован грязными, мокрыми тряпками, увит веревками и залеплен красными деревянными звездами. А против памятника чрезвычайка, в мокром асфальте жидкой кровью текут отражения от красных флагов, обвисших от дождя и особенно паскудных…

Из окон прекрасного дома возле чрезвычайки, против Екатерины, неслась какая-то дикая музыка, пляска, раздавался отчаянный крик пляшущего, которого точно резали: а – а! – крик пьяного дикаря. И все дома вокруг горят электричеством, все заняты.

Вечер. И свету не смей зажигать и выходить не смей! Ах, как ужасны эти вечера!»

Пришли добровольческие войска – и вновь озирали улицы Екатерина и фавориты. Но, как в сказке – третий раз стал роковым. В мае 1920 памятник снесли, а затем на колонну установили новый. Вера Инбер в повести «Место под солнцем» писала:

«На этот цоколь, на этот темно-красный монолит было решено поставить бюст К. Маркса. Торжество открытия памятника

состоялось в зимний день, когда туман клочьями носился по городу и за углом площади разрушался дом, из которого были вынуты все деревянные части для топки.

Памятник был накрыт парусиной. Наконец, холодные трубы и валторны заиграли «Интернационал», и мы, стоящие внизу, увидали памятник. Он состоял из одной головы, как богатырь, с которым сразился Руслан. Не было ни плеч, ни шеи. Каменная волна волос сливалась с бородой, плоскости щек были квадратны, потому что скульптор был кубист».

У Екатерининской площади, светлой и солнечной, в 1919-20 году была мрачная репутация – здесь размещалась ЧК.

Поэт Александр Биск вспоминал:

«Мне пришлось изведать прелестей советского режима. Я был арестован в качестве заложника. Я пошел вместо моего отца. Больше всего меня поразило, что чекист, который был в форме студента Новороссийского университета, явился один, без всякого оружия. Эти люди прекрасно знали, что буржуазия – народ интеллигентный, и не позволит себе никаких беспорядков. И на смерть они шли как послушные овцы.

Просидел я, впрочем, недолго, всего 3 дня. В это время печаталась моя книга из Рильке. По гениальному совету Изы Кремер, моя жена забрала из типографии первый экземпляр моей книги и пробралась с ним к самому председателю ч-к Калиниченко (чтобы доказать, что я не буржуй). Меня в конце концов освободили… В чрезвычайке моим соседом по койке оказался Федор Яковлевич Гальперин. В то время как наших соседей брали на расстрел, мы беспрерывно играли в шахматы, и это погружение в потустороннее спасло нас от излишних мук и переживаний».

Сын, Анатолий Биск, ставший французским поэтом Аленом Боске, в повести «Русская мать» дополняет семейную легенду:

«В назначенный час ты опять у Червенко. А тот ходит из угла в угол, матерится, нечесаный, гимнастерка расстегнута. Не кончил здесь всех дел, а его бросают в Курск, на борьбу с контрой. Тебя он насилу вспомнил. Ну что явилась ни свет ни заря? Ты в слезы, робко протянула отцову книгу. Прочел посвящение, пожал плечами, прошептал:

– Дура ты буржуйская, в расход бы тебя вместе с ним…

Ты опустилась на стул, уткнула лицо в платок. Он подошел и сказал:

– Сохраню, что ль, на память. Чушь несусветная, а все ж в мою честь. Только хранить-то недолго. Такие, как я, скоро погибают, на баррикадах или на поле боя, – поймал твой взгляд, полный слез, боли, надежды, и пробормотал, точно думал вслух: – К стенке бы вас всех, и баста.

Потом схватил тебя за руку, достал из ящика связку здоровенных ключей и пошел с тобой к лестнице, ведущей вниз. В подвале, с револьвером в руке, в присутствии охранника отпер камеру, где сидели отец и еще двенадцать заключенных. Миг – и вы на лестнице. Он ткнул отца в ребра, открыл дверь, с виду заколоченную. Пройдя по улице сто метров, отец раскрыл книгу на странице с посвящением Червенко. Объяснять было незачем».

Ни отец, ни сын не называют улицу, на которой была ЧК. Слушатели и читатели отца – не забыли, читателям сына – безразлично.

Но вот Исаак Бабель в не опубликованном при жизни рассказе «Фроим Грач» четко обозначил место действия и вложил в уста героя пророческие слова, определившие на долгие годы новый облик города:

«…он дошел до Екатерининской улицы, свернул у памятника императрице и вошел в здание ЧК.

– Я Фроим, – сказал он коменданту, – мне надо до хозяина.

…И комендант ввел в кабинет старика в парусиновом балахоне, громадного, как здание, рыжего, с прикрытым глазом и изуродованной щекой.

– Хозяин, – сказал вошедший, – кого ты бьешь?.. Ты бьешь орлов. С кем ты останешься, хозяин, со смитьем?»

Драматург Микола Кулиш жил на площади в общежитии партийных работников, но свою пьесу «97» придумывал, гуляя по Пушкинской и бульвару.

Улица Екатерининская начинается от площади. Впрочем, для многих гуляющих она заканчивается площадью. Об улице этой насмешливо, но с любовью написал В. Жаботинский в романе «Пятеро»:

«Потом Екатерининская: бестолковая улица, ни то и ни се; притязала на богатство, щеголяла высокими франтоватыми домами вчерашнего производства, и почему-то «сюдою» по вечерам вливался и на Дерибасовскую, и на близкий бульвар главный поток гуляющих; а чуть подальше, справа, шумные, как море у массивов, запруженные сидящими, окруженные ожидающими, темнели биржи-террасы кофеен Робина и Фанкони.

Но в то же время «сюдою» и няньки водили малышей в детский сад, что ютился под обрывом у самого бульвара; и приказчики и посыльные, с пакетами и без, тут же сновали между городом и портом; и сама портовая нация, в картузах и каскетках набекрень, а дамы в белых платочках, часто предпочитали, чем тащиться по отведенным для этого сословия плебейским «балкам» и «спускам», гордо взмыть к высотам прямо из гавани по ста девяносто восьми гранитным ступеням знаменитой лестницы (одно из восьми чудес света), – и наверху, мимо статуи Дюка в римской тоге, сразу вторгнуться в цивилизацию и окропить тротуары Екатерининской водометом подсолнечной шелухи. Не просто угол двух улиц, а микрокосм и символ демократии – мешанина деловитости и праздношатания, рвани и моды, степенства и босячества…»

Так же смешаны улица и площадь и у Алексея Толстого в повести «Ибикус, или Похождения Невзорова»: «Если душа ваша раздвоилась и заскулила, сверните скорей на Екатерининскую, дойдите до набережной, станьте у подножия герцога Ришелье… Какой великолепный и успокаивающий вид! Бронзовый герцог, в римской тоге, приветливым и важным жестом указывает на широкий, покрытый мглою порт».

На углу улицы Екатерининской и Театрального переулка в 1921-1922 гг. размещался театр КРОТ (Конфрерия рыцарей острого театра). Воспоминания Рины Зеленой о «КРОТе» уже публиковались на страницах альманаха.

В этом веселом театре режиссером и художественным руководителем был Виктор Типот, актрисами Рина Зеленая, Вера Инбер, занавес поднимала будущий литературовед Лидия Гинзбург, а играл на скрипке юный Давид Ойстрах. Дружная труппа сочинила даже свой гимн:

«Гимн Кротов»

Смиренный крот
В земле живет
Во мраке и тиши,
Родит детей
В норе своей
И счастлив от души.
Но мы, наземные кроты,
Не так проводим дни:
Мы любим солнце и огни,
Улыбки и цветы…

Припев:

В зной ли, в холод
Будешь ты стар или молод,
Каждый с радостью придет
Посетить веселый «Крот».
Вечер синий,
Будет то дождь или иней,
Сгладят хмурые черты
Бодрые кроты.

О том, как в трудное время актеры ухитрялись менять костюмы, Рина Зеленая в мемуарах «Разрозненные страницы» вспомнила:

«Как полагается «кроту», театр помещался в подвале. Шли пародии на оперетты. Потом это стало для всех маленьких театров тривиальным приемом, но тут все было в первый раз, все надо было придумывать самим. …Целые дни надо было работать, чтобы менять программу каждую неделю. Репетиции, спектакли – ведь зрители платили деньги, которые делились между всеми… Душа всей технической работы театра – Н. Блюменфельд. Она костюмер, она рабочий, художник, переводчик, портниха, парикмахер, козел отпущения и машинистка. Кроме того, она жена нашего главного режиссера В. Типота и актриса на выходах.

Костюмерная наша помещалась вся в одном большом сундуке. Туда вообще заталкивалось все для нашего театра, приносившееся из дома не на время, а насовсем: клетчатые лоскутья, полосатые ленты, куски материи, украденные из дома, штаны, просто отдельные бархатные рукава, цилиндры, фалды от фраков, страусовые перья, ботинки на пуговицах, шали, распоротые платья, шляпы, кружева.

В каждой программе все это служило по-разному. Сегодня это был шлейф дамы, в следующей программе – плащ палача или скатерть на столе на сцене. В случае необходимости сундук пополнялся новыми «ворованными» дома вещами.

Первый вопрос, который Надежда Германовна Блюменфельд задавала актеру: «Вы спиной к зрителям поворачиваетесь?». Если нет, ваш костюм сзади она затягивала веревкой или куском бязи. Лицом к публике при этом вы стояли в великолепном одеянии из блестящей парчи или бархата, с бриллиантовыми застежками и короной на голове. Со сцены одетый таким образом человек уходил за кулисы, так ни разу не повернувшись спиной, и публика ничего не знала о необыкновенной изобретательности, находчивости, выдумке нашей художницы.

Мы играли царей, средневековых дам, санкюлотов, русских матрешек и французских маркиз в фижмах. Иногда костюмы делались даже целиком».

Вернемся в век девятнадцатый. На Екатерининской два входа в Пале-Рояль.

Путешественница Олимпиада Шишкина в книге «Заметки и воспоминания русской путешественницы по России в 1845 г.» оценивала его лавки критически:

«На Театральной площади, между лавками, есть и гостиницы, и кондитерские. В лучшей из последних, у Каруты, покупали мы сироп вдвое дороже, но не так хорош, как киевский. В двух модных магазинах в гостином дворе у француженок или, по крайней мере, у иностранок, называющихся француженками, чепчики и шляпки хуже и дороже, нежели у русских купцов в Петербургском гостином дворе, с которым здешний только одно имеет сходство, что также построен четвероугольником. Внутри его, откуда вход в лавки, посажены белые акации и другие деревья, и со временем будет здесь

прекрасный сад. Теперь более гуляют вокруг лавок, по асфальтовой мостовой; она очень гладка, и по ней легче ходить, нежели по камню. Здесь два раза в неделю играет музыка, и тогда особенно много гуляющих: под деревьями расставляют стулья и столы, за которыми пьют чай, едят мороженое и конфекты, что все под рукою. Лавки кругом освещены, и под ногами светится огонь из отверстий с железными решетками, в которые видно, что там живут.

Здесь множество иностранцев; приезжие отличаются своими белыми и серыми безобразными блузами, и когда на несколько минут умолкает музыка, со всех сторон слышны различные языки, восточные и западные. …я наслаждалась, гуляя и отдыхая с избранным обществом, под прекрасным южным небом, в прохладе вечерней».

«…После постройки Пале-Рояля там появился роскошный кафе-ресторан Каруты, а также гастрономические магазины: Шартрен, Роблен и кондитерская Замбрини с красавицей хозяйкой. Эти заведения впервые стали посещать и дамы из высшего общества», – писал Осип Чижевич в «Записках одесского старожила».

Николай Мурзакевич в «Одесской старине» иронически отзывался как о месте, так и об архитекторе: «Гостиный двор, прозванный мелкими торговцами пале-ройялем, по неизвестно какому сходству с парижским, не имеющим, впрочем, ничего общего, кроме некоторой местной вони, построен по проекту Торичелли, всегда ошибавшемуся в пропорциях. Садик, что внутри двора, разведен в 1847 г. княгинею Е.К. Воронцовой».

У многих центральных улиц есть свои деревья. Липы Дерибасовской, сменившие акации. Платаны Пушкинской, акации Пастера-Херсонской.

Екатерининскую украшают экзотические катальпы – родственницы тропических лиан. За большие сердцевидные листья катальпы прозвали «слоновьими ушами».

Об истории кафе Робина и Фанкони писали неоднократно исследователи-краеведы Олег Губарь и Ростислав Александров (Александр Розенбойм).

Публика эти кафе посещала разная – «Робина» облюбовали актеры и писатели, а «Фанкони» – люди серьезные, деловые – торговые маклеры, биржевые спекулянты.

Путеводитель Григория Москвича писал о «Фанкони»: «На Екатерининской, между Дерибасовской и Ланжероновской ул. первоклассная кондитерская. Кафе очень усердно посещается изысканной публикой и коммерсантами. Место, где узнают всякие злободневные новости. Фирма существует несколько десятков лет и является средоточением крупнейших биржевых деятелей Юга». Именно здесь продавал еврейские календари герой рассказа Шолом-Алейхема «Семь календарей» в начале XX века: «И вот расхаживаю я со своим товаром – всякими молитвенниками и календарями на круглый год – по Ланжеронской и Екатерининской, возле «Фанкони», где шатаются все биржевики и маклеры и «вообще» всякие евреи, и высматриваю, не пошлет ли мне Бог какой-нибудь заработок. Расхаживаю, значит, вот такой, каким вы меня видите, по тротуару у кафетерия Фанкони, где обычно наши биржевики ботинки рвут, и думаю про себя: где добыть покупателей на оставшиеся календари? Прошел уже Новый год, Судный день, скоро совсем незаметно уйдут и Кущи, а я все еще не распродал свои остатки… Останавливаюсь возле «Фанкони» и разглядываю биржевиков, которые снуют мимо меня взад и вперед, – я знаю их всех как облупленных – и размышляю: кому же предложить мои остатки, когда я всех уже «обеспечил» календарями на круглый год? Стою так размышляю и вдруг вижу, за столом у Фанкони, поближе к улице, сидит генерал в эполетах и помешивает ложечкой кофе, а подле него стоит «красная шапочка», из тех, что бегают на посылках». История эта закончилась, увы, печально.

Не очень повезло с «Фанкони» и герою повести А. Толстого «Ибикус, или Похождения Невзорова» в 1918 году, хоть начиналось все более чем удачно:

«Семен Иванович Невзоров уселся за столиком у Фанкони и, не снимая шляпы и пальто, чтобы их впопыхах не сперли, принялся оглядывать посетителей, прислушиваться к разговорам.

В табачном дыму вертелась стеклянная дверь, впуская и выпуская деловых людей, набивавшихся в этот час в кофейню со всего города. На лицах у дельцов было одно и то же выражение – смесь окончательного недоверия ко всякому жизненному явлению – будь то французский броненосец или накладная на вагон волоцких орехов – и, вместе, живая готовность купить и быстро продать таковое явление, получив разницу. Над столиками, среди котелков

и котиковых шапок, взлетали руки с растопыренными пальцами, метались потные лица, надрывающие голоса перекрикивали шум: …«Сто бидонов масла…» – «Не крутите мне голову с аспирином». – «Продам доллары, куплю доллары». – «Послушайте, что вы мне лезете в карман?» – «Интересуетесь персидской мерлушкой или вы не интересуетесь?» – «Продам колокольчики». – «Слушайте, колоссальная новость: большевики взорвали Кремль».

Семен Иванович только усмехнулся презрительно: за несколько дней в Одессе, не нуждаясь в деньгах, он спокойно обследовал торговую и валютную биржу и выяснил, что в городе ничего решительно нет, ни товаров, ни денег, если не считать небольшого количества французской и греческой валюты, которую все время перепродавали одни и те же лица до четырех часов на углу Дерибасовской, а с четырех у Фанкони. В городе и у Фанкони торговали одними накладными и считали это даже более удобным, чем торговать только вещами: и весь магазин в кармане, и торговых расходов – только чашка кофе с пирожным.

По приезде Семен Иванович купил несколько тысяч франков «на всякий пожарный случай». Через несколько дней его начали осаждать предложениям – продать эти франки. Он только подмигивал. Тогда у Фанкони началось смятение, на Невзорова с ужасом оглядывались, – вот человек, который прячет товар и подмигивает. Франк взлетел на сто процентов. Но он и тогда отказался получить разницу и бросить франки снова на рынок, где уже с десяток дельцов пришли в ничтожество за неимением работы».

Петя Бачей из «Зимнего ветра» Валентина Катаева увидел «Фанкони» совсем другим. Он искал посыльного («красную шапку», о которых упоминал Шолом-Алейхем). Мальчишка подсказал:

«– Дяденька, вы идите прямо до Фанкони или до Робина, там еще остался один чудак «красная шапка», я, конечно, очень вами извиняюсь…

Петя еще ни разу в жизни не был в ресторане, а кафе Фанкони представлялось ему чем-то сказочно роскошным, безумно дорогим и недоступным для простого смертного.

Но теперь он был все-таки, черт возьми, раненный офицер и даже не какой-нибудь прапорщик, а настоящий боевой под-

поручик с аксельбантами и «клюквой». И у него лежали в кармане две керенки.

Преодолевая смущение, даже, сказать по правде, некоторый унизительный страх, Петя толкнул вращающуюся дверь и, бестолково покрутившись среди зеркальных стекол вертушки, толкнувшей его сначала в грудь, а потом в спину, чуть не прищемив сноп цветов, наконец очутился в знаменитом кафе.

Петя был разочарован.

Вместо шика и блеска он увидел почти пустой запущенный зал с диванчиками, столиками и дубовыми панелями, до бесконечности умноженными большими стенными зеркалами.

Сумрачный воздух отдавал старыми, застоявшимися запахами кухни, кофе и гаванских сигар.

За двумя столиками сидели солдаты в расстегнутых шинелях и пили чай со своим сахаром и хлебом.

Они покосились на прапорщика, но не встали. Петя вспыхнул и уже собрался сделать замечание, но как раз в эту минуту увидел «красную шапку» – седовласого старца с кривым пенсне на вульгарном бугристом носу.

Он сидел за буфетной стойкой на табуретке и играл в шашки с официантом в засаленном смокинге.

Видно, «красной шапке» давно уже не приходилось носить букеты, потому что, едва Петя подошел к нему, он ужасно обрадовался, засуетился, вскочил на ноги, в одну минуту поразительно ловко завернул цветы в бумагу, предложил Пете тут же у буфета написать записку, для чего раздобыл бумаги и конверт с печаткой фирмы «Кафе Фанкони», и не успел Петя глазом моргнуть, как уже за витриной на Екатерининской улице мелькнула «красная шапка», раскрылся зонтик, и посыльный, бережно прижимая к груди букет и книгу, растаял в дождевом тумане, как вестник счастья».

В феврале 1920 г. здесь открылся клуб военморов (военных моряков) имени П. Шмидта. Поэт-акмеист Владимир Нарбут в том же году писал в стихотворении «7 февраля 1920» о новых посетителях:

Широким военморам у Фанкони
Артелью раздувают самовар.

Впрочем, все опять быстро изменилось. Одесса 1925 в повести Алексея Каплера «Возвращение броненосца» – публика в кафе вновь меняется:

«Он шел по Екатерининской улице мимо оживших кафе Робина и Фанкони, где с утра до ночи за столиками «делались дела».

Тут можно было купить и продать все: доллары и франки, фунты, песеты и лиры, сахарин и железо, мануфактуру и горчицу, вагон ливерной колбасы и вагон презервативов.

Одни нэповские персонажи были одеты в сохранившиеся люстриновые пиджаки и «штучные» брюки в полоску, на головах у них красовались котелки и канотье; другие, приспосабливаясь ко времени, щеголяли в новеньких френчах, кепках и капитанках. А из-под этих капитанок выглядывали физиономии новых буржуев, выросших мгновенно, как грибы после дождя.

Эта публика, правда, только прослаивала основную массу прохожих – трудовой люд Одессы, служащих, рабочих. Но своей броскостью, наглым контрастом с очень скромно – если не бедно – одетыми людьми они создавали этот нэповский колорит, нэповскую атмосферу города».

Но все проходит. И вот уже судьба завсегдатаев кафе «Флорида» в знаменитом романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок»:

«Почти все они были в белых пикейных жилетах и в соломенных шляпах канотье. Некоторые носили даже шляпы из потемневшей панамской соломы. И уже, конечно, все были в пожелтевших крахмальных воротничках, откуда поднимались волосатые куриные шеи. Здесь, у столовой № 68, где раньше помещалось прославленное кафе «Флорида», собирались обломки довоенного коммерческого Черноморска: маклеры, оставшиеся без своих контор, комиссионеры, увядшие по случаю отсутствия комиссий, хлебные агенты, выжившие из ума бухгалтеры и другая шушера.

Когда-то они собирались здесь для совершения сделок. Сейчас же их тянули сюда, на солнечный угол, долголетняя привычка и необходимость почесать старые языки. Они ежедневно прочитывали московскую «Правду» – местную прессу они не уважали, – и все, что бы ни происходило на свете, старики рассматривали как прелюдию к объявлению Черноморска вольным городом. Когда-то, лет сто тому назад, Черноморск был действительно вольным

городом, и это было так весело и доходно, что легенда о «портофранко» до сих пор еще бросала золотой блеск на светлый угол у кафе «Флорида».

В советское время на месте кафе были кассы Аэрофлота, а во время перестройки – опять «Фанкони».

Кафе Робина повезло больше. Завсегдатаями его была публика иного рода – актеры, журналисты, поэты. Петр Сторицын вдохновенно повествовал:

В костюмы рыжие одеты,
За рюмкой желтого вина
Сидели смуглые поэты
За столиком у Робина.

В 1950-е г. здесь был ресторан «Волна», который облюбовали китобои и плавсостав, благо «Антарктика» была за углом. Было даже выражение «нырнуть в «Волну». В мае 1958 г. ресторан «Волна» переименовали в ресторан «Украина». На веранде, окруженной старой чугунной решеткой (такая же когда-то была и у Фанкони), можно было посидеть еще совсем недавно. Но, увы, ресторан закрыли, а решетку снесли – она мешала банку. Теперь на этом месте – опять ресторан, уже без веранды.

До начала 1920-х годов на углу Екатерининской и Дерибасовской продавали цветы. Именно здесь купил их Петя Бачей, а уж затем озаботился поисками «красной шапки».

«Возле большого углового дома Вагнера испокон веков шла уличная торговля цветами.

Это был один из красивейших уголков города, где прямо на тротуаре под платанами стояли зеленые рундуки и табуретки, заваленные цветами.

В синих эмалированных мисках плавали розы. Из ведер торчали снопы гладиолусов, белых и красных лилий, флоксов, желтофиолей, тубероз. В плоских тростниковых корзинах густо синели тесно наставленные букетики пармских фиалок, нежно и влажно пахнувших на всю улицу. Пахло сыростью резеды, левкоями, гелиотропом.

Но сейчас уже был октябрь.

Время цветов миновало. Зеленые столы и табуретки цветочниц наполовину опустели.

Но зато был в полном разгаре сезон хризантем. Зеленовато-белые, желто-коричневые, лиловые, кремовые, лимонные, канареечные, с туго закрученными к центру цветка узкими, как лапша, жирными лепестками, они лежали прямо на тротуарах целыми грудами, распространяя в холодном октябрьском воздухе свой особый, ни на что не похожий, не цветочный, а какой-то другой, острый, раздражающий аромат японских духов.

Покупателей совсем не было, и толстая старуха в теплых перчатках с отрезанными пальцами не без удивления посмотрела на щеголеватого не по времени офицерика, который быстро выбрал десятка два самых крупных хризантем и прижал их к груди так, что они заскрипели, как свежие кочаны капусты.

Затем Петя увидел в ведре целый сноп последних осенних махровых гвоздик, громадных, карминно-красных, покрытых холодным серебряным туманом.

Их продавала, по-видимому, солдатка в стеганом армейском ватнике, со злым измученным лицом.

Петя, не торгуясь, купил у нее сразу все гвоздики, присоединил к ним хризантемы и в таком виде, почти весь закрытый цветами, пошел по Дерибасовской, отыскивая рассыльного».

У Константина Паустовского: «Вот угол Екатерининской и Дерибасовской. Здесь всегда по вечерам стояли цветочницы. В тазах с холодной водой лежали груды роз, пионов, сирени. На ветвях деревьев, над цветами висели горящие фонари. Рядом сверкало электричество, но старая традиция сохранилась – цветочницы приносили с собой фонари, зажигали их, и мягкий свет смешивался с запахом цветов».

Цветочниц описал Владимир Галицкий: «Особенно хороши были Дерибасовская и Екатерининская… В летнее время угол скрещения этих улиц становился царством цветов. Пышнотелые мещанки с Бугаевки, в туго накрахмаленных белых платках и передниках поверх ярких ситцевых кофт, сидели на скамеечках прямо у обочины тротуара. Перед ними – в ведрах, тазах – бастионы цветов всех сортов и оттенков. Покупать у них цветы счита-

лось особенным шиком, вокруг всегда толпилась зажиточная публика».

Неподалеку два магазина. «Абрикосова сыновья» продают конфеты, а рядом – игрушки «в магазине игрушек вдовы Колпакчи на Екатерининской, рядом с магазином Абрикосова», – вспоминал В. Катаев. «В магазине Колпакчи на Екатерининской улице продавались детские игрушки. Наиболее привлекали к себе внимание – да просто вы окаменевали, глядя на них! – волшебные фонари. В них была всегда вложена пластинка с изображением – с торговой, так сказать, целью: посмотрите, мол, как это делается. Бледная туманная пластинка из матового стекла, которая… Нет, это очень неясное описание! Он был заряжен, волшебный фонарь, вот как надо сказать, заряжен, и если бы можно было зажечь лампу, стоящую в нем, и если бы в помещении было темно, то можно было бы тут же и пустить его в действие – пластинка тут же появилась бы на стене в виде румяного, зеленого, карминового светящегося изображения какой-нибудь известной всем детям сказки», – это, конечно же, сказочник Юрий Олеша.

В 1914 году в новом здании на Екатерининской, 24, разместились существующие с 1907 года «Курсы рисования и живописи художника Ю. Бершадского». Новый дом был построен по последнему слову техники, в рекламе подчеркивали наличие лифта. В сентябре 1918 художник-реалист предоставил место в своей мастерской молодым одесским левым художникам – И. Малику, Т. Фраерману, А. Нюренбергу, В. Мидлеру, В. Бабаджану, Ф. Гозиасону, создателям «Свободной художественной мастерской». Как писала пресса: «Задачи мастерской – создать артель художников, свободных от всякой литературности и всевозможных видов эстетизма». Сюда приходил и старший брат Ильфа художник Михаил Файнзильберг. Амшей Нюренберг вспоминал: «В студию часто приходил Багрицкий и начинал развлекать студийцев… В студии часто устраивались вечеринки, на которых активно выступала дружившая с нами молодая одесская поэзия… Центральное место принадлежало Эдуарду». Багрицкий же был автором неофициального гимна студии:

Нет ничего прекрасней в мире,
Когда, вдыхая трубок дым,
Под номером 24
На пятом этаже сидим…

Автором сценок из жизни художников был и один из организаторов студии, Вениамин Бабаджан. Его стихи и сценки были опубликованы в предыдущих номерах альманаха.

Церковь Святой Екатерины так и не построили. Может, именно поэтому были на Екатерининской и костел, и греческая церковь, и армянская, и холодная синагога. Армянская церковь и синагога не сохранились. Путеводитель Москвича характеризовал их достаточно сдержанно:

«Армяно-Грегорианская церковь – небольшая, каменная, однокупольная, отделанная в классическом стиле.

Новая (холодная) синагога – построена в англо-готическом стиле. У главного фасада 3 выступа до среднего и боковых выходов. Две чугунные лестницы ведут на хоры, которые устроены с 3 сторон между кирпичными столбами.

…Главную достопримечательность синагоги представляет синагогальная служба, которая сопровождается прекрасным задушевным пением кантора и хора, составленного из мужских и детских голосов».

Более подробно описаны костел и греческая церковь:

«Римско-Католическая церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы, существует с 1805 года. Когда была сооружена сначала деревянная, а затем каменная постройка. Свой нынешний вид храм получил в 1853 году. Архитектура церкви представляет смешанный стиль с готическими фронтонами, двойными полукруглыми окнами, романскими полуколоннами и готическими окнами в колокольне. В храме погребен граф Ланжерон.

Греческая Свято-Троицкая церковь – старейшая церковь Одессы. Нынешняя церковь построена взамен ранее существующей деревянной и освящена в 1808 году. В 1838 году она была значительно расширена, перестроена и украшена внутри. После перестройки совершенно другую форму получила колокольня. Стиль

церкви – классический, с невысокой колокольней: у главного входа – фронтон с коринфскими колонами.

С обеих сторон церкви, по Екатерининской улице, находятся принадлежавшие церкви дома и предназначенные для причта и собраний прихожан».

Греческую церковь и костел в 1818 году посетил уже упоминавшийся князь Долгорукий:

«Церковь греческая во всем подобна нашей и хорошей архитектуры, имеет своих особых священнослужителей. Дьячок в нее меня водил и все мне показывал; драгоценностей нет никаких; лишь образ местной Богородицы обвешен разными серебреными членами: их делают и в честь образа приносят те, кои страждут в каком-либо недуге и приписывают исцеление свое чудотворной силе той иконы. Тут уши, глаза, персты и пр. и пр.

Католицкая римская церковь на особом же двор внутри города, небогата, но чисто и хорошо прибрана; при ней служит капуцин. Он меня водил по всему строению церковному: ходит по установлению своего ордена, босый, в одних туфлях, в сером капоте, с отложным капюшоном, опоясан ременным поясом и с четками в руках».

Пройдет почти сто лет. В 1916 Иван Бунин напишет в рассказе «Сны Чанга»: «И вдруг распахивается дверь костела – и ударяет в глаза и в сердце Чанга дивная, вся звучащая и поющая картина: перед Чангом полутемный готический чертог, красные звезды огней, целый лес тропических растений, высоко вознесенный на черный помост гроб из дуба, черная толпа народа, две дивные в своей мраморной красоте и глубоком трауре женщины, – точно две сестры разных возрастов, – а надо всем этим – гул, громы, клир звонко вопиящих о какой-то скорбной радости ангелов, торжество, смятение, величие – и все собой покрывающие неземные песнопения. И дыбом становится вся шерсть на Чанге от боли и восторга перед этим звучащим видением».

Единственный католик среди молодых одесских поэтов двадцатых годов, Ю. Олеша:

«Уже мне не хочется вспоминать детство. Может быть, только костел на Екатерининской улице, небольшое готическое здание

с архитектурной розой над порталом, с непрочными ступенями, по которым ступали мои сандалии…

Я был католиком… обязан был я каждое воскресенье посещать костел.

Вот оно, одно из этих воскресений.

Я вхожу за ограду, иду по широким синеватым плитам, которые звенят под ногами. Вот ступени, я поднимаюсь, и вот я среди полумрака и прохлады каменных, а может быть, и железных сеней костела… Здесь стоят, наклонив лбы, нищие; здесь властвует эхо; здесь я обнажаю голову. Костел поет мне навстречу. Орган, голоса мальчиков, тонкие колокольчики. Это размашистые, гигантские взмахи звуков. Я вижу вдали, где алтарь, целую толпу, часть которой движется, часть неподвижна: это люди и статуи. Люди в черно-белом; статуи текут желтым цветом масла. Мощно лежит среди них солнечный свет, падающий сверху. Он не лежит, он стоит среди них, как корабль в полной оснастке.

Там поют люди и орган. Поют колокольчики. Я вхожу и первым вижу то, о чем забываю всякий раз…

Когда я входил в костел, я видел стоявшие вдоль стен на высоте второго этажа статуи ангелов – почти детей, во всяком случае, не старше меня, в легких хитонах, сквозь которые просвечивали их тела. По мере моего продвижения вперед, к алтарю, образовывались ракурсы, в результате которых ангелы один за другим все более и более отворачивались от меня, а последний уже, казалось, уткнулся в стенку и плачет, скорбя обо мне, но не имея права простить меня…

Книжный магазин на Екатерининской улице помещался в доме по соседству с костелом. Близость готического здания, казалось, влияла на окружающее, и когда я останавливался перед темной витриной книжного магазина, то мелькавшая в ней фигура хозяина, маленького старика в черном костюме, воспринималась мной как фигура, вышедшая из иностранных книг, к которым тогда тянула меня фантазия».

Остап Бендер прогуливался у кафе «Фанкони», а вот мемориальная доска ему установлена в другом месте, на Екатерининской, 47. Это единственная шутливая мемориальная доска в нашем городе, а возможно, и во всем мире. Наискосок – четырехэтажный дом. Именно об этом здании КГБ (ныне СБУ) в со-

ветское время шепотом рассказывали анекдот: «Какое здание в Одессе самое высокое? – КГБ, из подвала Колыму видно».

На Екатерининскую, 70, в 1912-13 годах приходили юные поэты и прозаики – здесь размещалась редакция одного из первых литературных журналов для детей «в возрасте от 9 до 14 лет» «Детство и отрочество». Именно на его страницах дебютировали 12-летний Семен Гехт и 11-летний Макс Поляновский. Визит в редакцию журнала подробно описан в рассказе С. Гехта «В гостях у молодежи»:

«Издавался журнал в городе, который в целях литературной конспирации принято называть «городом на юге». Редакция помещалась в ряду железно-скобяных лавок на торговой улице.

Последние дореволюционные годы. Миновав несколько лавок с огромнейшими амбарными замками, останавливаюсь у дверей редакции. Особой, присущей новичкам робости не испытываю. Наоборот, ожидаю от встречи чего-то исключительно приятного.

Месяц назад я написал стихотворение и, по совету взрослых, послал его в редакцию детского журнала. …Недели через две я увидел свое стихотворение опубликованным. Ну, уж тут руки зачесались вовсю, буквально не сходя с места, написал я еще стишок: с бурунами, чайками, а главное – реями. Что такое рея, я не знал, но слово, по-моему, годилось. Увы, в следующем номере я стихов уже не нашел. Школьный товарищ посоветовал: «Загляни в «Почтовый ящик».

Фамилию свою я нашел в «Почтовом ящике» сразу. Меня приглашали посетить редакцию. Посетить – вот именно! Приемный день – вторник, от трех до пяти».

Журнал публиковал рассказы известных писателей и юных дебютантов, развлекал и воспитывал – были в нем и разделы о научных открытиях, о ремеслах – лепка, плетение, вязание, рисование, выпиливание, – о географии, были шарады и загадки. Авторы зачастую подписывались псевдонимами, так что журнал мог гордиться публикацией самого «Наполеона Бонапарта». Редакция отвечала юным дарованиям в разделе «Почтовый ящик». В «Почтовом ящике» редакция сообщает «Наполеону Бонапарту, 8 лет. Рассказик напечатаем. …скажите, пожалуйста, неужели Вы и есть тот самый, – великий Наполеон Бонапарт».

А заканчивается Екатерининская Привозом. Его изобилие воспел Эдуард Багрицкий в стихотворении «Встреча», написанном в 1923 году:

И в этот день в Одессе на базаре
Я заблудился в грудах помидоров,
Я средь арбузов не нашел дороги,
Черешни завели меня в тупик,
Меня стена творожная обстала,
Стекая сывороткой на булыжник,
И ноздреватые обрывы сыра
Грозят меня обвалом раздавить.
Еще – на градус выше – и ударит
Из бочек масло раскаленной жижей
И, набухая желтыми прыщами,
Обдаст каменья – и зальет меня.
И синемордая тупая брюква,
И крысья, узкорылая морковь,
Капуста в буклях, репа, над которой
Султаном подымается ботва,
Вокруг меня, кругом, неумолимо
Навалены в корзины и телеги,
Раскиданы по грязи и мешкам.
И как вожди съедобных батальонов,
Как памятники пьянству и обжорству,
Обмазанные сукровицей солнца,
Поставлены хозяева еды.

Вот так складывалась литературная история Екатерининской – «бестолковой улицы», ведущей от монумента к базару, а впрочем, может, и наоборот.

Хочется надеяться, что многие страницы еще заполнят вдохновенные стихи и блистательна проза, посвященная ее домам и людям.

Сергей Кравцов, Екатерина Бойчук

Отмычка Соломона*

Суккубы

Дионисий Самуилович сидел в кресле и смотрел телевизор. Входная дверь хлопнула, и через минуту в соседнем кресле материализовался Никифор. Художник глянул на него и опять уставился в телевизор.

– Ну, как все прошло? – поинтересовался он, не отрываясь от экрана.

Никифор пододвинул свое кресло поближе к камину, кинул в него поленце, дунул на угли. Вокруг поленца заплясали желтые язычки.

– Как всегда, батюшка, безукоризненно. Не считая того, что клиент, кажется, совсем сдурел и приревновал меня к своей женщине. Меня к женщине – это же придумать надо!

– Никакой я тебе не «батюшка». И вообще, я же тебя не называю «нечистью» и не кричу «изыди».

– Не кричишь потому, что знаешь, что я никакая не нечисть и никуда не «изыду». А ты хоть и без прихода, но все-таки поп, и нечего этого стесняться.

Эта перепалка шла как-то вяло, без накала. Было заметно, что подобные фразы произносились с обеих сторон неоднократно. Никифор протянул к огню руки, а Дионисий продолжал смотреть концерт.

– А что Галина? – опять спросил художник.

– Нормальная баба с устойчивой психикой. Верит во все, что надо. Телевизор смотрит. Икс-файлы всякие. Наверное, будем привлекать, – ответил Никифор.

---

* Продолжение. Начало в кн. 64, 65.

В аквариуме громко хлюпнуло. Большой губастый рыб в синюю блесточку выпрыгнул из воды и стал прыгать в луже на полу. Никто не бросился его спасать. Никифор пробормотал какое-то иностранное ругательство, вылез из кресла и пошел на кухню. Когда он вернулся с тряпкой на швабре, вместо рыбки на полу сидела совершенно голая роскошная блондинка и принимала эффектные позы. Распущенные льняные волосы касались пола.

– И что, Галина лучше меня? – поинтересовалась она, откинув плечи и повернувшись в профиль.

– Офрим, встань из лужи – дай я вытру. Тебе мало рыбой прикидываться – тебя еще и в русалки тянет. Еще хвост себе отрасти из задницы, – оценил ее прелести Никифор.

– Мальчики, вы все такие грубые, – сделал обиженный вид Офрим и опять полез в аквариум, по дороге уменьшаясь в размерах. Там он, не меняя человеческого вида, отрастил вместо ног хвост и устроился на листе эхинодоруса.

Никифор вытер лужу у аквариума, отнес тряпку на кухню и опять устроился у камина, протянув к огню руки.

– Кстати, встретил я намедни двух вот таких красавиц, – кивнул головой джинн в сторону аквариума.

– Что в аквариуме плавали? – рассеяно спросил художник.

– Нет, очень даже на суше, хотя от моря недалеко, совсем не далеко – буквально на пляже.

– Любишь ты телок по пляжам снимать, никак не угомонишься. Третью сотню разменял – и туда же.

– Ну, да хорошие девочки попадаются – грех пропускать. Особенно на спецплощадках. Как то нудистский пляж. Приходят себя демонстрировать. Мол, вот какая я вся без комплексов.

– Я о твоих подвигах наслышан, и не в последнюю очередь ты тут из-за разных красавиц околачиваешься. И если ты собираешься поведать мне еще одну историю из этой серии, то мог бы найти слушателя и благодарнее.

– Дионисий, ты ханжа, как и все попы!

Художник собрался возмутиться.

– Но, – Никифор продолжил, – дело не в этом. А в том, что на пляже «Дельфин» я встретил двух очаровательных девушек, которых и подцепил. Кто кого подцепил – это еще вопрос,

потому что они пытались подцепить буквально каждого и вели себя крайне неприлично. Мне это показалось странным, и мы провели незабываемую ночь на троих.

– Ты собираешься описывать в деталях?

– Нет, процесс не так захватывающ, как финал.

– Ну, конечно.

– Старый пошляк.

– Помоложе тебя.

– Так вот финал оказался несколько неожиданным для нас всех. Эти фемины оказались суккубами на задании и, выполнив его, решили немного поразвлечься.

К этим словам Никифора художник проявил живейший интерес. Даже отвернулся от телевизора и теперь сидел в кресле боком, рассматривая джинна у камина.

– И каково же было их разочарование, – продолжал дальше Никифор, – когда карты были раскрыты.

– Ну, ну, – прервал его эффектную паузу Дионисий.

– Мне сразу кое-что показалось странным.

– Что именно?

– Ну, понимаешь, две женщины и один мужчина – это же соперницы, если они не питают нежной симпатии друг к дружке. А мужчина им нужен для разнообразия. А тут ничего такого. Между собой у них никаких нежных чувств, и тем более действий. И весь свой энтузиазм они обе направили на меня.

А ты же знаешь, что для нас главное доставить партнерше радость, всяческий экстаз и прочий кайф, за что и ценимы. От этого мы получаем удовольствие многократно большее, потому что чувствуем и за них, и за себя. Ну, там еще отъём жизненной энергии, но это вторично. Кгм.

Так что, женщина без оргазма нам то же самое, как плов твой, если его никто не ест.

– Знаю, знаю. Так что дальше?

– И тут я заметил, что приемы и методы, а главное – цели у нас одни. Я доходчиво излагаю?

– Да уж.

– И каждая сторона пытается довести противоположную до оргазма. Такого альтруизма у дам подобного рода я не замечал.

Тут я для чего-то посмотрел на их поле. Посмотрел и стал хохотать. Представь, две клевые телки, вот с такими сиськами, меня ублажают по-всякому, а я хохочу.

– Ну и?

– Тебе рассказать, что они еще выделывали?

– Оставь при себе эту ерунду. Кто это был?

– Я же тебе уже сказал – суккубы. Вот уж я потешился, глядя на их рожи. Они от неожиданности даже перестали форму поддерживать. У одной сиськи отвисли до земли, а у другой…

– Это неважно. Откуда они взялись?

– Говорят, туристы. Тоже мне секс-тур. Но я им не верю.

Редькин

На две недели Редькин запретил себе даже думать о лампах и своем неудачном предприятии. Он даже спрятал лампу с глаз долой, и каждый час с удовольствием напоминал себе, что даже не вспоминает ни о каких брошках.

В этот вечер Борис Александрович ужинал, смотрел телевизор и слушал свою супругу. Мумочка рассказывала о своем походе в эзотерический клуб и о новой подруге Галине, которая живет с ними в одном доме. И о молодом человеке этой подруги, который нашел себе очень странную работу. Он по ночам наливает масло в керамические светильники. Это занятие Галине не нравится и Мумочке, пожалуй, тоже.

– Вот со светильников, пожалуйста, поподробнее, – вдруг сказал Редькин, хотя можно было бы подумать, что он по привычке совершенно не слушает супругу.

– Вот я и говорю, Петя наливает масло по ночам. И кому это понравится, чтобы муж дома не ночевал?

– Ну, знаешь, ночные смены бывают на разных предприятиях, на заводах всяких, и жены чаще всего не возмущаются, а уточняют расписание ночных смен – и все.

– Пошляк ты, – взмутилась Мумочка, – то завод, а то невесть что. Вот Петя даже показал место – жилой дом, подвал. Галочка, конечно, ему ничего не сказала, но днем в тот дом зашла. Нет там входа в подвал!

– Однако, – сказал Редькин и задумался. – Может, адрес перепутала? – с сомнением сказал он. – А название фирмы Галочка случайно не говорила?

– Почему же, говорила. И название у них дурацкое: «Иблис» они называются.

– Да, я знаю – это птица такая, – отозвался Редькин. Потом вдруг помолчал и переспросил: – Как-как называется?

– Не ибис, а «Иблис», – поправила Мумочка. – Так Сатану звали до его свержения на землю. Ну и имечко придумали, фу!

– А почему бы нам этих симпатичных соседей не пригласить к нам в гости? В воскресенье, например. Ты бы что-нибудь приготовила. Как ты на это смотришь?

– Я как раз собиралась тебе это предложить, – согласилась Мумочка. – Видишь, у супругов, когда они долго живут вместе, образуется общая аура.

– Может быть, может быть, – согласился Редькин и стал думать и смотреть телевизор, мимоходом вставляя замечания в проект меню.

В следующее воскресенье вся компания сидела за великолепным столом, накрытым по высшему разряду одесской кухни. Вроде бы ничего особенного, но если съесть всего понемножку (если удастся понемногу), то уже встать из-за стола невозможно. Можно только отвалиться.

Редькин ел фаршированную рыбу и не знал, как перевести разговор на интересующую тему о Петиной работе.

Случай подвернулся сам.

– А вот попробуйте вот эти ножки – вдруг предложила Мумочка, видя, что у гостей пустеют тарелки.

– А, жареные ножки, я их люблю, я их тоже жарю, когда я у себя дома, и Галя меня не кормит, – согласился Петя. Галина толкнула его под столом.

– Попробуйте, попробуйте, – настаивала Мумочка, – может, вы такие и не готовите.

Ножки действительно сильно отличались от того, что готовил Петя. От ножки оставалась только кожица и косточка, а внутри была начинка, замечательная по вкусу. Сюрприз удался, но не совсем. Съев ножку, Петя сказал:

– Такое блюдо мы как-то ели в ресторане, но ваше намного вкуснее, замечательно.

– Да, мы последнее время частенько бываем в ресторане, – поддержала его Галина, – с тех пор как Петя стал прилично зарабатывать.

– Насколько я слышал, Петя инженер. И где в наше время инженер может заработать неплохие деньги? Петя, вы подались в депутаты? – пошутил Редькин.

– Представьте себе, нашел работу по объявлению на заборе. Странная какая-то работа, и мне она не нравится, но пока деньги платят… – стала объяснять Галина.

– Что, связанная с разъездами или опасная? – опять спросил Редькин в надежде, что станет отвечать Петя.

– Да нет, обыкновенная, я бы сказал, низкоквалифицированная работа, – теперь стал объяснять Петя. – Я бы на нее не пошел, но деньги нужны, опять же рабочий день четыре часа. Масло я наливаю в баночки, типа керамических ламп. Наверное, ароматизаторы.

– А что за масло? – поддержал разговор Редькин.

– А черт его знает, там названий нет, одни номерки.

– И вам это не показалось странным?

– Показалось, но фирма солидная, психотерапевтическая, я по Интернету проверял: зарегистрирована по всем правилам. А если они мухлюют, то мне об этом лучше не знать. «Как говорил один мой друг, покойник, я слишком много знал…» Исполнитель я.

Дальше разговор пошел о том, что Редькин стал очень хорошо разбираться во французских коньяках, как раз тогда, когда ему запретили пить. И Борис Александрович решил искать утешение в прекрасных блюдах Мумочкиного изготовления.

Соломон

– И это вы называете хорошо спланированной операцией? Вы клялись вашим креслом, что все продумано до мелочей. Кажется, вашей клятве суждено будет свершиться. Нет, вы не будете уволены, но сидеть за своим столом вы будете на табуретке. Да, на пластмассовой табуретке из дешевого кафе, у которой

подворачивается то одна, то другая ножка. Чтобы ваше положение напоминало вам о бренности существования в этом мире. Да, и вашего существования в частности.

Человек, произносивший этот монолог, был высок и худ. Светлые редкие волосы висели до плеч, а через них проглядывали оттопыренные уши. Большой горбатый нос покраснел и контрастировал с желтой гладко выбритой кожей щек, дряблой и обвисшей. Серые глаза сверлили стоящего перед ним Соломона Давидовича.

– Но ведь мы же все предусмотрели, – мямлил он, заполняя паузы в монологе начальника. – Они же должны были ехать на рыбалку и наехать колесом на люк. Люк переворачивался – я лично проверял. Подняли Петю вовремя, друга ему нашли, чтоб машина была с правым рулем, а таких теперь не так много. КамАЗ шел секунда в секунду, я его лично курировал. Встреча была неминуема.

– Да, работу вы провели огромную, – спокойно подытожил шеф. – Но кошачий чих ей цена, – продолжил он, срываясь на крик. – Вот, посмотрите!

Соломон Давидович вытянулся, насколько ему позволяла фигура, так, чтобы увидеть поверхность начальственного стола, но самому к нему не приближаться. За стеклом как бы в небольшом окошке была видна комната подвала с буфетом и часами. За буфетом сидел Петя и сосредоточенно переливал масло в очередную лампу.

– И ты опять будешь рассказывать об ангеле-хранителе! А откуда он вообще взялся, твой Петя распрекрасный? И не кажется ли тебе, что он нас всех давным-давно раскусил и смеется над нами, из себя идиота строя? Вы думаете, что он на пороге лавочки, а он уже не только за порогом, но и вовсю в вашей лавке хозяйничает.

– Случайность, шеф, чистая случайность! – заторопился с оправданиями Соломон Давидович. – Галка, любовница Петра, ему с утра скандал устроила из-за рыбалки, что, мол, они с другом по бабам едут, а рыбу в магазине потом купят. Пришлось им ее успокаивать и с собой брать, – вот и расхождение во времени, а КамАЗ вовремя промчался километров под сто. И в люк они четко колесом навернулись, но уже позже. И дальше потом поехали. Не иначе, ангела работа. Я же предупреждал.

– А часом этого ангела не Галкой зовут? – шеф произнес это так, словно мысль эта ему только что пришла в голову, и он нашел ее очень интересной.

– Через три дня чтоб у меня на столе лежало досье на эту красавицу. И главное: проанализировать причины или сущности, ею руководящие. Приступайте к работе немедля. Пока еще в своем кресле.

Шеф ухмыльнулся и отвернулся к окну.

Джинны

Была середина дня, хотя для обитателей подвала без окон разница между днем и ночью не была заметна. Все так же горел свет и так же нахохлившись возле стены стоял буфет, выдвинув многочисленные ящики.

Рафл, сняв сюртук с бриллиантовыми пуговицами и закатав рукава клетчатой рубашки, сосредоточенно переставлял заполненные масляные лампы в плоские ящики, сложенные тут же на полу один на один. Заполнив ящик, гуль доставал откуда-то из кармана штанов лучину, причем конец лучины уже тихонько тлел желтым прячущимся в обугленном конце огоньком. Гуль, повернув лучину вниз тлеющим концом, погружал ее в каждую из стоящих рядами в ящике ламп.

В одних лампах ничего не происходило, в других что-то вспыхивало, третьи выбрасывали небольшие клубы пара, в некоторых угадывались чьи-то силуэты и слышалась неразборчивая речь.

Обработанный таким образом ящик Рафл переносил и высыпал в тележку. Тележка была о двух колесах, которые располагались один за другим, как у велосипеда, однако тележка стояла на них твердо и не падала набок.

Вывернув в тележку очередной ящик, гуль услышал шорох осыпающейся штукатурки. Штукатурка на соседней стене почему-то пришла в движение и стала выпучиваться на одном месте. Через пару минут выпуклость приняла форму маски какого-то несимпатичного субъекта с низким лбом и тяжелой челюстью.

Рафл плюнул на большие пальцы рук, подошел к маске на стене и протер ей глаза. За слоем побелки глаза оказались вполне живыми. Они двигались, осматривая помещение, и моргали.

– Значит так: заходи, раз пришел, – сказал Рафл и сделал жест в сторону кресла, а сам уселся на стул, на котором сидел Петя.

За лицом из стены постепенно появилась и остальная фигура небольшого довольно неприятного человечка, одетого в расстегнутую солидную черную кожаную куртку. Под курткой был светло-серый костюм с розовой рубашкой и широким галстуком в белую и малиновую полоску.

Мужчина отряхнул с себя остаток извести и действительно уселся в предложенное кресло.

– А где же человек? – спросил он, оглядываясь.

– Ты бы лучше поздоровался, – ответил ему Рафл, – как из диких земель прибыл! Ни тебе «здрасьте», ни «как поживаете?». Имя свое назвал бы для начала разговора. Это тебе не вулканический остров на краю света. Это вы там привыкли свежую лаву делить, а что не так – сбросишь в кратер и поминай как звали. Тут живут приличные цивилизованные джинны. Меня зовут Рафл. А ты кто такой?

– Я Нефроим из рода Ночных Грызлов. Мы всегда были убийцами, всегда ели человечину и никогда ни за что не извинялись

Прибывший принял грозный вид и подбоченился.

– Можешь мне поверить – я из не менее знатного рода. А кроме того, ты у меня в гостях, так что рассказывай, каким ветром тебя занесло в наш подвал, уважаемый Нефроим.

После того как его назвали «уважаемым», Нефроим немного расслабился, положил ногу на ногу и спросил:

– Я, кажется, действительно попал не туда? Мне нужно встретить одного человека по имени Петя, и мне сказали, что он тут бывает. Мне нужно с ним ненадолго встретиться. Буквально на пару минут.

– Нет, ты попал туда, но не в то время, и это, кажется, тебя спасло, – сообщил ему Рафл. – Какие дела тебя связывают с Петей, я догадываюсь. Но твоя беда в том, что эту короткую встречу ты можешь запомнить надолго, а может, и не надолго. Смотря сколько ты после этого проживешь. Мой друг, а я надеюсь, что

мы не расстанемся врагами, тебе страшно повезло, что ты встретил меня, а не Петю. У меня создается впечатление, что тебя просто подставили.

– Куда меня подставили? – переспросил гость, наморщив свой и без того низкий лоб.

– Те, кто тебя послал, решили избавиться от человека…

– От двух человеков, – поправил гуль.

– Даже двух, – принял поправку Рафл, – и заодно от тебя.

– А от меня за что?

– За развоплощение члена царствующего дома.

– Не вижу связи, – пробормотал вконец ошеломленный гуль. – За это, конечно жерла вулкана не избежать, но при чем здесь царствующий дом?

– Тебе ничего не говорит имя Меджид?

– Это который чуть не стал Меджидом II? Племянник нашего повелителя?

– Вот-вот. Видать, ты все-таки не из такой уж глухой дыры явился.

Рафл вспомнил, что сам узнал об этом неделю назад, и поэтому принял еще более умудренный многими знаниями вид.

Повисла пауза. Гуль переваривал полученную информацию, а Рафл держал паузу для драматического эффекта.

– Хорошо, съем я этого Петю, даже с тобой поделюсь – мне не жалко, – наконец сказал гуль. – Меджид выйдет, ну, и уйдет себе куда-нибудь. В личные дела особ царствующего дома я не вмешиваюсь. А почем я знаю, что там вообще кто-то сидит? А Петя мужик молодой и должен быть очень даже ничего.

При этих словах гуль цыкнул левым клыком и пожевал губами, как бы пытаясь что-то распробовать.

– Это ты все будешь рассказывать из сосуда, запечатанного соответствующим образом, – заметил Рафл. – Как только Меджид выйдет, его тут же схватят. Тут кругом сыск. И месть его сторонников найдет тебя, как… ну, в общем, ты сам знаешь, с какой скоростью.

– Если эти плевки вулкана меня действительно подставили, то это им даром не пройдет, – начал кипятиться гуль. – Я что-то начал подозревать, когда попал на эту ужасную бабу. Еле ноги

унес. Ты же знаешь – мы людей едим. Убиваем и едим, но чтобы с такими извращениями, чтобы так издеваться… Говорят, что мы всему людей научили, особенно плохому. Но мне кажется, что они нас давно в плохом превзошли. И признавать нас учителями – это полная клевета на добропорядочных джиннов.

– Погоди, погоди, – прервал его Рафл, – что это с тобой уже успело случиться, что ты так раскалился? Смотри, не расплавься.

– Что случилось? Я тебе говорил, что у меня еще один заказ имеется, – теперь придется отказаться. Не хочу я в этом участвовать. Наверное, меня и там собираются подставить, как ты говоришь.

Гуль вскочил с кресла и стал расхаживать вдоль буфета, заложив короткие ручки за спину. Потом он опять опустился в кресло и, немного успокоившись, начал рассказ.

– Разрешили мне тут у вас схарчить парочку типов. Выдали лицензию – все по форме. Я лицензию зарегистрировал и отправился. Вообще-то, мне это сразу показалось подозрительным. Обычно лицензию на какой-то срок дают, и за особые заслуги, а тут все срочно, мол, горящая она, да и никаких заслуг я за собой не чувствовал.

Пошел я для начала Редькина искать. День белый, жрать охота, а тут Петя в ночную смену работает – ищи его. Прихожу – домина огромный на краю проспекта. Двери стеклянные, и у дверей охранник на меня подозрительно смотрит. Ну, я б его, конечно, уделал! Но велели без шума, и к тому же, кто мне чего скажет вразумительного, если я тут когтем махать начну? Я из той стекляшки вышел, в переулок завернул и костюмчик сменил. Только какая-то бабуля с шавкой от меня шарахнулась – и давай креститься. Вот в таком виде, как сейчас, я туда и попер.

– Ничего так видок – куртка кожаная, костюм, галстук. И правильно, что рожу не рихтовал, только голову побрил и клыки спрятал – очень убедительно получилось. Выражение лица – копия бизнесмен, а ведь родное.

– Ну, я старался, копировал – там в ихнем ресторане их штук десять сидело, было с кого списать. Ладно! Захожу, спрашиваю контору Соломона. Меня в лифт, но я пешком пошел. После той бутылки не люблю я этих самозакрывающихся помещений.

Поднимаюсь на шестой этаж, стучу в дверь. Из-за двери говорят «войдите», и колокольчик на двери звенит. Захожу. Сидит дамочка, знаешь, такая, уже не антрекот, но до холодца еще очень далеко. Вид у нее очень представительный. Спрашивает приятным голосом:

– Вам кто нужен и по какому поводу?

Я ей культурно отвечаю:

– Редькина мне по поводу убийства.

А она мне:

– Редькин будет позже, а убийство – это ко мне. Пока он придет, мы с вами все обсудим до мельчайших деталей. У нас фирма солидная, – то есть, я так понял, фуфла не гонит.

Ничего ж себе, думаю, до чего у людей сервис дошел. Такие дамочки убийствами занимаются. Но, может, она только приемщица. А она мне тем временем:

– И как вы это убийство себе представляете, в какой обстановке?

– Мне, – говорю, – на обстановку плевать, лишь бы не мешали, а я его сам завалю и сам съем. Ну, разве кто-нибудь посторожит, чтобы голову не морочили и не отвлекали.

– Нет, – говорит, – это вам только кажется, что все так просто. Поверьте мне – я уже здесь не первый год сижу. Был у нас такой клиент – аналогичный заказ делал. А как до дела дошло, наотрез грызть отказался – говорит, что забыл, какой у того типа одеколон вонючий. Мне пришлось прямо на месте все переигрывать – и получилось совсем не то! Так вы свою скрытую агрессивность ни за что не разрядите.

Я говорю:

– А чего ее скрывать, эту агрессивность, – нормальное качество для мужика, а разрядится она сама собой за обедом.

Она хихикнула и продолжает:

– Может, мы с вами подумаем, как это сделать красиво, элегантно и получить удовольствие. Например, перед собственно убийством вы могли бы своего противника связать, избить, отпинать ногами, повырезать из него кусочки мяса и посыпать раны солью. Если вам это не подходит, мы могли бы еще чего-нибудь подобрать из специальной литературы, – и потянулась к полке с этой самой, я так полагаю, «специальной литературой».

Ну, мне это как-то не очень понравилось – чего над едой изгаляться? Но может, у них, у людей этих, и впрямь какая-то скрытая агрессивность. Я ей и говорю:

– Да не хочется мне его увечить. А вы, барышня не из гулей будете? Уж очень вы во всем этом хорошо разбираетесь.

Она на меня глянула непонимающе и отвечает:

– Да, нет, я только курсы трансактного анализа и психодраму изучала. Ну, еще немножко психоанализом занималась. А скрытая агрессивность – тема моего диплома.

«Елки-палки, – думаю, – куда я попал?» А она продолжает, листая книжицу, что успела с полки снять:

– Ну, если увечье вас не привлекает, вы можете, допустим, натравить на него тигров или оставить в морозном лесу и наблюдать, как к нему подкрадываются волки, а он визжит от страха.

– Ага, – говорю, – это хорошо! И они только его грызть, а я раз – и у них его из-под носа утащил. Это хорошо. Это приятная игра.

– Да, – она говорит, – это замечательно. Это значит, что вы не так уж плохо к нему относитесь. Тогда вам, может, не надо его убивать? Вы, допустим, можете заточить его в подземелье. Там его будут кусать крысы и тараканы. Он будет страдать от голода и жажды, сидеть в клетке, не имея возможности разогнуться, и только горестно наблюдать далекий свет солнца в маленьком окошке на вершине башни. И каждый день подземелье будет затапливаться вонючей водой с угрями.

Тут меня просто мороз по коже продрал, как она это сказала. Так нежно и с удовольствием. Это что ж за извращенцы такие, чтобы над хорошей едой так изгаляться? Он же похудеет! И что мне то мясо плохого сделало?

А дамочка добавила:

– А вы будете каждый день приходить и говорить ему, какой он гад и ничтожество, и вы еще не то с ним сотворите.

Я как вспомнил, как сам в бутылке сидел, а голос Соломона мне морали читал – триста лет! Ой, думаю: «А ведь это контора Соломона, пусть и не того – но вон они что вытворяют!». Такой ужас меня пробил. Я ей лепечу:

– Вы меня простите, у меня все время вышло. Я Редькина дожидаться не буду, а на досуге все обдумаю и приду.

И в дверь. А она мне вслед:

– Пожалуйста, пожалуйста, а о пытках огнем вы не задумывались или утоплении? Приходите, пожалуйста, я завтра с двух часов принимаю.

Какое там утопление, мне и подземелья хватило. Я рванул оттуда прямо через все стены города. Это ж кошмар какой! А на вид барышня – мухи не обидит. Ну его в баню, того Редькина, если он таких киллеров нанимает. Жизнь дороже. И вот что я подумал: это же для них не с едой баловство! Это ж они друг друга так. Воистину нет предела гнусности человеческой – а мы их едим! У меня даже аппетит пропал.

Соломон

Соломон Давидович вдруг проснулся в половине шестого утра весь в поту. Сел на кровати и дернул за шнурок торшера. Часть комнаты осветилась мягким желтым светом. С часов на стене Соломону подмигивала мордочка полосатого кота. Соломон встал и прошлепал босиком к окну. Начинало светать. В темной кроне соседнего дерева подала голос ранняя пташка.

И приснится же такое! Сидит он в своем любимом кресле, а напротив него какой-то тип в шортах и свитере. Особенно запомнились шлепанцы с загнутыми носками, а вот лицо – как темное пятно – ничего не мог вспомнить. Сидит этот тип и с Соломоном беседует. Причем Соломон молчит, а его голосом кто-то другой говорит изнутри. Хочется возразить против такого его использования, но горло не слушается, а тот тип еще и возмущается. Говорит, мол, не мешай приличным джиннам немножко побеседовать. От возмущения Соломон даже проснулся.

Опять ложиться в кровать не хотелось. Он вышел на кухню, налил себе чаю, сел в кухонное кресло и стал думать. В его квартире кресла стояли в каждой комнате, на кухне и даже в коридоре. Потому что Соломон считал, что сидеть без удовольствия – это ничем не оправданный мазохизм. И к тому же препятствует правильному течению мысли.

«Ерунда какая-то, – сначала подумал Соломон, отхлебнув чаю. – А может, и не ерунда? – подумал он затем. – Звонил же кто-то вчера в контору и требовал Омара. А когда я ему сказал, что тут нет никакого Омара, этот гад сказал, чтобы я просто помолчал в трубку – он сам Омара найдет». Тогда Соломон решил, что это приколы какого-то идиота, и трубку положил.

«А может быть, действительно какую-нибудь сволочь подсадили? Мне уже не доверяют? Вполне возможно, – Соломон слишком много знал о своих сотрудниках, чтобы не поверить в такую вероятность. – Но подселиться так нагло, чтобы я даже знал об этом – это верх свинства. Или к моему квартиранту у его друзей есть неотложное дело, и поэтому им наплевать на конспирацию.

А может, это мне только кажется, а сон – реакция на вчерашний дурацкий звонок? Под утро всегда снятся какие-нибудь диковинные сны. Ну что ж, все это надо проверить, надо пронаблюдать за собой. Нет ли в моем поведении чего-то отличного от обычных действий и реакций, чего-то, привнесенного чужой волей? А там посмотрим».

Утро было приятным во всех отношениях. Было не жарко, и свежий ветерок с моря, пролетая над парком, пытался заменить запах выхлопных газов на аромат цветущей акции, что ему частично удавалось.

Соломон Давидович пришел в офис на час раньше обычного. Дома ему не сиделось. Этот день он решил посвятить самонаблюдению и лучшим местом для этого выбрал кресло в своем кабинете.

Прошло два с половиной часа с того момента, как он вскочил в своей спальне. Начал сказываться утренний недосып. Соломон потянулся к кофемашине. Затем, глянув на часы, подумал, что пить кофе в такую рань ему несвойственно. Он пьет кофе в четверть десятого, а кто ж его подталкивает к кофейнику на час раньше? Все-таки решив, что в этом как раз и проявляется индивидуальность его натуры, сварил порцию кофе и стал отпивать маленькими глоточками.

В девять часов по коридору простучали знакомые каблучки. В дверь заглянула Марина.

– Доброе утро, – сказала она, – а вчера, когда вас не было, к нам двое из милиции приходили!

– Привет, заходи, рассказывай, не стой в дверях, – пригласил Марину в кабинет Соломон, показывая на стул рядом со своим столом.

Марина села и продолжила:

– Вчера в конце дня пришли двое в штатском и удостоверения показали. Спрашивали, чем наша фирма занимается. Масла ароматические, говорю, индивидуального состава. Лицензию показала. Они взяли пару ламп из нашего демонстрационного фонда и ушли.

– Вряд ли это клиенты, – сказал Соломон, – надо будет выяснить, по какому поводу пожаловали. Кстати, они ничего такого не говорили?

– Очень даже говорили. Сказали, что мы лишились двух клиентов, которые погибли недавно при невыясненных обстоятельствах. Вот они и выясняют.

– А что это за обстоятельства, они случайно не сказали? Что там с этими гавриками произошло?

– Очень даже сказали. Понимаете, они нас ни в чем не подозревают. Одному мужику кто-то откусил голову, напрочь, зубами, прямо в его же офисе. А другого нашли утонувшим по месту жительства. И, представь, не в ванне, а в собственном кресле, с легкими, полными морской воды, а вокруг ни капельки. Как будто воду наливали через воронку. И следов насилия никаких.

– У обоих?

– Да нет! Голову тому типу, видимо, насильно откусили. Смотрела я на его заказ – борьба со львами на арене в Древнем Риме. Но там должно было быть все пристойно. Чик льва по брюху – и домой баиньки. А тут чего-то не получилось.

– А второй?

– А второй, что в кресле утонул, так вообще на персональном облачке на остров летал одалисок щупать. Никаких вредностей для здоровья, кроме полового истощения, и то виртуального. От этого не тонут.

Соломон отхлебнул кофе, глядя в окно на шевелящиеся кроны деревьев сквера на Старобазарной площади.

– Кофе не хочешь? – машинально спросил он и, не дожидаясь ответа, спросил: – А на чем этот хмырь летал, ты говоришь?

– На облачке над морем – он на этом особенно настаивал, чтобы подлет к его заповеднику с красотками был с моря, и облачка.

– Вот в этом море он и утонул, – с уверенностью произнес Соломон. – Вот оттуда и морская вода. Какая неприятность! И что эти Пинкертоны еще хотели?

– Советовались со мной как с психологом. Я им карточки клиентов показала. Официальные, конечно. Один поинтересовался, можно ли ему еще к нам наведаться, если я не возражаю.

– И ты, конечно, согласилась.

– Почему бы и нет – милый молодой человек.

– Вот и назначила бы ему свидание в парке, например.

– В парке я в седьмом классе встречалась.

– Ну, как знаешь, а нам лишний интерес этих бравых органов ни к чему. Спасибо, Мариночка, – подытожил Соломон, – ты все сделала правильно. Кофе хочешь? – спросил он еще раз.

– Нет спасибо, я так рано кофе не пью, а то потом аж до обеда не могу уснуть, – улыбнулась Марина и пошла к двери.

«Что это у нее за мини-трусы просвечивают? – подумал Соломон, проводив попу психолога взглядом. – Не замечал я раньше Марининой попы, – поймал он себя на мысли. – Или она раньше не носила такой прозрачной юбки? Или это кто-то во мне неравнодушен к подобным частям женской фигуры? Очень странно».

Фирма «Иблис»

– Но это же форменное безобразие. Ваши мамонты носились по тундре, как самосвалы на ралли. Только пятки сверкали. Вы когда-нибудь видели пятки мамонта? К ним подойти было невозможно, а у нас была заказана охота на мамонта с копьями и барбекю из мамонтячьего горба на свежем воздухе. Мы же постоянные клиенты. Я лично убил и съел десяток мамонтов – и никаких неприятностей. А тут их просто невозможно было догнать.

Конечно, у нас были оговоренные риски. Мамонт мог задавить кого-нибудь из особо неуклюжих. Потом над ним все смеялись. Когда лампа догорала, он был живой и здоровый, разве что жареного мамонта не ел. А тут наш лучший охотник Валик ходит на костылях с обмороженной пяткой.

– Простите, это как? – удивился Соломон.

– Это я у вас хотел спросить: откуда взялась эта кошка метра три в длину? Пятнистая, зараза, с огромными клыками. Мы ее не заказывали, но рассмотреть успели, когда на елке сидели. А Валентина эта зараза достала. По деревьям она, видимо, не лазит, хоть и кошка, а вот прыгает очень здорово.

Елки там огромные. Вековые – сказать мало. Мы на них повылазили и сидим, а этот кот снизу прыгает, хочет достать. Вот с Валика он валенок и стянул, и съесть его пытался. Валенок пытался съесть – голодный, наверное. Недаром тамошние мамонты так быстро бегают.

Сидели мы там долго, а мороз аж трещит. Вот Валик ногу и поморозил.

Я ему говорю: «Надень на ногу шапку или шарф». А он мне, мол, если руки отпустит, нога ему больше не понадобится.

– Значит так, – подытожил возмущенный посетитель, – чтоб мамонты бегали намного медленнее, мороз меньше. И кроме того, мотонарты – три штуки, и на каждой пулемет.

Соломон записал в журнал и стал оправдываться.

– И, конечно, ни каких махайродов. Мы проследим за этим. Он по недоразумению забрел. Все-таки «мамонтовая фауна». Там еще овцебыки бывают и шерстистые носороги, но на этот счет можете не беспокоиться.

– Это вы насчет кошки? – правильно понял латинское имя посетитель. – А вот кошка пусть будет. Хочется мне с ней встретиться. Уж больно елки там колючие, да и лампа горела долго.

– У вас заказ на спецлампу, – напомнил Соломон Давидович.

– Да, конечно, нужно же посидеть у костра, поесть экологически чистого мамонта, пообщаться – так что это нормально, – согласился заказчик. – Ну, так я вам позвоню, когда ребята решат собраться.

– Да, пожалуйста, как всегда, за три дня, и следующая лампа бесплатно от фирмы как возмещение морального ущерба.

Клиент ушел, даже не хлопнув дверью.

«Саблезубый тигр, – подумал тогда Соломон, – совсем охренели джинны. То у них со скоростью мамонтов какая-то ерунда, то не заказанные животные в кадр лезут. Надо написать служебную записку – пусть их там пропесочат».

Записку он тогда не написал, но «ушастому» пожаловался, тот сказал, что примут меры.

А вот теперь Соломон вспомнил главное – обмороженную пятку охотника. Похоже на то, что эти безобразия начались исподволь давно, и только случайность не привела к трагической развязке. Съели бы этого Валика, как пить дать. Одни обглоданные кости нашли бы его дружки в кресле.

Соломон поежился, вылез из своего кресла и прошелся по кабинету.

Фирма «Иблис»

Тут зазвонил телефон. Старый клиент культурно осведомлялся, почему ему вчера не доставили заказ. Он вчера должен был петь в миланской опере вместе с Паваротти. Он так настроился, ведь никогда раньше задержки не было.

Соломон извинялся, заверял, еще раз извинялся. Потом позвонил какой-то жлоб и чуть не матом потребовал неустойку за сорванное удовольствие групповой оргии с товарищами. Переживал, как он теперь перед корешами выглядит.

Соломон поймал его на попытке нецелевого использования и зачитал пункт договора, в котором говорилось о недопустимости угощения посторонних лиц. И клиент заткнулся.

Началась жара. Соломон закрыл окно, включил кондиционер и снял галстук. Настроение портилось, но Соломон утешался тем, что чужого влияния для этого не требовалось.

После этого до обеда было еще несколько таких же звонков неприятного характера, и к обеду Соломон понял, что вся вчерашняя партия ламп где-то зависла и клиентам не доставлена. У Соломона возникло острое желание встретить Рафла и задать ему пару наводящих вопросов.

Порыв теплого ветра от окна смахнул со стола Соломона бумагу, на которой он фиксировал жалобы клиентов. На подоконнике, свесив ножки наружу, появился Рафл во всем великолепии блестящих пуговиц и пряжек. Сказав: «Привет!» – он спрыгнул на пол.

– Я тебя слушаю, – насупившись, сказал Соломон вместо «здрасьте».

– С вас причитается, – сообщил ему джинн.

– Смолы горячей вместо плова с бараниной. И вообще, почему ты сегодня такой наглый? Завалил поставку, на нас все клиенты жалуются, а ты тут опять на подоконнике выдрыгиваешься. Опять ноги торчали сквозь закрытое окно – что о нас люди подумают?

– Что люди подумают, то уже подумали – сильно мне интересно! – отмахнулся Рафл, усевшись на стул. – Меня не ругать надо, а хвалить, а может, и премию выдать. Ну, например, пир человек на тридцать и восемь видов плова, и ни одного мусульманина.

– Чего ради? – с пробудившимся интересом спросил Соломон, предвкушая какую-то гадость.

– Я вчера весь день вместо вас вашего гостя принимал. Угощал, развлекал, и все за свой счет. Нельзя сказать, что это было совсем неприятно. Гуль оказался почти моим родственником, даже почти земляком, и вообще, из приличной семьи, но все-таки.

– Излагай свои заслуги и учти, что все будет доложено начальству, – прервал его Соломон и поерзал в кресле, устраиваясь слушать. Даже ручку взял и начал крутить в руках.

– А что говорить? Встречаю я в вашем подвальчике незнакомого гуля. То, что мы почти земляки, потом оказалось. Гуль тот не просто так к нам забрел, а по делу. Дело было, собственно, не ко мне, а скорее к вам. В смысле к вашей компании. Лицензии у него были на двух человек.

– Какие еще лицензии?

– Обыкновенные. Так сказать, карточки на усиленное питание. Это у нас такой вид поощрения. Уж не знаю, за что, но того гуля двумя такими лицензиями поощрили. Вы что думаете, что сейчас любой джинн может любого человека схарчить просто так? Прошли те времена! – Рафл мечтательно улыбнулся, показав на редкость крепкие белые зубы.

– Я что-то слышал о лицензиях. Но к нам-то он зачем? – спросил Соломон, не давая гулю размечтаться.

– Как раз за ними самыми. У него лицензия на поедание Пети Пчелкина, что у нас лампы наполняет, а на второе может съесть нашего постоянного клиента Редькина. Видал я эти лицензии. Все честь по чести. И печать.

– А при чем здесь Петя и почему именно Редькин? – не удержался от вопросов Соломон.

– Как они и чем там наверху думают, этого я не знаю, но, думаю, не просто так. Петю я отмазал сам, по своим соображениям, а вот от Редькина гуля отпугнула наша Марина. Она его за клиента приняла! – эта мысль так развеселила Рафла, что он стал хихикать и подпрыгивать на стуле, дрыгая ножками.

– А вот мы сейчас выясним, что там за клиент такой, – сказал Соломон, набирая номер Марины.

Дверь открылась, и в кабинет впорхнула Марина, не ожидая никаких неприятностей. Жестом указав ей на стул, Соломон изобразил глубокомысленный вид и проговорил:

– А скажи, Мариночка, не попадались тебе странные клиенты?

– У нас все клиенты странные.

– Ннну, допустим, вчера утром, – продолжил Соломон фразу, не обращая внимания на реплику Марины.

– Как он выглядел? – спросил он у Рафла.

– На меня похож. Одет, конечно, бедненько – провинция все же, а так на первый взгляд – одно лицо.

– Да, да, был такой. Действительно странный клиент, – оживилась Марина, – он еще хотел Редькина съесть.

– Как съесть? – удивился Соломон.

– Так просто – съесть и все. Странный заказик. Самое удивительное в нем то, что, как я поняла, он с Редькиным даже не был знаком.

«А то, что он его съесть собрался, – это не странно? – подумал Соломон. – Нормальная у нас компания».

– А может, и знаком, может, я ошиблась, – продолжала Марина, – но только хотел он этого Редькина непременно убить и съесть. Причем от методов убийства, которые я предлагала из нашего обычного списка, он отказался. А также издева-

тельства над жертвой категорически отвергал, мол, незачем пищу портить.

И знаете, Соломон Давидович, у меня возникло четкое ощущение, что повстречай этот клиент Редькина лично, он бы его взаправду убил бы и съел. Может, это сумасшедший был? В самый разгар беседы, когда мы еще ни о чем не договорились, он вдруг ужасно занервничал и убежал.

– Все у него дома! Вам лишь бы напраслину возвести. Очень ему кушать хотелось – вот и сбёг, – прокомментировал Рафл.

– Мариночка, скажи, пожалуйста, а этот клиент хотел съесть именно Редькина, или ему просто захотелось человечинки? – в задумчивости произнес Соломон. – Может быть, ему надо было предложить кого-нибудь другого?

– Я уже собиралась – и слушать не хотел. Только Редькина ему подавай.

– Однако! – подытожил Соломон Давидович. – Что у нас еще плохого на сегодня?

Настроение у него окончательно испортилось.

– У нас вроде больше ничего, а вот в городе только и говорят: бандитские разборки были со стрельбой. Бандиты между собой на яхте разбирались, а потом их ОМОН на берегу перестрелял. И что интересно, с утопленной яхты подняли три обглоданных скелета.

– А ты откуда знаешь?

– Так мне уже три подруги с утра звонили, а у Таньки кум в милиции работает. Кое-что по новостям было.

– Да, Марина, с тобой Интернет не нужен. Ну, спасибо, ты мне очень помогла, иди работать.

Джинны и бандиты

– Да, друг, вижу, что тебе категорически не повезло, – подытожил Рафл скорбный рассказ гостя, – но раз ты попал ко мне в гости, то мой прямой долг угостить тебя на славу. Тем более что ты мой земляк и почти родственник.

– А что, у тебя тоже лицензия есть? – оживился гуль.

– Откуда у нас тут лицензии? За ней к вам ехать надо. А там попробуй получи. Того и гляди, кому-то сам на обед достанешься.

– Это, да! – подтвердил гуль.

– Мы тут как-то сами выкручиваемся помаленьку. Но для тебя у меня есть давно припасенный закусон. Он у меня был подготовлен на какой-нибудь особенный случай. Но любой деликатес может испортиться. Так что, пошли.

Рафл встал, подошел к стене и начал погружаться в нее, как в какую-то довольно плотную, но вполне проходимую массу. После него в стену полез гуль. После их исчезновения поверхность стены немного поволновалась, по ней прошли круги, но скоро она опять приняла солидный и непроницаемый вид.

Скоро гули вышли из ракушечной стены сто лет назад заброшенной катакомбы.

Был абсолютный мрак. Под ногами что-то журчало и хлюпало. Рафл засветился призрачным зелено-фиолетовым светом, осветив заплывшие солью и плесенью стены. Рядом из стены торчала подмытая водой кость какого-то покойного животного.

– Не надо, я и так вижу, – сказал гуль.

– Ну, все-таки ты у меня в гостях, – ответил Рафл, не переставая светиться. – Живу я здесь, как и положено приличному джинну, – кругом мерзость запустения. Ну, пошли! Кстати, нас тут все равно никто не видит.

Рафл превратился в слабо мерцающее полупрозрачное облачко, вытянутое на десяток метров в длину, и быстро заскользил по запутанным коридорам и штольням. За ним, не отставая, следовало другое облачко, тоже светящееся, но желтоватым светом.

В конце пути гули опять вошли в стену и, немного поблуждав, попали в шикарно обставленную гостиную богатого особняка. Мягкие кожаные диваны, персидский ковер на полу, огромный экран телевизора, который показывал растянутые по ширине рожи, и напольные китайские вазы выдавали как минимум богатство хозяина. И хороший вкус – если не его самого, то его дизайнера.

На диване за стеклянным столиком сидел сам хозяин – довольно щуплый субъект в синем костюме и с рыжим ежиком на голове. Он отпивал коньяк из большого пузатого фужера, по-

блескивая золотым перстнем на безымянном пальце левой руки. Рядом с ним, словно для контраста, сидел здоровенный детина с красной мордой и в джинсах. Он пил пиво из бутылки и был полностью поглощен происходящим на экране.

Джинны вошли в комнату и уселись на ковер, скрутив ноги калачиками. Люди их явно не замечали.

Какое-то время они сидели молча. Вдруг Рафл громко сказал: «Какая, однако, скотина этот Филимон!».

Никто из людей не обратил на его слова никакого внимания, но рыжий в костюме поставил бокал на столик и заметил, обращаясь к соседу:

– Ты только подумай, какой скотиной оказался Филимон!

– Если так и дальше дела пойдут, скоро все наши бабки станут его бабками, и через полгода мы продадим последний джип, – подсказал Рафл, и эхом откликнулся детина в джинсах.

– Надо его грохнуть, других вариантов нет, – произнес джинн безапелляционным тоном.

Рыжий тут же с энтузиазмом повторил этот призыв, с уверенностью в неотложности этого действия.

– Идея становится материальной, когда овладевает массами, – пояснил Рафл своему гостю.

Сидя на ковре, джинны стали наблюдать, как развиваются события.

Шеф, а в синем костюме был именно он, непрерывно звонил кому-то по мобиле и организовывал мероприятие. При этом он объяснял такую спешку подсказанной Рафлом фразой, что вчера было рано, а завтра будет поздно.

Приехали на джипе трое здоровых парней. Чтобы не встречаться с такими, вечером переходят на другую сторону улицы. Хотя этакие ребята пешком по улицам и не ходят. Парни были вооружены, причем двое – автоматическим оружием. После инструктажа два джипа с ребятами и джиннами на заднем сидении отбыли в сторону моря.

– И куда это мы едем? – заволновался гуль, крутясь и выглядывая в окна.

– Кто его знает? Инициатива масс, – ответил Рафл, – прогулка перед обедом. Я же тебя приглашал не на охоту, а в ресторан –

если знаешь, что это такое. А там повара, официанты. Названия блюд, опять же, интригуют и что-то скрывают. В данном случае нам подают блюдо под названием «Филимон», и я надеюсь, с приличным гарниром.

Выехав за город, машина устремилась по шоссе, которое почти повторяло береговую черту и уходило прямо на северо-восток.

Когда машины поднимались на возвышенность, открывался замечательный вид на залив. Море искрилось на солнце и меняло цвет под проплывающими облаками – бирюзовый на желтоватый. По его поверхности проплывали синие облака с белыми отражениями небесных облаков между ними.

– А вот и Филимон, – вдруг сказал шеф, указав рукой на яхту, стоящую на якоре посредине между берегом и горизонтом. – Саня, далеко еще до твоего сарая?

– Тут еще километров пять – и поворот, – ответил водитель и, прибавив газу, обогнал рейсовый автобус.

Съехав с шоссе, джипы покатились по грунтовой дороге к дачному поселку. Остановившись за старым лодочным сараем, ребята вышли и, отперев большой висячий замок, исчезли в задней двери строения.

Джинны подошли к воде и остановились возле деревянного причала, едва державшегося на ржавых опорах. Видимо, в былые времена все это принадлежало какому-то колхозу или артели, снабжавшей свежей тюлькой рынки Одессы. В сарае когда-то хранились лодки и снасти, да и сейчас вокруг него валялись рваные сети и обломки баркасов. Пахло высыхающей на солнце морской травой и гнилым пропитанным морской водой деревом. Один баркас, последний из оставшихся, лениво почесывал бок о край причала.

Из сарая вышла компания каких-то мужиков в грязных робах и направилась к баркасу. При ближайшем рассмотрении этими задрипанными рыбаками оказались только что приехавшие ребята.

– Пора садиться, – сообщил Рафл, показав на баркас, – самые лучшие места занимать.

– Может, не надо – вода все-таки! – засомневался гуль, но Рафл взял его за руку и решительно потянул к баркасу, приговаривая: – Что ты так перепугался? Баркас не бутылка – улетишь, если захочешь.

Джинны подошли к лодке первыми и уселись на носовую банку.

– Вот сейчас эти жлобы влезут и сядут на нас, – опять забеспокоился гуль, – пусть только попробуют!

– Не сядут они на тебя, и ты их не трогай, а то все испортишь, – раздраженно ответил Рафл, – все идет как надо. Главное не мешать.

Все уселись, и баркас, тарахтя старым мотором, вышел в море.

Яхта Филимона стояла на якоре, и казалось, что потихоньку приближалась.

– Правь правее, – распорядился красномордый советник шефа, – ветер справа – как раз нанесет.

Обойдя яхту, баркас остановился, заглушив мотор в полукилометре с подветренной стороны. Экипаж начал демонстрировать бурную деятельность по ремонту двигателя.

– Ну, это уже неинтересно, – объяснил Рафл, – предлагаю ознакомиться с сегодняшним меню.

На яхте царил дух послеобеденного отдыха. На носу располагалась живописная группа. Мужчина средних лет с солидным брюшком и в длинных голубых трусах лежал в шезлонге под зонтиком и дремал. Возле его ног на цветастых матрасиках загорали две юные нимфы, вся одежда которых состояла из мини-плавок. Два молодых человека крепкой конституции и с рельефной мускулатурой разговаривали на корме.

– С кого начнем? – поинтересовался гуль, как только джинны очутились на палубе. – А вкус у тебя очень даже! – похвалил он Рафла. – Люди свежие и аппетитные – как на подбор. Ну, кроме того, в кресле, хотя и он тоже, с голодухи…

– Погоди, я же тебе говорил, что мы не на охоте. А в ресторане всегда нужно ждать, пока подадут, чтобы аппетит нагулять.

Джинны, не замеченные никем, прошлись по яхте. Гуль мимоходом потрогал девушку за упругую ягодицу и прищелкнул языком. Красавица, не раскрыв глаз, пошевелила сдобными половинками, видимо, решив, что на яхте чужих нет.

Тем временем ял, дрейфуя, все ближе подбирался к стоящей на якоре яхте. Молодые люди на корме с озабоченным видом подошли к борту и стали наблюдать за потугами рыбаков завести мотор.

Баркас несло прямо на яхту.

– Мужики, гребите отсюда – не видите, куда прете? – крикнул один из молодых людей с рельефной мускулатурой.

– Сам греби, у нас мотор сломался. Думаете, уже и море все ваше!

– Ну, вы, козлы безрогие, достали, – сказал второй молодой человек, подходя к борту с автоматом в руках. – Быстро за весла – и валите отсюда, – и прострочил волну возле самого яла.

Рыбаки сразу затихли и стали что-то сосредоточенно искать под брезентом.

– Вова, пойди, вытащи якорь, а то действительно столкнемся, – скомандовал стрелявший.

Но не успел Вова отойти от борта, как и он, и его коллега были прошиты несколькими длинными очередями из двух автоматов, которые наконец-то нашли рыбаки под брезентом.

Истерически закричали девочки, вскочил и тут же упал на палубу моментально оценивший ситуацию Филимон.

Вова упал животом на борт, медленно перевалился через него и, сделав кувырок, упал в воду. Его тело начало медленно погружаться, оставляя за собой кровавый шлейф. Возле борта на палубе лежал другой парень, простреленный в четырех местах. Филимон ползком стал пробираться в рубку.

Вскочившие девочки попеременно визжали, пытаясь закрыть руками то грудь, то голову.

Баркас причалил к яхте. Рыжий «рыбак» с автоматом в руке перелез через борт, глянув на лежащее тело, выстрелил ему в голову.

– Филимон, выходи! – крикнул он.

Выстрел из рубки разворотил ему колено – рыжий упал. С баркаса кто-то бросил гранату. Она пробила стекло рубки и взорвалась внутри. Большая часть деталей надстройки, получив свободу, разлетелась в разные стороны.

Филимон лежал на полу бывшей рубки, сжимая револьвер и глядя в небо. Его синие кишки одним концом начинались в разорванном животе, а другим висели на уцелевшем штурвале. «Рыбаки» столпились над телом. Ногу «шефа» перетянули ремнем. Поддерживаемый с двух сторон, он доковылял до рубки и уставился на труп своего врага.

– Эх, Филипп Николаевич, а я же хотел по-хорошему, – сказал он. – Отдал бы бабки – и живи себе.

Рыжий еще что-то хотел сказать, но громкий всплеск прервал его речь. Одна из девиц бросилась в воду, пытаясь спастись вплавь. Красномордый «рыбак» поднял автомат и посмотрел на «шефа». «Шеф» кивнул. Детина перевел автомат на одиночный огонь, прицелился и выстрелил. Фонтанчика не было – пуля попала в затылок пловчихе.

– Да, стрелять ты не разучился, – похвалил его «шеф». – Кстати, а где вторая, зачем нам эти свидетели?

– Ну, это же безобразие! – стал возмущаться гуль, когда первое аппетитное тело – все в филейных выступах и прочей вырезке, стало погружаться на дно. – Сейчас они тут всех перетопят, а остальных поразрывают на куски, – добавил он после взрыва гранаты.

Когда тело пловчихи, от которого у джиннов давно текли слюнки, стало безвозвратно исчезать, гуль окончательно расстроился и заявил, что либо он сам приступит к трапезе, либо перестанут при нем переводить пищу.

– Да, не волнуйся ты так – сейчас эти ублюдки все подадут и уберутся, – успокоил его Рафл.

– И если можно, без этих выстрелов. Я пугаюсь.

– И, пожалуйста, без выстрелов, канонаду тут устроили, – добавил «шеф» и указал на оставшуюся девушку одному из своей команды. – Я знаю, ты стрелять не любишь.

Молодой человек, к которому обратился «шеф», достал из ножен на поясе небольшой двусторонний кинжал и подошел к девушке. Девушку била крупная дрожь. Он отвел ее безвольную руку, которой она пыталась прикрыть грудь, нанес быстрый колющий удар между грудей, проткнув с краю левую. Вынул нож, даже не глянув, повернулся спиной к падающей жертве и полез через борт в баркас, где его ждали остальные подельщики. Баркас отчалил.

– Ну вот, прошу к столу, так сказать, – широким жестом указав на побоище, пригласил Рафл. – Мясо свежее молодое – выбирай.

Гуль сразу забыл все упреки. Глаза у него загорелись красным огнем, на пальцах повырастали огромные когти, а ногти больших пальцев превратились в острые ножи сантиметров по двадцать.

Рафл удовлетворенно кивнул, видя, что угощение вызывает неподдельный аппетит у гостя, и сам стал преобразовываться в том же роде.

Для начала гуль подошел к трупу молодого человека, уверенным движением когтя вскрыл брюшину и достал печень. Сжав ее в руке, выдавил остатки крови и понюхал. Потом откусил краешек.

– Очень даже прилично – спиртом почти не пахнет. Наверное, спортсменом был.

После такого заявления гуль стал с удовольствием, хрюкая и чавкая, поедать печень. За печенью последовали другие внутренние органы.

– Гуль, ты там не сильно налегай – на другую тушку места не хватит, а она нежней. Я тут тебе оставил кое-что, чего в твоей тушке нет, – тоже хрюкая и откусывая куски от девичьей груди, предлагал Рафл как заботливый хозяин.

– Не боись, меня на всех хватит, – разбив голову охранника об колено и выгребая мозги длинным языком, проурчал гуль. – Я тут тебе тоже кое-что оставил, чего у твоей тушки никогда и не было.

Еще минут двадцать на палубе слышались только урчание и треск разгрызаемых костей.

– Ну, кажется, пора, – окинув взглядом почти обглоданные скелеты, сказал Рафл. – В ресторане еще и развлекательная программа полагается для лучшего пищеварения. Давай на берег. Я тут вызвал группу специалистов по общению с нашими кормильцами. Как бы не опоздать.

– Одну секунду, – сказал гуль и скрылся в рубке.

Он действительно вернулся буквально через секунду, неся под мышкой левую руку Филимона. На безымянном пальце этой руки весело отражал солнце большой бриллиант в перстне.

А потом они сидели на обрыве, свесив ножки, и смотрели на море. На берегу возле сарая догорал «мерседес». Стрельба уже утихла. Трупы грузили в спецмашины. Ребята в бронежилетах залазили в свой автобус. Подъехали еще какие-то легковые машины с мигалками.

К яхте, которая медленно погружалась в море, спешил катер, набитый людьми в форме. От катера расходились клином две

волны. Когда они пересекали дорожку из солнечных зайчиков, зайчики прыгали и повисали на ресницах прищуренных глаз гулей.

– Да, угощение было отличное, давно я не получал такого удовольствия, – сказал гуль, зажмурившись и обгрызая последнее мясо с пальцев, некогда принадлежавших Филимону. Перстень, попавший с пальца ему в рот, он покатал за щекой и выплюнул вниз с обрыва. Бриллиант напоследок сверкнул на солнце и закатился под кустик полыни.

– Особенно мне понравилось, когда в черную машину ракета попала – и взрыв! – гуль взмахнул руками, изображая взрыв, чуть не упал при этом с обрыва. – Это ты хорошо сделал, что стражу вызвал – очень мне понравилось!

Тут гулю пришла в голову мысль:

– А ведь эти «рыбаки» могли и не начинать стрельбу по милиции – может, и так прошло бы? Вон, яхта утонула – поди докажи.

– А на что бы мы смотрели после обеда? Я же тебе обещал зрелище. То-то и оно.

Джинны развеселились и стали толкать друг друга в плечо. После очередного толчка джинн слетал с обрыва, делал кувырок в воздухе и опять усаживался на край, свесив ножки, чтобы толкнуть соседа в свою очередь.

Повеселившись, джинны опять уселись на край обрыва, и гуль, о чем-то подумав, сказал:

– Однако ты сильно рискуешь – за управление сознанием, повлекшее множественные жертвы среди людей, без лицензии можно и бутылку схлопотать лет на триста. И будешь смотреть на эти волны, только с той стороны. И не вылезешь. Ты же знаешь – джинны в воде не живут.

– Ну, во-первых, это не факт. Я знаю одного сумасшедшего джинна, который как раз в воде и живет, а во-вторых, я ничем особенно не манипулировал. Главное в нашем деле – выбрать подходящих клиентов. Чтобы само убийство не было для них чем-то отвратительным или вообще невозможным. А далее человека удерживают от убийства эфемерные узы уголовного кодекса и осуждения общества.

На общество в целом и на его представителей таким типам плевать. С уголовным кодексом посерьезней. Но и тут на крючке

мышеловки приманка из соображений – не поймают, вообще искать не будут, в крайнем случае откупимся. Полной уверенности все-таки нет – и это сдерживает. Чуть-чуть.

Вот мы это «чуть-чуть» и убираем. И все начинает действовать. А «чуть-чуть» – не считается!

Конечно, такую компанию еще поискать надо, и такой приятный денек бывает совсем не часто. Но иногда можем себе это позволить. И совсем без лицензии.

Солнце садилось. Тень от обрыва упала сначала на берег, а потом и на море, и даже приглядевшись, на краю этой тени нельзя было рассмотреть две маленькие тени джиннов, сидевших на обрыве.

Фирма «Иблис»

– Да, погуляли вы вчера хорошо, с размахом! – подвел итог Соломон. – Теперь скажи мне, чудо природы, – спросил директор добрым, не предвещающим ничего хорошего голосом, – а куда делся позавчерашний заказ? Все утро звонили клиенты по вчерашней не доставленной партии, но одной дамочке не доставили лампу позавчера. И где она?

– Давидович, это печальная история! Я, спасая нашу честь и репутацию, в неравном сражении чуть не полег, но весь заказ сохранил, за исключением одной поганой лампочки. А тут опять вместо благодарности негативное отношение и явная нечуткость к персоналу.

Гуль пригорюнился и обнял свинку в шляпке.

– Рафл, не морочь голову! В своих подвалах потом своей подружке свинке рассказывай. Кто на тебя мог напасть в этом городе? Кому ты нужен?

– Как кто? А менты?

Соломон Давидович вспомнил вчерашний визит оперуполномоченных в контору и сразу стал серьезен. «Что-то часто наша деятельность стала пересекаться с милицией», – подумал он. На секунду возникло неприятное чувство, что его окружают. Прошло.

– Рассказывай, – буркнул Соломон и почему-то напрягся в кресле.

– Вот, везу лампы улицей…

– А почему не катакомбой?

– Не везде катакомбы есть, а ваши лампы не во все щели лезут – материальные до безобразия, и масло в них не сжимается.

Везу я лампы в тачечке, в каких в универсамах товар возят, и вдруг ко мне мент, притом прямо бегом. Я понял, что он ко мне что-то имеет, а глаза отводить времени нет. Я бежать. Он кричит: «Стой! Мать твою…». Я за угол, бегу вдоль дома. Побросал лампы на крышу. Пока они летели, я на крышу сбегал, все поймал и в тачку сложил. Когда мент из-за угла выскочил, ничего уже там не было. Но, видать, я одну лампу там обронил. Выпала, наверное, когда бежал. Чего за мной такую гонку устроили – не представляю.

– Все представим после, – сказал Соломон Давидович, – а теперь посмотрим, что там за заказ был в той лампе. Случайно не охота на львов?

Марина сидела за компьютером, щелкала мышкой и пила чай. По экрану бегали цветные шарики. Когда, пройдя через стену, на полке с умными книгами по психоанализу появился Рафл, Марина еще раз щелкнула мышкой, и на экране появился текст договора. В кабинет вошел Соломон и уселся в кресло с подлокотниками для клиентов.

– Мариночка, – сказал он, – найди нам, пожалуйста, договор номер… и посмотрел на Рафла.

– «528 Б Ф», – подсказал джинн.

Марина еще раз щелкнула мышью.

– В общих чертах, – уточнил Соломон Давидович.

– Заказ от бизнес-дамы, длинной и плоской. Я даже сначала подумала, что это парень. Вот ее заказ.

Марина наконец нашла нужную страничку и процитировала:

«Грудь пятого размера, но чтобы не свисала… Романтическое свидание с молодым графом Нортумберлендом в ее роскошном будуаре в стиле барокко. Граф набрасывается и овладевает… Роскошный бюст в распахнутом пеньюаре отражается в огромном зеркале». Дальше использование груди в любовных играх на восьми страницах. Обыкновенный дамский заказ, мужики еще и не то заказывают.

– Ну, тут, я надеюсь, ничего опасного нет?

– Тут нет. Чистый секс и самолюбование.

Все замолчали. Соломон думал.

– Так ты говоришь, и к Пете заходил твой кореш? – о чем-то интенсивно думая, спросил он.

– Какой кореш? – не поняла Марина.

– Вот этого нашего друга, – кивнул он на гуля. – Мариночка, заказ с грудью надо будет продублировать, извиниться там, уточнить насчет размера или еще чего и отправить.

Марина закивала, щелкая мышью.

– Идем, поговорим, – сказал Соломон Рафлу и вылез из кресла.

Джинн исчез в стене.

Когда Соломон вошел в свой кабинет, Рафл уже сидел на полочке, удобно опираясь рукой о свинку. Соломон угнездился в кресле, посмотрел на жизнерадостно ухмыляющегося гуля и спросил:

– А не доставленные лампы где?

– В подвале, у Петьки.

– Сегодня их развезешь. Как тебя поощрять, пусть твое начальство думает. Я доложу. Только, пожалуйста, без побоищ с обглоданными скелетами и горением «мерседесов» или еще там чего. Я думаю, хватит тебе свадьбы в кавказском ресторане с гостями-безбожниками.

– Премного благодарен, – съязвил джинн. – Я на такую свадьбу могу и сам заглянуть. Без вас.

– Угу, а там либо и без тебя таких хватает, и выпрут тебя под зад копытом. Либо будут поминать создателя после каждой рюмки – сам вылетишь. И надо лампы отнести еще сегодня, чтобы пустые к ночи уже у Пети были. А то ему нечего делать будет, и в работе перерыв.

– Большое несчастье, – возразил гуль. У него сегодня было настроение поспорить, а если удастся, то и поругаться с кем-нибудь. – Пусть Петя отдохнет. Все равно ему уже недолго осталось.

– В каком смысле? – хмуро поинтересовался Соломон, очень даже понимая, в каком. После неудавшейся попытки разделаться с Петей он предполагал, что джинны возьмутся за дело сами.

– А грузовичок на люк наехал просто так? Мне ребята кое-что порассказали. А кое-кто в кресле сидел и чай пил.

– Не знаю, о каком ты грузовичке рассказываешь. А Петя живздоров, чего и вам желаю.

– Ну, это он здоров только потому, что он нужен в качестве домика очень уважаемому джинну, что, собственно, я своему корешу и сказал.

Тут Рафл вдруг понял, что сболтнул лишнее. Он еще уменьшился и стал впитываться в стену. Соломон его не останавливал. Мысль, которая его мучила с утра, начала находить подтверждение.

«Эти гады могут вселиться в любого и держать его под контролем, – думал он, – и если что, не погнушаются убийством. Если взялись за Петю – значит, мне не доверяют. Раз не доверяют и не убили, значит, кого-то подсадили».

Соломону стало сильно не по себе. По плечам поползли противные мурашки. Захотелось не то бежать, не то спрятаться под стол, и сразу стало понятно, что это не поможет.

Соломон подошел к шкафу, достал бутылку армянского коньяка сорокалетней выдержки, налил себе полную кружку, из которой обычно пил чай, и залпом выпил. Тело окатило жаром. Ему показалось, что внутри у него пискнуло и сжалось что-то восточно-мусульманское.

«Так тебе и надо!» – подумал Соломон. После кружки коньяка мысли стали спокойнее и упорядоченнее.

«А могут и убить», – подумал он.

«Вряд ли, – подумал он же, а сам подумал: – Откуда у меня такая уверенность? Может, это не моя мысль? Может, мне ее в голову кто-то привнес? Подсказал, так сказать: а зачем им меня убивать? Вот сдадут ментам – и гайки. И будут во мне жить под охраной».

Соломон налил себе еще кружку, поискал в шкафу какой-нибудь закуски, не нашел и выпил еще половину, поморщившись.

«Так мне и надо, – начала грызть его совесть, ранее заглушаемая страхом. – До чего я дошел, интеллигент, учитель русского языка, не фарси какого-нибудь, а работаю на подхвате у джиннов. И теперь занялся организацией убийств. Это свинство, это верх низости, это позор».

Соломон чуть не начал бить себя по щекам.

«Надо как-то избавляться от этого всего и выходить из этого мерзкого положения. Но сначала надо выяснить, не сидит ли во мне какая-нибудь сволочь».

Соломон подумал, что эти слова надо бы написать на бумаге, чтобы никто не подслушал. Потом решил, что все равно подслушают. Так пусть слышат – он сегодня же идет к Крестовоздвиженскому. В подкрепление этой мысли он допил коньяк из кружки, и на душе у него стало легче.

Продолжение следует

Олег Фомин

Два цвета времени

В детстве мы никогда не задавались вопросом, какой национальности наши соседи, товарищи во дворе или в школе. Уже позже мы поняли, что среди нас есть русские, украинцы, белорусы, молдаване, татары, евреи, осетины.

Помню, как хоронили бабушку моей одноклассницы. Нам было лет по десять, и мы не понимали, почему ее вынесли из подъезда, с головы до пят закутанную во что-то белое, то ли в простыню, то ли в какую-то белую ткань. Для многих из нас такой обряд был в диковинку. И тогда кто-то из взрослых пояснил, что она татарка, и поэтому ее хоронят по мусульманскому обычаю. Но все это никак не отражалось и не могло отразиться на наших взаимоотношениях. По сей день между нами присутствует та же теплота, то же дружелюбие, та же любовь, которую мы испытывали друг к другу сорок лет назад. Единственное, что изменилось, – мы стали старше, мы разбросаны по миру: Украина, Россия, Германия, Израиль, США и другие страны. И самое печальное – нас становится все меньше и меньше.

В разные годы люди многих национальностей принимали меня за своего, часто обращались с какими-то вопросами: по-азербайджански, по-армянски, по-чеченски, по-турецки и даже по-цыгански, хотя лично я никогда не считал себя похожим на турка или цыгана. Для меня национальный вопрос вообще не был вопросом, до поры до времени.

В 2014-м я приехал в командировку в Киев. И решил собрать в ресторане своих бывших подчиненных, нашу слаженную команду. Пришли почти все, кроме тех, кто болел. Вдоволь наговорились: у кого как сложилась судьба, кто чем занимается, семейные

хроники. Было комфортно до тех пор, пока один из присутствующих не спросил: «Олэг Геннадийовыч! А вы хто по национальности?». Говорил он на суржике.

– Русский, – отвечаю.

– Не розумию.

– Что ты не розумиеш?

– Як цэ можэ буты?

– У меня мама и папа русские, и у них родители тоже русские, что там дальше, не знаю.

Мой ответ его явно не удовлетворил, и он решил уточнить:

– Вы з якого миста?

– Из Донецка.

– А Донэцьк – это що?

– В каком смысле?

– Яка краина?

– Украина.

– Правильно! – одобрил дознаватель и тут же снова уточнил: – Так хто вы по национальности?

– Русский.

– Нэ розумию, як це так?! – не отставал он.

– Так, а что тебе не понятно?! – начал заводиться я. – Может, мне не повезло, а тебе, наоборот, повезло, что ты украинец и родился в Украине! А вообще, если уж на то пошло, я родился в Советском Союзе! Если ты имеешь в виду, какой страны я гражданин, так я гражданин Украины. А еще в Украине проживают люди многих других национальностей – молдаване, узбеки, азербайджанцы, армяне и так далее.

– Ни, ну я всэ равно нэ розумию, як цэ можэ буты? – не унимался настырный следователь.

– Да ладно, что ты прицепился к человеку? Не для того мы здесь собрались, чтоб с национальным вопросом разбираться! – вступились ребята, и ситуация разрядилась.

Примерно в десять вечера подошел официант: «Вы извините, моя смена закончилась. Можно, я вас рассчитаю? А вы гуляйте дальше».

Мы не возражали, и он принес счет. Все полезли за кошельками, но когда и я достал деньги, ребята чуть ли не хором стали

протестовать, чтобы я убрал их, потому что они заранее договорились заплатить за меня. Я пытался возражать: мол, сам же всех собрал, а потому и обязан за все рассчитаться. Но публика осталась непреклонной, пригрозив мне обидой.

– Ладно, – сдался я, – пусть будет по-вашему. Но тогда я для вас спою. В качестве моральной компенсации.

Вышел на сцену, спросил у музыканта, могу ли спеть. Тот ответил, что за деньги нет ничего невозможного.

– Песня от представителя Донбасса для киевлян и гостей Киева, – объявил я. Махнул рукой, заиграла музыка и я запел:

Кольщик, наколи мне купола,
Рядом чудотворный крест с иконами…

Блатной шансон не вызвал особого интереса в зале.

– Хочу спеть вам еще одну песню, – продолжил я. – Мне тут сегодня задавали вопрос по поводу моей национальности. А я вспомнил детство, как мои родственники, наши знакомые, соседи собирались в квартирах, домах, во дворах по праздникам за большими столами. Там были люди разных национальностей – русские, украинцы, белорусы, евреи, татары и многие другие. Они пели песни на разных языках, иногда даже не зная языка и не понимая значения отдельных слов. И пели эти песни от души. Так вот, я хочу сказать, что на Донбассе украинский язык знают и любят. Сейчас попробую вам это продемонстрировать.

И я запел песню «Два кольоры». Получилось, по-моему, неплохо. Реакция зала была для меня абсолютно непредсказуемой – бурные овации, посетители ресторана дружно, как по команде, кинулись к сцене. Меня обнимали, целовали, благодарили. Не знаю, понравилось ли им мое исполнение, может, их тронули мои слова, может, то и другое. А въедливый мужик, который выяснял мою национальную принадлежность, подошел и со слезами на глазах заверил, что ему «всэ зрозумило» и что «його пытання знято».

Донецк

Алла Гудзенко

Мамам не рассказывают

Хочется эпично. С былинным размахом.

Крепкой, как рапа, бабелевской строкой.

Про людей Бени Крика в девятнадцатом году.

Про: Ты чепуха, сказал Фроим.

Про: Хозяин, кого ты бьешь? Ты бьешь орлов, хозяин.

С кем ты останешься, хозяин? со смитьём?

А перед глазами памяти: трубки ковров в пенале комнаты на одно окно.

Мальчик десяти лет, что сам варит борщ себе в пустой квартире.

Мотки сутажа для шмуклеровских пуговиц, что прячут в ракушняковом подвале.

Что это, что?

Статья о хищениях социалистической собственности.

И под ней ходят все эти пережившие автора бабелевские персонажи из Одессы.

Они давно не налетчики. Они торговые. Они строительные.

Они цеховые. Они хотят свободных денег и понимают, где их взять без гоп-стопа. Они умеют развернуть дело.

Но закон давил на них, как атмосферный столб.

И предусматривал – конфискацию (поэтому ковры и золото хранили у тещи).

Или расстрел.

Поэтому, похерив паспорт, люди подавались в республики поюжней. И там себе немножечко шили. Пошивали.

Тихонько крутили дела под носом у могучих органов. Боялись.

Но умище-то куда девать?

Жены ездили на свидания. Дети варили себе сами борщи. Мамы страдали.

– Боже мой! Как я хочу тебя видеть уже на рабочем месте! Ну скажи, когда, когда ты возьмешься за ум?

Мамам не рассказывают про опасное. Мамам не рассказывают, как возят сотни тысяч живых денег в сумке на плече в плацкарте – автобусе – трамвае – самолете. Мамам не рассказывают. И ее мальчик для мамы – это ее мальчик. Ну что он понимает?

Мы гуляем день рождения в приличном доме. С видом на Аркадию, за столом в многометровой гостиной. Мы немножечко на разных политических платформах. Но за столом мы не говорим об этом.

Мы знаем друг друга так давно…

Если оторвать от себя кого-то – станет меньше меня. Моей жизни, моей памяти. Нам есть о чем говорить за столом, душевным одесским столом.

– Это я делала фаршированные перцы. А шубу – Лена.

– А вот горбуша, рыба моего детства. Это ж вы все в Одессе родились. А мы с горбушей – камчатские.

– А сейчас пьем за Диму. Это он, не побоимся этого слова, сделал из меня мужчину, впервые поставив на лыжи в Карпатах.

– А как вы потащили нас в горы в Крыму? Я даже не думал, что с рюкзаком может быть такой кайф. Когда ты его снимаешь…

Здесь всегда кто-то есть, тот, кто держит фасон.

Двое, годами за шестьдесят, появляются на пятом часу застолья. Деловые, из раньшего времени. Все сидящие за столом младше их на поколения.

Но сколько в этих побратимах от бизнеса жизни – всем нам дай бог!

Крепкие, жовиальные.

Как они исполняют! Это парный конферанс, отточенный годами дружбы и совместных дел.

Они и сейчас не без дела.

У них домà, в Одессе и в заграницах, у них семьи – по две-три на каждого. В каждой семье – любимые дети, заботливые жены. За каждым история. Какая история за каждым!

Хочется эпично. Но на одесских деловых не досталось Бабеля. Лишь обрывки застольных монологов.

– И я попросил Славика, чтобы он представился маме моим начальником. Мама всегда мечтала, чтоб у меня было рабочее место. Чтоб я ходил на службу. Ну, мы приехали. Маме уже 84 было тогда. Славик в костюме такой, в галстуке. Я, говорит, начальник вашего Валеры.

…А Валера к тому времени шестнадцать лет жил в Узбекистане без паспорта. Его предприимчивость в Одессе не нашла должного отзыва в сердцах законной власти, зато прибавила популярности – портретами героя были украшены райотделы.

– А мы на вашем примере учили стажеров розыску, – с трогательной откровенностью поведал фигуранту текущий на тот момент начальник. Текущий на момент Валериного возвращения в Одессу, когда стало можно быть предприимчивым, когда стало можно, наконец, показаться маме. Перед визитом домой «родному» райотделу был жалован ящик водки.

– И что, у Валеры есть рабочее место? – допытывалась взволнованная мама.

– Конечно, – отвечал Славик, молодой (тогда) оборотливый менеджер, которому в начале карьеры выпало счастье. Умение делать деньги он снимал с рук у настоящего мастера.

– У него есть свой стол, он вовремя приходит всегда, и вообще – на хорошем счету, – рапортовал он матери человека, инициативой которого пролегли километры стежков на мануфактуре производства подпольных швеек.

– Ну слава богу! Взялся за ум наконец! – довольно улыбалась мама. – Вы построже с ним, хорошо?

А мальчик, что сам варил себе борщ в десять лет, – вырос. Он вырос как раз в то время, когда делового его отца выпустили.

По коньячному этому одесскому делу не всем так повезло. Главных рационализаторов коньячного производства утилизировали.

Исполнителей позакрывали, во избежание передачи опыта неокрепшим умам.

Но гены, что называется, пальцем не раздавишь.

Едва забрезжило – «можно», отслуживший на северах мальчик стал заниматься делами. Под руководством опытных старших товарищей.

Возил сотни тысяч в торбынке по городам и весям. Талантливо исполнял.

С огоньком проводил (разводил) переговоры. Разворачивал полезные себе и людям производства.

– Как тут мой мальчик? – появилась как-то перед его патроном Раушенбахом мама. Отъездившая десять лет на свидания, поднявшая сама двух детей. – Я вас очень прошу: он у меня такой наивный. Такой доверчивый. Он же всем доверяет! Его же любой может обмануть!

Мальчик, слывший в фирме успешным переговорщиком, был страшно зол на маму.

Но ведь мамам не рассказывают про опасное...

– Славик! – звонит после именин хозяину дома давнишняя знакомая. – Представь моего сына своим гостям. Просто чтобы он знал – какие люди бывают. Чтоб понимал, как надо общаться.

– Что сказать?

– Ну скажи, что мальчик из приличной одесской семьи.

Майя Димерли

Детские рассказы для взрослых

Не курите, дети!

Руслан, от которого все мои беды, снова нашел чем заняться. Вернее, он нашел окурок, и мы должны были его докурить. Чтобы не попасться на глаза его дедушке с бабушкой или моим родителям, мы решили забраться в курятник. Так называлось место под нашим крыльцом, куда вела крохотная дверца, в которую свободно могла войти только курица. Трехлетняя же я протискивалась не так свободно, потому что ростом была с целых полторы. В курятнике было достаточно темно и очень грязно. Красиво выражаясь, это были авгиевы курятни, которые достались нам от курей предыдущих владельцев дома. Именно там, в курятнике, где не было никаких кур, мы и собирались курить.

Руслан был старше меня года на два и, чего уж там, идеи, которые приходили ему в голову, меня бы никогда не посетили. Мы протиснулись в курьи ворота и расположились как могли.

Не успели мы хорошенько рассмотреть окурок и чиркнуть спичкой, как нас застукал мой брат. Курить он не собирался, но зато сказал, что если я буду курить, то *он* расскажет маме. Я выбрала курить! Я ведь дала слово Руслану, неужели непонятно?

Окурок мы благополучно докурили, и нам даже удалось не устроить пожар. Мы тянули дым в себя, мы дули в сигарету, но так и не поняли, зачем взрослые курят. Что такое курить в затяжку, мы, естественно, не знали и делать этого не умели. Но послевкусие все равно было не из приятных.

На следующее утро я, как обычно, пришла в комнату к родителям. Они уже не спали, и я уселась на диван. И тут начался спектакль.

– Жорик, – сказала мама трагическим голосом, обращаясь к папе, – ты знаешь, какой ужас?! Я читала в газете, что некоторые маленькие дети курят!

– Да, Валюша, – задумчиво ответил ей папа, – я знаю. Самое ужасное, что эти дети никогда не вырастают!

– Бедные дети! – пожалела мама «бедных детей».

Мне было очень неудобно за родителей, потому что актеры они были так себе. Самое обидное было то, что мои родители всегда разговаривали со мной, как со взрослой. Зачем же теперь нужно было придумывать это вранье? Конечно, я вырасту! Главное, что я сразу поняла, так это то, что живу под одной крышей с ябедой.

Ах, как юна и самонадеянна я была тогда! С каждым днем я все отчетливее понимаю, что мои родители говорили правду.

Я так и не выросла.

Нет ничего вкуснее

Мама ездила на работу на электричке. Когда она возвращалась, то иногда привозила большой бумажный кулек конфет «Коровка» эстонской кондитерской фабрики «Калев». Такие кульки в магазинах сворачивали из больших листов разно-коричневой бумаги. Эстонская «Коровка» была завернута в красные фантики. Какие фантики были у нее в Одессе, я не помню. Коровок

в кульке было полтора кг. Больше «в одни руки» не отпускали. Дни, наполненные коровками, были самыми счастливыми, хотя длились недолго, несмотря на все усилия мамы контролировать поедание заветных конфет. Однажды я открыла маме свою душу.

– Хочешь знать, о чем я мечтаю? – спросила я у мамы.

– Конечно, – ответила мама и приготовилась внимательно меня слушать.

– Я мечтаю, чтобы у нас был такой кулек «божьих коровок», который никогда бы не потратился.

Я все время неправильно называла эти конфеты «божья коровка» – так сильно они мне нравились. И правда, на свете не было ничего вкуснее…

Может, только сгущенка. И живачки. Мятные и апельсиновые. И еще конфеты «Полет», такие вкусные леденцы, похожие на таблетки «аскорбинки», только прозрачные. Кстати, аскорбинки тоже очень вкусные, хоть и лекарства.

Вообще, так много вкусных лекарств! Вот, например, «полиэмилитки», которыми нас кормит дядя фельдшер, когда мы с мамой и братом ходим в Амбулаторию. Сначала он прикладывает к нашим с братом шкирлетам холодный стетоскоп, и тот постепенно об нас нагревается, а мы должны то дышать, то не дышать. Открыть рот и сказать: «А-а-а-а!». А потом доктор даст нам эти вкусные шарики – полиэмилитки, чтобы мы не заболели полиэмилитом. Я бы каждый день ходила за ними в Амбулаторию, но, видимо, их всегда не хватает, потому что часто нас туда не зовут. Зато мама может купить «гематоген». Тоже очень вкусное лекарство, если у тебя не хватает железа. Как мне хочется, чтобы у меня не хватало железа! Но самое, по-моему, вкусное

лекарство все-таки пертуссин. Такой сладкий сироп. Только тут надо хорошенько постараться и заболеть.

А вот еще в универсаме продают пепси-колу. Такую в маленькой бутылочке с красивой сине-красной крышечкой. Это самая вкусная в мире газировка. Ни «Буратино», ни «Дюшес», никакое другое ситро не могут с ней сравниться. Даже «Байкал». Он, конечно, похож на пепси-колу, но все равно она вкуснее. За пепси-колу я готова… ну… просто, что угодно!

А еще вот эти тюбики. Один маленький с ярко-красным прозрачным кисло-сладким желе, наверное, смородиновым или клюквенным. Называется «Космос». И другой тюбик, большой, с фруктовым повидлом. Я могу за раз съесть целый тюбик «Космоса» или почти целый тюбик этого повидла. Надо только немного подождать, отдышаться и доесть. Самое здоровское в этом то, что ты можешь есть из тюбика, как настоящий космонавт. А кто не хочет стать космонавтом? Я лично очень хочу! Да это даже решено уже!

Когда я вырасту, я обязательно полечу в Космос!

Ке-Ге-Бе!

Однажды, когда дети, кошки и качели были мне недоступны, я придумала новое развлечение и принялась за взрослых. Где я набралась того, что предложила ни в чем не повинным незнакомым людям, ума не приложу. Но это пользовалось неизменным успехом.

А было это так. Я стояла на перроне в ожидании электрички. Когда электричка останавливалась, и двери открывались, я подлавливала на выходе ничего не подозревающих людей, начинала прыгать перед ними из стороны в сторону на широко расставленных ногах, пытаясь не дать им обойти меня, и, раскинув руки в разные стороны, дурным голосом требовала:

– Пропуск! Ке-Ге-Бе! Ке-Ге-Бе! Пропуск!

Я не унималась до тех пор, пока ошалевшие сперва люди не начинали смеяться. Потом мужчины с серьезным видом засовывали правую руку во внутренний карман пиджака, а женщины в сумку, и каждый, достав оттуда свою руку, показывал мне открытую

ладонь. Я внимательно смотрела на пустую ладонь и таким же дурным голосом заявляла:

– Прахади-и-и!

И сразу же переключалась на следующую жертву.

– Пропуск! Ке-Ге-Бе! – басила я перед следующим на очереди.

Ростом я сильно недобирала до метра даже в кепке. А кепку-то я и не носила. Плюс согнутые и широко расставленные ноги. Представьте, вы хотите куда-то войти или откуда-нибудь выйти, а перед вами скачет клоп и девичьим басом требует документы! Казалось бы – смешно!

Но что значит работать в уважаемой организации в 1976 году! Никто не прошел мимо, никто не проигнорировал меня, никто не сказал, чтобы я отстала. Все без исключения показывали мне свои документы. Конечно, сейчас, когда я знаю об этом учреждении все то, что знаете и вы, я бы ни за что не стала так развлекаться. Во-первых, возраст не тот. Но тогда я многого не знала.

Однажды мы с мамой собирались куда-то ехать. Прибыла не наша электричка и, чтобы не терять зря времени, я пошла проверять пропуска у людей. У мамы глаза полезли на лоб. Она взяла меня за руку, извинилась перед незнакомцем, который уже успел предъявить документы, и отвела меня в сторону. Она была очень смущена, но ничего мне не сказала. Может быть, она подумала, что я действительно там работаю? Я и сама, пожалуй, уже не смогу с уверенностью ответить на этот вопрос.

Но одного я действительно не могу понять. Может быть, вы знаете? Вот откуда у всех этих людей были пропуска?

Рисунки Виктории Грозивчак

Виталий Кузьмин

Море и телевизор

Огромный телевизор тихо покоится на обшарпанной тумбе неподалеку от занавески. Его тяжелая деревянная коробка тускло мерцает лаком. Задняя пластмассовая панель собирает в себя пыль. Сразу за пыльной панелью – угол комнаты, в котором этот телевизор стоит. Угол образован бетонными плитами, из которых в свою очередь построен весь дом. Плиты заклеены обоями, слегка отстающими от стены. Снаружи эту стену подпирает дерево, что давно растет во дворе. Его мягкая листва таинственно шуршит о бетон, нагоняя полуденную дрему. Много интересных вещей попадает в деревянный ящик, пройдя через океан эфира, антенны и провода. Там они материализовываются, поражая воображение, очаровывая и завлекая.

Представим себе скопление высоких домов на краю поля. И человека, живущего в одном из них, на этаже, скажем, пятом. Он, как и многие, поражен новыми веяниями экрана. Наверное, сегодня опять покажут что-то интересное. Но до вечера пока далеко. Огромный телевизор молчит. У человека много дел и творческих планов, но пока он выходит на балкон и смотрит вниз. Надо сказать, что балконы в этих домах выглядели белыми и нарядными. На них было так спокойно, что можно было разглядеть пять копеек, валяющиеся на земле, с высоты пятого этажа. Сухие травы росли под балконами, и человек, не видя моря, все равно чувствовал, что оно где-то рядом.

Итак, внизу колышутся деревья, оттеняя футбольное поле и игровую площадку. Где-то слышны детские голоса. На ближайшей стройке забивают сваи. Удары молота далеко разносятся в жарком воздухе. Человек свешивает голову и зажмуривает

глаза. Множество мыслей роятся в голове. Одна за другой они вылетают из нее, постепенно растворяясь в дрожащем мареве. До тех пор, пока не остается только одна, всепоглощающая мысль о море. И это значит, что пора идти в Лески. Не тратя много времени на сборы, человек берет свою торбу с самым необходимым. Игнорируя лифт, он быстро спускается по лестнице и выходит в жару. Ноги сами проносят его сквозь узкую щель между девятиэтажками, вдоль гаражей, стоянок и спортплощадок, к самой границе города, где асфальтовая дорога постепенно превращается в пылевую. Там человек оглядывается, чтобы увидеть отблески солнца в стеклах своего дома. Потом он поворачивается к нему спиной и начинает долгий переход через поле, знакомое еще с детства. Торба болтается за спиной. Пылевые вихри выбиваются из-под сандалий. А над головой, где-то в середине небесной чаши, звенят жаворонки. Вот приближается какой-то домик с огородом, словно остров в степном океане. И здесь кто-то живет! Иногда навстречу попадаются люди, возвращающиеся из Лесков. Часто целыми семьями. Приятно встретить знакомых на этом степном пути. Можно остановиться поболтать с ними в середине поля, а потом продолжить путь. Таковы жители морского города. Им всегда есть что рассказать. Ведь и они сами, и их дома всегда обращены к морю.

И вот человек стоит у трассы, по которой с ревом проносятся большегрузные фуры. Но стоит перейти ее – и он уже окажется в Лесках. Там, по ту сторону трассы, его встречает загадочный завод «Мини-молоко». Что там на самом деле производили, никому не ведомо. Поговаривали, что в советские времена это был секретный завод по производству подводных лодок. И что прямо под заводом был прорыт подземный тоннель, через который эти лодки незаметно выплывали в море. Но как бы там ни было, ворота всегда были на замке. По ночам за забором лаяли адские псы, а прожектора светили во все стороны. Днем же там было совсем не страшно. Мало того, как только человек видел вывеску «Мини-молоко», он понимал, что скоро волшебная страна распахнет перед ним свои объятия.

Оставив трассу за спиной, человек должен решить, каким путем ему идти дальше. Он может пройти березовую рощу и по до-

роге из серого бетона плавно спуститься к морю. Но, наверное, лучше будет сначала посетить чудесный Сосновый дворец с колоннами-стволами и игольчатыми куполами ветвей. Его мягкий пол выложен шишками и иголками. Под его хрустальными сводами горячий степной воздух смешивается с морским. К этому добавляется запах разогретой хвои, пропитывая все вокруг восхитительными ароматами лета, невиданными больше нигде в мире. Главный зал дворца оттеняют зеленые покои поменьше. В них немало уютных комнат. И хотя до берега отсюда уже совсем не далеко, многие посетители Лесков попадают под чары Соснового дворца и остаются в нем надолго. Если же человек решает продолжить путь, то зеленые коридоры быстро выведут его на высокий берег, где море откроется ему во всем своем великолепии. Зеленая лужайка обрывается тут, словно отрезанная гигантским ножом. Если осторожно стать на самый край и посмотреть вниз, то можно увидеть, как густые заросли тянутся от подножия обрыва до самого берега. Они скрывают тысячи тайн. Человек пойдет вдоль линии разлома, словно паря над миром. Все застыло в жарком безмолвии. Лишь изредка шевельнется листва внизу, и одинокая птица выпорхнет оттуда по своим делам. Вот, наконец, и заветная расщелина. Узкий и крутой желоб, ведущий вниз, мог бы быть очень опасным, но какие-то добрые люди заботливо вырубили в глине ступеньки. Спустившись, человек погружается в ту самую чащу, над которой он только что «парил». Там его ожидает метров пятьсот уникального ландшафта, состоящего из холмов и расщелин, цветущих полян и глубоких провалов, колючих зарослей и серебристых маслин. Потом несколько метров песка вперемешку с ракушками. И вот он, наконец, стоит у самой кромки воды, вдыхая запах йода и соли. Теперь осталось только поприветствовать море и броситься в его прохладные объятия.

Далекие голоса и грезы, таинственная жизнь где-то там, за горизонтом. Человек лежит, прижавшись к песку на краю огромного водного пространства, плещущегося здесь с незапамятных времен.

По ту сторону залива виднеется зеленый город и порт с нашими кораблями. В порту кипит работа. Крутятся краны, грохочут

вагоны. Вот тюк с чем-то мягким плюхается на причал, подняв тучи пыли…

Солнечные блики весело играют на гребнях волн. Но где-то глубоко под ними таится царство вечного холода и темноты.

Да, море – оно такое. Сегодня милое и ласковое, а завтра… Можно беззаботно бултыхаться в прозрачной воде и, наплавав аппетит, поужинать жареными мидиями. А можно оказаться на плоту «Медузы» и принять там смерть жуткую и лютую.

Берлога Колобка*, говорят, находится где-то в развалинах бывшей погранзаставы. Там же его последний раз и видели.

Сегодня опять была давка в автобусе, а обломки «Титаника» обнаружены на глубине четырех километров. Интересно, можно их будет оттуда достать?

Вчера соседка рассказывала, что по дороге в Крыжановку Мохнорыл** погнался за знакомыми одних ее знакомых. Ну не чушь?

Рано или поздно всем лежащим на песке или в кустах приходится встать и начать нелегкий подъем по склону. Возвращение неизбежно. Но перед тем как отправиться домой, человек положит в свою сумку раковину рапана, найденную на берегу. С ней он унесет в город частицу моря.

Человек вернется в свою квартиру усталый, но счастливый. Он достанет из сумки раковину и поставит ее на полку – вместе с другими, принесенными ранее. Рядом с полкой дремлет в своем углу тяжелый телевизор. Но вечером он и тысячи ему подобных оживут. Миллионы глаз уставятся в экраны, в которых с каждым днем появляется все больше удивительных вещей, не виданных доселе жителями морского города. Яркие образы и картины легко пройдут сквозь океан эфира, будоража воображение людей, очаровывая и восхищая.

* Колобок – известный бомж, обитатель Лесков.

** Мохнорыл – человек-свинья, который якобы бегал по поселку Котовского в перестроечные времена и нападал на людей.

Валерий Бохов

Высота

Здесь, на высоте, все было иначе.

Не было обычных шумов, не было кухонного чада, бытовых дрязг, не было ссор с соседями, шумные споры не доносились сюда, отсюда были далеки все земные звуки. Только аппарат наземной службы связывал его с землей.

Все людские проблемы отсюда были далеки и казались мелкими и незначительными.

Отсюда люди – и те виделись мелкими и никчемными. Некоторые дома были похожи на коробочки спичек и на детские кубики.

Все вопросы, все проблемы не доходили сюда; все оставалось людям.

Монотонный шум двигателей он не замечал, привык; а вместе с ровным гулом пролетающих самолетов создавался приятный для него фон.

Здесь, на высоте, у него всегда было приподнятое настроение. И ему всегда хотелось петь. И песни были только одной тематики – летной.

…Если б ты знала,
Если б ты знала,
Как тоскуют руки по штурвалу…
Есть одна у летчика мечта –
Высота, высота…

…Под крылом самолета…

Часы, проведенные здесь, никогда не были ему в тягость, он никогда не уставал на работе. Наоборот, он заряжался здесь энергией, которой ему хватало надолго.

Раздался зуммер аппарата наземной службы. Он взял трубку:

– Понял. Закончил полет. Спускаюсь, – он положил трубку и тотчас покинул кабину.

Сменщик ждал его, как всегда, внизу, у подножия башенного крана.

Ефим Ярошевский

Из Европы, с любовью

* * *

От теплого хлеба и нищей сумы –
до звездного неба, где все спасены.
От спелого лета,
от белого Фета –
до грозной метели и трезвой страны…
От тихого Дона – до тихого стона,
от Волги – до волка…
и вечной весны!

* * *

Ледяное в лугах Лукоморье,
калорифер согреет леса…
Утопая в поверьях и в горе,
проступает зари полоса.

Там, где кофе был жестко размолот,
сделан первый горячий глоток…
где ножом Митридат был заколот
и закатан в цементный каток.

Там рванулся в снега ломоносов,
Соломон комсомолу не рад…
Вся москва, посинев от заносов,
завершает последний парад.

* * *

Поговорим о прозе Пастернака…
Но тут легко запутаться, однако.

…Он зачитался, он читал давно.
Злой ветер дул в осеннее окно.
Однако, Рильке тайну все о Ларе
чуть не раскрыл ему… и дело не в пожаре.
Ужели ларчик просто открывался?
Поэт с трудом от прозы отрывался,
чтобы примкнуть к поэзии… О нем
сложили сказку. Впрочем, ход конем
избавил бы его от ужаса и плена,
и участи слепого Гуинплена…
А заодно – от Сартра и Гюго.
……..
А там Бахтин… там тайные намеки.
И шахматы. (Набоков – да, талант!)
Идущий на работу дуэлянт
уже давал суровые уроки.
Он был достоин всяческих похвал,
трудолюбив, учтив, благопристоен.
Был образован. Был отважный воин.
Но Сартра никогда не понимал…

Кого там только не было, однако!
Был Пушкин, ловелас, был Крузенштерн,
Патрис Лумумба, царь и Анна Керн.
Там тайная обитель Пастернака.
Там Персия и грозные набеги,
и бабочки, и злые печенеги.
…Однако мы забылись…
Ночь взошла –
и пролилась чернилами. Открыто
окно, как рана. И не спит Лолита.
(Молчим о Ходасевиче, о Польше,
мы все сказали, и не нужно больше.)

Так мало в мироздании тепла!
Вселенная, сгоревшая дотла,
еще сияет, но уже мертва.
…Мела метель, куражились морозы.
Умберто Эко гладил имя Розы.
Живаго медлил. Вся в огне Лариса…
Так начинался новый день Бориса.

Из цикла «Серпентарий»…

1

Виноградная давка в давильне мира,
полуголая девка в разгаре пира,
подноготная лавка в ногах кумира,
там гуляет Кафка вокруг Овира…

Карнавальные лавры в подвалах духа,
повариха Мавра, зима-старуха…
Грозный мрак холокоста, голодная вьюга,
мировые погосты да метель-подруга…

* * *

Не слушай отрока, не чествуй водолея!
Играя стеклами над впадиной пруда,
зеленым паводком над родиною рея,
белела облаков летучая гряда…

Но грозный увалень таинственного брега
туманом северным заворожил стада…
Там по ночам скитается орда –
без сна, без отдыха (без чести, без стыда!),
там в звездах катится
небесная телега,
храня и пестуя ночные города…

* * *

Алеет помидор, синеет слива,
и пахнет рыбой море
в час отлива.
Там обрастает инеем амбар,
там партитура оперы, там бар –
и крики мусульман: «Аллах Акбар!»
…Там брат сестру торопит в час заката
(а в комнате нет ни сестры, ни брата!).
Там преступленье, призрак, там обман…
Там площадь изуродовал туман…
Там трапеза,
где гордый лист лавровый
ложится в лебединый суп багровый…
Там Бэрримор, там баронесса Штраль.
Чудак Арбенин.
Лермонтов.
Мистраль…

* * *

На губах томится Бах,
И слезой сочится вереск.
Где треска идет на нерест,
Там бессонница и страх.
Рыба тает на кострах
(стирка маек и рубах),
где луна ползет на берег,
рыбки в маленьких гробах
засыпают без истерик.
Соль на девичьих губах…

* * *

И наша Россия не наша,
И спят в опустевших гробах
Знакомая Чехова – Маша,
И бедный барон Тузенбах.

Сквозь кружево пауз и реплик
Тригорин уходит в туман,
за пулю хватается Треплев,
Шарлотта стучит в барабан.

…Дымится вдали синагога,
И в холоде страшных равнин
Еврей уповает на Бога
И верит в судьбу славянин.
……
Поклонимся вечной отчизне.
Натянуто время – струной!
Концертная слава при жизни,
Посмертный костюм ледяной…

========== alles!?

Германия

Андрій Хаєцький

«Не спить зозуля...»

* * *

І навіть якщо ці слова
таки мають магічну силу –
я казатиму всім про крила.
І чекатиму на дива.

І навіть якщо ця зима
поглинатиме й далі весну –
я проситиму в неї чесно
лиш для тебе сонця й тепла.

І навіть якщо вже нема
ні стабільності, ні надії –
перетворю тебе на мрію.
І чекатиму на дива.

* * *

Якби не було тебе… Як би не було тебе?
Чи у моєму серці? Чи у моїх судинах?
Чи в моїй голові? Чи так, що мороз по спині,
від думки, наскільки обличчя без тебе бліде?

Я питаю щовечора Того, Хто за кермом,
чи правда, що ми, земноводні, маємо хвости?
Чи правда, що тіло бездушне не стає простим?
Чи справді кров моя є безалкогольним вином?

Якби не твої слова, що нам настав час втекти,
то я б не став утримувати свої кораблі
на якорях, рахуючи довгі сонячні дні
до миті, коли ми знов залишимось без мети.

І сила силенна снів про все, що в тобі росте.
Всі – з четверга на п'ятницю. Кольорові й ясні.
Якби не було тебе хоча б у моєму сні,
тоді б і моє існування було би пусте.

* * *

Світанок відкриє нам очі, сестро.
Відкриє нам очі,
дозволить піти за ним.
На партитурах нічного оркестру
записано «Отче,
допоки ми є – храни».

Многоголосся ковтає море.
Ковтає уміло,
ховає у ребрах хвиль.

У наших містах цвітуть софори,
схожі на жовту сіль.

Червоне сонце із-за горизонту.
Червона півкуля.
Серпневий ранок надій.
Малює Отче на березі контур.
Не спить зозуля –
кувати й кувати їй…

Марія

Скажи-но, о котрій приходить Бог?
З якого неба? В якій одежі?
Останнім часом наш з Ним діалог
не містить сенсу – і це бентежить.

Маріє, я ріс на твоїх очах.
Ходив до школи, грав у театрі.
Носив сорочку з чужого плеча.
Співав народних пісень при ватрі.

Під шепіт твоїх молитов я спав.
Осінні ранки збирали листя.
Туманом вкривало зелений став
і наш будинок – теплий і чистий.

Скажи-но на милість, чому людей
ковтає море й штовхають гори?
Чому безвір'я не має очей,
але руйнує твої собори?

Маріє, то скільки іще тривог
гуляє світом? В яких одежах?

Скажи-но, до кого приходить Бог?
І як зустріти Його належить?

* * *

Моєму вчителю А. Ткачуку

Допоки ти спиш там, поміж зелених ялин,
світ відмовляється від звичних йому хвилин
і загортає тіло в ковдру гібридних війн.
Лиш сонце тьмяніє і швидше зникає тінь.

А тут що не день, то сум нескінчених новин.
І він просякає все, до найтонших судин.
Кімната – то й є твій блокпост. Сиди, не виходь.
Надходять у продаж душі, а попит на плоть.

Допоки ти спиш там, серед безсніжних зим,
весь світ шаленіє від невиліковних змін.
Так, як було колись – лишилось на сторінках.
Не історична правда не перетреться в прах.

А тут все нові фронти і замість куль слова.
В кожного є свій кулемет і правда своя.
Допоки ти спиш, час поволі п'є береги.
Лиш сонце тьмяніє і швидше зникає тінь.

* * *

Мовчи, бо світ тепер ковтає говірливих.
Твої слова до Бога не дійдуть.
Мовчи з останніх сил і навіть понад силу.
Не говори про мир і про війну.

Тепер слова в усіх своїх можливих формах
Перетворились в кулі та мечі.
Мовчи – бо зараз це найголовніша норма.
Про що не брешуть – дихай та мовчи.

Кричать лише круки, коли вони голодні.
А ти – не крук. Ти світлий птах. Мовчи.
Бо всі слова твої лиш зникнуть у безодні.
Ні пари з вуст – ні вдень, ні уночі.

Ирина Беньковская

«Бог вам в помощь, разбойнички…»

* * *

Там, где мост раскачался над бездной,
там, где висельник дует в дуду,
в ожиданье судьбы неизвестной
бродят мертвые в мертвом саду,

на глухих площадях хороводят,
караулят на каждом углу,
погребальные песни выводят,
погребальную варят смолу.

Отвернись, не гляди, мой хороший,
как по улицам, теплым от сна,
на телегах, покрытых рогожей,
проплывает чужая вина,

как над крышами зарево брезжит.
А когда занимается день –
подступает бирнамская нежить
из окрестных полей-деревень;

реют крылья, пылят колесницы,
приминая заброшенный шлях,
и железная рожь колосится
на потравленных черных полях.

Февраль

Пригоршня мелких звезд,
скол молодой луны;
синий суконный хвост,
тусклые галуны.

Пух заметает двор,
клекот взмывает ввысь;
гнали во весь опор,
да не оторвались.

Меченный кровью снег,
траченный молью шлык;
волк, неокрепший век
пробующий на клык,

стелется по степи,
мчится вдогонку вскачь.
Не заживет: терпи.
Не пронесет: не плачь.

Не утихает крик,
лютый весенний гон.
Смушковый воротник;
пьяненький граммофон

что-то выводит вновь,
путается в слогах –
что-то про вражью кровь
на берегах-лугах;

«Не по щеке слеза –
я из Днепра теку».
…Вот и взглянул в глаза,
вовчику-братику.

* * *

Не касаясь друг друга плечами, не слыша друг друга,
дотянуть до недужной весны – небольшая заслуга,
раздышаться на жестком ветру – небольшая отвага;
впопыхах нацарапать две строчки – все стерпит бумага.
Копит стыдные тайны горючее в мутных стаканах;
бродят тени в ночи, мертвецы в длиннополых жупанах,
не кончается ночь, не слыхать петушиного крика,
заплетает трамвайные рельсы узлом повилика.

Бог вам в помощь, разбойнички. Прошлого нет – и не надо;
видишь, брезжит на том берегу бирюза Цареграда;
полумесяц, лимонная корочка, терпкая долька;
опрокинем по столько, а после еще по полстолько,
а последняя капля уходит в песок без остатка.
Выноси, гиппокампус, плыви, водяная лошадка,
хрупкий конь терракотовый, стойкий солдатик печальный;
жизнь качнет плавником, оттолкнувшись от стенки причальной,
чтобы все амаркорды с размаху отрезало разом,
чтобы рыба кружила, глядела базедовым глазом,
чтобы таяло солнце в бутылочной зелени над головою,
чтобы плыть без конца, никогда не прощаясь с тобою.

Четырнадцатый

Звенит июль и сам себя не слышит,
и марево колышется и дышит,
гудит в траве пчелиный контрабас.
Ну что стоишь, как будто неживая,
последний день как будто доживая,
покуда век дожевывает нас?

Пиши: у них тогда бывали сходки,
одна рука выстукивала сводки,
над степью лился раскаленный свет;

стучит вагон, в вагоне едет Вронский;
зубная боль, стрельба по-македонски,
стальная пчелка чиркнула: «Привет!»

Вот чиркнула – и сразу отпустило,
и гаснет бесполезное светило,
Саур-Могила тает в темноте;
летит письмо из сумрачного края –
их носит безразличная, немая,
нездешняя сорока на хвосте.

Там зной не зной, обида – не обида,
надменный мерный шелест Фукидида,
незрячий мрамор, шествие камней.
Железный полдень дребезжит трамваем,
и старый друг бредет, неузнаваем,
неразличим среди других теней.

Кружит моток, поблескивает спица,
и собеседник в зеркале двоится –
еще не он, почти уже не ты;
смеркается. По городу во мраке
слоняются бездомные собаки
и брешут на червленые щиты.

* * *

Говорят, он не выдаст. Слово не воробей –
когда выйдет весь
твой последний воздух, он скажет тебе: забей,
ты уже не здесь,

скажет: видишь, уже не больно, спрячет тебя на потом
в кротовой норе,
будешь птицей за пазухой, алым зерном
в гранатовой кожуре.

Третья весна на подступе, крылья ее легки;
следы на черном снегу.
Как живется тебе у железной твоей реки,
на огненном берегу?

Огонь-река, бетонные острова,
проволочное гнездо.
Говорят, огонь все делит на два –
на после и до.

День за днем в полотняный мешок, вот и вышел год,
и каждый наперечет.
Столько текло, да не вытекло – вот,
до сих пор течет:

медлит, не отдает свое,
цепляется за края.
(Говорят, если ты слышишь ее –
она не твоя.)

Это все уже было – брусчатка, мешки с песком. –
Рассказать кому.
Вспышка, долгая тьма. Сейчас допоем –
и уйдем во тьму.

В колею впечаталась колея –
след в след.
Говорят, в огне брода нет, радость моя.
Брода – нет.

Евгения Бильченко

Не плачь

Лирика мира

No Woman No Cry

Одессе

Голый нерв обмотаю марлей,
Табаком утолю озноб,
Запущу себе Боба Марли –
Пулей музыки –
Прямо в лоб.

Растеряю случайных встречных,
Поменяю медаль на брошь,
Выну камень из Черной речки –
Белый-белый, как первый дождь.

На Ямайке сыщу Калугу,
Всякий фас обращу на фарс
И в страну, где едят друг друга,
Голодовку метну, как Fuck.

От роддома – пешком до гроба
На резиновых крыльях кед
В разноцветном берете Боба
С православным крестом в руке

Дотяну свои пять копеек:
Вечность – кожа,
Война – лишь прыщ.

Как Одесса, растет Помпея
Из обугленных пепелищ.

Миротворец

В этот вечер, который чем-то сродни расстрелу,
Ты идешь по земле – изысканный, как Растрелли.
У тебя в кошельке – монетки заводят трели,
У тебя в голове – все лютни и все свирели.

В огороде твоем – все лютики и ромашки.
Ты по-прежнему веришь дворничке тете Машке
И еще в то, что мир спасет ледокол бумажный,
Но, пуская его, ты вслед никогда не машешь,

Потому что ковчеги созданы для скитаний:
Генетически в каждом третьем из них – «Титаник».
Ты идешь сквозь кирпич, расправив хребты у зданий:
Ни свои, ни чужие стены тебя не сдали.

Тебе адски везет.
Ты – умный, хороший мальчик.
Всякий Гитлер тебя хотел бы убить на матче,
Но полет у мяча по-прежнему – выше мачты,
Впрочем, если по дзен,
То матч, как и мяч, – обманчив.

В этот вечер, который чем-то сродни пожару,
Ты один еще помнишь запах воды, пожалуй.
Ты идешь, как Махатма Ганди, – сухой, поджарый,
Концентрат океана – солью! – вобрав под жабры.

Ты – не трус.
Ты прожил с три короба революций.
Ты воочию видел, как погибал Валюха.
Но когда не за волю бьются, а за валюту,

Ты уходишь с войны,
Где главный герой – ворюга.

Ты готов напролет ночами читать Бальзака,
Ты готов закопать мечту под горой базальта, –
Лишь бы только не слышать вопли чужих «банзаев»,
Лишь бы только не есть с лотков на чужих базарах.

В этот вечер, который чем-то сродни больнице,
Где в палате – ты сам, и не к кому прислониться,
Ты берешь сигарету.
Ставишь на полку Ницше

И, Христу помолившись, кормишь из рук синицу.

Война и море

В соленой тьме чернильного наброска,
Пришпиленного к небу огоньками,
Одесса спит.
Ее качает Бродский:
Он стал теперь сродни вселенской маме,
Спасающей, но так и не спасенной…
За столиком ажурно-эмигрантским
Рисует хной тату барыга Сёма
На бедрышке одной из львовских граций.

Никто не помнит ни Кремля, ни НАТО:
Наложено табу на зоны риска.
Поблекший камень плит пансионата –
Незыблем, как реликт соцреализма.
Уходят прочь из головы нагретой
Последних мыслей скудные заначки.
Тоска.
Киндзмараули.
Сигареты.
Вульгарный профиль уличной циркачки.

А где-то – бьются Азия с Европой
На радость петербургскому Аттиле.
А где-то там – мои следы в окопах
Еще от слез и крови не остыли…
Но смолкнут бомбы, мины и снаряды:
Ничто не властно сей клочок загадить,

Где розовым котенком с балюстрады
Соскакивает солнце на закате.

Они называют нас

Мой брат из Шахтерска не носит ни берцы, ни валенки.
Он в кедах без биты встал грудью за памятник Ленина.
Они называют нас:
«ВАТНИКИ! ВАТНИКИ! ВАТНИКИ!» –
Мой брат искалечен и в коме лежит, как растение.

А шахта стоит. И директор с семьей где-то в тропиках.
Зовет дядя фраер по рупору в ейную армию.
Они называют нас:
«ГОПИКИ! ГОПНИКИ! ГОПНИКИ!» –
Но братья-славяне велели нам выползти в арии.

Раствор с этой хлоркой – отнюдь не коктейль ананасовый.
Во Львове отец умирает, накрывшись подушками.
Они называют нас:
«НАЦИКИ! НАЦИКИ! НАЦИКИ!» –
Я клею гуашь на блиндаж и цитирую Пушкина.

А мы состоим из трусливых возвышенных атомов:
«Дудим на свистульках», «не нюхали порох» и прочая.
Они называют нас:
«АВТОРЫ! АВТОРЫ! АВТОРЫ!» –
На всех блокпостах наши души в карманах ворочая.

В степях по ночам звезды шлют позывные на идише.
В нас каменный космос вложили сарматские пленники.
Они называют нас:
«ИДОЛЫ! ИДОЛЫ! ИДОЛЫ!» –
И молятся нам, чтобы после разрушить, как лениных.

—

У нас книга судеб читается в школе, как алгебра.
Мы свозим их в ад отовсюду, где ружьями лязгают.
Они называют нас:
«АНГЕЛЫ… АНГЕЛЫ… АНГЕЛЫ…» –
И просят отправить их в рай в инвалидных колясочках.

Колледж

Время тащится чёт за нечетом,
Как по рынку – бабьё усталое.
Я живу на метро «Конечная»
Возле старой облезлой станции.

В детстве папа читал о мичманах,
Дальних странствиях,
Тайных дарственных.
Но учусь я – в экономическом:
Стану… как его? – мерчендайзером!

На меня уже смотрят женщины:
Млеют козочки в куртках бежевых.
Мы, по правде сказать, – нездешние:
Нас здесь все обзывают «беженцы».

Но откуда бежим – не вспомнить мне,
А куда – не хочу загадывать.
Мама бродит по грязной комнате
В ожерелье чужом агатовом

И мечтает уехать в Коблево:
Говорят, отдыхать там дешево.
Извиваются сплетни кобрами,
Превращая святыни в крошево.

А вчера на уроке алгебры
К нам известный поэт пожаловал.
Знай, вещал о каких-то «ангелах»:
Мы не били его из жалости.

И не смейте считать нас хамами,
Строить с благостью рожи скорбные:
У меня хомячок в Стаханове
Третий месяц уже – некормленый!

А сестрицу мою беспечную
Кум по косточкам в яму стаскивал…

Я живу на метро «Конечная»
Возле старой облезлой станции.

Кант

Владиславе Пилипенко (Донецк)

Иммануил не ждет от судьбы наград.
Иммануил не вернется в Калининград.
Чтобы вернуться, надо
Сменить башмаки на берцы:
Башмачник Иммануила расстрелян
Под ратушей Кенигсберга.

В доме Иммануила царит аврал:
Там поселился свадебный генерал.
Пишет депеши, разводит крыс,
Обращает девчонок в баб…
В доме Иммануила – военный штаб.

Над домом – всё то же небо и Млечный Путь.
Иммануил пытается вспомнить хоть что-нибудь:
Стада недоеных звезд – единое Божье вымя.
Могила Иммануила –
Так именита, что потеряла имя.

Возле дома – гимназия.
Школярка с дырявым ранцем:
Дырки от бубликов, дырки от пуль,
Дырки от дефлорации.
В ранце – нет ничего, кроме сэндвича и тротила.
Школярка все еще любит Иммануила.

Она звонит ему раз в неделю
По вторникам или средам
С воплями: «Иммануил!
Ты – беженец! Ты нас предал!
Нас здесь всех убивают
За то, что мы – «не такие»,
А ты плывешь себе звездным морем –
Семь футов тебе под килем!» –

И тут же бросает трубку,
Не прощаясь и не простив.
Она давно забыла моральный императив:
Когда по цене свободы на вокзале сбывают ксивы,
Категорические императивы
Теряют силу.

Но дом стоит – как собор.
Как снайпер над головой.
Ограбленный дезертирами.
Обшарпанный, но живой.
Дом превратился в призрака.
Дом превратился в зомби.
Дому вообще плевать, что он трижды взорван.

Дом Иммануила будет стоять, пока
Руки Иммануила помнят его бока,
Помнят его подсобки.
Помнят его подвалы…

Философию гимназистки.
Философию генерала.

Письмо из Киева в Москву

Марку Вайнеру

Который день пишу тебе письмо.
Зима перерастает в птичью стаю.
Шоссе под Сашей крошится и тает,
Переплавляя лед на эскимо.

Текут ручьи, любови, страсти, дружбы.
Пекут глаза, как черный март, в трюмо.
Который год пишу тебе письмо,
Мотая жизнь по тюрьмам срочной службы.

Проходит всё, как смерть и грипп, – само.
В парадных пахнет нежностью и сельдью.
Чужие дети крутят каруселью…
Который век пишу тебе письмо.

Нас нет давно. А наши две страны
Остались жить на древних школьных картах.

В раю – весна.
Под звездным небом Канта
Летит письмо, как бабочка с войны.

Баллада о нашем трамвае

Актеру Андрею Морозу

Мир без войны – огромен, как каравай,
Мандала, бублик, блюдечко, анаша…
Мир без войны – прекрасен,
Как тот трамвай,
Где за студента пьяного без гроша

Платит девчонка с крашеной хной косой,
Чтобы за это он ей достал Луну.
Мир без войны – святой, холостой, босой:
Он – бесшабашен, даже идя ко дну.

Он – бесподобен, как молодой актер-
Трагик, когда комедия – путь во мглу.
Он – благороден, как полоумный вор,
Банковский фонд раздавший всему селу.

Он – бесконечен, как переводы Вед,
Если бы их в трехстишия сжал Басё.
Он – бессердечен: не потому, что нет
Сердца – напротив:
Сердцем здесь стало – всё.

Шапочку растафари надел педант.
Хиппи с трудом, но влез в деловой костюм.
Время прогулки в сад перепутал Кант,
Будто студент, забывший в трамвае ум.

Трусость быть добрым – худший из страхов. Не
Спорь со мной! – Я прошел свою карму драк.
Мир без войны я видел вчера во сне…

Ты Его тоже видел…
Признайся, враг.

Киев

Екатерина Костина

Сказка Крепостного предместья

По сравнению с многими городами Одесса – город молодой. Но его история богата как героическими подвигами, так и множеством исторических мест.

Парк имени Т.Г. Шевченко, в прошлом Александровский, а ему в 2015 году исполнилось ни много ни мало, а 140 лет, является исторической и культурной доминантой бывшего городского предместья «Крепость», память о котором еще хранят одесские старожилы. Оно располагалось на высоком морском берегу между Карантинной балкой и прежним урочищем дачи Ланжерон, простираясь на степном плато в границах Лидерсовского бульвара и нынешней улицы Черноморской, Стурдзовского переулка и начала улиц Базарной, Канатной, включая всю Маразлиевскую. Название предместья, разумеется, не случайно, в нем отражено эхо геройских событий давно минувших дней.

Историческое значение Крепостного предместья Одессы трудно переоценить. Оно по праву должно занимать свое место в ряду природно-исторических парков Украины национального значения.

Сказка, написанная Катей Костиной, ученицей 9 класса Одесской школы-интерната № 2, описывает один из домов, входящих в Крепостное предместье, – дом № 28 по улице Маразлиевской, названной в честь городского головы Одессы Григория Григорьевича Маразли, человека, чей девиз был – «Честь паче почести».

Этот дом, особняк Е.Я. Менделевича, виртуозно сочетает в себе черты модерна и ренессанса, и вот уже более 100 лет (с 1909 г.) поражает своим убранством и оформлением, оставаясь одной из вершин творчества архитектора В.И. Прохаски.

Особняк был построен в простых, но монументальных формах флорентийского ренессанса. Свойственную модерну трактовку получили

и барельефы над окнами второго этажа с изображением отдельных сцен, объединенных общей тематикой воспитания детей. Венчает же дом классический треугольный фронтон с маскароном Афины в тимпане.

Вот об этих необычных жильцах дома и идет речь в «Сказке Крепостного предместья», которую написала Катюша.

Нина Бондаренко, преподаватель курса «Одесса – мой город родной» школы-интерната № 2

Я очень люблю свой город. Люблю его в любое время года. Зимой, когда все накрывает пушистый белоснежный ковер. Весной, когда идешь по городу, и тебя окутывает нежный аромат акаций – символа нашего города. Летом, когда так манит Черное море. Осенью, когда все вокруг в золоте. Но особенно я люблю центр города, где сохранилась неповторимая архитектура.

Хочу вам рассказать одну историю.

Жил-был Дом. И жил он на необычной улице, у которой по нечетной стороне всего семь домов. Остальное занимает огромный зеленый парк. Вот напротив этого парка и жил наш Дом под номером 28.

Вы, наверное, уже догадались, что жил наш Дом на улице Маразлиевской, названной в честь замечательного человека, городского головы Григория Григорьевича Маразли, человека, чьим девизом была фраза «Честь паче почести».

По сравнению со своими нарядными соседями наш Дом выглядит скромно, одет в серую рустованную одежду. В этом доме, конечно же, живут люди. Но речь пойдет не о них, а об особенных жильцах – жильцах фасада Дома. На втором этаже там живут две семьи. Живут под покровительством Афины – богини мудрости, покровительницы ремесел. И как настоящая богиня, она

разместилась над всеми, в центре дома, чтобы хорошо видеть своих подчиненных.

Учитывая то, что Дом живет в зеленой зоне, на его фасаде тоже есть своя зеленая зона – там растут деревья. В левой части Дома обитает семья ремесленников, которые с детства прививают детям любовь к труду и различным ремеслам. С детства они учатся помогать родителям. Один малыш подметает под деревом опавшую листву, второй усердно изучает науки, обложившись книгами, измерительными инструментами, и пытается измерить глобус Одессы. Сидящий рядом отец с дневником в руках проверяет, все ли уроки записаны. А мама с веретеном в руках учит дочь женскому ремеслу – прядению и ткачеству.

Семья, поселившаяся в Доме справа, – музыкальная. Какая же одесская семья без обучения музыке?!

Один малыш лихо бьет в литавры, к «удовольствию» всех соседей, второй подыгрывает ему на рожке. Мама только закончила урок обучения игре на кифаре, а папа, придя с работы, уже вручил ребенку кулек с конфетами за хорошие успехи в музыке.

Чтобы попасть в подъезд Дома, нужно открыть оригинальную входную дверь в арке.

Наш дом – модник, и первое, что бросается в глаза при входе, это модерновая лестница, выполненная целиком из дерева. Ее особенностью является глубокая, но простая по композиции резьба.

Сама лестничная клетка и коридор выполнены в стиле, который сочетает в себе барокко и модерн. В подъезде Дома есть свои жильцы. Как в современных домах есть консьержки, так и в нашем Доме по обе стороны дверей расположились две кариатиды, которые как бы поддерживают площадку второго этажа и охраняют покой людей, живущих там. Недалеко, чтобы мамы-кариатиды их видели, расположились амурчики-путти. А чтобы им всем не было скучно, для них играет дуэт, расположившийся на потолке лестничной клетки. Одна из женщин играет на бубне, другая – на тарелках. Правда, опутали их, бедных, какими-то проводами, веревками… Наверное, чтобы не убежали.

Иногда ночью, когда все люди спят, наши сказочные герои выходят на полукруглый выступ, нависающий прямо над кариатидой у лестницы, напоминающий небольшой украшенный

скульптурой балкон, чтобы взглянуть на уснувший город, Александровский парк, порт, в котором и днем и ночью идет работа.

И тогда они могут себе позволить расслабиться, расправить уставшие за столетия спины, руки и ноги. И тогда, если прислушаться, можно услышать скрип их закаменевших, покрытых многими слоями штукатурки тел. Они хотят пожаловаться, что стены, крышу, подъезды их Дома много лет не ремонтировали, что когда-то их регулярно красили, меняли крышу, следили за полом… А сегодня – сегодня этим никто не занимается, и приходится им в ночной тишине жаловаться друг другу в надежде, что кто-то вдруг не спит и услышит их жалобы.

Но поздно. Тихо спит Одесса;
И бездыханна и тепла
Немая ночь. Луна взошла,
Прозрачно-легкая завеса
Объемлет небо. Всё молчит;
Лишь море Черное шумит.

Евгений Деменок

Проступают сквозь время черты…

Новое о Людмиле Кузнецовой-Бурлюк

Незаслуженно забытые имена…

Хотя – разве есть кто-то, забытый заслуженно?

И тем не менее особенно обидно, когда пелена забвения скрывает детали судьбы людей талантливых и даже известных. Словно и не было их творчества, поисков и находок, словно не звучали их имена со сцены, не были опубликованы в книгах или каталогах выставок живописи и графики. «Поэты второго ряда», «художники третьего ряда»… Зачастую их судьбы интереснее тех, кто из «первого ряда».

Заниматься поисками забытых страниц их жизни, утерянных фактов биографии – удовольствие сродни чтению увлекательного детектива. Хотя – не чтению, ты сам становишься тем самым детективом, который идет по следу. Любые находки – огромная радость, а особенная удача – когда после первых публикаций тебе вдруг приходит письмо от очевидца тех событий, человека, который общался вживую с теми, кто уже стал для тебя легендой.

Три года назад я написал цикл статей, ставших впоследствии книгой «Новое о Бурлюках». Основой книги стал прежде не изученный пражский архив семьи Фиала-Бурлюк, сохранившийся в семье потомков младшей сестры Давида Бурлюка – Марианны, вышедшей в 1922 году замуж за чешского художника Вацлава Фиала. А толчком для поиска стал, как всегда, интерес к открытию новых деталей биографий людей, связанных с Одессой. На этот раз это была Людмила Бурлюк, старшая из сестер Давида Давидовича, которая вместе с ним участвовала в XVII и XVIII выставках картин Товарищества южнорусских художников в 1906 и 1907 годах. На XVII выставке ТЮРХ вместе с ними выставил свой этюд и Владимир Бурлюк, учившийся вместе с Давидом

в Одесском художественном училище в 1910-1911 годах и живший с ним в доме по Преображенской, 9, почти напротив училища. Трое Бурлюков были членами ТЮРХа, а Давид Давидович окончил в 1911 году Одесское художественное училище по II разряду и получил диплом. Интересно, что по первому разряду в том же году училище окончили: Константин Бондаренко, Радион Габриков, Тимофей Кравченко, Симха Симхович, Моисей Шпарберг и Иван Шульга. Помнит ли кто-нибудь сегодня эти имена?..

Как ни удивительно, информации о Людмиле Бурлюк, поступившей в 1902 году в Академию художеств в Санкт-Петербурге и там познакомившейся со своим будущим мужем, скульптором Василием Кузнецовым, тоже было до обидного мало. В 1908 году, после рождения первого сына Ильи (Давид Бурлюк приводит дату его рождения в своих «Фрагментах из воспоминаний футуриста» – 7 сентября), она забросила живопись и уже не принимала участия ни в знаменитых «Салонах Издебского», в которых были представлены работы Давида, Владимира Бурлюков, их матери Людмилы Иосифовны Михневич и даже одиннадцатилетней Надежды Бурлюк (в секции детских рисунков), ни в других выставках, на которых представляли свои работы Бурлюки. Бенедикт Лившиц написал о ней в «Полутораглазом стрельце»:

«Кроме Давида и Владимира художницей была старшая сестра, Людмила. Ко времени моего приезда в Чернянку она вышла замуж и забросила живопись. А между тем десятки холстов в манере Писсарро, которые мне привелось там видеть, свидетельствовали о значительном таланте. Братья гордились ею, хотя еще больше ее наружностью – особенно тем, что на каком-то конкурсе телосложения в Петербурге она получила первый приз. Младшие дочери были еще подростки, но библейски монументальны: в отца».

Лившиц впервые приехал в Чернянку, административный центр принадлежавшего графу Мордвинову Чернодолинского заповедника, которым управлял с 1907 по 1914 год глава многочисленного семейства Бурлюков Давид Федорович, в декабре 1911 года. После этого о Людмиле – лишь несколько строк в биографии и отсутствие точной даты смерти.

Благодаря счастливой находке пражского архива мне удалось заполнить многие белые пятна в биографии Людмилы Давидовны

Кузнецовой-Бурлюк. По мере написания частей книги я публиковал их в различных изданиях, связанных с искусством, и к моменту окончания верстки книги получил письмо из Лос-Анджелеса от соседа Людмилы Давидовны по ленинградской коммунальной квартире, Григория Романовича Ильмера. Это было настоящим чудом – спустя столько лет пообщаться с очевидцем, ведь они соседствовали в одной квартире в 1946-1955 годах.

Я закончил тогда книгу словами: «Свидетели той эпохи уходят – тем важнее сейчас любые воспоминания очевидцев».

И вдруг спустя два года после выхода книги, в апреле 2015 года, я получил письмо, начинающееся этими же словами. Вот оно:

«Уважаемый Евгений Леонидович!

Прочитал Ваш труд «Новое о Бурлюках» и споткнулся на последней фразе – «Свидетели той эпохи уходят – тем важнее сейчас любые воспоминания очевидцев». Я некоторым образом отношусь к последним, и посчитал своим долгом написать Вам то немногое, что я знал, и, самое главное, запомнил.

Давид, Марианна и Людмила Бурлюк. 1962 год

Я, Барсук Евгений Львович, 1937 г. рождения, брат Владимир, 1931 г. рождения, отец – Барсук Лев Соломонович и мать – Дравнек Магда Мартыновна (фотография на стр. 31 Вашей книги). Наша семья два предвоенных года жила в Ленинграде в коммунальной квартире по адресу: ул. Чайковского, 24, кв. 4. Обычная ленинградская коммуналка – 7 ответственных квартиросъемщиков, в числе которых и семья Ильмеров. Жил ли в то время в этой квартире Кирилл Васильевич Кузнецов и Людмила Давидовна, не помню. Мама действительно в это время работала в ТРАМе (Театре рабочей молодежи. – **Е. Д.**), отец был директором Ленэстрады. Война все изменила – отец с 23 июня 1941 г. младший политрук стрелковой роты, мы с мамой как семья комсостава за неделю до блокады эвакуированы в Удмуртию. За войну наша семья распалась: отец остался в армии в Свердловске, у него появилась новая семья. Мы с мамой в августе 1946 г. вернулись в Ленинград. Работы в театрах не было, жили на то, что присылал отец на наше содержание – 500 руб. в месяц. Буханка хлеба на базаре в то время стоила около 100 руб. Летом 1947 г. нас с братом отправили в Свердловск, к отцу. Помню, что на вокзале нас провожали мама и Кирилл Васильевич (Кузнецов, сын Людмилы Кузнецовой-Бурлюк. – **Е. Д.**).

Кирилл Васильевич воевал, на невском «пятачке» был ранен в ногу. Говорил, что это спасло ему жизнь, из всей его роты (200 человек) в живых осталось только пятеро. Жена Кирилла Васильевича умерла от туберкулеза, дети – Олег 1937 г. рождения и Алексей 1935 г. рождения – жили у родителей жены в Аркадаке. Гриша Ильмер (Григорий Романович Ильмер, другой сосед Людмилы Кузнецовой-Бурлюк по ленинградской коммунальной квартире. – **Е. Д.**) ошибается, утверждая на стр. 197 (книги «Новое о Бурлюках». – **Е. Д.**), что Олег – старший сын. Кирилл Васильевич после войны жил в нашей коммунальной квартире. Людмила Давидовна, вероятно, тоже жила с ним в этот период. Об этом говорят портреты углем мамы и Кирилла Васильевича, датированные апрелем 1947 года. Жизнь в послевоенном Ленинграде была тяжела, постоянной работы не было. Кирилл Васильевич брался за все, что подворачивалось, – писал задники декораций для разных театров, делал макеты. Помню изумительный по своей точности макет санитарного вагона, изготовленный для какого-то

Автопортрет Людмилы Кузнецовой-Бурлюк
из коллекции Ноберта Евдаева, США

медицинского музея в Ленинграде. У Кирилла Васильевича и мамы были похожие вдовьи судьбы, дети, близкие театральные профессии и интересы. Когда летом 1949 г. я вернулся из Свердловска в Ленинград, то была уже новая семья – Кирилл Васильевич с мамой, я с Олегом и Людмила Давидовна. Алексей оставался в Аркадаке, а Володя окончил школу и уехал в Свердловск поступать в институт.

В октябре 1948 года в Ашхабаде произошло катастрофическое землетрясение, город был разрушен, погибло 70 тыс. человек. В Ленинграде с работой было по-прежнему тяжело, и Кирилл Васильевич вылетел в Ашхабад, где нашел работу художника в восстанавливаемом театре оперы и балета. Позднее он вызвал в Ашхабад маму, и она работала там чтицей в филармонии. Олега отправили в Аркадак, а Людмилу Давидовну оставили со мной в Ленинграде.

Наша совместная, стар и млад, жизнь длилась 2 или 3 года, точно не помню. Людмила Давидовна много писала. Мы ходили с ней в Русский музей и в Эрмитаж. Она разъясняла мне, чем характерен тот или иной художник, что значит в картине свет и как трудно его писать. Рассказывала, что в Санкт-Петербургскую Академию художеств она поступала вместе с Давидом, и он первый ей позвонил и радостно поздравил с зачислением. А на вопрос – а ты поступил, он ответил – «…нет, это ты поступила, я не поступил…». В академии она училась по классу Серова. Говорила, что была знакома с Маяковским, но он ей не нравился. Особенно мне запомнились наши походы в летний сад. Все лето, почти

каждый день, я носил мольберт и краски, а Людмила Давидовна писала решетку и ворота летнего сада, а сбоку вековую липу. За лето окончить полотно не успели, отложили на следующее лето. Через год пришли, а липы-то и нет, спилили из-за старости. Помнятся и другие работы. «Полонез» – вереница аристократических пар на балу. Рисунок, наверное углем, размером листа А3 или А4, иллюстрация, как говорила Людмила Давидовна, к произведениям Пушкина. На рисунке внутренность церкви, вид с амвона, множество прихожан, как положено, мужчины отдельно, женщины отдельно, и вдруг среди мужских фигур узнаешь фигуру Пушкина. Небольшого роста, курчавый, очень узнаваемый. Мне это показалось шедевром. Но надо было жить, точнее, выживать. Поэтому по заказу модных дам Людмила Давидовна изготавливала им «брюссельские кружева» на воротники и обшлага. Секрет был прост – на кусок батиста тонкой струйкой фигурно выдавливалась белая краска, которая, застывая, создавала иллюзию кружев, почти неотличимую от оригинала. Население «попроще» заказывало «картину», чтобы повесить над кроватью. Сюжет был стандартным: озеро, камыши, лебеди, луна, иногда ангел сбоку. Картина выполнялась на материале заказчика – байковом одеяле.

Наконец приехали из Ашхабада Кирилл Васильевич с мамой, и Людмила Давидовна начала писать мамин портрет. К сожалению, закончить его она не смогла, сказала, что она не полностью понимает внутренний мир мамы. Зато портрет тети Лиды (сестры мамы) полностью удался. Богатый внутренний мир мамы – это, конечно, театр. Не имея возможности в Ленинграде работать в театре, она выезжала на периферию и там вместе с Кириллом Васильевичем создавала свой театр. Кирилл Васильевич был художником и исполнителем декораций, мама – постановщиком и режиссером. В качестве актеров к ней добровольно приходила молодежь, рабочие, студенты, а еще ранее мы, школьники. В 8 классе я сам играл купца в маминой постановке пьесы Островского «Не все коту масленица». Зимой 1953 года мама осуществила свою мечту – поставила пьесу Островского «Гроза», в которой когда-то играла Катерину. 9 января 1954 года мама со своей труппой на полуторке выехала по Ново-ладожскому каналу на гастроли (была предвыборная кампания, и их использовали

на выборных участках). Машина попала в полынью, все спаслись, кроме мамы и шофера. После похорон я не мог оставаться в Ленинграде, и отец забрал меня в Свердловск. Кирилл Васильевич опять остался в одиночестве, но, как мне потом рассказывал Олег, ненадолго. Он опять женился, потом еще раз женился. Ваша информация на 197 стр. (книги «Новое о Бурлюках. – **Е. Д.**), что у Кирилла Васильевича было три жены, неточна. У Олега я со своей женой (Ирина Борисовна Желобина) был, вероятно, в 1967 году. В разговоре с нами Олег сказал: «…из всех жен отца Магда Мартыновна была самым порядочным, интеллигентным, теплым человеком…». В этот приезд были мы и у Кирилла Васильевича. Узнав, что мы с женой собираемся в Прагу, он сказал, что в Праге живет Людмила Давидовна, и дал нам ее пражский адрес.

До Праги мы добрались в конце января 1968 года. В Праге уже давно жила сестра моей жены (Галина Борисовна Ванечкова) с семьей. Поскольку мы с женой не знали Праги, то попросили Галю проводить нас, подождали, пока она освободится, и вместе пошли по указанному адресу. Дверь нам открыл молодой мужчина (Владимир Фиала), который, увидев нашу сопровождающую, очень удивился. Такое же выражение мы увидели на лице Гали. Оказалось, что они хорошо знают друг друга, так как вместе работают на философском факультете Карлова университета. Пройдя в дом, мы объяснили хозяевам цель своего визита. Нам ответили, что Людмила Давидовна вчера умерла. Говорили с нами холодно и официально, но вскоре стало понятно, что меня принимают за внука Людмилы Давидовны, и что Кирилл Васильевич и родные внуки не проявляли интереса и внимания к жизни Людмилы Давидовны. Когда ситуация прояснилась, тон изменился, и меня спросили, приду ли я на кремацию. Я ответил утвердительно. Через некоторое время мы с женой получили приглашение в семью Фиалы. По дороге к ним у нас сломалась машина, и мы опоздали к назначенному времени. Мы с женой очень волновались. Но не было ни слова замечаний. Марианна Давидовна и пан Фиала встретили нас приветливо и шикарно накрытым столом. После застолья: «У нас есть портрет вашей матушки…». Это был рисунок углем, датированный 7 апреля 1947 года. Представляете, какая радость? Рядом был такой же портрет Кирилла Васильевича. Я попросил

оба, сказав, что портрет мамы – это для нас, а портрет Кирилла Васильевича я передам ему при первой оказии. Все согласились и говорят: «…пойдемте, мы вам покажем работы Людмилы Давидовны». Работ было очень много, но знакомых, памятных для меня работ не было. Большинство из них 60-х годов. Нам предложили выбрать себе то, что понравилось. Мы выбрали две небольшие работы: «Ваза с цветами на подоконнике» 1964 г. и «Вид из окна» 1965 г. Хотелось взять больше, но неудобно было пользоваться ситуацией, учитывая моральную и материальную ценность работ Людмилы Давидовны для ее близких родственников. Портрет Кирилла Васильевича я передал ему, когда был в командировке в Ленинграде. Особой радости он не высказал и, если бы я знал это раньше, то оставил бы портрет себе. Кстати, на стене его квартиры я увидел знакомый по детству «Полонез».

Людмила Кузнецова-Бурлюк. Ваза с цветами
Картон, масло. 1964

На стр. 41 Вашей книги приведена «Интересная деталь…» относительно приезда в Прагу внуков Людмилы Давидовны «…почти сразу после смерти Людмилы Давидовны…». При встречах с Олегом и Кириллом Васильевичем никто из них не говорил о такой поездке или даже о возможности ее. А встречался я последний раз с Кириллом Васильевичем значительно позднее смерти Людмилы Давидовны. Вероятно, за внука Людмилы Давидовны приняли меня. Я был в семье Фиала на следующий день после смерти Людмилы Давидовны. Был на ее похоронах и поминках. Однако никаких разговоров о еврействе Давида Давидовича не было, да и быть не могло, так как я по отцу еврей.

Следующий эпизод с картинами Людмилы Давидовны связан с моей тетей Лидой. Она врач, и как военнообязанная вынуждена была остаться в блокадном Ленинграде. В декабре 1941 года от голода умерла ее дочь (моя двоюродная сестра), летом 1942 года в поезде, уже за пределами блокадного кольца, умерла от дистрофии ее мать (моя бабушка), а в оккупации был убит ее отец (мой дед). Тетя Лида добилась направления в действующую армию и дошла со своим госпиталем до Кенигсберга. После войны осталась служить в армии, а выйдя на пенсию, жила в Зеленограде, под Ленинградом. Была очень больным человеком. При нашей встрече (вероятно, 1975-1976 гг.) она отдала нам два больших портрета (свой и мамин). Портреты у нее хранились в рулонах и потребовали серьезной реставрации. Моя жена нашла профессионалов на кафедре реставрации Академии художеств И. Глазунова в Москве. Портреты были отреставрированы, этапы реставрации сфотографированы.

Людмила Кузнецова-Бурлюк. Портрет Магды Дравнек. Холст, масло, 1951-53

Вот коротко вся известная мне информация о Людмиле Давидовне и ее творчестве.

С уважением, Барсук Е.Л., Желобина И.Б.».

Сказать, что, прочитав это письмо, я был поражен, – ничего не сказать. Почти семьдесят лет спустя нашлись очевидцы тех лет, люди, жившие рядом с Людмилой Давидовной…

Конечно же, я сразу начал листать «Новое о Бурлюках», обращая внимание на замечания Евгения Львовича. Фото на тридцать первой странице начало наполняться жизнью. Теперь понятно, что слева – Магда Мартыновна Дравнек. Но что за дети на руках у нее и у Людмилы Давидовны? И я написал Евгению Львовичу новое письмо. Вот что он ответил:

«Фотография на стр. 31 для меня загадка. То, что слева моя мама, а справа Людмила Давидовна, я не сомневаюсь. Но когда сделана фотография и чьи на ней дети – мне непонятно. Неясно, и где сделана фотография. Такого дивана не было ни у Кирилла Васильевича, ни у нас. Я вышлю Вам одну из фотографий мамы, чтобы Вы могли сами сравнить фото на стр. 31 с фотографией моей мамы…»

Немного позже супруга Евгения Львовича, Ирина Борисовна Желобина, уточнила его слова:

«Уважаемый Евгений Леонидович! Пытаясь сохранить время Е. Л., отвечаю на технические вопросы по переписке. На стр. 31 справа – Л.Д. Бурлюк, слева мама М.М. Дравнек. Мы пытались определить время съемки, сравнивая с другими фотографиями мамы… Ничего определенного сказать не можем о времени их общения с Людмилой Давидовной. Дети не Барсуки, и, как утверждает Е. Л., не Кузнецовы. Но я думаю, что здесь он может ошибиться. Мама выглядит молодо, может быть, 39-41 годы, Алеше, Олегу соответственно 5 и 3 года. О присутствии Людмилы Давидовны в те годы на ул. Чайковского Евгений Львович сказать ничего не может. Дети по возрасту подходят. Может быть, Людмила Давидовна бывала или жила здесь, помогая Константину Васильевичу еще до войны. Но на этот вопрос уже никто не ответит. Может быть, Вы где-нибудь встретите ответ».

Наша переписка продолжилась и далее. Евгений Львович рассказал о себе и прислал фотографии работ Людмилы Давидовны, хранящихся в их семье. Вот их перечень:

Людмила Кузнецова-Бурлюк. Портрет Алиды Дравнек. Холст, масло, 1951-53

«У меня имеется 5 работ Людмилы Давидовны: (1) портрет моей мамы (36×27 см, рисунок углем), подписан и датирован 07.04.1947 г.; (2) портрет тети Лиды (90×75 см, масло), не подписан и не датирован, но я помню, как тетя Лида позировала, портрет создан в интервале 1951-1953 гг.; (3) портрет мамы (67×86 см, масло), не подписан и не датирован, создавался, как мне кажется, в 1951-1953 гг., по словам Людмилы Давидовны, не закончен; (4) натюрморт «Ваза с цветами» (65×40 см, масло), подписан и датирован 1964, в левом нижнем углу имеет дефект – оторван небольшой кусочек; (5) этюд «Вид из окна» (51×48 см, масло), подписан и датирован 1965».

Безусловно, самая интересная работа – портрет Магды Мартыновны Дравнек, фото которого до и после реставрации прислал Евгений Львович. Его можно сравнить с фотографиями Магды Мартыновны, также присланными Евгением Львовичем (на одной из них она в роли Катерины в пьесе Островского «Гроза», на другой – за несколько месяцев до гибели, фото сделано в конце 1953 года).

Прекрасно выполнен портрет тети Лиды – Алиды Мартыновны Дравнек. Привезенные из Праги работы типичны для пражского периода творчества Людмилы Кузнецовой-Бурлюк – во время визита в Прагу Марианна Бурлюк рассказала Евгению Львовичу и Ирине Борисовне, что эти работы Людмила Давидовна рисовала, сидя в своей комнате в большом доме семьи Фиала.

Когда я был в пражском доме семьи Фиала, Ольга Фиалова, невестка Марианны Бурлюк (жена ее сына Владимира), рассказала мне о том, что у Людмилы Давидовны Кузнецовой-Бурлюк было четверо сыновей. О первом сыне, Илье, упоминает Давид Бурлюк.

О Кирилле мы узнали больше из писем Григория Романовича Ильмера и Евгения Львовича Барсука. Какова же судьба еще двух сыновей Людмилы Давидовны и Василия Васильевича Кузнецова? В ответ на мой вопрос Евгений Львович написал:

Людмила Кузнецова-Бурлюк. Портрет Магды Дравнек. Уголь. 1947

«Теперь о Людмиле Давидовне. Она рассказывала мне о своей сестре, которая живет в Праге, о своем брате Давиде Давидовиче, который живет в Америке и создал музей Рериха. Связей у нее в то время с ними не было. Как я сейчас понимаю, в то время связи с родственниками за границей не приветствовались. О своих детях, кроме Кирилла Васильевича, я от нее никогда не слышал.

Думаю, что по Интернету можно поискать Олега. Вот пока и все».

Я нашел в Интернете информацию о младшем сыне Кирилла Васильевича Кузнецова – Олеге Кирилловиче. Он родился в 1937 году в Аркадаке Саратовской области – том самом Аркадаке, в который уехала в 1918 году Людмила Давидовна, – подальше от ужасов революции и гражданской войны. Живет в Санкт-Петербурге, по профессии – архитектор, окончил Ленинградский инженерно-строительный институт. Является членом Союза архитекторов России.

Какова же судьба двух остальных сыновей Людмилы Давидовны Кузнецовой-Бурлюк? Ольга Фиалова говорила, что они погибли во время Великой Отечественной войны. Каковы были их имена и судьбы? Это нам еще предстоит узнать. Я написал письмо Олегу Кирилловичу Кузнецову и надеюсь получить ответ.

Ольга Ладохина, Юрий Ладохин

«Сегодня в Голливуде жарко, как в Одессе летом…»

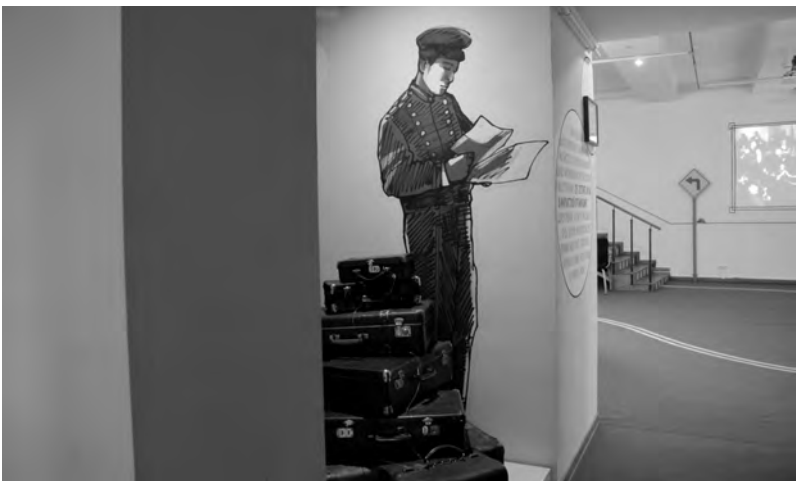
О выставке «Одноэтажная Америка: основано на реальных событиях»

Итак, Московский музей современного искусства на Тверском бульваре. Выставка «Одноэтажная Америка: основано на реальных событиях». Экспозиция задумана известным режиссером-документалистом Романом Либеровым, автором картин о жизни И. Бродского, С. Довлатова, Ю. Олеши, Г. Владимова, О. Мандельштама, И. Ильфа и Е. Петрова. Человек-корабль. «Нормандия». Он в культурном пространстве столицы в кризисное время собирает вокруг себя увлеченных и талантливых, он у всех на устах.

Архитекторы, кураторы, художники проекта сумели не только рассказать о писательской поездке в США, но и попытались раскрыть творческую лабораторию авторов путевых очерков «Одноэтажная Америка». Команда создателей проекта литературного травелога в первую очередь использовала в инсталляции письма и фотографии из архива дочери Ильфа – Александры Ильиничны. Ей и посвящена эта уникальная выставка.

Музейное пространство изначально предполагается как территория диалога. Вспомним Донателло, который, по словам Дж. Вазари, приговаривает, высекая для кампанилы Флорентийского собора своего прославленного пророка Дзукконе с тыквообразной головой: «Говори же, говори, чтоб ты лопнул!». И. Ильф не пророк, как это слово понимали мастера Возрождения, но он тоже говорит из окна нарисованного устроителями выставки внушительного «Шелтон Отеля», и в цепком писательском взгляде на Нью-Йорк середины 30-х годов XX века ему не откажешь: «Живу на 27-м этаже, из окон виден этот отчаянный город. Далеко я заехал, доча моя. Город удобный для жизни, и жить здесь недорого», – из переписки И. Ильфа с семьей. Заметили: «*отчаянный*...»? Так быстрорастущим «Большим яблоком» на берегу

Атлантического океана мог, пожалуй, восхищаться только уроженец вольного припортового города на Черном море.

Но где же, спросите вы, критический взгляд советских писателей на «Город желтого дьявола», ранее нареченный так М. Горьким? Есть и он. Без прикрас и со свойственным создателям образа великого комбинатора юмором Ильф и Петров описывают рекламную вакханалию Бродвея: «Здесь электричество низведено (или поднято, если хотите) до уровня дрессированного животного в цирке. Здесь его заставили кривляться, прыгать через препятствия, подмигивать, отплясывать. Спокойное эдисоновское электричество превратили в дуровского морского льва». И рядом еще: «Линии надземки стоят на железных столбах и проходят на уровне вторых и третьих этажей, и лишь в некоторых местах города повышаются до пятых и шестых. Это странное сооружение время от времени издает ужасающий грохот, от которого стынет мозг». И, видимо, недаром создатели выставки стараются не приглушать звук постоянно демонстрируемых документальных кадров улиц Нью-Йорка: клаксоны автомобилей, грохот надземки погружают посетителей в уникальную атмосферу гигант-

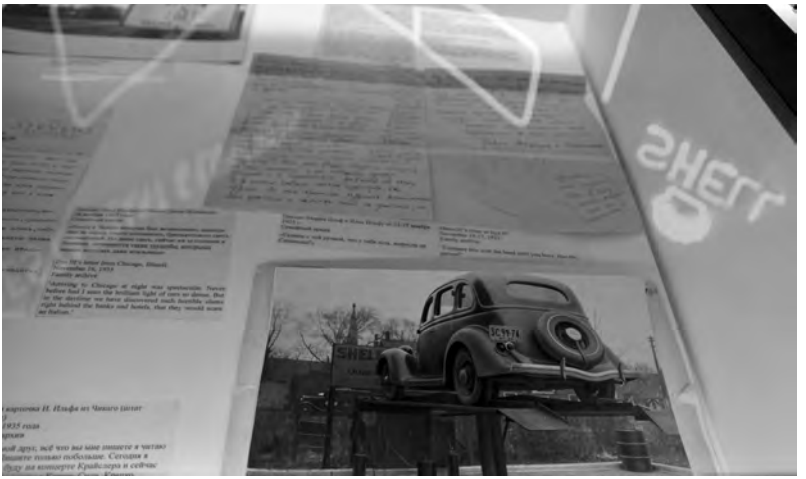

ского мегаполиса. У Ильфа и Петрова не было намерения создать сатиру, гротеск или «отрецензировать» американскую жизнь: «Америка не премьера новой пьесы, а мы – не театральные критики. Мы переносили на бумагу свои впечатления об этой стране и наши мысли о ней».

Роман Либеров и не пытается скрывать, что в новом для себя деле организации выставки он использовал накопленный кинематографический опыт. Как это сделано? Ну кто же так просто будет раскрывать секреты! Тогда обратимся к гипотезам.

Есть в кино понятие последовательного монтажа, когда события на экране показываются в той же последовательности, в какой они происходят в жизни, а фильм вытянут в одну линию. Откроем путеводитель по экспозиции и обратим внимание на названия его основных разделов: (1) В Америку, (2) Нью-Йорк. Это еще не Америка, (3) Дрессированное электричество. Огни больших городов, (4) Скучный город Халливуд, (5) Самый большой маленький город. Ну чем не последовательная целлулоидная склейка увлекательного роуд-муви наших героев длиной десять тысяч миль: Европа – пароход «Нормандия» – Нью-Йорк – Восточные

штаты – Детройт – Чикаго – Лос-Анджелес – Южные штаты… А сами названия разделов?! Чем не наглядная иллюстрация определений парадокса, которые дали Цицерон («странности, противоречащие мнению всех») и Квинтилиан («удивительное» в широком его значении)?! Повествование «в одну линию» подчеркнуто и графически: нетрудно заметить, что некоторые посетители выставки, явно имеющие опыт повседневной езды на автомобиле, с какой-то особой осторожностью перемещаются от одной витрины к другой – ведь приходится пересекать нарисованную уверенной рукой художника двойную сплошную. Зачем это? Видимо, и для напоминания о том, что США – ведущая автомобильная держава (77 тысяч километров автомагистралей, это второе место в мире после КНР), и для признания того факта, что центральную линию для разделения полос движения в 1911 году изобрел американец Э. Хайнз для бетонной автострады в Детройте.

Логичная последовательность разделов выставки – вполне предсказуемо и академично, это для зрителя с аналитическим складом ума, но ведь есть и такие, что воспринимают информацию больше ассоциативно, на эмоциональном уровне. Для холериков и романтиков в запасе у куратора – параллельный монтаж –

новаторский метод советского теоретика кино Льва Кулешова и американского режиссера Дэвида Гриффита. При такой технике создания картины отдельные монтажные кадры одного действия чередуются с кадрами другого. Это вызывает у зрителя впечатление одновременного развития двух параллельных действий, что помогает сосредоточить его внимание на одном эпизоде и вместе с тем эмоционально подготовить к восприятию другого. Но это в кино, сложнее – в выставочном пространстве.

Начнем с классики – Давид Бурлюк. Но это сейчас футуризм – признанное искусствоведами и филологами авангардистское движение, а в 1912 году сборник стихов поэтов-кубофутуристов (Велимира Хлебникова, Владимира Маяковского, Давида Бурлюка) вышел под характерным названием «Пощечина общественному вкусу». Второй раздел выставки начинается со скромного рисунка тушью эмигранта Д. Бурлюка «Гавань в Нью-Йорке» (1930) с довольно ернического четверостишьем автора: «На коммерческие воды // Шумного Нью-Йорк залива // Гордо статуя свободы // Емлет факел свой спесиво». Не находите: преклонения второй родиной нет и в помине?! Больше усталость и разочарование. А рядом под стеклом – фрагмент из письма И. Ильфа от 17 октября 1935 года: «Вчера состоялся прием в консульстве… Кроме того, был Бурлюк, старый и пьяноватый, но симпатичный», – тот же набросок тушью, точный и лаконичный…

Теперь о пассионарных личностях Нового Света. Рядом на стенке – фотографии 1935 года сцен «фольклорной» оперы Джорджа Гершвина «Порги и Бесс» о жизни афроамериканцев, живущих в убогих лачугах Кэтфиш-Роу, – первой в истории США национальной оперной постановки, входящей в десятку лучших музыкальных произведений XX века. Тут же на стенде – чудом сохранившаяся программка спектакля из личного архива сценографа оперы Сергея Судейкина. После таких «подготовительных кадров» – отрывок из письма И. Ильфа от 04.11.1935 г.: «Только что я пришел со спектакля «Порги и Бесс». Это опера из негритянской жизни. Спектакль чудный. Там столько негритянского мистицизма, страхов, доброты и доверчивости, что я испытал большую радость»…

В следующем зале («Дрессированное электричество») – продолжение разговора о раскрепощенной творческой энергии

американцев, только теперь в сфере бизнеса и технологий. Следите за раскадровкой – фотографии: (1) «Строительство Боулдер-Дэм (плотины Гувера)» (уникальное гидротехническое сооружение высотой 221 метр и гидроэлектростанция, сооруженная в нижнем течении реки Колорадо); (2) «Автосалон в Сильвер-Крик, штат Нью-Йорк» (благодаря изобретенному Генри Фордом промышленному конвейеру к 1929 году парк автомобилей превысил 25 миллионов машин, притом, что население США в то время составляло 125 миллионов человек); (2) «Нефтяная вышка в Оклахоме» (в 20-х годах XX столетия в этом штате добывали столько «черного золота», что город Талса даже прозвали «нефтяной столицей мира»). Не упускайте из внимания и закадровые голоса: «Сегодня же нас принял главный управляющий всеми фордовскими предприятиями в мире – мистер Соренсон, один из самых замечательных людей Америки. Тут необходимо заметить, что этот человек управляет заводами, которые несколько лет тому назад производили 10000 (десять тысяч) автомобилей в день» (из письма Е. Петрова от 12 ноября 1935 года; «Мы поехали за 170 миль в Скенектеди, прежде область могикан, а теперь город, где помещаются заводы «Джеренал Электрик», заводы самой передовой американской техники… Целый день мы смотрели электрические чудеса. Завод имеет 350 зданий, мы были только в трех, правда, в самых больших» (из письма И. Ильфа от 29 октября 1935 года).

В формировании раздела «Скучный город Халливуд» парадоксы начинаются с названия и продолжаются в композиционном построении материала. Взгляд посетителя сразу упирается в смешной рекламный ролик 1930 года о том, как купают внуши-

тельных размеров льва для дальнейших съемок его как живой эмблемы кинокомпании «Universal Pictures Company» (и тогда – при чем здесь «скучный»?); далее экспозиция продолжается кадрами из знаменитого фильма 1932 года «Прощай, оружие!» по одноименному роману Э. Хэмингуэя (фильм удостоен премии «Оскар» за операторскую работу и звук); завершается яркими световыми постерами к фильмам: «Одиссея капитана Блада» (1935 год, пять номинаций на «Оскар») и «Смерть генерала на рассвете» (1935 год, три номинации на «Оскар», в главной роли – знаменитый Гэри Купер). Казалось бы, мы уже эмоционально готовы к панегирикам «фабрике грез». Ничуть не бывало! Впечатления Ильфа и Петрова отнюдь не восторженные. О руководителях кинокомпаний и продюсерах: «…приходится иметь дело с людьми настолько невежественными, что солнечные часы они принимают за последнее изобретение. Таков их уровень знаний, уровень культуры. И эти люди не только дают деньги на производство картин. Они вмешиваются во все, вносят поправки, меняют сюжеты…». О качестве картин: «А смотреть кинофильмы немыслимо. Обычно это бывает неслыханная, невиданная дрянь. Все хорошие фильмы за последние несколько лет мы уже успели посмотреть в несколько дней». О цензуре: «Здесь зверская цензура (церковная, политическая). Живут, несмотря на крупные заработки, уныло. Режиссеры и актеры жалуются, что хозяева не дают им свободно вздохнуть. Безумно боятся, что в любую минуту могут оказаться на улице». Понравился прием? Видимо, для этого раздела вместо классического применен новаторский «парадоксальный параллельный монтаж», что, на наш взгляд, вполне уместно.

Создатели культовых «Двенадцати стульев» и «Золотого теленка» – одни из лидеров читательского успеха (в 1938-1939 гг. издательство «Советский писатель» выпустило четырехтомник Ильфа и Петрова – мало кто из советских классиков того времени удостаивался такой чести) и безусловные моральные авторитеты того времени (вспомним их слова в защиту преследуемых властями О. Мандельштама и А. Платонова, их материальную помощь жене М. Булгакова и др.).

Тексты посланий Ильфа и Петрова издалека не только о том, что видели, но и о тех, что остались за океаном, в полумраке

необычного освещения больших городов, создана атмосфера интимности и теплоты. «Дорогой мой нежик, здесь сейчас двенадцать часов ночи, у тебя часов утра, и наш милый Пиг, наверно, уже встал, и ты его кормила. Нежные мои девочки, я очень хочу видеть вас обеих… Твой муж Иля» (из письма И. Ильфа от 13.10.1935 г.); «Дорогая моя Валюшечка! Пишу тебе на пишущей машинке, которую мы с Ильфом на днях купили и которую хотелось бы испытать… Целую тебя без конца. Обними Петеньку. Поклонись знакомым. Пиши, пиши. Всегда, всегда, горячо и нежно любящий тебя Женя» (из письма Е. Петрова от 17.10.1935 г.). «Очень по тебе скучаю. Трудно передать словами, как мне недостает тебя и Петеньки. Как вы у себя в Нащокинском? С нетерпением жду Сан-Франциско, где надеюсь получить почту. А туда еще 1200 миль» (из письма Е. Петрова от 26.11.1935 г.). И еще – трогательные планы заботливых пап о подарках для любимых чад: «Хочу купить маленькому Пигу халатик. Сан-Франциско полон китайскими и японскими магазинами. На улицах висят бумажные фонари, из китайских театров доносится музыка, это рай для туриста» (из письма И. Ильфа от 6.12.1935 г.); «Еще раз благодарю тебя и Петеньку за письма. Ему я собираюсь купить электрическую железную дорогу. Это очень дорогая штука, и, может быть, не хватит денег» (из письма Е. Петрова от 10.12.1935 г.). К этим артефактам возвращаешься, они степень тоски по дому характеризуют так же сильно, как и фотографии Ильи Ильфа пустыни, которая в иудейской культуре – место Откровения.

А теперь о том, почему и книга, и выставка называются «Одноэтажная Америка», а не, например, «Небоскребы, небоскребы…». Об этом – материалы 5-го раздела экспозиции. «Газолиновая станция, аптека с дежурным набором блюд и книг, главная улица, гостиница с горячей водой и отдельными комнатами (одинаково комфортная среди пустыни и в пригороде Нью-Йорка) – все это составляло типичный маленький город середины 1930-х годов. Тем не менее каждому городку хотелось выделиться. Так, при въезде в очередной «Гэллап» плакат приветливо гласил: «Добро пожаловать в самый большой маленький город Америки». Под одной из фотографий маленького города Илья Ильф сделал надпись «Это и есть Америка».

Жизнелюбивые, острые на слово И. Ильф и Е. Петров никогда (даже в Америке) не забывали, откуда они родом. Из письма Ильфа от 29.12.1935 г., Эль-Пасо, штат Техас: «И рядом с этим городом, через маленькую здесь реку Рио-Гранде, тоже город, но совсем не похожий на Америку. Пахнет жареной едой, чесноком, ходят босяковатые смуглые молодые люди с гитарами, калеки просят милостыню, двести тысяч микроскопических мальчиков бегают с щетками и ящичками для чистки ботинок. Что-то похожее на Молдаванку, и в то же время совсем другое…». А это из письма от 13.12.1935 г., Лос-Анджелес: «Сегодня в Голливуде просто жарко, как в Одессе летом».

Перед глазами картина: Одесса… лето… Аркадия… пляж…

Солнечная литература вольного города…

Лихие 90-е

Ярким событием в культурной жизни не только нашего города, но и страны, да и зарубежья, ближнего и дальнего, стал масштабный проект «Лихие 90-е» (куратор Виктория Великодоменко), представленный Музеем современного искусства Одессы с середины мая до начала июля.

Сегодня нередко можно услышать фразу: «В Украину вернулись 90-е». Это касается не только, вернее, не столько модных тенденций, сколько состояния страны и общества в целом: отстаивание государством права на независимость (в условиях войны!); экономический и политический кризисы; коррумпированность власти;

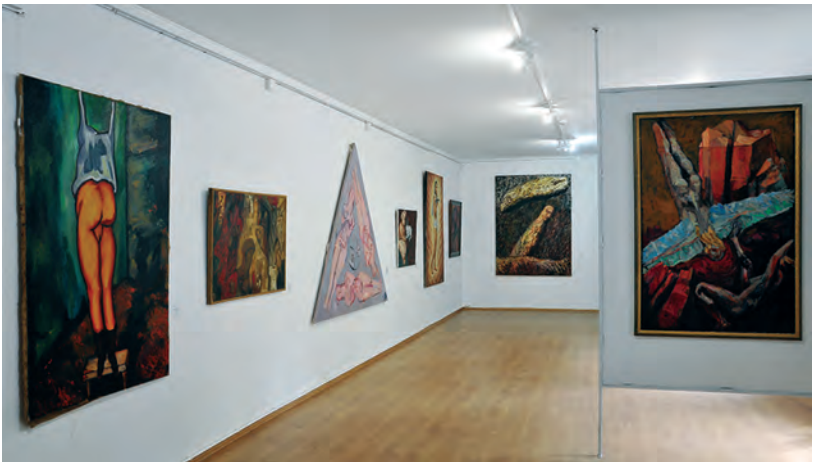

МСИО. Лихие 90-е

рэкет, только обернутый уже в красивый фантик; процесс смены поколений – поколение Google сменило поколение «Пепси»; сосуществование «надежды на лучшее будущее» и «неопределенности»… Нам знакомо это состояние.

Возможно, поэтому сейчас стало модно делать реинактмент выставок 90-х. Это было лихое время становления новых видов и форматов искусства на фоне исторического перелома. Время, когда все происходило впервые, – первое кураторское движение; первый опыт работы с экспозиционным пространством как неотъемлемой частью выставки; первое появление на одной площадке молодежи и более старшего, но не менее провокативного поколения; первые гранты; создание первых художественных институций современного искусства; зарождение арт-рынка.

В Одессе художественный процесс 90-х был беспрецедентно активным. Участники этого процесса пытались изменить местную социокультурную ситуацию посредством новых видов искусства (инсталляция, видеоинсталляция, видео), «другой» живописи и нового «проектного» подхода к экспозициям.

Нового художника 90-х можно сравнить с героем В. Пелевина Вавиленом Татарским, адаптирующим рекламу зарубежных товаров к отечественной ментальности и ставшим затем творцом телевизионной реальности, замещающей реальность окружающую. Одесские авторы создавали «западные» работы, учитывая локальный контекст, и вовлекали зрителя в свою виртуальную реальность в реальном пространстве.

Проект «Лихие 90-е» – не просто реконструкция выставочной деятельности в Одессе и не только желание воссоздать атмосферу

Реконструкция акции 1995 года «Братание»

того времени. Это попытка увидеть одесское искусство 90-х в контексте сегодняшней жизни, придать ему новый смысл. И кто знает – может, «вчерашняя» виртуальная реальность сегодня стала реальностью?

На выставке были показаны наиболее репрезентативные (с точки зрения устроителей) проекты 90-х. Поскольку пространство музея не могло вместить все, что было создано одесскими художниками в то время, работы и события, не вошедшие в экспозицию, были размещены в социальных сетях.

Проект вызвал живой интерес как у тех, кто участвовал в создании Новой реальности, кто был среди первых зрителей, так и у нового поколения художников, искусствоведов, журналистов, всех, кто интересуется повседневностью и будущим современного искусства.

Феликс Кохрихт

Время «ТИРСа»

История нового искусства Одессы (я имею в виду период с 50-х годов минувшего века до сегодняшнего дня) насчитывает всего несколько десятилетий. Совсем не много, но ведь стоит учитывать, что и город наш все еще молод, и что все у нас – в том числе наука, литература, искусство – в определенные периоды истории имеет тенденцию если не к бурному, то к энергичному развитию. Такими были и 90-е годы, которые авторы нынешнего проекта МСИО определяют как «лихие». В обыденном, массовом сознании они таковыми и видятся в XXI веке – особенно теми, кто в нем родился или взрослел.

Мне же подобное определение представляется, извинюсь за тавтологию, уж очень лихим, но при этом – метким, хотя и не определяющим. Соглашусь, уже в конце 80-х в Одессе, как и повсюду в СССР, появились, вернее, проявились люди, умеющие добывать большие деньги, но были среди них и решившие тратить не только на личные нужды, но и на пользу общества. В тогдашней Одессе я, достаточно осведомленный журналист, знал не многих. Но вот в летом 1989 года к нам на Успенскую, 119, пришел приятель, художник кино Миша Безчастнов, и рассказал, что его однокашники по архитектурному факультету строительного института Семен Калика и Георгий Котов, ставшие предпринимателями, задумали создать Музей современного искусства Одессы, и предлагают мне обсудить его концепцию, а затем собрать коллекцию работ на выделенные ими средства. Мы встретились – и я стал президентом музея и ЦСИ, входивших в Молодежный культурный центр «Дружба» – одну из структур «ТИРСа».

Так называлась фирма, давшая свое имя первому в СССР (по крайней мере так утверждают знатоки темы) частному Музею современного искусства, традиции которого унаследовал и продолжил нынешний МСИО. Прошли годы: «ТИРСа» уже нет, но название это вошло в историю одесской культуры, как и фамилии его лидеров.

Работы для музейного собрания покупались у художников, что подкреплялось соответствующими документами. Они стали основой фондов ЦСИ и участвовали в экспозиции и выставках.

В моей жизни эти годы (конец 80-х – начало 90-х) занимают особое место. С шестидесятых я не только общался с нашими художниками – и признанными, и с теми, кто был загнан властями и руководством Союза художников в андеграунд. Об их стремлении к новаторству, о творческом поиске шестидесятников мы – Евгений Голубовский, я и еще несколько журналистов и искусствоведов – рассказывали в газетах, телепередачах, организовывали выставки их работ в редакциях, клубах, иногда – и в музеях. Это было нелегко, но молодость была на нашей стороне. За много лет сдружились с ребятами, а со временем мы с Таней собрали коллекцию их работ. Но именно сотрудничество с Котовым и Каликой, участие в их смелом проекте позволило нам принести ощутимую пользу Одессе. Именно в «ТИРСе» сполна раскрылись способности и возможности художников, которые сегодня имеют не только отечественную, но и европейскую известность.

Горжусь тем, что, собрав первую коллекцию работ, рекомендовал на роль главного куратора ЦСИ Маргариту Ануфриеву-Жаркову, которая стала душой нашего сообщества. Рита была уникальным человеком-мостом между поколениями художников – шестидесятников и тех, кто на рубеже веков стремился сказать свое слово в искусстве.

Во многом благодаря ей нам удавалось удерживать баланс: среди множества выставок под эгидой «ТИРСа» были представляющие и фигуративное, и абстрактное, и компьютерное искусство, поп-арт, перформансы, хепенинги…

Наш худсовет рассматривал заявки претендентов на выставку, смотрел работы, а затем за дело брались кураторы. Таким образом, мы старались обеспечить непредвзятый широкий

На снимке слева направо: Феликс Кохрихт, Маргарита Жаркова, Георгий Котов

подход к формированию выставок, благодаря чему вернисажи разительно отличались от официальных, что было в новинку в тогдашней Одессе. Это вызвало живой интерес публики, и в первую очередь – художников, участников и организаторов так называемых «квартирных» (нелегальных) выставок, преподавателей и студентов художественных, гуманитарных и технических вузов, завсегдатаев театров, концертов, музеев. Вспоминаю, как оживленно проходили обсуждения проектов, особенно тех, которые вызывали споры своим новаторством или даже эпатажем.

Как правило, к открытию выставок выпускались афиши и аннотации, о них рассказывали печатные и электронные СМИ. Особенно велики заслуги Уты Кильтер, выпускавшей регулярные классные телепрограммы под девизом «Ситуация Уте», архив которой сегодня приносит большую пользу историкам искусства, как и неутомимая деятельность автора.

Года полтора все проекты реализовывались в так называемом Шахском дворце, на Гоголя, 2, где «ТИРС» арендовал для ЦСИ второй этаж. Историческое здание оригинальной архитектуры, стоящее над гаванью, его интерьеры – все это способствовало созданию творческой атмосферы, формировало особое романтическое настроение и у художников, и у тех, кто пришел, чтобы увидеть их работы.

Все это вспоминаю с ностальгией и долей горечи: спустя время Калике и Котову внезапно сообщили, что договор об аренде продлен не будет…

Мы перешли в здание на проспекте Шевченко – в офис фирмы «ТИРС». И район, и типовое помещение были иными, чем в романтическом Шахском дворце, что повлияло на формирование экспозиций. За это время изменилась и сама ситуация в мире изобразительного искусства и страны, и Одессы. У нас начали активно выставляться именитые киевляне, больше стало экспериментальных проектов…

Не стану в коротких заметках подробно анализировать причины того, что вскоре недолгая, но столь насыщенная биография ЦСИ «ТИРС» завершилась: были на то различные причины – и объективные, и ситуативные.

Полагаю, что накопленный нами опыт и уровень деятельности побудили Дж. Сороса в начале 90-х открыть в Украине не один, как в других постсоветских (кроме России) и бывших соцстранах, а два своих ЦСИ – в Киеве и Одессе. Его руководителями стали Александр Ройтбурд, Михаил Рашковецкий, Мирослав Кульчицкий, автор этих строк, активное участие в деятельности приняли художники, начинавшие в «ТИРСе».

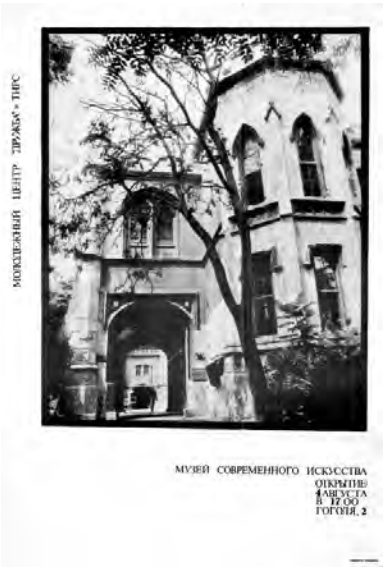
Сейчас – немного о времени на сломе веков. Этим живо интересуются молодые искусствоведы, готовящие проект. Меня спрашивают о том, как же Котов и Калика решились потратить немалые семейные деньги на создание таких не прибыльных структур, как музей и Центр современного искусства, да еще при действующих советских фискальных законах? Удивительным образом за все годы дружбы мы ни разу не говорили на эту тему. Сейчас уже не получится: незабвенный Георгий Котов, мой друг Жорик, ушел из жизни, а с другом Сеней мы в последние годы встречаемся редко…

На открытии выставки в «ТИРСе». В центре, слева направо: Семен Калика, Маргарита Жаркова, Татьяна Вербицкая

Полагаю, что главными побудительными мотивами были те, которыми руководствовались просвещенные меценаты периода расцвета Одессы в XIX – начале XX веков. Изначально многие успешные одесситы разных кровей обладали живыми душами, смелым нравом и главное – любили свой и наш город. И вот спустя десятилетия, после большого перерыва, вызванного политическими катаклизмами и трагедиями, эту традицию возродили Георгий Котов и Семен Калика. И те, кто шел за ними.

Добавлю, что фундаторы «ТИРСа» выступили еще партнерами масштабного проекта по обмену делегациями творческой молодежи между Одессой и городом Розенхаймом (ФРГ). Мы трижды возили в Баварию группы, состоящие из художников-авангардистов, джазовых музыкантов, и принимали, в свою очередь, гостей. Все прошло успешно, но следует уточнить, что немецкая сторона получала средства из казны, а Сеня и Жора тратили опять же свои, личные.

Первая афиша «ТИРСа»

Еще вопрос: как тогдашние власти и надзирающие структуры относились к деятельности «ТИРСа», поддерживающего художников, которых «искусствоведы в штатском» огульно именовали «абстракционистами»? Явно и заметно – никак не реагировали, попыток вмешательства или цензуры не было. Тогдашние руководители города и области участвовали в открытиях наиболее масштабных выставок и по мере возможности шли нам навстречу.

Вот почему я считаю, что 90-е в Одессе были не только «лихими», но и свободными – без кавычек.

P. S.

Перечитал вышеизложенное и, к своему удивлению, заметил, что в текст не попали ни названия выставок, ни фамилии их участников, а ведь приготовил все это загодя – на отдельной странице. Решил: не беда, а то наверняка кого-нибудь забыл бы. Знаю, что и перечень проектов «ТИРСа», и фамилии авторов работ будут представлены организаторами проекта.

Григорий Куперштейн

Одесские ребята

Они посылают нам их евреев из Одессы, а мы посылаем им наших евреев из Одессы.

Исаак Стерн

Это был особый день. В одно воскресенье, 20 ноября 1955 года, три великих скрипача выступали в нью-йоркском Карнеги-холле: Миша Эльман, Давид Ойстрах и Натан Мильштейн. Все три начали учиться скрипке в Одессе, но пути их к Карнеги-холлу были совсем разными.

Почему русский провинциальный город стал тем местом, откуда вышло столько замечательных музыкантов? Чтобы ответить на этот вопрос, давайте обернемся в прошлое – на лет шестьдесят с того памятного ноябрьского дня.

Среди многих народов Российской империи жили и евреи. Почти все русские евреи должны были жить в черте оседлости, своего рода гигантском гетто в западной части империи. За редким исключением евреи не имели права жить в С.-Петербурге и Москве. Но они имели право жить в Одессе, которая в начале XX века была четвертым по величине городом России.

По словам Леопольда Ауэра, «Одесса один из красивейших городов Европы и напоминает скорее Геную, чем русские города, с которыми у нее нет ничего общего. Город расположен на берегу округлой бухты на Черном море, на террасе, которая находится высоко над «шестью гаванями» ее просторного порта, в котором стоят корабли под флагами всех стран. Сам город, находящийся

на высоте от 30 до 50 метров над уровнем моря, имеет широкие улицы, украшенные красивыми современными зданиями, и набережную с рядами густых деревьев, по которой весь город прогуливается и смотрит вниз на воду и вдаль на бесконечный горизонт Черного моря».

К началу XX века население Одессы составляло примерно 450 000 человек: русские, украинцы, французы, итальянцы, немцы, греки и примерно 150 000 евреев; в Одессе была крупнейшая еврейская община юга России. Одесса имела Музыкальное училище Императорского Русского музыкального общества (ИРМО), где еврейские родители могли учить своих детей классической музыке. 80% учеников Одесского музыкального училища были евреи, а скрипка была самым популярным инструментом.

В России музыкальное образование зародилось поздно. До 60-х годов XIX века практически все профессиональные музыканты были иностранцами. Те немногие, которым хотелось сделать карьеру в музыке, ехали в Западную Европу; в Париж – как Венявский, русский подданный, или в Берлин – как Глинка.

Катализатором перемен стал великий русский пианист Антон Рубинштейн, который сам учился в Германии. В 1859 году он основал Русское музыкальное общество (позднее Императорское Русское музыкальное общество) в С.-Петербурге. Среди членов ИРМО была С.-Петербургская консерватория, которую Рубинштейн основал тремя годами позже. ИРМО имело отделения и училища в других крупных городах, включая Одессу. Учителями в этих училищах были лучшие выпускники русских консерваторий. Россия прошла через много перемен за последние 150 лет, но система музыкального образования, основанная Антоном Рубинштейном, сохранилась почти без изменений, что и определило успех столь многих русских музыкантов во всем мире.

Первым профессором Петербургской консерватории по классу скрипки был Генрик Венявский. В 1867 году Венявский ушел из консерватории. Год спустя 23-летний Леопольд Ауэр, ученик Я. Донта, Й. Хельмесбергера и Й. Иоахима, был приглашен на его место; он был профессором консерватории до 1917 года. Таким образом, Ауэр стоял у колыбели музыкального об-

разования в России. Но было бы ошибкой сделать вывод, что приезд Ауэра в С.-Петербург сделал Россию одним из европейских скрипичных центров. Э. Изаи учился в Париже, Ф. Крейслер – в Вене, Я. Кубелик – в Праге, а Ауэр в течение следующих 35 лет не вырастил даже одного великого скрипача. Но его студенты стали концертмейстерами и ведущими педагогами по всей Российской империи (до того как Яша Хейфец пришел в класс Ауэра, он занимался в Вильно с бывшим учеником Ауэра). Гениальному учителю нужны гениальные ученики; их нашли и научили многие выдающиеся педагоги, ученики Ауэра и других; они приготовили этих вундеркиндов для окончательной «шлифовки» у великого Ауэра.

Миша Эльман, самый старший из «Великолепной тройки» солистов Карнеги-холла, родился в 1891 году, и в шестилетнем возрасте начал заниматься на скрипке в одесском училище. Его учителем был Александр Фидельман, ученик Адольфа Бродского (между прочим, когда Ауэр отказался сыграть премьеру Скрипичного концерта П.И. Чайковского как «нескрипичного», Бродский его таки сыграл, и именно ему Чайковский этот концерт и посвятил).

В течение последующих пяти лет юный Эльман шел гигантскими шагами. И вдруг папа Эльман сел с сыном на поезд и поехал в Елисаветград (нынешний Кировоград), где Ауэр давал концерт во время одного из своих многочисленных туров по России. Ауэр избегал слушать детей, но папа Эльман его уговорил. Вот как сам Ауэр описывает этот памятный день: «Мальчик, которому было примерно одиннадцать лет, очень маленький для своего возраста, с крошечными руками, сыграл концерт для меня. В сложных пассажах он прыгал в позиции, как акробат по лестнице. Когда он окончил концерт, я сразу же знал, какое решение я должен был принять. Я сел и написал рекомендацию директору консерватории великому Александру Глазунову с просьбой принять маленького Эльмана в мой класс и дать ему полную стипендию (учить бесплатно)».

Эльманы были очень бедны. Ауэр пишет: «Он (папа Эльман) сказал мне, что их финансовое положение очень плохое, что он должен был продать часть своей одежды, чтобы заплатить

за билеты из Одессы до Елисаветграда (несколько сотен километров). Он добавил, что он готов пойти на любые жертвы, если его сын будет принят в Петербургскую консерваторию».

Одесский учитель Эльмана был выдающимся педагогом (Фидельман также учил Тошу Зайделя, тоже одессита, и Наума Блиндера, в будущем учителя Исаака Стерна). Позднее Эльман замечал: «Люди говорят, что я первый великий ученик Ауэра, но я занимался с Ауэром менее двух лет. С точки зрения скрипичности, это Фидельман меня всему научил». Так почему же папа Эльман решился пожертвовать всем, бросить замечательного учителя и променять солнечную Одессу на холодный и негостеприимный Петербург?

Хотя евреям было запрещено селиться в большей части Российской империи, существовало несколько исключений из общего закона. Еврей с высшим образованием мог селиться где угодно. Чтобы получить консерваторский диплом и право бежать из гетто, молодой еврейский музыкант мог уехать за границу и там учиться (что для нищих Эльманов было финансово невозможно) или стать студентом одной из русских консерваторий. В начале XX века в России было только две консерватории, в Москве и Петербурге, и если говорить о скрипке, особого выбора для Эльманов не было. Ведь вдобавок к званию профессора С.-Петербургской консерватории Ауэр был солистом его императорского величества.

Как пишет Ауэр, «закон разрешал студентам любой национальности жить в столице, но это разрешение не распространялось на их родителей. Папа Эльман вел крайне ненадежное существование, в течение дня прячась в различных убежищах, только ему известных, а ночи проводил в грязной, жаркой и душной дворницкой того дома, где он арендовал маленькую комнатку для сына».

Как один из самых знаменитых и титулованных музыкантов Российской империи Ауэр имел феноменальные связи во всех уровнях власти С.-Петербурга. И он доказал силу своих связей в истории с Мишей Эльманом.

Ауэр продолжает: «Благодаря помощи одного высокопоставленного друга я добился аудиенции у министра внутренних дел

Плеве». Вначале Плеве и слушать не хотел. Но в конце концов министр согласился сделать исключение и принял прошение Ауэра о разрешении временной прописки для папы Эльмана, пока его сын остается консерваторским студентом. «Я думал, а не сожалел ли министр, что не мог он решиться приказать своим лакеям выбросить вон из своего кабинета меня, одного из солистов царя и профессора консерватории».

Престиж и связи Ауэра помогли ему в получении временных прописок для родителей многих его выдающихся учеников. Среди них были Ефрем Цимбалист, Тоша Зайдель и Яша Хейфец, чьего отца Ауэр зачислил в свой класс, чтобы он мог получить драгоценную прописку. Любым путем Ауэр набирал в свой класс лучших в мире учеников, а они, в свою очередь, получали лучшего в мире учителя. Как пишет Флеш, тоже выдающийся педагог: «Не надо забывать, что в русском гетто Ауэр имел самый лучший выбор учеников. В Берлинской высшей музыкальной школе, к примеру, из сорока абитуриентов примерно четверо были выше среднего уровня, в то время как в Петербурге пропорция была 90-95%. Более того, русские скрипичные студенты почти полностью концентрировались в Петербурге, а в Германии они разбросаны по крайней мере в полдюжине городов. В любом случае, в России чисто техническая подготовка скрипачей всегда была на очень высоком уровне».

Для учеников Ауэра его ценность не ограничивалась его педагогическим талантом. Ауэр учился у Донта в Вене, брал уроки у Алара в Париже, был учеником Иоахима в Ганновере. Он знал всех, кого стоило знать в музыкальном мире. Его рекомендация открывала двери для его студентов. В 1904 году Ауэр организовал Эльману дебют в Берлине. Феноменальный успех в Берлине продолжился по всей Европе. В 1908 году Миша Эльман сделал свой памятный нью-йоркский дебют в Карнеги-холле с концертом Чайковского. Папа Эльман сделал правильный выбор…

В отличие от Эльмана, Натан Мильштейн родился в зажиточной одесской семье в 1903 году. Он был драчуном. Чтобы его приструнить, родители решили учить его на скрипке. Они привели его к Петру Соломоновичу Столярскому.

У Ауэра и Столярского, кроме того, что оба были еврейскими скрипичными учителями, ничего общего не было. Ауэр был международной знаменитостью, он играл «Крейцерову сонату» с Брамсом, а Столярский играл в конце группы вторых скрипок в Одесском оперном театре. Ауэр был знаменитый профессор консерватории, а Столярский ни в какой консерватории и дня не учился. Ауэр учил только продвинутых учеников, а Столярский (который не мог без консерваторского диплома преподавать даже в училище) открыл свою частную школу на дому и начал учить начинающих.

В течение примерно пяти лет Мильштейн брал уроки у Столярского. Впоследствии Мильштейн говорил, что он не был высокого мнения ни о Столярском, ни о его методе (он, правда, и об Ауэре скептически отзывался). Но Столярский уже тогда понимал, кто такой Мильштейн. В отличие от Фидельмана, Столярский сам решил отдать своего лучшего ученика Ауэру. Когда тот в очередной раз посетил Одессу с концертами, Столярский поговорил с ним о Мильштейне, и Ауэр согласился послушать мальчика. Ауэру ребенок понравился, и он пригласил юного Натана в свой класс. Когда Мильштейн впервые играл в классе Ауэра в Петербургской консерватории, тот обратился к своим ученикам: «Ну, как вам нравится эта черноморская техника?». Мать Мильштейна волновалась, что у нее будут проблемы с пропиской. Солист его императорского величества опять не подвел. Ауэр позвонил Глазунову, директору консерватории, секретарь Глазунова позвонил заместителю министра внутренних дел – и дело было сделано.

Мильштейн был в классе Ауэра два года. Затем царь отрекся от престола; Ауэр покинул Россию и никогда уже не вернулся. Мильштейн остался в России, но при первой возможности, на Рождество 1925 года, покинул Советский Союз, чтобы тоже никогда уже больше туда не возвращаться. После очень успешной карьеры в Европе Мильштейн осуществил свой знаменитый дебют с оркестром Нью-йоркской филармонии в 1930 году.

Самым младшим из трех одесситов был Давид Ойстрах, который родился в Одессе в 1908 году. Столярский был его единственным учителем. В отличие от Эльмана и Мильштейна, Ойстраху

пришлось принимать участие в международных конкурсах, чтобы завоевать право на сольную карьеру.

Для советских вождей успех их музыкантов за границей был совсем не дорогой возможностью продемонстрировать превосходство социализма. Королева Бельгии Елизавета в 1937 году организовала Международный скрипичный конкурс имени Изаи, который выиграл Давид Ойстрах, а еще четверо других советских конкурсантов тоже были в числе призеров. По словам Мильштейна, «после этого Елизавета была в таком восторге от советских скрипачей, что она постепенно пришла к заключению, что коммунизм должен быть не так уж плох, если там готовят таких музыкантов».

Вначале дебют Ойстраха в Нью-Йорке намечался на осень 1939 года. Уже были куплены билеты на дорогу, но начало второй мировой войны сорвало все планы. Затем была холодная война. После смерти Сталина в 1953 году условия улучшились. Переговоры о культурном обмене между СССР и США возобновились, и были подписаны соответствующие соглашения; лучшие артисты с обеих сторон должны были принять участие в концертах. Но тут возникло новое препятствие. Согласно иммиграционному закону 1952 года, советские граждане, прибывающие с визитом в США, должны были сдать отпечатки пальцев. Советская сторона была этим сильно возмущена.

Йегуди Менухин вспоминает: «Одним летним днем 1955 года я пригласил Ойстраха на ужин в «Клариджес» (роскошный ресторан) в Лондоне. Ойстрах советовал мне вернуться с концертами в Москву. Я ответил, что ничто мне не принесет большего удовольствия. А между прочим, не пора ли и ему навестить мою Родину? «Америка!» – воскликнул Ойстрах. Это полностью исключено: ему никогда не позволят сойти на американскую землю. Хотя Сталин умер, а маккартистская истерия была на исходе, но холодная война еще продолжалась. Все-таки я чувствовал, что «оттепель» началась, и было уже достаточно трещин во льду. Я предложил ему пари на фунт или два стерлингов, что США пригласят его играть. Возможно, это и не соответствовало лучшим спортивным традициям, но дело было важнее чести игрока; в тот же вечер я послал две телеграммы по поводу приглашения для

Ойстраха. Одна пошла в Государственный департамент с просьбой в виде исключения отменить для Ойстраха процедуру сдачи отпечатков пальцев. (Русские, как я узнал, связывали такую процедуру с уголовниками.) Конечно, нельзя было исключить, что какие-то скрипачи действительно могли быть связаны с уголовными элементами, но я заверил Госдепартамент, что лично гарантирую репутацию Ойстраха. Вторая телеграмма была послана Курту Вайнхольду в Коламбиа Консертс, предлагая ему организовать тур на тех же условиях, что и у меня. Последнее условие было деликатным: ясно, что гонорары Давида должны были быть не ниже моих, но должны ли они быть выше? В течение 24 часов я получил положительные ответы на обе просьбы и с гордостью зашел к Давиду получить мой выигрыш нашего пари».

Советские артисты получили визы без процедуры отпечатков пальцев, и Ойстрах был первым советским артистом, запланированным на гастроли в США осенью 1955 года. Но опять произошла задержка.

Традиционно более престижно для дебюта исполнять сольный концерт с симфоническим оркестром. Так и было запланировано для американского дебюта Ойстраха; 13 ноября он должен был солировать в Карнеги-холле с Лондонским филармоническим оркестром под управлением Герберта фон Караяна. К сожалению, Ойстрах в Лондоне заболел, и его выступление в Карнеги-холле с Лондонской филармонией пришлось отменить. Согласно «Нью-Йорк Таймс», «отмена его концерта сказалась на числе проданных билетов; 250 билетов остались не проданы. Ранее все билеты были проданы». Таким образом, официальным нью-йоркским дебютом Ойстраха стал его сольный концерт 20 ноября 1955 года. Рецензия в «Нью-Йорк Таймс» отмечала: «На протяжении длительного времени публика предвкушала появление господина Ойстраха здесь. Она атаковала Карнеги-холл, чтобы купить билеты на его сольный концерт, заполнила зал до отказа и просочилась на сцену».

Существует легенда, которую даже Игорь Ойстрах повторяет, и мы ее приводим здесь по мемуарам Вальтера Легге, знаменитого английского продюсера звукозаписей. «В этот день, днем, Миша Эльман играл сольный концерт, который включал сонату

Тартини «Дьявольские трели». В пять тридцать дня программа Ойстраха включала то же самое произведение, а в восемь тридцать вечера того же дня Мильштейн играл «Дьявольские трели». Давид был готов изменить программу, но мы убедили его не делать этого. Пусть другие пьют то лекарство, которое они сами себе приготовили».

Фактически Миша Эльман не мог исполнять «Дьявольские трели»; в этот день он играл концерт Мендельсона с Нью-йоркской филармонией под управлением Пьера Монтэ. Но оба – Ойстрах и Мильштейн – включили Тартини в свои программы.

Вальтер Легге продолжает: «Когда мы прибыли в Карнегихолл за четверть часа до начала концерта, Эльман приветствовал Давида с преувеличенной радостью. Во время перерыва я пошел в артистическую, где и увидел Эльмана, поздравляющего Давида. Когда мы оказались на таком расстоянии, что Давид нас уже не мог услышать, Эльман, знаменитый своей ревностью ко всем своим коллегам, сказал: «Ну, если это Ойстрах, то даже Хейфец лучше играет!». Не так уж легко в девяти словах очернить двух значительно лучших коллег… Техника Ойстраха была безгранична, но он использовал ее только в музыкальных целях. Его первый «бис» в нью-йоркском дебюте был «Листок из альбома» Вагнера, медленная пьеса, требующая лишь благороднейшего легато и самого искреннего музыкального чувства. Когда он окончил, я посмотрел в соседнюю ложу, где сидел Исаак Стерн. Я увидел, что его глаза, как и мои, и как, без сомнения, сотен других слушателей в зале, были полны слез».

Хотя Легге создает впечатление враждебности между одесситами, реальность была совсем другой. Вот как Мильштейн рассказывает о том дне: «Это была сенсация! Ойстрах впоследствии вспоминал, как он волновался и дрожал. Я не дрожал, но у меня вдруг так заболели ноги, что Ойстраху пришлось помочь мне выйти на сцену. Он меня туда буквально вытолкнул. Не мне судить, кто выиграл это необычное соревнование. Я постарался представить интересную программу, и рецензенты это отметили».

На следующий день все три скрипача имели причину праздновать. «Нью-Йорк Таймс» написала о концерте Эльмана:

«Концерт Мендельсона во вчерашней программе был музыкой весенней свежести и простоты. Особенно в первых двух частях скрипка господина Эльмана сладостно пела, а чистота звука околдовывала. Но его игра имела гораздо больше, чем чувственную привлекательность. Он проник в простую лирическую сердцевину этой музыки до такой степени, которая редка даже среди великих скрипачей».

Рецензия «Нью-Йорк Таймс» на концерт Ойстраха сообщала, что «уже много лет слава господина Ойстраха предшествовала его личному приезду. Его записи подготовили нас к скрипачу с огромным сочным звуком, потрясающей интенсивностью и мощью. То, что мы слышали вчера, было иным и лучшим. Звук господина Ойстраха не был подавляющим, но в нем были утонченность, деликатность и теплота, которые были очаровательны».

О сольном концерте Мильштейна «Нью-Йорк Таймс» написала: «Вчера вечером Натан Мильштейн заключил великий день скрипичной игры в Карнеги-холле. Среди 2 300 слушателей, которые собрались послушать его, в зале были два его предшественника, Миша Эльман и Давид Ойстрах. Это не полный список скрипичных знаменитостей, присутствовавших на концерте. Также на концерте были Исаак Стерн, один из его младших современников, и 80-летний Фриц Крейслер, один из великих скрипачей предыдущего поколения. То, что они слышали, было превосходным исполнением четырех популярных произведений скрипичного репертуара (соната «Дьявольские трели» Тартини, Первый концерт Бруха, Сольная партита Баха в ре мажоре и соната Брамса в ля мажоре). Они были сыграны с глубокой музыкальностью, поэтическим чувством и с удивительной красотой исполнения; эти хорошо знакомые произведения звучали так свежо и сердечно, как будто слышались впервые».

На следующий день, согласно Вальтеру Легге, «Ойстрах пообедал наедине с Эльманом в его квартире, неохотно, так как боялся, что хозяин начнет говорить о политике, теме, которую Давид всегда избегал. Ойстрах заметил, что Эльман, наверно, был счастлив жить в стране, такой богатой на великих коллег. «Хейфец, Менухин, Стерн, Мильштейн, Франческатти…» Эльман перебил

его: «Если ты зовешь их моими коллегами, ты не слышал, как играю я», – достал свою скрипку и на час дал Ойстраху сольный концерт без аккомпанемента. Ойстрах рассказывал об этом эпизоде без тени неудовольствия. Он был лучшим из коллег, щедрым на похвалу».

«Когда Ойстрах прибыл в Нью-Йорк впервые в 1955 году, он мне позвонил, – вспоминал Мильштейн. – Я пригласил его на ужин, и мы вспоминали старую Одессу. Ойстрах напомнил мне, что мы выступали вместе в Одессе свыше сорока лет тому назад, весной 1914 года. Он открывал студенческий концерт, а я стоял последним в программе как выпускник школы нашего профессора Столярского».

Что за день это был…

Феликс Кохрихт

«Итак, я жил тогда в Одессе…»

…Июнь в 1826 году выдался теплым, окно в кабинете граф оставил открытым и принялся разбирать бумаги, доставленные из столицы. И тут странное жужжание возникло откуда-то с высоты. Михаил Семенович покинул кабинет и через анфиладу залов, минуя задремавшего ординарца, путаясь в выходах (еще не привык к недавно выстроенному дворцу) вышел во двор. Близкое море напоминало о себе шелестом волн, а вот жужжание стало погромче. Он взглянул на вечернее небо (было около 22 часов) и увидел над белоснежной колоннадой четыре разноцветных огонька, перемещающиеся ловко и быстро. Их маневры имели неожиданный эффект: на колоннах возникли тени, в которых угадывались люди, танцующие в большом зале, схожем

с дворцовым, под дивную музыку оркестра, над которым властвовал рояль. Постепенно изменился и привычный двор с конюшней и колодцем: он превратился в амфитеатр под открытым небом, заполненный публикой, – их одежда показалась графу непривычной, но более всего заинтересовал его пианист за белым роялем, стоящем на сцене. Генерал-губернатор, герой войны с Наполеоном, был пленен Музыкой.

Она и рождала картины, возникающие на колоннах, и чудесным образом управляла полетом светящегося квадрата в темнеющем небе…

Среди танцующих в бальном зале было много военных, и генерал Воронцов углядел, что есть в их экипировке некие огрехи: не тот эполет, орден не на месте, а вот дамы, особенно та, чье прелестное лицо возникало чаще других, были ну точно такие, как на недавнем балу в их с Елизаветой Ксаверьевной новом дворце…

И тут огоньки стремительно понеслись в сторону лиманов, жужжание стихло, колоннада погрузилась в темноту… Волшебная музыка чуть слышалась, зато совсем рядом кто-то произнес на близком с детства английском: «Опен-эйр удался!»…

Граф вновь оказался в знакомом дворе: на конюшне лошади хрустели сеном, молодой месяц отражался в прохладной воде колодца.

Он вернулся в кабинет, размышляя о таинствах природы, почему-то вспомнил рассказы отца о Калиостро и Сен-Жермене, о диковинных проектах Леонардо да Винчи – аппаратах, парящих в небе…

Решил ничего не рассказывать жене. Открыл потаенную тетрадь и записал то, что видел и слышал, почему-то не удивляясь происшедшему с ним в юном южном городе.

Под утро графу приснился (уж совсем некстати) молодой, но самонадеянный чиновник, сосланный из Петербурга к нему – на исправление, и, слава Богу, отбывший восвояси. Он и во сне не занимался службой, а читал свои стихи:

Но поздно. Тихо спит Одесса;
И бездыханна и тепла
Немая ночь. Луна взошла,
Прозрачно-легкая завеса

Объемлет небо. Все молчит;
Лишь море Черное шумит…

…Примерно в 22 часа 10 июня 2016 года в небе над Одессой произошло искривление пространственно-временного континуума, в результате которого дрон, проецировавший изображение-визуализацию проекта Алексея Ботвинова «Музыка любви», перенесся в прошлое…

И граф Воронцов увидел и услышал вальс Наташи Ростовой с пленительной Одри Хепберн в главной роли…

Никто из нас, заполнивших пространство у колоннады Воронцовского дворца, этого не заметил.

К счастью, в этот вечер не было дождя.

P. S.

Эти заметки (но без заголовка) были мною опубликованы в июне нынешнего года в ФБ – в разделе «Odessa classics», в котором сообщалось о событиях Второго фестиваля высокой музыки.

Я рассказывал о только что состоявшемся гала-концерте опен-эйр у колоннады Воронцовского дворца, который, по общему мнению, стал ярким символом действа, придуманного и осуществленного Алексеем Ботвиновым.

Напомню, что его выступление-фантазия «Музыка любви» сопровождалось визуализацией шедевров лирики с использованием самых современных технических средств.

Кроме личных впечатлений я добавил в текст еще и те, что в силу таинственных обстоятельств (изменения пространственно-временного континуума) тогда же настигли выдающегося одессита – хозяина дворца, гостеприимно принявшего нас в этот вечер, Михаила Семеновича Воронцова. Поскольку я тогда

не имел права раскрыть источник, в котором содержались заметки графа, – его потаенную тетрадь, – изложенное мною напоминало фантастический рассказ, и было так и воспринято теми, кто поставил под ним «лайки» и даже сердечки.

Лишь недавно лицо, обнаружившее эту тетрадь в Воронцовском фонде научной библиотеки Одесского университета имени Мечникова, нехотя, но все же согласилось на некоторую огласку: я увидел (в его руках) тетрадь в сафьяновом переплете и копию записок Михаила Семеновича, сделанную, увы, на ксероксе с «конченым» картриджем…

И все же почерк генерал-губернатора узнавался, а заголовок поверх первой фразы – отчетливо. Он, несомненно, был сделан светлейшим князем Воронцовым гораздо позже, незадолго до его кончины в 1856 году.

Спустя 30 лет Михаил Воронцов вслед за досаждавшим ему строптивым молодым поэтом, которого пережил почти на 20 лет, подвел итог лучших дней их жизни. Он озаглавил свои потаенные заметки его строкой, которую мы имеем счастье повторять:

Итак, я жил тогда в Одессе…

Роман Бродавко

Художник-режиссер

В сентябре 1966 года после неудачной попытки поступления в университет я начал работать в Украинском театре художником-декоратором. Впрочем, это громко звучит – «художник»! В свои шестнадцать с половиной я мало что умел и фактически был подмастерьем у подлинного мастера своего дела Нила Дмитриевича Карманова.

Спектаклей в то время выпускалось не менее пяти в год, и кроме штатных на постановки приглашались художники-постановщики из других театров. В начале 1967 года стало известно, что к 50-летию Октябрьской революции будут ставить драму Миколы Кулиша «97», а в качестве сценографа приглашен из Русского театра Михаил Ивницкий. Мы познакомились. Макет оформления будущего спектакля произвел на меня огромное впечатление. Волчья пасть голода, внутри которой борются, страдают, умирают люди, – таков был образ спектакля, ставшего одним из лучших в послевоенной истории Одесского украинского театра. Ивницкий избегал всякой конкретики: только отдельные детали точно обозначали место действия. Они органично вписывались в общую конструкцию, их смена была динамичной – в полном соответствии с темпоритмом спектакля.

Успех «97» был огромным – и не только в Одессе, но и во многих городах, включая самовлюбленную Москву, где к спектаклям областных театров относились в лучшем случае со снисхождением. Это была большая творческая победа режиссера-постановщика Бронислава Мешкиса, художника Михаила Ивницкого, композитора Юрия Знатокова и блистательного ансамбля актеров.

Вслед за «97» Михаил Борисович оформлял в Украинском театре спектакль по известной повести А. Калинина «Цыган». Оформление по его эскизам было выполнено в срок, смонтировано на сцене. Прошли световые репетиции. Для нас, работников постановочной части, это означало наступление короткой передышки перед следующим спектаклем. Оставив меня на хозяйстве, мой шеф Н.Д. Карманов куда-то ушел. И тут в наш декорационный цех вошел Михаил Ивницкий. Он извинился за то, что уже в готовое оформление пришлось срочно внести коррективы, и протянул эскиз. На эскизе была изображена кованая решетка в форме вздыбленной лошади, и мне предстояло перенести этот рисунок на лист фанеры, чтобы затем по нему была изготовлена основа для бутафорской обработки. Я взял эскиз, разбил его на клетки и стал переносить рисунок на фанеру. У моего шефа на такую работу ушло бы минут тридцать-сорок. Я же провозился часа четыре, пока что-то похожее на лошадь наконец получилось.

Когда работа была окончена, и я вздохнул с облегчением, в цех вновь вошел Ивницкий и сказал, что они с режиссером решили поместить решетку в другой стороне сценической площадки и в связи с этим придется изменить рисунок. Не знаю, что в этот момент было написано на моем лице, но Михаил Борисович понял, что второй раз нарисовать лошадь я уже не смогу. Он молча взял грифель – и через несколько минут все было готово. Закончив работу, Ивницкий улыбнулся:

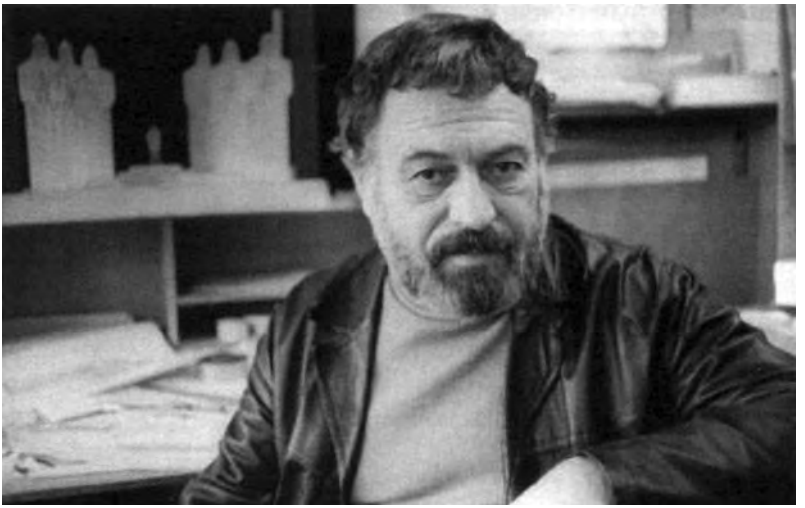
– Ну вот, все в порядке!

В ответ я облегченно вздохнул и пролепетал:

– Спасибо.

Не помню, каким образом, но после этого трагикомического случая между нами установились отношения, которые постепенно переросли в дружеские и сохранялись вплоть до ухода Мастера из жизни.

Говорят, что главное свойство таланта – это удивлять. Ивницкий это делал постоянно. Его творческая фантазия, казалось, не знала предела. Если о некоторых музыкантах говорят «человек-оркестр», то Ивницкий был «человек-театр». Он чувствовал природу театрального искусства, как никто. Он обладал перспек-

тивным мышлением, которое позволяло безошибочно видеть конечный результат. Авторитетом он пользовался непререкаемым.

Мне всегда казалось, что Ивницкий мог сотворить оформление спектакля из любого материала. Я был свидетелем, как Михаил Борисович буквально за несколько минут придумал декорации к дипломному спектаклю «Трехгрошовая опера» в исполнении студентов курса Матвея Ошеровского в Одесском театрально-художественном училище, который поставили на сцене Театра музыкальной комедии, занимавшего помещение сегодняшнего ТЮЗа. Это был музыкальный спектакль, который шел под аккомпанемент пианиста Эрнеста Штейнберга, блестяще интерпретировавшего известную музыку Курта Вайля. О том, чтобы специально заказывать декорации и костюмы, никто и не помышлял. В лучшем случае можно было рассчитывать на подбор.

За помощью обратились к Ивницкому. Недолго думая, он распорядился вынести на сцену ставки из спектаклей, которые в то время шли в театре музкомедии. Потом он расставил их тыльной стороной – и вот он, образ изнанки жизни, в которой царят бандиты во главе с Мэкки-Ножом, организованные нищие под

предводительством Пичема и находящиеся у них на содержании полицейские чины.

Студенческий спектакль имел шумный успех. В немалой степени он был обусловлен и работой талантливого сценографа.

Художники-постановщики в массе своей опираются на режиссерское виденье будущего спектакля, развивают идеи, предлагаемые режиссером. С Михаилом Борисовичем часто происходило наоборот. Его сценография создавала образ и выражала жанр спектакля, подсказывала постановщикам яркие мизансцены и планировку сцен – особенно тех, в которых принимало участие много персонажей. Оставалось только максимально использовать то, что предлагал сценограф. Всегда было обидно, когда дарование режиссера оказывалось намного скромнее дарования художника, – и он был не в состоянии использовать те возможности, которые предоставлял ему Михаил Борисович.

Ивницкий обладал безупречным вкусом, тонким чувством стиля и глубоким пониманием жанра спектакля. В сочетании с его широкой эрудицией, глубокими знаниями в области истории искусства это давало поразительные художественные результаты. Изящный «Восток» в оперетте «Микадо», чопорный Туманный Альбион в «Моей прекрасной леди», шагаловские мотивы в «Тевье-молочнике» и «Скрипаче на крыше»… В каждой работе Мастера – лаконизм, предельная выразительность – и масса выдумки, точно соответствующей жанру и стилю спектакля. Как по-пушкински крылато был оформлен спектакль Русского театра «Всего тринадцать месяцев» по пьесе Юрия Дынова! Кулисы и задник воспроизводили рукописи великого поэта, на фоне которых шло повествование о его жизни. А как многозначно и многофункционально было оформление Ивницкого спектакля Русского театра «Царь Федор Иоаннович»: на глазах его детали в сочетании со светом трансформировались в царские палаты, площадь, храм… Как празднично по сей день воспринимаются декорации в спектакле «Летучая мышь»! Во многом благодаря им на сцене создается неповторимая атмосфера классической оперетты, сказки для взрослых, в которой всегда торжествует любовь.

Почти три десятилетия Ивницкий прослужил главным художником в Одесском театре музкомедии, одновременно оформляя

спектакли в разных театрах страны. Его «Эшелон» в московском «Современнике» и «Три мешка сорной пшеницы» в ленинградском БДТ стали в свое время поводом для серьезной дискуссии о путях развития современной сценографии. Михаила Борисовича по праву ставили в один ряд с лучшими театральными художниками страны: Д. Боровским, М. Киприяном, Э. Кочергиным, Д. Лидером, В. Левенталем, О. Шейнцисом…

Ивницкий обладал способностью находить общий язык с самыми разными людьми. Он уважал коллег – сценографов, особенно, как мне казалось, Мартина Кордонского, который в послевоенные годы преподавал в Художественном училище и помог ему освоить профессию театрального художника, уважал работников постановочной части, актеров – невзирая на их положение в труппе. Ему отвечали тем же. В театре музкомедии с чьей-то легкой руки его стали называть ребе (учитель) – и в этом выражалась любовь и бесконечное уважение к Мастеру.

13 июля 1994 года отмечалось столетие со дня рождения Исаака Бабеля. Было решено в этот день сыграть спектакль Русского театра «Закат» на сцене Оперного театра. С самого утра режиссер-постановщик Виктор Максимович Стрижов и Михаил Борисович, который был художником-постановщиком «Заката», следили за монтажом декораций, за постановкой света. Потом была репетиция, небольшой перерыв и сам спектакль. Он прошел на редкость удачно. В зале было много приезжих. Большинство из них впервые открывали для себя Бабеля-драматурга и с восторгом принимали игру одесских артистов.

После спектакля Стрижов, Ивницкий, тогдашние директора Русского театра Дэвид Таужнянский и музкомедии Эдуард Рымашевский, и я вместе вышли из театра. Расходиться не хотелось. Мы сели в одном из летних кафе. Говорили, конечно, о театральном искусстве. Времена наступали суровые. Кризис, безработица, обнищание людей, в первую очередь – интеллигентных, приводили к тому, что театры стали мало посещаться. В творческих коллективах стал заметным отток людей, уходивших из профессии, ради того чтобы прокормить семью. Началось все со специалистов постановочной части: их зарплата и раньше была низкой, а теперь становилась просто смехотворной. Что будет с театрами?

Смогут ли они «вырулить» в создавшейся ситуации? Этот вопрос волновал тогда каждого из нас.

– Будем живы! – вполголоса с уверенностью сказал Михаил Борисович. – Надо работать, выполнять свои обязанности – а со временем все станет на свои места.

Мы выпили за это, а потом медленно пошли по Пушкинской в сторону Пантелеймоновской, провожая Ивницкого домой. И настроение повысилось: если Михаил Борисович верит в то, что у театров есть будущее, значит, так оно и будет!..

Ивницкий был немногословным человеком. Он говорил всегда по существу, был точен и объективен в оценках, принципиален и справедлив. Театральные склоки, свары, интриги его не касались. Зато он с удовольствием рассказывал о спектаклях, которые ему понравились, об актерах и режиссерах, о публике в разных городах… Он никогда не забывал сказать доброе слово коллегам, понимая, как необходима поддержка по-настоящему творческим людям. Ивницкого неоднократно приглашали в столичные театры, но он и не помышлял расстаться с родным городом. Не прельстила его и Америка…

Ивницкого помнят в Одессе. И не только в Одессе. Помнят как личность, оставившую в театральном искусстве неизгладимый след.

Ольга Рядченко

Жизнь продолжается!

Хочу поделиться своим восторгом. В прошлую субботу выбралась наконец в театр, и не в какой-нибудь, а в кукольный, где по вечерам дают спектакли для взрослых. На этот раз давали «Сто йен за услугу» по пьесе японского драматурга Минору Бэцуяку в жанре «театр абсурда». Важная оговорка: с пьесой я была знакома, и она, как говорится, не моя. Меня будоражат другие настроения. Tastes differ. Так что, в каком-то смысле на спектакль я шла ради погружения в иной мир, на свой страх и риск, и ничего большего от него я не ждала.

Через полтора часа я покинула стены театра с ощущением абсолютного катарсиса, переполняющего меня через край по сей день.

Пьеса об одиночестве, безысходности, и Шансах, которые иногда выпадают на долю каждого. Но для меня откровением стало, *как* это сделано! На сцене всего двое, Он и Она, Игорь Геращенко и Карина Шрагина-Кац. Минимализм в декорациях, доведенный до суперэстетики. Одежда персонажей, от которой почему-то невозможно оторвать взгляд. Сногсшибательная пластика… Они говорят по-русски и по-японски: гениальная находка режиссера Геннадия Скарги; мне этот прием добавлял щекотки. А когда Игорь Геращенко неожиданно запел, да своим прекрасным баритоном, хотелось закричать: «Еще, еще!». И вот уже финал, и главная героиня говорит сакраментальную фразу о смысле жизни, и мурашки по телу… А это еще и не конец. Потому что режиссер с актерами запускают совершенно другое настроение в зал. Ничего не потеряно! Жизнь продолжается.

На протяжении всего спектакля меня не покидало ощущение, что я вижу и пантомиму, и балет, и вообще нахожусь в старинном камерном театре в Париже, куда допускаются избранные почитатели прекрасного… Потрясающая режиссерская постановка и игра актеров. На мой взгляд, это театр европейского уровня. Подумалось: почему этот спектакль не звучит? Почему не возят его по просторам всего бывшего Союза? Несколько энтузиастов сделали шедевр при минимальных затратах. Неужели это, как и во все времена, никому не интересно?!. Почему-то мне хочется верить, что, как и в финале спектакля «Сто йен за услугу», не все потеряно. Я верю, что что-то в нашем мире изменилось. Что настоящие творцы при жизни найдут ценителей своего творчества, и их, ценителей, будет много. Что будет продаваться хорошее и качественное, и те, кто хочет, обязательно найдут свой продукт. И раз сегодня в нашем городе *так* умеют играть, значит, и Одессе жить да жить.

Спасибо, ребята, за доставленное удовольствие! Многие вам лета!

Семен Липкин

Записные книжки

Первая публикация

Записная тетрадь в матерчатой обложке с орнаментом из цветов, видимо, была подарена Семену Израилевичу иностранцем. На первой ее странице по-английски написано: «This book belongs to…» – то есть «Эта книга принадлежит…». Если бы Семен Израилевич владел английским, он бы заполнил пустующую строчку своим именем. Первая запись в тетради датирована 18 марта 1992 года, последняя – 17 декабря 1997 года. Дневниковые записи перемежаются стихами, а с июля 1993 года в ней только стихи. Почти все они ныне опубликованы. Семен Израилевич отмечал дни, когда стихотворение начато и кончено. Вот, к примеру:

1.5.95.

Письмо И. Л.

Я тебе напишу оттуда
Не пером, не карандашом,
А внестрочным звездным дождем.
И сначала тебе это чудо
Заурядным покажется сном.
Я тебе сообщу, что не плотью
Оказалась почва светил,
Сообщу, что я там открыл
Не одежд истлевших лохмотья,
А живое сияние крыл.

6.5.95

Эту тетрадь он брал с собой и в Гамбург, куда он был приглашен после получения «Пушкинской премии» по литературе. У Семена Израилевича, да и у мамы, были блокноты и тетради везучие и невезучие, везучие заполнялись полностью. Последнее стихотворение в тетради – «Среди могил», кончается оно так: «Есть горькое счастье – поплакать / Над теми, с кем близок ты был».

Семен Израилевич прожил долгую жизнь, и «горькое счастье» не обошло его стороной. Эпик по сути своей, он воссоздал картину эпохи через портреты тех, «с кем близок был», достаточно упомянуть такие книги, как «Сталинград Василия Гроссмана»* и «Квадригу»**.

Рассуждения об устройстве мироздания, ошибках Бога и Его творения – человека, иудаизме и христианстве, сущности творчества, советской системе и механизме уничтожения человеческого в человеке – вот темы записок 1992-1993 гг. Видно, как мысль, развивающаяся в прозе, кристаллизуется в стихотворении, как меняется почерк – возникшие строфы пишутся наскоро, с поправками, а рядом – аккуратно переписанное стихотворение, без единой помарки. Правил он и заметки в тетради. Одна из них, «Загадка человека», была опубликована в периодике.

Елена Макарова

На пепельницы черепа***

18.3.92

Советский период русской литературы многие (справедливо) обозначают как ангажированный, лакейский и даже (несправедливо) как бесталанный. Обозначения весьма приблизительные. Сущность дела в другом. Впервые в истории человечества родилась письменная литература, высшей целью которой стало обоснование жестокости. «Железный поток» Серафимовича,

* С. Липкин. Сталинград Василия Гроссмана. – Ардис, Энн-Арбор, 1986., 1-е издание. Липкин С. Жизнь и судьба Василия Гроссмана. – М., 1990.

** С. Липкин. Квадрига. Повесть. Мемуары. – М.: «Книжный сад», «Аграф», 1997. 638 с.

*** В. Маяковский. 150.000.000. – Государственное Издательство, Москва, 1921 г. «Вместо нищих / всех миров богатства прикарманьте. / Стар – убивать / на пепельницы черепа!»

«Разгром» Фадеева, «ТБС» Багрицкого*, «Поднятая целина» и «Наука ненависти» Шолохова, «Павлик Морозов» Щипачева – все это утверждение, прославление жестокости. Одно время в литературных кругах пользовалась известностью поэма несчастного Николая Дементьева (напечатанная, кажется, в «Правде»), о директоре комбината, о «начальнике наших работ». К нему приехала (притащилась) старая, нище одетая крестьянка, начальник посмотрел на нее и «вспоминал, вспоминал – вспомнил: маменька»! Вот оно как: начальник работ до того прекрасен, до того увлечен делом строительства комбината, что с трудом узнал свою родную мать, видимо, даже не переписывался с ней. Он, помимо воли автора, стал антиподом чеховского архиерея, который так любит свою бедную безвестную мать, так задушевно добр с ней. Оно и понятно: ведь архиерей занят не строительством комбината, не преданностью государству, а менее важным и даже глупым по советским понятиям делом: преданностью Богу. Порою советские писатели приходили в себя, открывали, что все-таки главное в человеке – любовь, жалость, «милость к падшим». У Лавренева есть рассказ «Сорок первый». Девушка-красноармеец убила сорок белогвардейцев, сорок убила, сорок первого полюбила, но и его пришлось убить: классовое сознание должно быть выше всех человеческих чувств. Нет, вовсе не бесталанна советская литература, если она сумела воспитать в народе чувство преклонения перед жестокостью, сумела ожесточить людей так, что грязное, подлое доносительство, даже на отца, на жену, на мужа, на брата, убийство тысяч неповинных людей, грабеж высылаемых земляков, родичей – все это стало не преступлением, а обычным мероприятием, стало бытом, чем-то привычным. Рано справлять поминки по советской литературе, ее дьявольское существо вряд ли умрет и через сто лет. «На пепельнице – черепа» – вот что такое русская литература советского периода. Это она возвеличила, облагородила всех, кто усеял русскую землю черепами трудолюбивых крестьян, черепами мыслителей, поэтов, польских офицеров, кавказских горцев, еврейских поэтов.

* Эдуард Багрицкий, ТБС (1929), это стихотворение осталось в памяти благодаря строкам: «Но если он скажет: «Солги», – солги. / Но если он скажет: «Убей», – убей».

Скоро начнется весенний сев, в свой срок взойдут колосья, и мы, люди, будем есть произрастанья той земли, которую мы усеяли черепами людей, это нас, нас воспела советская литература, нас.

21.3.92

Михаил Светлов не заметил, как написал строку: «Отряд не заметил потери бойца». Как можно было не заметить? Отряд обычно насчитывает человек сорок-пятьдесят, шестьдесят. Я был в таком отряде в окружении в июле-августе 1942 года. Как это можно было не заметить потери бойца? Все на виду. Жестокость. И что ужасно – противоречащая реальности жестокость стихотворца-раба. Дурман жестокости.

24.3.92

Книга Петровых[**].

Трудная судьба – и в литературе, и в личной жизни, такой безрадостной. Стихи превосходные. Я боялся, что ранние повредят

** Мария Петровых. Избранное. – М., 1991. С.И. Липкин посвятил ей стихи в «Квадриге». «Нас было четверо: Аркадий Штейнберг, Арсений Тарковский, Мария Петровых и я. Группа называлась «Квадрига». Я написал о «Квадриге» такие строки:

Среди шутов, среди шутих,
Разбойных, даровитых, пресных,
Нас было четверо иных,
Нас было четверо безвестных.

Штейнберг умер, так и не дождавшись своей первой книги. Тарковский, я и Петровых издались очень поздно. Особенно болезненно переживал это Тарковский. Он пробовал издать книгу раньше, написал даже стихи о Сталине, но наверху они не понравились. Противно, конечно, но приходится признать, что такое было. Я издал первую книгу в пятьдесят шесть лет». http://www.peoples.ru/art/literature/poetry/contemporary/lipkin/

О М.С. Петровых в «Квадриге»:

…А третья нам была сестрой.
Дочь пошехонского священства,

впечатлению, нет, не повредили. Напрасно включили переводы: как и у меня, и Арсика*, у нее переводы не стали органической частью ее оригинальной поэзии. Вот уж поистине: ни ахматовской кротости, ни цветаевской ярости**. В стихах о любви Ахматова властвует, Цветаева упрекает, Петровых молит, вымаливает: назначь мне свидание***. Чудный язык, богатый в своей целомудренной естественности. Энергия униженной, но высокой души. Стихи умнее автора: хороший признак. Заметочка о книге в «Литературке» сердечна, благородна, но, кроме мимоходной похвалы, ничего вразумительного не сказала б одном из серьезнейших поэтов эпохи. О войне, об Армении – по-советски плоско (у нее).

27.3.92

Братья Твардовские

Иван Твардовский**** не просто брат прославленного поэта, он талантливый писатель. Страшно читать о том, как ночью,

Объединяя страсть и строй,
Она искала совершенства.
Муж-юноша погиб в тюрьме.
Дитя свое одна растила.
За робостью в ее уме
Упрямая таилась сила.
Как будто на похоронах,
Шла по дороге безымянной,
Но в то же время был размах,
Воспетый Осипом и Анной.
На кладбище Немецком – прах.
Душа – в юдоли богоданной.

* Арсений Тарковский, близкий друг Семена Липкина. Они познакомились осенью 1929 года в доме Штейнбергов. «Наше знакомство превратилось в дружбу. Конечно, были и размолвки, как всегда в таких случаях, но, в общем, тогда началась наша дружба». http://insocinf.com/ars767654.htm

** Цитата из стихотворения Марии Петровых (1967).

*** Знаменитые строки Марии Петровых: Назначь мне свиданье на этом свете. / Назначь мне свиданье в двадцатом столетье. (1953)

**** Иван Трифонович Твардовский (1914-2003). http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=author&i=37

в Смоленске, к А. Т. постучались жалкие бродяги – раскулаченные, выгнанные из села его отец, мать, брат, и А. Т. их прогнал. Звериная жестокость, истинная суть и смысл советской власти, ожесточила русских больше, чем другие народы, ибо национальное самосознание малых народов превращает чувство общности в чувство личной ответственности, прежде всего, перед собой. Я уверен, что ни один кавказский горец, ни один татарин, ни один таджик или узбек не поступил бы так с отцом, матерью, братом так, как поступил А. Т. Хочется думать, что так же не поступил ни один еврей. Не потому что они лучше русских, может быть, даже хуже, но советская звериная жестокость сделала так, что национальное самосознание перестало быть у русских самосознанием отдельной личности. У малых народов, у небольших, деспотия не отняла бога: запретила его, но не отняла. У русских отняла. К счастью, бог их не покинул, Он с нами и в них.

28.3.92

Единственный редактор журнала, который отнесся к моим оригинальным стихам скорее благосклонно, был А.Т. Твардовский, с которым я познакомился в 1929 году, когда он, как и я, был безвестным молодым поэтом. Я безвестным остался, он прославился. Софья Григорьевна***** мне посоветовала пойти с новой подборкой прямо в А. Т.: мол, он обижается, если поэты, которых он уже напечатал, не приходят прямо к нему, ограничиваются каморкой С. Г. Среди моих стихотворений было одно, проникнутое религиозным чувством. Я был достаточно опытен, вместо Бога написал другое слово, не помню какое, но умный цепкий глаз А. Т. ухватил ересь. Насмешливо спросил: «Вы что, в Бога верите?». Я пробормотал, что следую традиции русской поэзии. Подборку он напечатал, но преступное стихотворение посоветовал переделать, мне вернул. Грешный, я это сделал.

Его, Твардовского, теперь называют великим. Это слово девальвировано. Ахматова мне о нем сказала: «Лучший из печатающихся». Она, думаю, была слишком строга. Бог даровал Твардовскому поэтический талант. Не знаю, как развился бы этот талант

***** Софья Григорьевна Караганова, заведующая отделом поэзии в журнале «Новый мир».

при проклятом, но таком прекрасном царизме. Молот советской жестокости сильно ударил по Твардовскому, но не убил. Даже в такой туфте, как «Страна Муравия» и «Василий Теркин», чувствуется нешуточный дар автора. А «Дом у дороги», «Я убит подо Ржевом» сияют талантом. Теркин на том свете поступает и думает так, как он должен был поступать и думать на этом свете. А что с нами произойдет на том свете, не знает никто, кроме Данте оттуда никто не приходил. Поэма «По праву памяти» – это попытка таланта выдавить из себя раба, попытка благородная, но что такое вольноотпущенник? Злодей-владелец умер, наследник отпустил раба на волю, но и на воле он раб.

29.3.92

Галина Бови* пела в Переделкине песни на слова русских поэтов – от Ахматовой, Мандельштама, Цветаевой и даже Фета до Кублановского и Кинжеева. По всеобщему мнению, лучше всех ей удались Георгий Иванов и Инна Лиснянская. Бови хорошо чувствует ритм стиха, у нее на весу каждое слово. Когда Лиснянская говорит о том, что чужая страна мне не снится, / А родная заснуть не дает, – то в этих изумительных строках чувствуется нежность цветка и тяжесть мрамора.

30.3.92

Расул

Здесь Расул**. Изменился сильно: вместо победительности – растерянность, вместо депутатства, лауреатства, славы – ниче-

* Из маминого письма 23.3.1992. «Приехала Галина Бови, пела возле телевизора в нашем корпусе – на браво и ура! Я ей запретила петь меня, ибо эти, почти все люди, которые хватают тебя на улице за лацкан пальто (черное твое-мое еле сходится) и начинают читать стихи, могут понять, что Бови – моя самореклама. Что не верно. (…) Однако она, в конце концов, не выдержала и под занавес – на браво – спела 3 мои стихотворения».

** Расул Гамзатов (1923-2003), аварский поэт, сын народного поэта Дагестана Гамзата Цадасы, учился у С. Липкина в Литинституте. На моей памяти это был единственный советский поэт из тех, кого переводил Липкин, кто не побоялся навещать Семена Израилевича в больнице в «Метропольские времена». Будучи секретарем СП СССР, он 17 октября 1986 года написал письмо С. Михалкову, оно хранится в нашем домашнем архиве. Перечислив все заслуги Липкина, Гамзатов пишет: «Сейчас он опытный писатель, тяжело болен и (…) восстановление

го, вместо элитарной Барвихи – плебейское Переделкино. По-прежнему умен, даже чище умен, без хитрости, потому что хитрить не для чего и не с кем. Ко мне ласков, как в те годы, когда был моим студентом. Восторженно хвалит мои стихи и стихи Инны. О «Декаде»*** – ни слова, только очень отдаленный намек: «Мне прислал письмо Автарханов****, ты, говорит, горцев не защитил, а вот Приставкин и Липкин защитили». Обратился ко мне с просьбой: «Вас знают народы Дагестана, напишите им письмо, что дагестанцы, хотя говорят на разных языках, единый народ, а то вот кумыки хотят отделиться». Не напишу, не знают меня народы, знают литераторы, и когда речь идет о судьбе нации, бессмысленно, даже некрасиво, более того, порочно что-либо советовать с позиции «над схваткой».

Как сложилась бы судьба Расула при царе? Судьба талантливого горского поэта? Как у Махмуда? Напрасно думают, что его сделали поэтом переводчики. Некоторые подстрочные переводы его стихов свежее, темпераментнее, чем стихотворения.

1.4.92

Поехал в город, чтобы участвовать в торжественном установлении мемориальной доски в связи со 110-летием со дня рождения Корнея Чуковского. Кусок улицы перед домом огорожен веревками. А на Тверской бушует толпа продающих и покупающих (последних меньше). Люша*****, властный и умный организатор, пригласила меня зайти в дом, до митинга осталось минут двадцать. В доме – Нина Глен******, Либединская*******, Лара

его в члены Союза было бы справедливо и пошло бы на пользу нашей многонациональной литературе».

*** Декада. Роман. Нью-Йорк, «Chalidze Press», 1983. Первое издание. В «Декаде» сказано: «Национальное самосознание прекрасно, когда оно самоосознание культуры, и отвратительно, когда оно самоосознание крови».

**** Абдурахман Авторханов (1908-1997), советолог-историк.

***** Елена Цезаревна Чуковская (1931-2015), внучка Корнея Ивановича.

****** Ника Глен (1928-2005), переводчица с болгарского. В 1958-1963 годах Ника Глен была литературным секретарем Анны Ахматовой. Была близка с Марией Петровых, сделала одну из немногих сохранившихся аудиозаписей ее авторского чтения, была составителем посмертного «Избранного» Петровых (1991).

******* Лидия Либединская (1921-2006), литератор.

и Володя Корниловы* (он на меня почему-то взглянул недружелюбно), бывшая жена Паперного, кажется, Озерова**, Фина***. На подоконнике и на столе – абрикосы, яблоки, печенье, вино и прочее в заграничных бутылках: видно, будет небольшой пирок. Лидия Корнеевна**** у себя, лежит, у нее 24 марта, говорит Фина, был мозговой криз, лечит ее наша опора – Александр Викторович*****. Я с Финой передал Л. К. только что вышедшие «Письмена»******. Л. К. просила передать спасибо. Спустились на улицу, на подмостках – ковер. За веревками – довольно много людей, пришедших на литературное торжество, впереди дети, за ними их родители и даже деды и бабушки, и все – читатели Корнея Чуковского. Чувствуется, что знают только его стихи для детей, вряд ли им известен талантливый и острый критик, переводчик, литературовед. Л. К. мне как-то сказала, что Бродский******* в беседе с ней ругал переводы К. И. стихов Уитмена, предпочитая переводы, сделанные Бальмонтом. Я так не думаю. Переводы К. И. и по языку строже бальмонтовских, и самый стих вольней, мужественнее. Все выступали хорошо, не банально. Особенно мне понравились речи Корнилова, Коли Панченко******** и ученого (фамилию не расслышал) заместителя Д.С. Лихачева по возглавлению Фонда культуры. Спускаясь по покрытым ковром двум ступенькам, я упал, у меня теперь часто при таких спусках темнеет в глазах. Настроение испортилось, в дом после митинга я не зашел, уехал с Павликом и Мариной Катаевыми*********.

* Владимир Корнилов (1928-2002) и его жена Лара. http://www.peremeny.ru/blog/15337

** Калерия Николаевна Озерова (1918-2012), бывшая жена Зиновия Самойловича Паперного (1919-1996).

*** Фина (Руфина Солдатова), жена Александра Солдатова, советского посла в Англии.

**** Лидия Корнеевна Чуковская (1907-1996). http://chtoby-pomnili.com/page.php?id=106

***** Александр Викторович Недоступ, врач-кардиолог.

****** С.И. Липкин. Письмена. – М. 1991.

******* Иосиф Бродский (1940-1996). Предпочтение переводам Бальмонта перед переводами Чуковского отдавал и Александр Блок.

******** Поэт Николай Панченко (1924-2005).

******** Павел Катаев, сын Валентина Катаева, его жена Марина.

1.4.92

Был у Яши в 28-й больнице в Лефортове. Это хорошая больница, она чище, чем та, где мне удаляли аденому. У Яши непростая операция – удаление некого нароста на мочевом пузыре, а что за нарост – никто не может объяснить. Это Яше в известной мере помогло, операцию решил произвести генерал из соседней клиники им. Бурденко. Фамилия генерала Брюсов. Родственник? Он оказался искусным хирургом, удалил необычную по своей величине кисту. Яша несчастный человек. Он вовсе не глуп, но лишен таланта. Беда не велика, но вместо одержимости талантом он одержим тщеславием, а ему нечем накормить этого зверя, который гложет его изнутри. Стихи он пишет плохо, учился неважно, хотя способности у него выше средних, но бездельник. Теперь, после нашей экономической революции, у него осталось три козыря: папа, мама, Оля (жена). Других козырей нет, и жаль его, очень жаль, даже ругаться не хочется.

10.5.92

Стало распространенной истиной, что русская литература в Октябре 1917 года положила начало новому миру – и не только в России. Так думали и думают наши интеллигенты, и правые, и левые, так думали и думают корифеи Запада, вроде Барбюса, Ромен Роллана, Шоу, Драйзера. Это – ошибка, весьма простительная для всех нас, для людей с узким воображением, непростительная для философа, для историка. Можно (хотя это и святотатство) согласиться с тем, что новый мир возникает при посредстве массовых арестов, убийств, депортации народов, геноцида, но нельзя и в черном сне придумать, что новый мир – это коммунальные квартиры с семьюдесятью задами на одно очко, это запрет продавать изделия своего труда, это миллионы бездельников, живущих за счет полубездельников, это безумие экономики, это узаконенный порядок сумасшедшего дома. Нет, старый мир не кончился в октябре 1917 года, когда было разогнано учредительное собрание, когда караул устал, когда началось время временного правительства, когда белая гвардия была разгромлена под Орлом, когда церковь была уничтожена или проституировала. События 1917 года

всего лишь момент, хотя и значительный, в истории человечества. Ошибочно полагать, что планетарный рубеж двух тысячелетий определяется русской революцией 1917 года. Эта революция началась внутри своей эпохи. Линию планетарного рубежа ведут нарезом по человеческому сознанию нынешние годы распада сталинской империи полумира, простиравшейся до Восточного Берлина, Пхеньяна и Пекина. В новом тысячелетии историки будут рассматривать девяностые годы двадцатого века как замечательную веху, такую же грандиозную, как век великого переселения народов. Новый мир начался не потому, что мы его построили, а потому что рухнул старый. На то была не наша воля, а Божья. Вслед за империями Ассирии, Вавилона, Александра Македонского, Августа, Ксеркса, Чингиз-хана умерла, должна была умереть империя Сталина, и как предыдущие империи, она умерла не в один день, ее смерть длилась 40 лет, что весьма недолго. А мы начали жить в эпоху, когда на Востоке возникла Византия, на Западе – германские и кельтские мощные государства, а на полудиком пути из варяг в греки должно возникнуть нечто необыкновенное. Это всего лишь метафора, но правда.

11.5.1992

Меня взволновала замечательно умная статья Рассадина* о новом направлении советской поэзии – о паразитирующем. Современные стихотворцы пародируют государственные максимы знаменитых наших доперестроечных поэтов. Делается это так, что тень становится больше предмета, остро цитирует Рассадин Евг. Шварца. Читая Рассадина, я подумал вот о чем. Государственные поэты были вовсе не глупы, они дело делали, в то время как их нынешние свободолюбивые собратья хихикают на капустниках. В годы Великой Отечественной войны вся страна пела стихи Исаковского, Фатьянова. Долматовского, Ошанина, Матусовского. Были ли эти песни поэзией? Конечно, нет, но они толково заменяли поэзию, как толково на продуктовых карточках талоны на мясо заменялись яичным порошком. Конечно, были песни глу-

* Станислав Рассадин (1933-2012).

пые, неудачные, но они не делали погоду. Главное в знаменитых песнях была толковость. Возьмем самую знаменитую:

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, морей и рек.

Все правильно. Страна широка, попробуй с этим поспорить Гитлер или Черчилль. В ней действительно много лесов, морей и рек. Все абсолютно точно. Представим себе, что первая строчка звучала бы так: «Широка страна моя Сахара». Ложь! Нет в Сахаре лесов, полей и рек. Серьезные люди работали всерьез. Некоторые хотят противопоставить этим серьезнейшим людям капустника Пригова. Не получается. Пригов не серьезен. Он легко, запросто может сказать: широка страна моя Сахара. Зная, как грамотно пишется популярное в народе слово, он притворяется, что можно написать «милисанер». Нет ничего общего между Приговым и образованным Олейниковым. Олейников знает, что человек мужской особи не может быть влюблен в муху. А разве красавец Ставрогин мог быть влюблен в хромоножку не первой молодости? Есть тому объяснение? Что же, у Олейникова есть серьезное объяснение:

Я муху когда-то любил,
Давно это было, друзья.
Когда еще молод я был,
Когда еще молод был я.

Олейников просит (не всех, а друзей, близких) учесть его молодость, неопытность, дважды для убедительности ссылается на свои совсем незрелые годы (давно это было). Да, полюбил муху. Но молод был, глуп, даже, наверное, девственен. У Пригова такого признания не найдешь.

Когда Пригов, уже зрелый, осмеивает советскую действительность, он это делает как конферансье, который получил заранее разрешение главреперткома. Другое дело Олейников. Он прозорливо видит гибельность революции для всех, для победителей и побежденных.

Жук-буржуй и жук-рабочий
Гибнут в классовой борьбе.

Все гибнут. Олейников поэт гибели. Это вам не конферанс из образцовского «Обыкновенного концерта».

Мандельштам как-то сказал, что поэзия есть сознание своей правоты. Таков и Олейников. У него есть соперник. Но Олейников скажет, что соперник плох, а Олейников хорош. Вот он обращается к любимой с дельным советом:

Разлюбите его, разлюбите,
Полюбите меня, полюбите.

У кого-то я прочел, что Пригов и Рубинштейн продолжатели Игната Лебядкина. Это неверно. Игнат простодушен, откровенен, благодушен, никогда не играет. Он, в отличие от Пригова и Рубинштейна, не знает больше, чем он высказывает. Он не обезьянничает, не шутит (никогда не шутит), он сообщает факты, ему необходимые. Он несколько старомоден, но только потому что плохо знает новейшую технику стиха. Выражение «Писаная красавица вывихнула ножку» он произносит без юмора, ни Боже мой, так:

Краса красот сломала член,

И дальше робкий, втайне трепетный комплимент:

И вдвое интересней стала.

Дальнейшие две строки подсказала ему простая арифметика:

И вдвое сделался влюблен
Влюбленный уж немало.

(Замена ё на е часто встречается у самых прославленных современников Лебядкина.) Как и некоторые нынешние не нюхавшие пороха участники войны, Лебядкин любит прихвастнуть

(иди проверь), но он, «по Севастополю безрукий», в самом деле участвовал как интендант в севастопольской кампании, точно так же награды летчика получил корреспондент газеты «Крылья Советов», не имевший ни одного боевого вылета.

Пригов и Рубинштейн (и другие, коих не знаю) притворяются, что не владеют стихом, хотя, не будучи поэтами, владеют им достаточно умело. Вот Лебядкин, действительно, совершает недопустимые промахи ритма и метра, но как поэтична его душа:

И порхает звезда на коне (прелесть)
В хороводе других амазонок,
Улыбается с лошади мне
Аристократический ребенок.

Многие думают, что современное стихотворство, хотя и уступает, скажем, серебряному веку, технически держится высоко. Если простодушие, безыскусственность, лиризм, чистота и глубина чувства суть признаки истинной поэзии, то далеко нынешним авангардистам до Игната Лебядкина.

25.5.92

В «Известиях» перепечатано из черносотенной газетки заявление архиепископа Московского и Каширского Лазаря (еретического), направленное против Патриарха Московского и вся Руси Алексия II*. Лазарь считает, что русская церковь опозорена тем, что во главе ее встали нерусские люди и по духу, и по национальности (Алексий в миру – А.М. Редигер, по происхождению эстонский немец). Алексий II выступил в Нью-Йорке на встрече с раввинами. Наш Лазарь возмущен. «Создается впечатление, – пишет он в прокуратуру РФ, – что выступал не Патриарх Православной Церкви, а раввин синагоги». Между тем Алексий II произнес слова замечательные по их глубине и яркости. Он сказал: «Мы едины с иудеями, не отказываясь от христианства, а иудеи едины с нами не вопреки иудейству, а во имя и в силу истинного иудейства. Мы потому отделены от иудейства, что мы еще не вполне христиане (чудесно сказано),

* Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси (1929-2008).

а иудеи отделаются от нас, потому что они не вполне иудеи. Ибо полнота христианства обнимает собой и иудейство, а полнота иудейства – есть христианство».

Прекрасна экуменическая сила этих слов. Несмотря на то, что иудеев от христиан отделяет могучая преграда – понятие триединого Бога.

19.6.92

Мы с Инной летели в Бостон на Ахматовские чтения. После остановки в Брюсселе к нам подсел мужчина лет пятидесяти, подвыпивший, довольный собой крепыш. Он сказал мне что-то по-английски. Я ответил, что кое-как говорю по-немецки. Он с радостью перешел на немецкий. Оказалось, он владелец пивоваренного завода, летит в Америку в связи с бизнесом. Я спросил, валлонец он или фламандец. Он воскликнул: «Неужели меня можно принять за грязного валлонца?». Я возразил, что валлонцами, видимо, были Шарль де Костер, Метерлинк, Верхарн, ведь они писали по-французски. «Да, к сожалению по-французски, но они истинные фламандцы». «А какие недостатки у валлонцев?» «Грязные, ленивые свиньи, висят на шее у фламандцев». Что произошло в Европе? Голландцы католики ненавидят своих и английских протестантов, католики хорваты – православных сербов, шотландцы напрочь отделяются от англичан. Можно ответить так. В просвещенной Европе, наименьшем из материков, в 18-м веке родилась идея антицерковная. Победила, но удовлетворения людям не принесла. В 19-м веке победила идея демократии, свободы, а счастья все нет. В первом двадцатилетии двадцатого века в ответ на октябрьский переворот в России родилась идея националистического социализма. Она победила сперва в Италии, потом в Германии, очаровала многих французов, а также англичан. Повесив Муссолини и заставив отравиться Гитлера, Сталин, их победитель, стал их последователем. Но как утвердить националистический социализм в многонациональной стране, где русских только половина населения, да и сам он, Сталин, нерусский? Вождь решил неторопливо производить опыты. Сначала на народах, мало известных – на мусульманских гор-

цах Северного Кавказа, татарах в Крыму, буддийцах-калмыках. Подверг их геноциду. Сошло с рук. Еще раньше – на поволжских немцах. Мы не слышали, чтобы на ассамблее ООН хоть один турок, перс, пакистанец, индиец, китаец и т. д. выступил в защиту единоверцев. Сталин осмелел, решил уничтожить евреев, как это до него делали испанцы, запорожцы, немцы. В ответ кто-то на Западе пискнул – и только. Смерть Сталина спасла от поголовной гибели советских евреев. Надолго ли? После августовского путча в России провозглашена идея демократии. Но она бессильна по сравнению с национальной идеей угнетенных народов, а угнетены были все, начиная с русских. Конечно, великая, бессмертная Россия очистится от националистической заразы, но очистится собственной кровью.

24.7.92

Рассказ Огнева. К нему в Литфонд пришли знаменитые обитатели переделкинских дач – Евтушенко, Вознесенский, Битов, Можаев, кто-то еще плюс Поженян. Потребовали, чтобы дачи навечно закрепили за ними, а они дают два миллиона на нужды Литфонда. Огнев ответил, что еще при Сталине дачи в Переделкине отданы писателям в аренду на 3 года, что отнимали дачи только у репрессированных, взамен устраивали других, что дачи – не их собственность, а собственность всех членов Литфонда, что эти 90 дач стоят каждая по 2-3 миллиона, а те, что размещены на трех гектарах, и того больше. По словам Огнева, Битов и Вознесенский сидели, потупив голову, Евтушенко наступал: «Весь мир идет к приватизации, а вы…». Поженян угрожал: «Помни, что в этом случае Евтушенко и Солоухин лягут в одну кровать. У них есть ход к Ельцину и Гайдару. Ты в Литфонде не останешься». Я чувствую, что Огнев напуган. Еще бы, потерять такое место. А демократы каковы? На второй день я вышел после обеда из столовой. Увидел перед домом творчества кучки оживленно беседующих людей. До меня от одной кучки донесся обрывок фразы: «Пожизненное владение с правом наследования». Я увидел лица из мира теней: вислоухого Сартакова, сильно поседевшего Кешокова, Мишку Алексеева, и неожиданно среди них Вознесенского. Стало

понятно, что в зале дома происходило собрание будущих домовладельцев. Когда дело идет о собственности (ее захвате), все ложатся в одну постель.

23.8.92

Царь-освободитель, генсек-освободитель… В этих людях, столь разных, есть и общее. Александр II совершил грандиозное: дал волю крестьянам, то есть освободил почти все население России от жестокого, унизительного рабства, двинул Россию далеко вперед, создав пореформенное управление. И Горбачев совершил грандиозное: в государстве, чьей основой была идеология тоталитаризма, разрушил идеологию. Понимал ли он, что тем самым разрушает само государство? Вряд ли. И Александр II, и Горбачев были детьми своего государства. Следует сказать, что как ни отвратительна была романовская империя, о чем, начиная с Радищева, писали лучшие русские люди, эта империя была сущим раем по сравнению с большевистской фашистской империей зла. Империя Романовых обрекла десятки, сотни тысяч людей на голодное, нищее существование, но она вовсе не хотела, чтобы люди были голодными и нищими. Империя Романовых убивала – не сотни тысяч, а тысячи людей, но она вовсе не хотела их убивать. Будь империя Романовых умнее, дальновиднее, а она могла бы ею быть, тому свидетельство дней Александровых прекрасное начало, Сперанский, потом Столыпин, эта империя могла бы долго и прекрасно существовать. Другое дело империя советская. Без ею организованного голода, без концлагерей, она существовать не могла бы. Романовская империя была создана на вполне в те времена разумных основаниях. Советская империя с первого дня своего рождения была основана на безумии: на ликвидации частной собственности, на запрете права человека свободно продавать свой труд. Советская империя была так же враждебна человеку, как чума, холера, всемирный потоп. Для того, чтобы существовать, советская империя должны была, вынуждена была уничтожать миллионы людей, одновременно превращая другие оставшиеся миллионы в грамотных животных. Сначала люди уничтожались по классовому признаку, а когда эта возможность была исчерпана, стали люди

уничтожаться по признаку расовому. Но если классовое поле было обширным – сначала помещики, капиталисты, духовенство, мелкая буржуазия, потом – крестьянство, потом (поле все сужалось) партийная оппозиция, ленинский аппарат, военные… Все. Кого убивать дальше? А не убивать нельзя, государство потеряешь. Перешли к убийствам на расовой основе. Но если убивать, то надо убивать десятки миллионов, хорошо бы сотни миллионов. А что дало расовое преследование? Несколько миллионов уничтоженных кавказских горцев, калмыков, крымских татар, поволжских немцев. Мелко. Но есть испытанный источник: евреи. Но тоже мало: несколько миллионов. А убивать надо, надо, ведь сотни миллионов живут там, в свободном мире. Послесталинская эпоха, скажем, брежневская, была вовсе не эпохой застоя. Как ленинский нэп был временной передышкой между прежними и готовящимися убийствами, так послесталинская империя была временной передышкой между прежними убийствами миллионов и готовящейся термоядерной войной. Горбачев видел только одну сторону этого периода – материальное оскудение тоталитарного государства. Крестьянский сын, он решил, что дело можно поправить, что можно хозяйствовать по-иному. Нет, нельзя хозяйничать по-иному в большевистском государстве. Другой крестьянский сын, Хрущев, пытался кое-что поправить, но потерпел поражение.

5. 6.93

Многое можно понять, проникая в науки, –
Дальние звезды и давние знаки и звуки,
То, что возникнет в грядущем, и то, что мертво.
Непостижимо лишь то, что нам ближе всего.

Переделкино

7.4.93

Серебряный век русской литературы начался, как и полагается, в 1900 году и кончился убийством Гумилева и смертью Блока в 1921 г. Почему же этот век не золотой? Разве в Серебряном не жили великие писатели? Вот они (по алфавиту): Анненский,

Ахматова, Блок, Бунин, Горький, Мандельштам, Пастернак, Ходасевич. А если к ним прибавить бессмертных, для нас третьестепенных, недостижимых – Волошина, Гумилева, Есенина, Заболоцкого, Вячеслава Иванова, Клюева, Кузьмина, Куприна, Маяковского, Сологуба, Хлебникова, Цветаеву, – то бесспорно, эти двадцать с лишним лет сияют драгоценным серебром. Почему же не золотом? Потому что в Серебряном веке не было писателей, равных библейским пророкам, не было Пушкина, Тютчева, Гоголя, Лермонтова, Толстого, Достоевского, Чехова.

Произошла революция, в стране утвердились те, кто сами себя называли социально близкими ворам и убийцам. Так что же, иссяк русский гений в словесности? О нет, и на родине, и за рубежом возникли писатели, среди которых мы можем назвать великими Бабеля, Бродского, Булгакова, Гроссмана, Заболоцкого, Замятина, Зощенко, Набокова, Платонова, Солженицына, Шолохова («Тихий Дон»), опять же, прибавим к ним славные прочие имена Аксенова, Алданова, Астафьева, Багрицкого, Белова, Владимова, Войновича, Газданова, Вен. Ерофеева, Искандера, Катаева, Кублановского, Кушнера, Лиснянской, Малышкина, Можаева, Олеши, Пильняка, Распутина, Самойлова, Седаковой, Слуцкого, Соколова, Тарковского, Твардовского, Чухонцева, Шварц, – и увидим: значительная литература после революции у нас была и есть*.

13.4.93

Неожиданно мне прислали «Еврейский журнал»**. Много интересного. Интересны не столько размышления, сколько факты. Например, рассказ о бароне Унгерне, о том, как по его приказу убили в Угре (Улан-Баторе) немногочисленных евреев, которых добродушные монголы не отличали от русских, называли их хара-орос, черными русскими, в отличие от цыгана-орос, белых русских. От убийцы-барона несколько евреев спрятали ламы

* Семен Израилевич постоянно составлял списки первостепенных, второстепенных и третьестепенных писателей, понятно, ни себя, ни маму он даже в третьестепенные не заносил. Когда мама написала повесть про Арсения Тарковского, Семен Израилевич удивился, что столько можно сказать о нем. «Поэт хороший, но будут ли его читать в XXI веке?»

** http://www.vtoraya-literatura.com/pdf/evrejsky_zhurnal_1993_1_text.pdf

в буддийский монастырь, а человек 11 укрыл нойон (князь) Тогтохо-гуна в Бейшине, в древней фанзе. Старый князь пользовался огромным уважением в родном городе. Дом Тогтохо-гуна обладал неприкосновенностью. Но полковнику Сипайло, назначенному Унгерном комендантом Урги, удалось перехитрить почтенного старца-нойона, и 11 евреев были убиты. Буряты и калмыки, два наших монголоязычных народа, исповедующих буддизм, никогда не относились к евреям враждебно, они вообще не относились враждебно к какой-либо нации.

Впрочем, мне запомнился такой случай. В начале семидесятых мы с Инной находились в Улан-Удэ. Я возвращался в гостиницу из радиокомитета, где читал для слушателей главу из своего перевода бурятского национального эпоса «Гэсер». Когда я поднимался по лестнице в наш номер, мне навстречу попался бурят лет сорока. Он крикнул мне: «Жд вонючий». Знал ли он меня? Знал ли, что я удостоен звания заслуженного деятеля искусств Бурятии, – и разозлился? Или этот обладающий человеческим обликом постоялец был перевоплощением шул-муса-дьявола?

В том же номере «Еврейского журнала» помещено несколько эссе нашего дорого Юры Карабчиевского[***]. Когда мы познакомились с неизвестными нам прежде «метропольцами», нам особенно понравились Юра Карабчиевский и Леня Баткин[****]. От них веяло несоветской чистотой и необычной силой духа. С Юрой мы крепко подружились, он стал у нас часто бывать, и каждое его посещение в те трудные годы было для нас

*** Юрий Карабчиевский (14 октября 1938 – 30 июля 1992). Из маминого письма 8 августа 1992 года: «Бедный Юрочка Карабчиевский! Не выдержал жизни. Отравился. Нет больше добрейшего, честного Карабчиевского. Его похоронили как раз в тот день, когда ты мне звонила 2-й раз. Но я не решилась тебе об этом сказать, понимая, что ты, вернувшись домой, все равно узнаешь об этом горе». Мы очень дружили с Юрой. Он отговаривал меня уезжать. Как-то мы шли с ним в шесть утра по темному заплеванному переходу в Бутаково, и я ему говорю, Юр, ну разве все это не давит, а он: я этого просто не вижу, а я ему – но я-то вижу, а он мне – тогда уезжай. А потом и он уехал. Помню, опять же шесть утра, только теперь в Иерусалиме, я еду в автобусе и вижу Юру с собачкой у афиши, смотрит растерянно на ивритские буквы. И вспомнились его слова: «Свобода там, где нет меня, а там, где я, всегда неволя». Это писал Юра в 1986 году. Прошло шесть лет, и время его застыло. Застывшая масса нерастраченного времени.

**** Леонид Баткин, 1932 г. р., известный литературовед, культуролог.

радостным, праздничным. Жестокую таинственность его смерти понять невозможно.

В одном из своих эссе Карабчиевский со свойственной ему искренностью пишет о стенах Кремля: «Вдруг впервые в жизни представил себе явственно, что в промежутке между зубцами льют смолу и кипяток на татарско-печенегских захватчиков наши добрые в красных кафтанах молодцы… Я почувствовал, что столь важное понятие «Россия» ограничено для меня временем и системой знаков. И вот эти, лившие кипяток и смолу, явно не мои, чужие предки, и не чувствую я по отношению к ним никакого сродства, ни особой жалости, ни особой гордости. Они мне не ближе и важны, интересны, не более, чем какие-нибудь саксы, защищавшие Англию от десанта норманов».

Эти значительные слова друга и умного, талантливого писателя, заставили меня задуматься. Вряд ли лили смолу и кипяток на печенегов (то есть половцев, кара-калпаков). Как известно, половцы были союзниками русских на священном Куликовом поле. Но дело не в этом – мои ли предки древние русские люди, – и князья, и жрецы Перуна, и православные пастыри, и молодцы в красных кафтанах? Честно говорю себе: «Да, мои это предки». Русь может отказаться от меня, но я не могу, не в силах отказаться от Руси – и допетровской, и после петровской, и от советской, и после советской. Может, под пытками сдамся, откажусь, но сердцем и помыслом я потомок русских предков, моих, да, моих предков.

И дальше пишет наш необыкновенный друг Юра: «Показывают мне крепость Масада, где наши будто бы общие с ними предки почти две тысячи лет назад три года защищались от римских захватчиков. Скала шестьсот метров в длину, пятьсот в высоту. Три часа подниматься, если пешком, час спускаться. Девятьсот человек моих предков против десятков тысяч римлян. А когда стало ясно, что те все равно их захватят и распнут мужчин на крестах, и детей отдадут в рабство, а женщин солдатам, они разделились на десятки и бросили жребий, и кому выпало, тот заколол остальных, а потом оставшиеся сделали так же. И последний сам покончил с собой. И когда ворвались римляне в крепость, то не нашли ни одного живого.

Вот такая вышла победа. И я стоял на огромной скале, и представлял себе тех людей, героически убивавших своих детей и родителей, и грешно сказать, но и к ним тоже не чувствовал никакого сродства, и не верил, что они хоть в каких-то своих чертах могут иметь ко мне отношение».

А я в Израиле чувствовал себя иначе. Мои эти камни, и самые древние, и римские, и греческие, моя это Стена Плача, где я помолился так, как вспомнил. Мои это предки – царь Давид и покоящаяся в десяти минутах ходьбы от его трехтысячелетней могилы Мариам – Мария, матерь Божья, моя, ибо все матери-богородицы, родившие нас, подобий Божьих, и мой предок Иошуа, последний из великих иудейских пророков, распятый язычниками на кресте на Голгофе, и моя улица Зеева, названная так в честь моего земляка, Зеева Жаботинского, чье имя, в метрике, было, наверное, Вольф, – на идиш – волк, а зеев – волк на иврите.

Как же так, и Москва моя, и Иерусалим – мой. Есть ли в этом противоречие, более того – бессмыслица? Не знаю. Знаю одно – так я чувствую всем своим существом, не только духом, но и плотью. Нет ни одного мгновения в моей сознательной жизни, когда бы я не чувствовал себя евреем, и нет ни одного мгновения, когда бы я себя не чувствовал русским. Нет ни одного мгновения в еврейской истории, которое не было бы моей историей – от праотца Авраама и Сарры-праматери – до нынешних переговоров Рабина с Арафатом. Нет ни одного мгновения русской истории – от призвания варягов в ту страну, которая велика и обильна, но порядка в ней нет, до президентства Ельцина в моей России, которая велика и обильна, но порядка в ней по-прежнему нет. А что касается героев Масады, разве они не пожертвовали своей жизнью, сопротивляясь тем захватчикам, которые убили Христа из дома Давидова?

Поскольку зашла речь о предках, нельзя не назвать Ломоносова. Моя жизнь – это поэзия, а без Ломоносова не было бы меня и других таких же третьестепенных поэтов, не говоря уже о первостепенных и великих. Известно, что петровские преобразования приобщили Россию к европейскому просвещению. Благодаря могущественному гению холмогорского мужика Россия за одно-два столетия совершила то, на что Европе понадобились

века. Недаром один из важных законов физики называется законом Ломоносова-Лавуазье. Преобразованной России понадобились не только физика, математика, химия («Неправо о вещах те думают, Шувалов, / Которые Стекло чтут ниже Минералов»). Сам Бог судил России выразить себя в изящной словесности. Ритм и метрика изумительных русских былин остались во временах допетровских. Впоследствии ученые установят связь этих былин с фольклором монголов и татар. Выражение «Буй-Тур-Всеволод» означает, что Всеволод был баем, то есть дворянином, и туром – от тюркского тюря, свободный воин, странствующий рыцарь, неподвластный его зерему*. Не трудно найти и более глубокие признаки родства наших былин с монгольским и тюркским эпосом. Россия уже чувствовала, что ее лирическим излияниям тесно в старых мехах былин, что у нее есть характеры не менее сложные, чем характеры Шекспира, Корнеля, Расина, Клопштока. России стали нужны не только точные науки, не только более гибкий административный аппарат, но и новая версификация. Попытки в этой области Стефана Прокоповича, Симеона Полоцкого не дали желанных результатов. Вплоть до Кантемира они брали за основу достижения польской поэтики, поскольку поляки и русские одного славянского корня. Они не приняли в расчет того, что в польском языке имеется стабильное ударение на предпоследнем слоге, в русском языке такого стабильного ударения нет, поэтому силлабика ему непригодна, не только французская, но и польская. Тщетно искать музыку в силлабических опытах Кантемира: «Уме недозрелый, плод недолгой науки! / Покойся, не понуждай к перу мои руки…». Но вот гениальный Ломоносов и заодно с ним даровитый, трудолюбивый Тредьяковский – первыми поняли, что мы должны основываться на немецком каноническом стихе, но, так как у нас все же не такая беглость ударения, как в немецком, то мы при топике должны соблюдать определенное количество слогов. Величайшее открытие! Хотинская ода Ломоносова дала начало всей бессмертной, всемирного значения русской поэзии, да и прозе, потому что без поэм Пушкина, а потом Лермонтова, без широкообъемлющей лирики Тютчева, и потом

* Зерем, зерема, в древнеславянском – угодья, место обитания бобров.

Некрасова, у нас не родились бы Гоголь, Тургенев, Толстой, Достоевский, Чехов. И смотрю я на них, как рядовой русский человек смотрит на башни Кремля, рядовой израильтянин – на скалы Масады и на Стену Плача. Русские писатели – мои предки, я один из рядовых, у меня с ними кровное родство. Гражданину русской литературы, мне не нужно двойное гражданство.

30.6.93

Загадка человека[**]

Всю жизнь, начиная с детских лет, я читаю библию, оба Завета, и каждый раз нахожу нечто новое, мысль, простейшим образом высказанную, которую раньше не замечал, не задумывался над ней. Например, такую: «И раскаялся Господь, что создал человека на земле, и воскорбел в сердце своем» (Бытие, глава 2, 6). Значит, Бог может раскаиваться, как и мы, смертные, значит, Бог допускает, что способен допустить ошибку?

Фразу «Бог создал человека по образу и подобию своему» надо понимать буквально. Не только по образу, но и по подобию. Бога видели в лицо Адам, Ева, Авель, Каин, Авраам. И нигде не говорится, что Он чувствовал себя так, как лилипуты перед Гулливером. Таков образ. А подобие: Он, как и мы, раскаивается, ошибается, сердится, как и мы, Он полон противоречий, как и мы, плачет, как и мы, и, отдыхая, «прогуливается в прохладе дня». Он обещает Каину, что оградит его, братоубийцу, от покушения «встречного» на его жизнь. (Кстати, кто этот «встречный»?) Ведь на Земле Ирода и Адама, Евы, Каина и его названой сестрицы, будущей сестры Каина, не было тогда людей. Речь идет о льве, о тигре? Итак, братоубийце Бог даровал жизнь, а (?) которые были злы и греховны и захотели даже совокупиться с ангелами, зашедшими в дом Лота, самозащищались (?), но никого не убивали, содомян Бог истребил поголовно, «пролил на Содом и Гоморру дождем серу и огонь от Господа с неба, и ниспроверг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих» (Бытие, глава 19, 24 и 25).

** Липкин С. Загадка человека // Литературная газета. 1993, 24 ноября, № 47, с. 3; И.И. Плеханова. История как единство человеческого бытия вопреки смерти (поэтическая философия С. Липкина).

Я веду к тому, что человек загадочен, как и Бог, по образу и подобию своему создавший человека. Наука предполагает, что человек произошел от обезьяны, что его дальние предтечи – питекантропы. А почему не допустить, что на земле произошло нечто страшное, в результате чего созданный Богом из земли человек превратился в обезьяну, питекантропа? Имея важную цель – познать Бога и сотворенный Им мир, идя к этой цели, наука постоянно ошибается. Коперник и Галилей поправили Птолемея, Эйнштейн поправил Коперника и Галилея, Лобачевский – Эвклида, еще поправят и Эйнштейна, и Лобачевского, все переменится, останется непреложное: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лицо его дыханье жизни, и стал человек душою живою» (Бытие, глава 2, 7). «Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и птиц небесных» (Бытие, глава 3, 1).

Кто был змей? Дьявол? Зачем же Бог создал дьявола? Впрочем, быть хитрее всех зверей полевых еще не означает, что змей – властитель ада. Лиса тоже фольклорный хитрец, но она не дьявол. Допустим, однако, что змей и вправду дьявол, и Бог создал его для того, чтобы тот открыл людям добро и зло. Почему Бог не сделал это сам, а избрал такого подлого, свирепого посредника? Конечно, пути Бога неисповедимы, но, может быть, то была ошибка Бога, и, создавая змея, Он не предполагал, что создает дьявола? Бог не заметил змея, беседующего с Адамом и Евой, потому что «прогуливался в прохладе дня» (Бытие, глава 3, 8). Не заметил? Но это противоречит словам пророка Иеремии: «Разве может человек укрыться так, чтобы Я его не увидел, говорит Господь, ведь небо и земля переполнены Мною» (Иеремия, 23, 23-24). Переполнены – значит, Он был и в том уголке рая, где змей искушал Адама и Еву. Еще одно противоречие, свойственное и подобию Божьему – человеку. Каин взял в жены сестру свою. От этого кровосмесительного брака произошли все люди, жившие до потопа, а среди них – и спасенный Ной, и его присные, от которых произошли мы. Значит, мы потомки Каина. Но разве он был только братоубийцей? Он любил Бога, ревновал Его, потому что ему казалось, что Бог с большой лаской принимает жертвоприношения Аве-

ля. И мы, потомки Каина, такие же, как наш предок: и любим Бога, и убиваем Его созданья.

Когда Бог посоветовал Адаму и Еве вкусить плоды, запрещенные Богом, дьявольское начало змея открывается нам вот в каких словах: «Вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете как боги, знающие добро и зло» (Бытие, глава 3, 5). В еврейском письме, как и в арабском, нет строчных букв, русская библия предлагает нам прочесть слово «боги» с маленькой буквой. Не означает ли это, что змей соблазняет людей язычеством, которым евреи не раз соблазнялись в древности, да в поздние времена, например, злоучением социализма. Странно, что Бог, разгневанный поступком Адама и Евы, говорит: «Вот Адам стал как один из нас, зная добро и зло» (Бытие, глава 3, 22), что Господь имел в виду, произнеся «из нас»? То, что их, собеседников, трое – Он, Адам и Ева? Или то, что кроме него есть другие боги? Или что он, Бог, троичен? (В русской Библии слово «нас» пишется с большой буквы.) Вот еще одно признание Бога в том, что он ошибся. И потом исправил ошибку. Он же не предугадал, что все человечество погрязнет в страшных грехах, и он, Всемилостивый, должен был подвергнуть все человечество, за исключением одной семьи, поголовному истреблению.

Потоп был, это подтверждается преданиями, бытовавшими и бытующими в самых отдаленных частях земли, например, у аборигов Америки. О потопе говорится и в Ассиро-Акадском эпосе «Гильгамеш», причем в этом месте текст почти дословно совпадает с библейским. Некоторые богословы не исключают, что допотопная цивилизация, цивилизация Каина, была очень высокой, во всяком случае, не ниже античной или нашей. Нам известно, что вавилонские жрецы имели представление об алгебре, дифференциалах и интегралах, то есть о том, о чем не догадывались греки, остановившиеся на геометрии.

Мы немало сделали для того, чтобы огорчить Господа Бога, чтобы он воскорбел в сердце своем. Может, и наша цивилизация исчезнет, и ее будут называть, допустим, доядерной. Бог от нас требует малого: жить друг с другом в мире, исполнять Его заповеди, каяться в своих ошибках и молиться Ему. Посмотрите, как Он милостив к нам. Выше уже говорилось, что все мы, через Ноя,

происходим от кровосмесительного брака, но Бог не наказывает нас за это. Он понимает, что у Каина не было другого выхода, как взять в жены свою сестру. Дочери Лота «напоили своего отца в ту ночь, и вошла старшая, и спала с отцом своим» (Бытие, глава 19, 34). На другой день старшая сказала младшей: вот, я спала вчера с отцом моим; напоим его вином и в эту ночь; и ты войди, спи с ним, и восставим от отца нашего племя. И родила старшая сына, и нарекла ему имя: Моав. Он отец Моавитян доныне (Бытие, глава 19, 34, 37). Еврей Хисон женился на моавитянке по имени Руфь. Ее потомок – царь Давид. А потомок Давида – Иисус Христос. И христиане, как и Бог, не видят ничего дурного в том, что Бог воплотился в человеке, произошедшем от второго кровосмесительного брака.

Я верующий, не богохульствую, когда говорю об ошибках, раскаяниях, противоречиях Бога. Бог – величайшая творческая личность вселенной, и Его ошибка – суть ошибка величайшего творца, Он есть истина, а к истине приходят путем ошибок и противоречий.

Таков, повторяю, и человек. Принято считать, что основное отличие человека от прочих живых существ – дар речи. Это не совсем верно. И попугай может что-то сказать, и немой Герасим был гораздо человечней своей говорящей барыни. Главное отличие человека от прочих живых существ, что он не только образ, но и подобие Бога: умеет творить, ошибаться и каяться в своих ошибках, умеет гневаться и быть милосердным, и при этом хорошо зная, что он, как того пожелал Господь, смертен, может в молодые годы пойти на смерть во имя торжества той мысли, которую считает правой. Как животные полевые и птицы небесные, человек ест, пьет, испражняется, совокупляется, но остается загадкой для самого себя. На протяжении тысячелетий человек пытается разгадать себя, мир, Бога. Наука, музыка, словесные и изобразительные искусства суть попытки человека разгадать свою загадку. Но и тут противоречия. Наука помогла человеку лучше понять мир, в котором он живет, проникнуть в великий замысел Бога, но наука, развиваясь, отравляет, губит поля, моря, леса и реки, и даже небесный покров, и, возможно, приведет к уничтожению всего живого. Все искусства помогают

человеку в его стремлении наверх, к Тому, чьим образом и подобием он является, но они же порождают лжемузыку, лжепоэзию, лжехудожество, которые, полные соблазна, отравляют душу человека. Можно ли отличить истинное от лживого? Очень трудно это сделать, но человеку это по силам.

В чем главное различие двух способов познать Бога – науки и искусства? Наука развивается, скажем, от понятия, что 1+1=2 – к векторному исчислению, от возможности поехать верхом на осле или лошади – к полетам на другие планеты, от пращи – к ядерной бомбе. Искусство не знает развития, слепой Гомер на ослике или на лошадке, Лимонов летает с материка на материк в самолете, но он не только по таланту, он и по уму и образованности дикарь в сравнении с Гомером. Означает ли, что в искусстве не бывает ничего нового? То, что есть искусство, всегда ново, всегда впереди, всегда авангардно. В современной русской литературе во главе авангарда я вижу Солженицына и Бродского, потому что среди современных двух или трех десятков действительно талантливых русских писателей никто не равен этим двоим. Если развить примитивную мою метафору, то есть большое войско в тылу, есть авангард, состоящий двух или трех десятков отважных, а есть двое возглавляющих отважных.

Есть искусства, нуждающиеся в материале, меняющиеся вместе с изменением материала: живопись, скульптура, архитектура. Только самые старшие и самые долгоживущие из искусств – музыка и слово – не нуждаются в материале. Меняются их инструменты – вместо арфы, лиры, индийской вины – рукопись, а потом станок Гуттенберга, вместо пастушьей дудки – рояль, но суть остается прежней: разгадать загадку человека. В обыденной жизни устаревают способы труда, землепользования, передвижения. В искусстве нет устаревания. Все живут вместе – Махабхарата, Илиада, Гильгамеш, Библия, Данте, Шекспир, Пушкин, Рафаэль, Шагал. В искусстве с парохода современности ничего не надо сбрасывать, потому что на этом пароходе нет лишней клади. Надвигается буря? Но искусство сильнее всех бурь. Что ему все бури, если создатели искусств – образ и подобие величайшего Создателя. 3.7.93

Идет война

Как нужно небо голубое
Земле, которая больна,
Мне нужен мир с самим собою,
А между тем идет война.

Она мне душу измотала,
Развалин множатся места,
То высшее сильней начало,
То низменная суета.

Покуда бой не умолкает,
Как новобранец, не пойму:
Противник, что ли, наступает,
Иль гибель я несу ему.

8.7.93

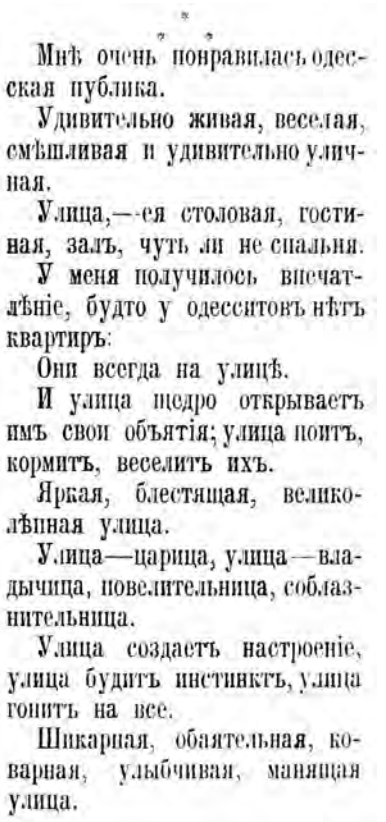
Дневник Семена Липкина хранится в отделе редких книг и рукописей библиотеки им. Хесбурга, Университет Нотр-Дам, США

Татьяна Щурова

«Но… это было давно…»

В отделе искусств Одесской национальной научной библиотеки сохраняется тоненькая подшивка газеты «Сцена», выходившей в нашем городе в декабре 1912 года. По большому счету, ее вроде бы и «сокровищем» трудно назвать – разве что «за выслугу лет». Не найти ее в перечне периодики начала прошлого века. Но неутомимый краевед Мирон Бельский все-таки обнаружил сведения об этом издании и опубликовал их в своем справочнике «Газеты старой Одессы» (2009): «Сцена. Газета театра, искусства, литературы и спорта. Программа и либретто всех одесских театров. 1912. Редактор-издатель – Израиль Мошков Шинкарев (1884-?), тираспольский мещанин, русский подданный, надзиратель, ранее бухгалтер в банке…». Вышло всего 8 номеров.

Мнѣ очень понравилась одесская публика.

Удивительно живая, веселая, смѣшливая и удивительно уличная.

Улица,—ея столовая, гостиная, залъ, чуть ли не спальня.

У меня получилось впечатлѣніе, будто у одесситовъ нѣтъ квартиръ:

Они всегда на улицѣ.

И улица щедро открываетъ имъ свои объятія; улица поитъ, кормитъ, веселитъ ихъ.

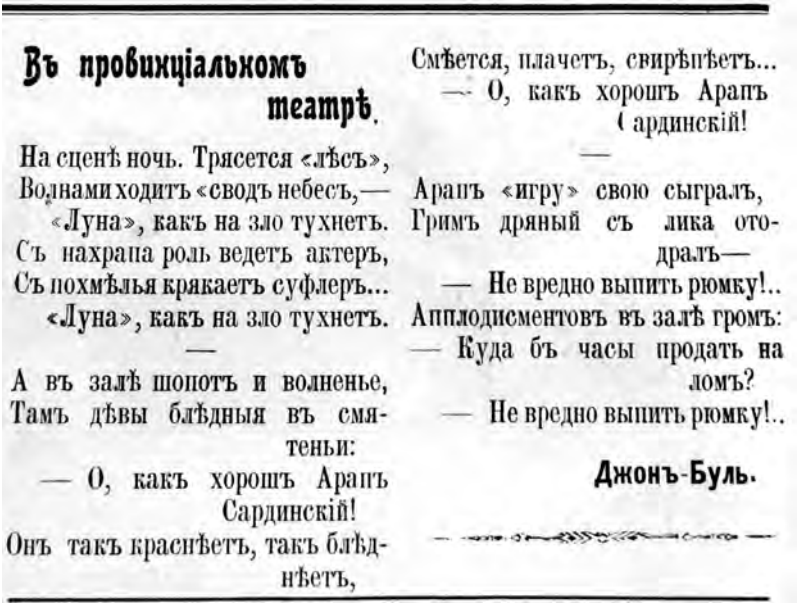
Яркая, блестящая, великолѣпная улица.

Улица—царица, улица—владычица, повелительница, соблазнительница.

Улица создастъ настроеніе, улица будитъ инстинктъ, улица гонитъ на все.

Шикарная, обаятельная, коварная, улыбчивая, манящая улица.

СЦЕНА
Цѣна 2 коп.
ГАЗЕТА ТЕАТРА, ИСКУССТВА, ЛИТЕРАТУРЫ И СПОРТА.
ЕЖЕДНЕВНО.
УБѢДИТЕСЬ!
Просимъ
Требуйте вина т-ва „Карпезъ“
ТРЕБУЮТСЯ
разносчики газетъ.

Въ провинціальномъ театрѣ.

На сценѣ ночь. Трясется «лѣсъ»,
Волнами ходитъ «сводъ небесъ,—
«Луна», какъ на зло тухнетъ.
Съ нахрапа роль ведетъ актеръ,
Съ похмѣлья крякаетъ суфлеръ...
«Луна», какъ на зло тухнетъ.

—

А въ залѣ шопотъ и волненье,
Тамъ дѣвы блѣдныя въ смятеньи:
— О, какъ хорошъ Арапъ Сардинскій!
Онъ такъ краснѣетъ, такъ блѣднѣетъ,
Смѣется, плачетъ, свирѣпѣетъ...
— О, какъ хорошъ Арапъ Сардинскій!

—

Арапъ «игру» свою сыгралъ,
Гримъ дряный съ лика отодралъ—
— Не вредно выпить рюмку!..
Апплодисментовъ въ залѣ громъ:
— Куда бъ часы продать на ломъ?
— Не вредно выпить рюмку!..

Джонъ-Буль.

Что подвигло этого дилетанта ввязаться в столь ненадежное предприятие? Авторитетных авторов, судя по «программным» и полемическим статьям, у него не было. К тому же, в 1912 году в Одессе уже второй год выходила ежедневная многостраничная газета «Обозрение театров» (1911-1917), компактно сброшюрованная в небольшой журнал. Среди ее издателей – опытные журналисты З.Я. Генис и Б.Д. Флит (Незнакомец). Выйти на их уровень оказалось невозможным. Вдохновило, что в Одессе осенью того же года торжественно отмечали 25-летие нового Городского театра? Но общая театральная ситуация в городе была не на подъеме. Увлечение любительскими спектаклями, соперничество театров с модными иллюзионами («...в театрах можно найти свободное место во время спектакля, но в иллюзионах сборы с аншлагом») отвлекали от профессиональной сцены. «Одесский листок» в мае 1912 года отмечал: «Что читают одесситы? ...журналы, посвященные вопросам театра, почти совершенно

не покупаются...». И все-таки г-н Шинкарев попытался сделать театральное издание, привлек профессионального художника для оформления газеты (или использовал рисунок одного из известных в то время – В. Никулина, А. Кобцева, какой-нибудь эскиз М. Соломонова?), обращал внимание своих читателей на талантливых артистов и писателей, находил, с его точки зрения, забавные миниатюры и стихи. Некоторые из этих материалов все же позволяют остановить свое внимание на газете «Сцена» спустя более чем сто лет.

Например, накануне бенефиса в Одессе Бориса Глаголина (1879-1948), известного артиста-новатора, режиссера, драматурга, теоретика театра, одного из первых кинематографистов России, в газете было напечатано большое интервью с ним, которое, кстати, не включено в библиографию. Насыщенная творческая жизнь Б.С. Глаголина была связана со смелыми экспериментальными и зрелищными постановками. При этом он не всегда встречал понимание и зрителей, и критиков. В бенефисном спектакле в Одессе 8 декабря 1912 года артистом была

Театръ Сибирякова.

Бенефисъ Б. С. Глаголина.

„Орлеанская Дѣва".

Итакъ, „Орлеанская Дѣва" сыграна.

И мы беремъ на себя трудъ подвести итоги той шумной буффонадѣ, которая была поднята вокругъ этой пьесы и ея главнаго исполнителя—Б. С. Глаголина.

Мужчина въ роли женщины, да еще такой исторической и великой женщины, какъ Орлеанская Дѣва, явленіе на нашемъ театральномъ горизонтѣ—новое и смотрѣть его первое время какъ—то странно.

И трудно связать два имени—Жанны и Б С. Глаголина въ одно цѣлое—

— Орлеанскую Дѣву.

Что и говорить, сочетаніе удивительное и мало вѣроятное.

И совершенно не соотвѣтствующее не только исторической истинѣ, но и вообще истинѣ.

И мириться съ нимъ трудно и невозможно. Жанна д' Аркъ тѣмъ и велика, что она была женщина.

Только въ этомъ—ея слава.

Съ своей стороны мы также съ трудомъ соглашаемся съ тѣмъ, что мужчина можетъ воплотиться въ женщину.

И врядъ-ли это возможно.

По крайней мѣрѣ, бенефисный спектакль Б. С. Глаголина вполнѣ это оправдываетъ.

Г. Глаголинъ—артистъ талантливый, артистъ рѣдкій, съ крупнымъ и сильнымъ дарованіемъ.

Его игра—истинное наслажденіе для зрителя.

Это даже не игра, а какая—то дивная, чудная сказка, которую слушаешь съ затаеннымъ дыханіемъ.

Но роль Жанны вышла тѣмъ не менѣе у г. Глаголина не совсѣмъ удачной.

И въ этомъ отношеніи ему не помогъ даже его исключительный по своей силѣ и яркости талантъ...

Въ этомъ спектаклѣ, въ день своего бенефиса, Б. С. Глаголинъ значительно уступилъ тому Б. С. Глаголину, котораго мы видѣли въ „Перъ Гюнтѣ", „Любви въ 17 лѣтъ" и др. пьесахъ.

Сравнительно хорошо проведена роль Тибо д' Аркъ М. С. Боринымъ.

Удачно справилась съ ролью Агнессы Сорель Л. М. Шаланина.

Очень слабъ въ роли Раймонда Рауля В. Е. Валентиновъ.

Поставлена пьеса очень хорошо. Декораціи написаны красиво и вполнѣ соотвѣтствуютъ характеру пьесы.

Бенефиціантъ имѣлъ шумный успѣхъ.

Ол. Владиміровъ.

предложена роль Иоанны в «Орлеанской деве» Шиллера (постановка Н. Евреинова в Суворинском театре). Газета «Сцена» написала: «...шумный успех и цветы после каждого акта... Доказал, что перевоплощение в женщину возможно. Победил, хотя были сомнения».

Композиторъ въ кровати.

Композиторъ Россини отличался многими странностями въ своей частной жизни.

Такъ, напримѣръ, онъ отличался необычайной лѣнью. Онъ могъ 48 часовъ подъ-рядъ оставаться въ постели и, вообще, никогда не вставалъ ранѣе послѣобѣденнаго времени.

Значительную часть своихъ композицій онъ написалъ въ спальнѣ, лежа въ кровати. Рядомъ съ его кроватью въ спальнѣ стоялъ столикъ, на которомъ лежала нотная бумага.

Утромъ, пробуждаясь отъ сна, Россини часто протягивалъ руки къ столу, ощупью бралъ съ него бумагу и дѣлалъ наброски будущихъ произведеній.

Однажды онъ проснулся утромъ и, едва придя въ себя, набросалъ превосходный дуэтъ, который ему только что пришелъ въ голову.

Къ несчастью, тетрадь нотной бумаги вывалилась у него изъ рукъ и скатилась на полъ.

Россини былъ настолько лѣнивъ, что ни за что не всталъ бы съ постели, чтобы поднять упавшую тетрадь.

Но Россини вышелъ изъ затруднительнаго положенія. Онъ взялъ вторую нотную тетрадь и набросалъ новый дуэтъ, совершенно не похожій на тотъ, который онъ только что началъ набрасывать.

Однако известный одесский журналист Альцест (Е. Генис) в «Одесском обозрении театров» был не столь благодушным: «Гора родила мышь… Просто блажь, и разбираться в ней серьезно не стоит…».

Заметим, что именно в 1912 году имя Бориса Глаголина было включено в английскую театральную энциклопедию, а она удостоила такой чести в то время лишь тринадцать деятелей русского театра. Забегая вперед, скажем, что противники все-таки вытеснили мастера из «цеха», несмотря на то, что он много играл и ставил в 20-е гг., в частности, в Одессе

Тоска по искусству.

Руссшй театральный міръ погруженъ сейчасъ въ глубокій траурь: не стало искусства.

Не стало, умерло то священное пламя, которое еще такъ недавно бросало вокругъ себя лучезарный отсвѣтъ. Угасли ослѣпительные ...

Велекихъ боговъ они наряжали въ шутовской «Хорошо сшитый фракъ» и выставляли ихъ на позоръ и глумленіе толпы.

Прекрасное, какъ ранняя весна, искусство умерло.

...ная американская бухгалтерія и для развлеченія, полная колода картъ бабки Наполеона, съ обозначеніемъ, прежде полтинникъ, теперь пять копѣекъ, пользуйтесь случаемъ! Руководство для хозяекъ, вегетаріанская кухня!

— Господа! разойдитеся пожалуста! Ну, ей Богу же, что за народъ такой безпардонный. Прошу васъ, пожалуйста, а то честью буду просить... Вѣдь человѣкъ больной, ему воздухъ нуженъ!..

— Г. городовой? А что, карету вызвали?

— Ну, а какъ же! Что же я не знаю своего дѣла?!..

— Что же такъ долго, ея нѣтъ?

— А какое ваше дѣло? Разойдитеся!!

— Довольно совѣстно, господинъ, лѣзетъ прямо на ноги, а еще въ котелкѣ...

— Левъ Григорьевичъ! Что это такое?

— А чортъ ихъ знаетъ! У насъ можетъ собраться толпа, если въ автомобиль наливаютъ бензинъ... Меня оторвали отъ дѣла, вотъ уже минутъ 20 стою, и не могу добиться толку... Кажется, кто-то, кого-то рожаетъ въ вагонѣ...

— Пойдемте, Наталія Ивановна, пойдемте; здѣсь ничего такого подобнаго нѣтъ!.. Пардонъ! У васъ гребенка упала.. Я сейчасъ подниму. Осторожнѣй, сиволапый, куда тебя, чортъ угораздилъ! Видишь, дуракъ, раздавилъ сапогомъ?!

— Глазами то вижу, а въ сапогѣ у меня глазъ нѣтъ! Вотъ въ чемъ бѣда-то ..

— Дуракъ!

— Жаль, что ты чиновникъ, а то я бъ тебѣ показалъ, какой я дуракъ!

— Да оставьте, господа, тамъ женщина кончается...

— Ахъ, бѣдная...

— Что это случилось?

— Да, вотъ тутъ, шла мамка, а народъ, конечно, напираетъ, ну, а у нея ребенокъ и сейчасъ значитъ она его уупустила, а какой-то пьяный сапогомъ голову ему и раздавилъ, ну, вотъ, сейчасъ въ вагонѣ въ чувство и приводятъ!..

— Кого, ребенка?

— Нѣтъ, мамку!..

— Говорятъ, она опять въ положеніи?

— Нѣтъ, это другая, жена кондуктора...

— Городовой! Васъ господинъ околоточный спрашиваютъ...

— Чего изволите, ваше бл-іе?.

— Что это у тебя?

— Такъ что, значитъ, стою я на постѣ и вдругъ слышу въ душѣ раздирающій, ритуальный крикъ, я, конечно, поспѣшилъ къ мѣсту происшествія, и нашелъ женщину, въ послѣднихъ градусахъ интереснаго положенія!!.

— Ну, а за докторомъ послали?

— Такъ точно! Карету вызвали въ ближайшей аптеки!. Да вотъ, ваше благородіе, и карета трубитъ...

Толпа хлынула къ вагону. Кое-какъ докторъ попадаетъ въ вагонъ.

— Кто роженица? Вы?

— Какъ вамъ не стыдно! У меня мужъ старшимъ механикомъ на пароходѣ...

— Г. докторъ! Вотъ эта женщина, только она безъ сознанія!

— Мадамъ! мадамъ! Да она просто спитъ.

— Послушайте!

— Что такое?..

— На какомъ мѣсяцѣ?

— Что такое?..

— На какомъ мѣсяцѣ, говорю, беременна?

— Что ты, безстыдникъ такой, грѣхъ тебѣ обижать старуху, у меня уже внуки такіе, какъ ты, а ты такія слова...

— Да вѣдь вы жаловались на схватки въ животѣ ..

— Ну, такъ что же, просто была у кумы, тамъ закусила, ну, у меня и схватило животъ... Нѣтъ-ли у тебя, родимый, какихъ нибудь капель!

Вл Хенкинъ.

...ю.

...тетъ долженъ имѣть свой собственный...

— Инструментъ! Для скрипача это—скрипка. для актера—Театръ.

— Но мы видимъ артистовъ, играющихъ великолѣпно въ театрахъ и не принадлежащихъ имъ?

Но если бы вы могли посмотрѣть этихъ артистовъ въ ихъ собственныхъ театрахъ, то поняли бы, какъ много теряетъ истинный артистъ, играя подъ чужую дудку или на чужой дудкѣ. Счастье, если антрепренеръ не врагъ самому себѣ, а его труппа культурна и относится съ уваженіемъ къ артистическому авторитету «актера съ именемъ»,—иначе отъ такого несчастливца вскорѣ остается только одно имя...

— Не скажете-ли вы что-нибудь по поводу вашего бенефиса?

— Я хотѣлъ бы спросить одесскую публику, почему она не покупаетъ билетовъ на этотъ бенефисъ?

— Мнѣ говорили, что всѣ билеты уже проданы?!

— Надъ вами пошутили. Вѣрнѣе было бы сказать, что всѣ билеты непроданы...

— Можетъ быть, слишкомъ дорогія цѣны?

— Совсѣмъ нѣтъ. Самыя умѣренныя, особенно если принять во вниманіе, что двѣ трети сбора поступаютъ въ пользу антрепризы. Мои бенефисы въ Петербургѣ давали до семи тысячъ, а здѣсь полный сборъ разсчитанъ на 2000.

— Вѣроятно, практичные одесситы хотятъ подождать, пока „Орлеанская Дѣва" пойдетъ по уменьшеннымъ цѣнамъ?...

— Да, но, по всей вѣроятности, я сыграю эту пьесу только одинъ разъ: прежде всего потому, что это не такъ ужъ просто, какъ думаютъ „практичные" люди,—роль Іоанны требуетъ необычайнаго одушевленія и совершенно неутомленнаго голоса. А во вторыхъ, кажется, что своимъ бенефиснымъ спектаклемъ я распрощаюсь съ Одессой...

— Почему?

— Антреприза, судя по анонсамъ, переходитъ на гастрольную систему,—такъ пусть ужъ гастролируютъ безъ меня.

Бѣдный Іорикъ.

О еврейскомъ театрѣ.

Быть или не быть?

Вопросъ о существованіи еврейскаго народнаго театра долгое время, да и еще понынѣ, занимаетъ умы наиболѣе чуткой части еврейской интеллигенціи. Были и надлежащія начинанія въ этой области, но всѣ они неизмѣнно кончались крахомъ. И на вопросы о причинахъ краховъ отвѣты были разные. Одни винили во всемъ отсутствіе серьезнаго репертуара, забывая, что предложеніе возможно лишь при наличности спроса; другіе жаловались на ...

Недоразумѣніе.

У остановившагося вагона электрическаго трамвая собирается толпа народа.

— Что это такое?

— А кто его знаетъ, говорятъ, что тяжелая женщина разсыпается въ вагонѣ...

— Не, дядинька, она не тяжолая, съ одной скамейки на другую кондукторъ одинъ переносилъ...

— Да, нѣтъ, я не про то...

— А про что?

— У, пострѣленокъ! Не твоего ума дѣло!

— Видишь, Яшенька, какъ не хорошо мѣшаться въ старшихъ...

— Ужъ не говорите, нынѣшніе дѣти, одно безобразіе. Я такъ рада, что у меня ихъ нѣтъ.

— Да васъ никто про это не спрашивалъ!

— Я не съ вами и разговариваю! Нахалъ!..

— Са-а-а-хара! Мо-о-роженаа!!

— За десять копѣекъ, пол-

он поставил «Мандат» Н. Эрдмана (1925), «Много шума из ничего» Шекспира (1927), а также увлеченно работал в кино. К сожалению, потом в США его ожидало неудачное продолжение карьеры…

В первом номере газеты «Сцена» явно для привлечения читателя была помещена юмореска Хенкина «Недоразумение». Текст ее можно сегодня не перепечатывать и оставить «в своем времени». Не смешно. Хотя Владимир Яковлевич Хенкин (1883-1953) действительно знаменитый комик, который с 1911 года много работал на эстраде, и ему были подвластны, как писали о нем, все жанры – от куплетов до драмы. Особенно удавался ему бытовой рассказ, и он насыщал его темпераментным общением со зрительным залом. С 1912 по 1914 годы Хенкин активно работал в Одессе, где, по общему признанию, шлифовал свой сценический образ городского обывателя, читал Аверченко, Тэффи, Зощенко, а также свои миниатюры. Однако газетная публикация не могла передать обаяния артиста, и это не было учтено. Зрители же очень любили выступления Хенкина. В книге Владимира Галицкого «Театр моей юности» (1984) есть, например, очень убедительные для меня слова: «Хенкин на эстраде не так рассказывал, как показывал – изображал действующих лиц со всеми оттенками характерности и повадок… Существуют прекрасные актеры. Но существуют любимые актеры. Их недостатки, ошибки можно сознавать, но от этого к ним не меняешься. Увидев Хенкина в детстве, я полюбил его на всю жизнь, целиком, такого, как он есть, с его бесконечным обаянием, юмором и необыкновенной способностью создавать радость и веселье. Достаточно ему было выйти на сцену, как настроение зрителей подскакивало на несколько градусов…». На собственном опыте могу вспомнить Михаила Водяного, которого, нужно сказать, не все зрители принимали и постоянно указывали на недостатки его дикции и скромные вокальные данные. Но и очень многие (и не только в Одессе) ценили неповторимость его таланта, умение «взять зал» буквально с первой же реплики. Моя зрительская любовь к этому артисту и благодарность не ослабевают с годами…

КОНЦЕРТЫ.

Концертный сезонъ въ полномъ разгарѣ...

Всѣ таланты пущены въ ходъ.

Не поютъ только глухонѣмые, не играютъ только безрукіе, не танцуютъ только безногіе, и не устраиваютъ концертовъ только безголовые

Обладатель даже самаго скромнаго таланта, извѣстнаго только знакомымъ да родственникамъ, не можетъ быть увѣренъ, что въ одинъ прекрасный день не явятся къ нему пригласители.

— Спойте у насъ что-нибудь!

— Да я, собственно говоря, не пою. Я, собственно говоря, рисую, и то немножко.

— Ну, рисованіе намъ не подходитъ. Вы должны что-нибудь спѣть.

— Извините, но, вѣдь, я никогда въ жизни не пѣлъ.

— До сихъ поръ не пѣли, а вотъ для насъ и споете!

Если вы случайно согрѣшили разсказикомъ въ газетѣ, то вы обречены.

Къ вамъ пріѣдутъ двое: студентъ и барышня.

Барышня будетъ толстенькая, розовая, въ темной блузкѣ и шляпкѣ колпачкомъ.

Студентъ будетъ румяный, потертый и сконфуженный.

Если вы дама, за вами пришлютъ двухъ студентовъ, бритыхъ, и въ чистыхъ воротничкахъ, потому что, по мнѣнію устроителей, передъ двумя бритыми студентами женскому сердцу труднѣе устоять, чѣмъ передъ однимъ небритымъ.

Одинъ изъ пригласителей будетъ васъ уговаривать, другой—изображать толпу, то есть шаркать ногами, хохотать и говорить на разные голоса.

— Да ужъ, пожалуйста.

— Нѣтъ, ужъ мы вполнѣ надѣемся.

— Да ужъ... нѣтъ ужъ... нѣтъ ужъ... да ужъ...

— Видите ли, я принципіально никогда не выступаю...—слабо обороняетесь вы.

— Помилуйте, ради такой цѣли можно сдѣлать исключеніе. Сборъ пойдетъ цѣликомъ въ пользу вдовъ и сиротъ членовъ общества любителей опыленія комнатныхъ растеній.

— Да ужъ... нѣтъ ужъ...

Потомъ въ назначенный вечеръ, и непремѣнно въ такой, когда вамъ предстоитъ что-нибудь очень интересное, за вами пріѣдетъ растерянный студентъ въ каретѣ, запряженной парой дохлыхъ лошадей, управляемыхъ давно умершимъ извозчикомъ.

Мертвые сраму не имутъ и потому тащатъ васъ полтора часа на сосѣднюю улицу.

Дверцы кареты всегда бываютъ съ секретомъ и ни за что не хотятъ открываться, когда вамъ нужно влѣзать или вылѣзать. Зато во время пути онѣ, точно сговорившись, открываются обѣ сразу, и успокоить ихъ нѣтъ никакой возможности.

Растерянный студентъ можетъ ходить только по вашему шлейфу,—такъ ужъ онъ дрессированъ. Въ каретѣ онъ ѣдетъ не иначе, какъ сѣвъ на вашъ вѣеръ и поставивъ каблукъ на вашу ногу. Но объ этомъ нужно молчать, потому что если онъ пошевелится, онъ выколетъ вамъ глазъ или вывалитъ васъ на мостовую.

Подъѣхавъ къ мѣсту назначенія, вы выламываете при помощи дворниковъ дверцы кареты, потому что онѣ ни за что не откроются. Потомъ студентъ треснетъ васъ по лбу входной дверью, и въѣдетъ на вашемъ шлейфѣ вверхъ по лѣстницѣ.

Въ артистической окажется, что студентъ забылъ ваши ноты, если вы пѣвица, или вашу книгу, если вы должны читать.

Онъ схватится обѣими руками за голову и, вывернувъ на васъ стаканъ лимонада, поскачетъ за забытыми вещами, а къ вамъ подойдетъ распорядительница и станетъ склонять васъ на всякія глупости: что вы пѣли безъ нотъ, читали безъ книги и вообще осрамились передъ публикой, какъ могли.

Наконецъ, растерянный студентъ привезетъ, что нужно и васъ вытолкнутъ на эстраду.

Вы исполняете свой номеръ и смотрите на публику.

Въ первомъ ряду сидятъ почетные старики и старухи. Имъ скучно, душно, хочется спать.

Стариковъ рѣжетъ крахмальный воротничокъ, мучаетъ изжога, хочется икать, да нельзя.

Старухъ давитъ корсетъ, и жметъ подъ мышками парадное платье.

Всхрапнуть бы хоть полчасика, да нельзя.

Онѣ таращатъ на васъ глаза, чтобы не заснуть, и недовольно морщатся, зачѣмъ вы имъ спать не даете.

„Милыя старухи,—думаете вы.—Я не виновата: мнѣ, вѣдь и самой нелегко".

А старухи отвѣчаютъ глазами:

— Тарахтитъ, тарахтитъ, сама не знаетъ, что. Шла бы лучше спать и людямъ бы покой дала.

Въ глубинѣ зала томятся кавалеры и барышни, которымъ хочется поскорѣе потанцовать.

Вотъ вы закончили вашъ номеръ, и всѣ они такъ рады, что искренно апплодируютъ.

— Слава Богу!—отшлепываютъ ихъ ладони.—Слава Богу, сейчасъ все кончится, и будемъ плясать.

„Слава Богу!—думаете вы.—Отзвонила — и съ колокольни долой".

Но распорядители и слышать не хотятъ, чтобы отпустить васъ. Еще такъ рано, а другіе исполнители не пріѣхали. — ну, что вамъ стоитъ! Ну, еще хоть нѣсколько словъ!

Тяжело вздохнувъ, вы выходите снова.

Старухи жуютъ губами, старики заводятъ глаза такъ, что только бѣлки видны.

— Я не виновата! Бейте меня, но я не виновата!

А на улицѣ ждутъ сдохнувшія лошади, и тихо стынетъ на козлахъ давно умершій извозчикъ.

А дверца кареты раскрыта настежь.

Кто знаетъ, — можетъ-быть впустивъ васъ, она захлопнется и уже никогда, никогда не выпуститъ васъ снова.

Тэффи.

(„Р. Сл.").

Что, безусловно, порадовало в газете «Сцена», так это публикация смешного талантливого рассказа Тэффи «Концерты», вернее, перепечатка его из популярной ежедневной газеты «Русское слово». В то время это издание редактировал Влас Дорошевич. Тэффи печаталась там с 1910 года. Она была известна и любима читателями. Потом в разные годы выходили книги рассказов, воспоминания популярной во все времена писательницы. Многие из этих книг есть в фондах ОННБ, но рассказ «Концерты» почему-то не вошел ни в одну.

Надежда Тэффи

Минуло более ста лет. Многое изменилось. Старая одесская периодика и, в частности, газета «Сцена», рассказывают о других войнах, увлечениях горожан катанием на аэропланах, «белых балах» в зале биржи и т. д. Тут же мелькает знакомое ироничное замечание о том, что «приведение улиц в порядок после дождей и оттепели в Одессе предоставляется солнцу» (актуальное по сей день, не так ли?). Наше время добавит свои нюансы. И через сто лет одесситов, вероятно, позабавят городские периодические издания начала нынешнего века.

Тина Арсеньева

Там, где камень дышит и помнит

Камень и железо – плоть Толедо: сурового и величавого города, по праву считающегося олицетворением испанской духовности. Города, чья история зафиксирована летописцем в 192 году до Рождества Христова, когда вошедшие сюда римские легионы заняли крепость на скалистых обрывах речки Тахо и дали крепости название Толетум. Свидетельство этим событиям – развалины «цирко романо» в одном из городских парков…

В VI веке Толетум становится столицей христианского вестготского королевства и архиепископским центром. Вестготские храмы Святого Себастьяна, Святого Луки, Святых Иустины и Руфины прекрасно сохранились до наших дней. В 711 году на Иберийский полуостров врываются мусульмане из Северной Африки: начинается эпоха мавританского владычества – как теперь отмечают, эпоха веротерпимая и этнически толерантная. Но внутри всеобщего якобы согласия вызревала и подступала с севера Реконкиста – Отвоевание: в 1085 году бывший Толетум, а ныне арабскую Толайтолу, освобождают от мусульман войска Альфонсо VI, христианского короля Кастилии и Леона. Войска во главе с Сидом Кампеадором – Воителем: да, тем самым, о котором «Песнь» и голливудские блокбастеры. Сид становится комендантом освобожденного Толедо. А вам, если повезет, сегодня покажут, во-первых, развалины замка Сида на холме в окрестностях города, а во-вторых, храм в древнем, от римлян еще, городке Оргас: в этой церкви Сид венчался со своей Хименой…

Толедо зовется «городом трех культур»: вестготской, мавританской и еврейской. Еврейский фермент, тоже еще от эпохи римлян, всегда был силен в этом городе, поэтому нынешние жители

его, честное слово, очень напоминают одесситов – и внешне, и повадкой. Обширный район Толедо со стороны крепостных ворот Камбрун («Крушинных») по сей день называется Худерѝя: Еврейский. В Средние века, вплоть до депортации королевой Исавелью Католичкой в 1492 году не пожелавших креститься арабов и евреев, здесь был, считается, самый шикарный квартал города. Ныне он отмечен там и сям вмонтированными в мостовую и стены маленькими кафелинками с еврейской символикой. А также музеями, носящими странные названия: Синагога Марии «Белая» и Синагога дель Трансито – «Успенская». Понятно, почему: по изгнании евреев синагоги были превращены в христианские часовни, посвященные, натурально, Богородице.

В этом же районе – Дом-музей Эль Греко, стена к стене с «Успенской» синагогой. На самом деле Эль Греко в доме этом не проживал, а имел дом поблизости, который не сохранился. А здание нынешнего музея принадлежало главе еврейской общины Самуэлю Ха Леви, который жил в XIV веке и был, как говорит предание, казначеем молодого кастильского короля Педро Жестокого. Самуэль Леви построил на свои средства ту синагогу, которая теперь «Успенская», и одновременно Музей культуры сефардѝ, иберийских евреев. Тут история своеобычная. Изгнанные с Иберийского полуострова – Сефарада – евреи, будучи рассеяны по Средиземноморью, сохранили в обиходе старокастильский язык и… никакого, вообразите, «в следующем году в Иерусалиме»: душа сефарди страстно устремлена к обетованному Сефараду.

Долг еврейскому народу выплатил каудильо Франсиско Франко, отрядив во время второй мировой войны морские транспорты и собирая у себя в стране евреев, чтобы спасти их от Гитлера. По скромным подсчетам, спас 60000 человек. Называют цифры до 250000 – никто ведь скрупулезно не подсчитывал.

Так вот, о Музее Эль Греко: в начале XX столетия дом был приобретен и реконструирован меценатом, маркизом Бениньо Вега-Инкланом. Маркиз выполнил также реконструкцию интерьеров эпохи Возрождения и подарил здание городу в качестве Дома-музея Эль Греко. Здесь находится постоянная экспозиция работ художника, чей византийский гений был вдохновлен суровым католическим духом Толедо и явил миру взрывную

экзальтацию, выраженную в столь дерзких пластических формах, с полным пренебрежением анатомической логикой во имя экспрессии, что, наглядевшись на картины, с немалочисленными, кстати, авторскими повторами, только и молвишь в задыхающемся восторге: «Хулиган!..».

Родриго Диас де Бивар, он же Сид. Доменико Теотокопули, он же Эль Греко. Третья грандиозная историко-культурная персона – Мигель де Сервантес. На площади Сокодовер – искаженное арабское словцо: «Скотья площадь», место средневекового рынка, – за Аркой Крови, говорят, жива та гостиница «Севильянец», которая фигурирует в новелле «Высокородная судомойка» и в которой проживал сам автор…

Когда тебе в Государственном архиве Ла Манчи – режимное, к слову, предприятие, туристов не пускают – выносят подлинник нотариального документа с собственноручной подписью: Доменико Теотокопули, – и позволяют сфотографировать, это, согласитесь… Как проникла? Подружилась с фотографом Толедского горсовета Агустином Пуйг Санчесом. И еще показывают старинный громоздкий сейф красного дерева. Архив как европейский архив: ряды бронированных сейфов с электронными замками, а тут – нечто из мебельного обихода предков, и вот в нем-то самые хиты Истории: документы императоров Карла Пятого и Филиппа Второго. А вот тут на столе – фотоснимки персонажей Гражданской войны, о которых «краткий курс» истории – ни гу-гу…

«Похороны сеньора Оргаса»: на Графской площади – музей одной картины, под коей в полу – могила сеньора, прославленного гением с Крита. Графом Оргас не был: графский титул был пожалован его потомкам. Был сеньор де Оргас, Гонсало Руис де Толедо, королевским нотариусом и умер в 1323 году, славный своей благотворительностью. Дабы побудить к оной неблагодарных потомков, заказана была картина художнику Эль Греко, который пошел на явный анахронизм, изображая в сцене чуда на похоронах – своих современников. И вот этот мальчуган слева, с факелом в руке, вырастет и станет архитектором, и возведет изумительный купол толедского кафедрального собора Успения Марии, а также стройные башенки горсовета напротив: сынишка, Хорхе Мануэль Теотокопули…

…Ныне Толедо, бывшая до 1561 года столица Испании, является областным центром провинции Кастилия-Ла-Манча. В городе около 85 тысяч жителей – планировали привлечь молодежь недорогим жильем, которое, вообще-то, в Испании большая проблема, да задумку перебил кризис 2008 года, от которого Испания, с ее опорой в экономике на строительную отрасль, пострадала первой и едва ли не сильнее прочих стран.

С 1987 года историческое ядро Толедо – в Испании зоны исторической застройки называются «Каско» – целиком включено в Список мирового культурного наследия ЮНЕСКО. Кстати, еще повод для похвалы Франко: сей диктатор строжайше запретил новостройки в исторических зонах городов Испании. Благодаря чему Испания – чуть ли не самая законсервированная в своем средневековом облике страна Европы. Толедо – воплощенная машина времени. Кондиционированное и моторизованное Средневековье…

А еще, вообразите, они, толедане, называют себя – Город мастеров. Железо, камень и… глина. Глина, проложенная камнем, – местная почва, так что приходишь в недоумение: а где же плодородный слой? Суровая и, признаться, скучная полупустыня – равнина Ла-Манчи, пересеченная цепями холмов и внезапно обрывающаяся в долину Тахо страшноватыми скалами. В Ла-Манче вам с гордостью сообщат, что вот тот ручей летом – не пересыхает. Маловодная, страдающая от многолетних засух земля. Природа, говорящая человеку: «Пошел вон!». Глина: знаменитая керамика, особенно в историческом ее центре – городке Талавера-де-ла-Рейна.

Золотая нить Толедо: искусство дамаскинадо, – эксклюзив, только здесь! Нечто среднее между выколоткой и чеканкой, когда нить из золота толщиною в человеческий волос вколачивается в стальную пластину: без предварительной разметки, только по направляющим осям, возникают сложнейшие изысканные орнаменты, готические, арабские, еврейские, – чтобы затем подвергнуться обжигу. Весь первый этаж Каско-де-Толедо – слепящ: мерцают золотые блюда и ювелирные украшения. Дамаскинадеры жалуются, что молодежь не стремится перенять их древнее ремесло: больно кропотливо, а европейский турист прижимист…

Оружие. Теперь, конечно, сувенирное – и к вящей славе Фабрики грез. «Пираты Карибского моря» и «Последний самурай», «Властелин колец» и «Царство Небесное»: весь их металлический реквизит – из толедских мастерских. Недавно в витрины скромненько добавилась еще одна афишка: «Хоббит».

Улица Бисквитной Печи. Улица Токарная. Улица Седельщиков. Оружейная… Соли…

…Ушами – знала: архитектура – первична. Ну да, конечно, в курсе истории искусств изучали-с. Но вот уж десять лет, с тех пор как завязался мой бурный роман с Толедо и Испанией, знаю – шкурой. Культура, говорите? Так вот, культура, раньше и глубиннее всего – это обустройство среды обитания. Именно в нем всего выразительнее сказывается творческий гений народа. Прочее: живопись, театр, словесность, даже, страшно произнести, музыка – вишенки на торте.

И если уж приврал вдохновенный классик про не такую уж грандиозную реку Днепр: «Пышный! Ему нет равной реки в мире!» – то и я привру про Толедо: величавый, и нет в мире города, подобного ему. Толедо поразителен своей монументальной целостностью: как будто высечен из единой каменной глыбы, и грозный каменный громозд нависает над тобой, едва пройдешь подворье головной кремлевской башни – Новой Бисагры, с ее колоссальным гранитным двуглавым габсбургским орлом, гербом Толедо. Монастырь здесь – градообразующая величина. К монастырским стенам лепится рядами-улицами жилая застройка: горнее и мирское неразъемны, и сумрачный Каско-де-Толедо несет в себе мистическую тайну, вековую энергетику намоленного пространства…

Святая Тереса Иисуса: Тереса Великая, Тереса Авильская – это Толедо. Святой Иоанн Креста, которому посвятил композицию Сальвадор Дали: Сан Хуан де ла Крус, один из величайших поэтов эпохи Возрождения – это Толедо.

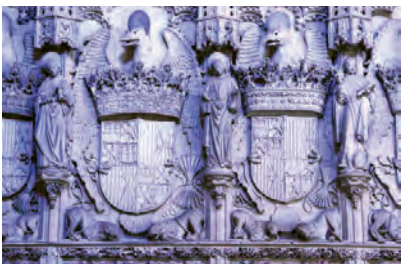
И подумать лишь: время не щадит ничего, ценности вечны, покуда мы живы… или не вечны. Толедский кремль к 20-м годам XX века был – груды камней. Возведен заново! Да, перед вами – считайте, реконструкция. Но… камень жив и помнит: прижмись щекой и вслушайся.

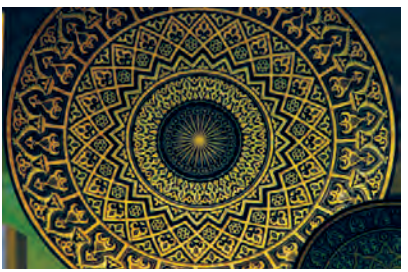
Успенский кафедральный собор

Улица Санта-Исавель

Фриз Св. Иоанна Королей

Дамаскинадо де Толедо

Алькасар и монастырский район Канделярия – Сретенье

Храм Святой Леокадии. Здесь похоронен Эль Греко

Монументальный Толедо. Монастыри

Худерия, улица Ангела

Я люблю кривые и покатые расщелины-закоулки нетуристического, не демонстративного Толедо, в которых ориентируюсь лучше местных жителей. Планировка города подобна кольчужному плетению или паутине: куда бы ни свернул, опишешь большой или малый круг и вернешься в исходную точку. В полумраке монастырских переходов прячутся маленькие истертые временем каменные ангелы. Какой-нибудь архитектурный фрагмент грандиозного грузного строения вдруг поразит тебя утонченностью отделки. Это – местный стиль мудèхар: мавританский. С декоративным сочетанием кирпича, гранита и песчаника в стенной кладке.

…Пламенеющая готика Успенского кафедрального собора: вошел – и словно ввысь за волосы рванули. В центральный неф свободно впишется наша двенадцатиэтажка. Наслоение стилей: готика, ренессанс, барокко, классицизм – абсолютно аутентично, и при всех привнесенных разностильных элементах собор не потерял своего цельного «пламенеющего» облика. Обходя этот гигант, вы будете видеть лишь подпорную стену, порталы да главный фасад. Тело собора со стрельчатыми окнами видимо лишь из-за реки – со знаменитой Дороги Долины, откуда открывается панорама Толедо: почти нереальная, напоминающая искусно сработанный театральный макет, – вот протяни руку и возьми домик. Панорама эта станет вам сниться. Мало в мире таких картин, разящих в самое сердце своей довершенной пластической гармонией: «Какая глубина! Какая смелость и какая стройность!». Вся Испания – это «эчо а мано»: сделано вручную. И вся она – любовь.

Музейно-церковная утварь Успенского собора – предмет хрестоматийного репродуцирования: французская статуя Белой Богородицы XIV столетия; потрясающая деревянная резьба на евангельские сюжеты грандиозного Ретббло – алтарной стены; резные ореховые кресла с «глориозной» и «преисподней» частями, изделия мастера Родриго де Алемана, выполненные в XV веке; алтарные решетки. И золотая (18 кило чистого золота, 183 кг позолоченного серебра) Кустодия – Дарохранительница, на украшение которой королева Исавель Католичка пожертвовала 5600 драгоценных камней из своего наследства… и которую я, ей-ей, раньше знала по учебникам истории декоративно-прикладного искусства.

…Европа мы, говорите? Успокойтесь. Я вот с 2006 года твердо знаю, что – нет. Иная цивилизация-с. Ничего зазорного. Я бы пламенным евроинтеграторам предъявила один объект, один-единственный: толедский готический собор Сан-Хуан-де-лос-Рейес – Святого Иоанна Королей. Если он не отрезвит, не даст ощутить сугубую чуждость их византийского замеса – вот этому готическому миру, миру розы и креста, камня и железа – ну, считай, увы, скорбные главою.

Сан-Хуан-де-лос-Рейес, с его утонченными резными фризами белого камня, с его статуями святых и королей в клуатре, его химерами, в которых – окаменевший усмешливый фольклор, ангелы и жонглеры, монахи и звери невиданные… о, эти музыка и словесность в камне! Эти преданья старины глубокой, нас не касающиеся. Мы, с присущей нам пресловутой всемирной русской отзывчивостью, вообразили, что все это тоже – наше. А здесь – и не смотрят в нашу сторону, уверяю вас. Здесь нутром постигаешь, сколь относительны все и всяческие культурные ценности. Вот эти потомки Розы и Креста – они ведь без Достоевского и Цветаевой обходятся, и даже, кощунственно сказать, без Велимира Хлебникова, Председателя Земного Шара, ага. И ничего, считаются культурными людьми.

А мы… нам бы в погоне за евроценностями свои собственные не растерять. Держись за свое, ребята. Крепче! Я в Толедо приезжаю и говорю: я из Одессы, здрасте. Одесса – это они знают. Приятно же!..

P. S. А номера «Дерибасовской – Ришельевской» и «Всемирных одесских новостей» уже занесены в каталог Государственной библиотеки Ла-Манчи, находящейся в Алькбсаре – бывшем королевском дворце…

Фото автора

Георгий Голубенко

Чижик-пыжик

К тому времени (начало 80-х), когда мы с Георгием Голубенко и Леонидом Сущенко решили совместить писание пьес и прочего с выступлениями на эстраде, наша кавээновская известность уже стала сходить на нет. Но литературная программа называлась у нас «Одесса улыбается», и именно это обеспечило нам на протяжении нескольких лет аншлаги во многих городах страны: от Бреста до Кемерово. Люди шли «на Одессу»; наша же задача была не обмануть их ожиданий.

Вроде бы получалось.

Помню, что читали мы разные тексты: сцены из пьес, специально написанные эстрадные монологи и миниатюры, отвечали на записки, импровизировали.

Публикуемый ниже рассказ был предложен Гариком Голубенко в программу в самом начале. Он читал «Чижика…» сам, читал замечательно, и я помню, как это его мастерское чтение придавало всей программе изысканность и литературный шарм.

Со временем выяснилось, что это вообще был первый рассказ, написанный Гариком. Написанный еще тогда, когда он и не догадывался, что таких рассказов им будет придумано больше сотни.

Один другого краше…

Валерий Хаит

На зятя своего, Борю, Серафима Павловна пожаловаться не могла. Зять был непьющий, добрый, даже пенсию тещину в семейный бюджет не включал. «Вы эти деньги себе на черный день собирайте, мама», – ласково говорил он. И Серафима с грустью думала, что когда этот день настанет, она благодаря Бориным заботам будет богата как никогда в жизни.

Сам же Борис зарабатывал много, хотя еще при знакомстве Серафима никак не могла понять, что это за профессия такая – нападающий, и Аллочке пришлось объяснять ей, что по профессии Боря инженер, но работать он начнет позже, когда кончит играть. А до того времени, объяснял Боря, нужно успеть и одеться как следует, и мир посмотреть, и квартиру обставить мебелью…

– Так ведь она у нас и так обставлена, – искренне удивлялась Серафима. – Вот шкаф стоит, кровать, пианино, этажерка, и еще есть три стула, просто их сейчас не видно, потому что мы на них сидим!..

– Ах, мама, – задушевно отвечал Боря, – может быть, это и кровать или, как вы говорите, этажерка, но только все это не мебель. Мебель – это совсем другое! Ну ничего, положитесь на меня, и через пару лет вы свою собственную квартиру уже не узнаете…

За каждый забитый гол зятю платили премию, и играл он, пока собирали на мебель, очень результативно. Первой из квартиры исчезла кровать, которую Серафима подарила Аллочке в качестве приданого, – и в тот же день Боря привез из магазина ящик, в котором оказалась дюжина полированных досок, огромная плюшевая подушка и примерно полведра шурупов устрашающего размера, вымазанных машинным маслом.

Появление этого добра Серафима встретила спокойно – в конце концов, спать на этих шурупах предстояло не ей. Значительно тяжелее было расставаться со старым трехстворчатым шкафом. Он напоминал молодость и уютные вечеринки с чаем, семечковой халвой и соседями. На этих вечеринках у каждого был свой «номер», в том числе и у шкафа: в самый разгар веселья, когда сосед Эдуард Евтихиевич начинал рассказывать леденящие душу истории про покойников (он был сторожем на кладбище и часто сталкивался с ними по работе), дверь шкафа без всякой видимой причины с таинственным скрипом открывалась. Все замирали на своих местах, с ужасом ожидая, что же будет дальше. Но дальше не происходило ничего, и старый шкаф в такие минуты становился похожим на слегка выжившего из ума дедушку, который хотел развлечь гостей веселым фокусом, но помнил его только до половины…

Теперь «дедушку» решили поменять на «Хельгу». Копили на нее довольно долго, и когда до нужной суммы оставалось забить всего один гол, Боря пригласил на матч всю семью. И Серафима видела,

как он забил его, и вся команда обнимала зятя, и тысяча совершенно незнакомых людей на трибунах целовали друг друга, будто радовались, что теперь наконец у Бори будет полный гарнитур.

Утром следующего дня состоялся разговор, которого Серафима давно ждала и боялась.

– Ну вот, – сказал Боря, удовлетворенно оглядев комнату, – а туда мы поставим торшер-бар, – и он указал на угол, где стояло пианино.

– Какой такой «торшер-бар»? – испуганно спросила Серафима, неуверенно выговорив незнакомое слово. – А инструмент куда?! Инструмент куда денем, Боренька?!

– Да поймите, мама, – уговаривал зять, – у нас тахта новая, «Хельга», к нам интеллигентные люди в гости ходят, а тут этот гроб с музыкой! Просто смешно, честное слово… Ну зачем вам эта рухлядь?!

– А этот… торшер-бар нам зачем? – упорствовала Серафима.

– Чтобы вино ставить, – объяснял Боря.

– Так ведь у нас никто не пьет…

– А торшер – чтоб книжки читать, – объясняла Аллочка.

– Так ведь у нас никто не читает…

– Ну, знаете!.. – отрезал зять. – На пианино у нас, слава Богу, тоже никто не играет! И вообще, я уже объявления повесил, сегодня покупатели придут.

И он ушел на тренировку.

– Не расстраивайся, мамуля, – сказала Аллочка и, подхватив на руки двухлетнего Сержика, понесла его на английский.

А Серафима, оставшись одна, начала вспоминать всякое и расстраиваться.

Это было очень давно, как будто в другой Серафиминой жизни. В той жизни была она маленькой девочкой, и был у нее папа, путевой обходчик, человек добрый, но глубоко пьющий. И еще был старый поросший бурьяном сад, откуда летними вечерами доносилась волшебная музыка. Серафима знала, что если в такой вечер пробраться в конец сада, то сквозь щель в заборе можно увидеть, как на веранде соседской дачи играет на пианино молодая женщина. Серафима слушала затаив дыхание. Отец однажды, увидев ее в такую минуту, поклялся бросить пить и на выручен-

ные деньги приобрести инструмент, чтобы она училась. Но в тот же день от радости, что принял столь благородное решение, так напился, что чуть не пустил под откос товарный поезд.

Так что пианино было куплено уже гораздо позже, когда Серафиминой Аллочке исполнилось семь лет, и алиментов, которые накопились за это время, как раз хватило на покупку инструмента.

– Видите ли, – объяснял ей в конце первого учебного года Аллочкин учитель, высокий мужчина с тонкими нервными пальцами виртуоза-неудачника, – теоретически игре на фортепиано можно обучить каждого. Но примерно один раз в сто лет рождается человек, которого учить не нужно. Он и сам все умеет. Например, Ференц Лист. И так же редко рождаются люди, которых тоже учить не нужно, потому что научить их просто невозможно. Например, Аллочка…

Только через много лет опять возникла надежда. Сержик был мальчиком способным. Это стало ясно с первых месяцев. Но зять сразу положил конец всем тещиным планам.

– Значит, так, – определил он, – английский, французский, фигурное катание, бокс – и всё! Хватит. Нечего портить мальчику детство…

В общем, как ни крути, выходило, что пианино в доме уже ни к чему. Но согласиться с тем, что его нужно продать, Серафима Павловна никак не могла. Ну не могла – и всё… «Если кто придет, скажу – продали», – решила она.

И тут ее размышления прервал звонок. За дверью стояла Леська – восьмилетний плод греховной любви черноволосой, похожей на молодую ведьму красавицы дворничихи из их дома. Ведьма с дочкой приехали из села вдвоем всего год назад, но сейчас в дворницкой в ожидании городских квартир уже теснилась вся их многочисленная родня.

– Здрасьте, – сказала Леська. – Я по объявлению. Это вы продаете пианино в хорошем состоянии?

– А ты что же – купить хочешь? – спросила Серафима.

– Та откуда ж у нас гроши? – хитро прищурилась Леська. – Я поиграть хотела, пока вы его не продали…

– А ты умеешь?

– Угу… – серьезно сказала Леська и стала играть.

И Серафима с первых же звуков почувствовала, что сейчас ей предстоит испытать то же самое, что и тогда, давным-давно, в заброшенном саду, оставшемся где-то в ее другой жизни.

– Где ж ты так научилась, Господи? – спросила она, когда все кончилось. – У вас же и инструмента-то нету?..

– Подумаешь! – махнула рукой Леська. – А я стол расчертила. Получилось как клавиши, очень удобно… А потом еще в музыкалке по вечерам…

И она опять начала играть, а Серафима – слушать.

Незаметно подкрался вечер, а когда Леська собралась уходить, Серафима, совершенно неожиданно для себя, вдруг предложила:

– А хочешь, я тебе это пианино подарю?..

– Хочу… – очень тихо сказала Леська.

– Ну так считай, что оно твое…

– Ой, спасибо! – засуетилась Леська. – Так я сейчас сбегаю дядьев позову, чтобы снесли…

– Подожди, – робко попросила Серафима, – ты меня, это… научи играть что-нибудь простенькое, если можно…

– Ну конечно, можно, тетечка, вот хотя бы «Чижик-пыжик». Это совсем просто… Вот, смотрите: прямо над замочком две клавиши через одну: чи-жик, пы-жик – запомнили? А теперь первая справа от замочка и вниз: где-ты-был?.. А дальше…

– Хватит! – взмолилась Серафима. – Дай Бог хоть это выучить…

И Леська убежала. А Серафима начала играть «Чижика», и играла его очень долго, бессчетное количество раз, и, может, оттого ей вдруг показалось, что уже не она играет, а сам этот таинственный ящик задает ей простой и глупый вопрос: «Где ты был?.. Где ты был?.. Где же ты был, чижик?..».

Потом пришла Аллочка с Сержиком.

– Продала?! – радостно спросила дочка, еще с порога заметив, что пианино нет. – Вот умница! Представляешь, а мы как раз торшер-бар достали! Боря его в магазине караулит, а я хотела в сберкассу за деньгами… Но теперь уже не надо, раз пианино продано… Давай скорее, мамочка!

И Серафима Павловна, не говоря ни слова, пошла в соседнюю комнату и вынесла оттуда деньги, приготовленные на черный день.

Игорь Геращенко

Только в Одессе…

…на вопрос: «Отчего болят зубы?» вам ответят: «От бедности!».

…на дверях квартиры можно встретить табличку: «Без стука не входить и просьба не стучать!».

…на вопрос о национальности родителей пишут: «Папа еврей, а мама наоборот».

…на кладбище можно прочитать эпитафию: «В гостях хорошо, а дома лучше!».

…доктор обнадежит пациента: «Тяжело в лечении – легко в раю!».

…в клубе холостяков присваивают титул «Женат посмертно».

…можно войти в положение другого человека без стука.

…влюбленный может сказать: «Люблю одиночество… с тобой!».

…лучшие родственники – единомышленники!

…дурной пример *з а р о д и т е л е н*!

…на вопрос «почем яблоки?» вам скажут: «5, 10, 15, 20… кто на что способен».

…на Привозе женщину «мягко» попросят у прилавка: «Дамочка, унесите ваши бедра, они заслоняют мои яйца».

…водитель маршрутки крикнет в сердцах: «Женщина, не хрустите кулек! Я не слышу мотор!».

…в магазине «Оптика» вы услышите: «Мне дайте одни очки – от солнца, а другие – от людей!».

…указывая вам на пьяного под забором, прохожий скажет: «За что так любить пить, я вас спрашиваю?!».

…кондуктор трамвая, видя беспризорного оборванца, грустно выдохнет: «Ехай за мой счет, урод, пока государство не знает!».

…синоптики ошибаются один раз, но каждый день.

…если человеку осталось жить два дня, а он шутит, – это одессит.

…нищий, найдя на мусорнике бутылку, философски изречет: «Жизнь начинает быть!».

…нет праздника желанней будня!

…сколько мужа не корми, он все равно в телевизор смотрит.

…артист может, хлопнув дверью, выйти из роли.

…можно работать спустя рукава, потому что некому закатить.

…в больницах *такая (!) халатность*, что посетители проходят в приемный покой без халата.

…для полного счастья достаточно два бокала пива и нормальные человеческие отношения.

…любая женщина скажет: «Что может быть вкусней *родного мужа*!» – потому что она знает, *что* может быть вкусней родного мужа.

…мужчина может угрожать женщине словами: «Я не шучу! Я есть хочу!».

…на вопрос «Где мы стоим?» ответят: «Представь себе, не задумываясь!».

…ребенок, прервав ссору родителей, скажет: «Папа, сделай так, чтобы было!».

…любители поесть ночью знают: «Лучший телевизор – холодильник!».

…на вопрос: «Салат помешанный?» хозяйка ответит: «Салат нормальный!».

…на вопрос отца «Когда пострижешься?» сын ответит: «В душе я всегда был длинноволосым!».

…на вопрос: «Что такое арифметика?» первоклассник ответит: «Это сложение и вынимание!».

…на вопрос отца «Знаешь, что люди живут не вечно?» маленький сын ответит: «Не бойся, папа, мы будем мучиться долго!».

…на вопрос учителя «Что такое «дальше в лес больше дров»?» первоклассник ответит: «Народная дурость!».

…увидев шарпея, малыш удивленно воскликнет: «Папа, эта собака похожа на тебя с утра!».

…на вопрос бабушки «Что такое люди»?» ребенок ответит: «Это такие *с у ч е с т в а*!».

…на вопрос учителя «Какие вы знаете согласные?» школьники ответят: «Глухие и мертвые».

…на просьбу почесать спину жена скажет: «Одевайся, все равно не видно!».

…на вопрос «Что такое смерть?» вам ответят: «Это другая жизнь!».

…на жалобу «Мне скучно» вам скажут: «Купите пианино!».

…неудачником считают человека, не имеющего дачи.

…жена может подбодрить мужа: «Ну, хватит меня жевать!».

…на вопрос «Ты что, глухонемой?» вам ответят: «*Глухонетвой*!».

…на вопрос «Марину можно к телефону?» вам ответят: «Она только что вышла в декрет!».

…уют и люди жуют.

Аркадий Вайнер, Эдуард Кузнецов

О темном и светлом: Зигмунд Фрейд

В мае 2016 года исполнилось 160 лет со дня рождения Зигмунда Фрейда – психолога, психиатра, невролога. Он значится австрийским ученым, но его происхождение имеет отношение к Одессе. Здесь жила его мать – Амалия Натансон.

Разработанный Фрейдом психоанализ в свое время взбудоражил весь мир. Кто-то посчитал ученого бесспорным корифеем и революционером, кто-то – мракобесом. (Владимир Набоков называл Фрейда – вместе с Карлом Марксом – злым гением XX века.) Многие до сих пор видят во фрейдизме основы человекопонимания, а многие – интеллектуальное шарлатанство. Почти все, случающееся с человеком, Фрейд объяснял подсознанием, в котором сосредоточены всевозможные влечения и желания на сексуальной, половой почве. Им создано немало работ, в которых произведения литературы и искусства, а также мотивы их создания рассматриваются с точки зрения разработанного им психоанализа. Вот примерно как он мог бы трактовать поведение Красной Шапочки из известной сказки Перро (отрывок из пародии неизвестного автора): «Навязчивое стремление Красной Шапочки относить пироги бабушке, скорее всего, продиктовано желанием искупить вину за нанесенный ранее моральный вред. Лес – совокупность высоких деревьев – ярко

выраженный фаллический символ, вполне естественный в фантазиях молодой девочки. Нет никакого волка. Волк в данном случае не что иное, как неосознанная сторона КШ, ее вытесненные сексуальные фантазии, которые рвутся наружу…».

Говоря попросту, Фрейд объяснял жизнь любого индивида простейшими животными позывами. Эта позиция вызывала не только несогласие общественности и специалистов, но и бурные дискуссии, споры и полемику. К ним неизменно примыкали и сатирические комментарии, порой весьма ядовитые. И Фрейду, и его теориям посвящено немало сатирических и даже издевательских эпиграмм. Одна из первых, сочиненная в самом начале XX века Карлом Краусом, звучала примерно так: «Если человечество со всеми своими отвратительными недостатками – это единый организм, то психоаналитик – его экскременты».

С тех пор стихотворные шутки неоднократно затрагивали ученого. Сатирики или зло, или насмешливо пытались отозваться на его тезис, связывающий активность в творчестве с неизрасходованной сексуальной энергией.

Р. Вахитов:

Сужденья Фрейда жизненно просты:
Неутоленный пыл всему виною.

Он, надо думать, и свои труды
Писал в разлуке с любящей женою.

Без подписи:

С тех пор как создал ты свою теорию,
Люблю свободно и ни с кем не спорю я.

Без подписи:

Отчего в раздоре я
С Фрейдом? Что задело?
Нас его теория
Догола раздела!

Ю. Нестеренко:

Автору откровенных стишков

Прошла эпоха муз и Аполлонов,
Нам Зигмунд Фрейд отпустит все грехи…
Mon cher! Избыток половых гормонов
Еще не повод, чтоб писать стихи!

В. Рудов (на глубокомысленное заявление Фрейда «Чем безупречнее человек снаружи, тем больше демонов у него внутри»):

Стремясь дополнить вывод сей,
Штришок добавлю небольшой:
Кто с виду форменный злодей,
Тот ангел, стало быть, душой?

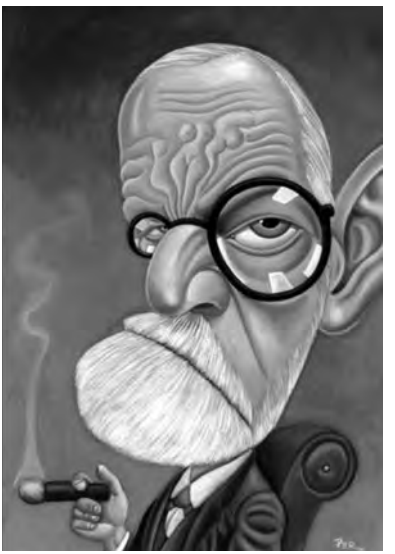
В. Воронков:

У Фрейда для любого текста
Один вопрос: а где же секс-то?

К эпиграммам примыкали разнообразные анекдоты на ту же тему, один из которых может быть приведен как отзыв на озабоченность некоторых обывателей своим морально-психологическим состоянием. К психиатру пришел пациент, сомневающийся: не комплекс ли неполноценности у него? После тщательного осмотра психиатр заявил посетителю: «Успокойтесь, батенька: никакого комплекса, обычная неполноценность...».

С позиций фрейдизма можно было бы (конечно, в шутку) представить реакцию художников на внешность психоаналитика. Ведь наверняка за ней (какой бы она ни была) любой портретист постарался бы увидеть какие-то символистические детали, связанные с его мировоззрением. Особенно интересно было бы проанализировать портреты карикатурные, за которыми шаржисты уж точно должны были отразить не только видение его внешности, но и собственное к нему отношение.

Шаржей на Фрейда много, что говорит о его неизменной популярности во всем мире. Практически на всех из них персонаж изображен правдиво, он легко узнаваем. На портретах минимум антуража – только лицо, неизменные очки и сигара.

Исключение (по понятным причинам) составляют только женщины (во всевозможных видах и позах). Даже те редкие детали, что появляются на шаржах, всегда напоминают о женщинах – то это туфелька, то матрац, то след губной помады. Даже морщины на лбу знаменитого психоаналитика складываются в образы обнаженных женщин.

Взаимоотношения мужчин и женщин – вот то главное, что привлекает публику в теориях Фрейда. О них от лица широких народных масс рассуждает Зиновий Вальшонок в своей сатире, написанной, возможно, на одном из одесских пляжей.

Размышления о Зигмунде Фрейде

На морском туманном рейде,
на песчаном бережку
размышления о Фрейде
лезут в глупую башку.

Жил почтенный Зигмунд в Вене,
был разгадыватель снов.
И вот нате! – стал он гений,
сокрушитель всех основ.

Что наделал ты, профессор,
аль тебя попутал бес?
Ты, как истинный агрессор,
в подсознание полез.

Изобрел психоанализ
и оргазм, и либидо…
Ох, потомки нахлебались:
как быть «после», как быть «до»?

Люди жили-поживали,
пили чай и ели кекс.
И в наивности не знали,
что всего важнее – секс!

И теперь от всех поллюций
разгулялся ветер злой
сексуальных революций,
сотрясая шар земной.

Сексуальная революция и ее последствия воспринимаются по-разному. Для большинства теории Фрейда и мрачноваты, и безысходны – и именно поэтому не всем с ними хочется соглашаться. Точку зрения противников фрейдизма своеобразно выразил ирландский писатель Шон О'Кейси: «Они цинично объявляют, что человеческая природа не может изменяться и что подсознание определяется низменными животными страстями – как будто живая страсть может быть низменной! Они выдирают из земли розовый куст и указывают на корни, говоря: «Смотрите! Видите, какие они кривые, и грязь налипла на них». Но они будто слепы к алым, белым и желтым лепесткам со всей их яркостью и восхитительным ароматом».

В этом противостоянии темного и светлого, мрачного и радостного и проходит жизнь человека – неважно, благодаря открытиям Фрейда или вопреки им.

А с Одессой Фрейд имеет связь не только благодаря жизни здесь своей матери. Большую роль в продвижении идей фрейдизма в Советском Союзе сыграл одессит Я.М. Коган. Врач-психиатр и ученый, в совершенстве знавший немецкий язык, знаток наиболее значимых работ Фрейда, он был одним из основных переводчиков его трудов на русский язык.

Нина Данилова

И раскинулись сети

Моя давняя одесская подруга Лана – тяжелый хроник с неизлечимым диагнозом. Сетевик-затейник! И эта серьезнейшая зависимость давно заполнила все ее существование, ведь жизнью такую суету-маету назвать сложно. Как все фанатирующие особи, подруга постоянно, без устали зовет и тащит окружающих за собой – «в даль светлую». Тесное многолетнее общение с Ланською, вечно рисующей близкие картины нашего общего грядущего обогащения и процветания, вынудило меня изучить это социально-коммерческое явление – МЛМ. Ведь его неумолимо влекущие пирамиды постоянно возникают на жизненном пути.

Сетевой маркетинг, внедренный в наше бытие во второй половине 20-го века, – хитроумнейшее изобретение цивилизации, разделяющее человеческое общество на три очень неравные (во всех смыслах) части:

– счастливчики, которые еще не были вовлечены в сети, – их становится все меньше;

– дистрибьюторы – наивные, в подавляющем большинстве неимущие оптимисты-трудоголики, искренне верящие в непременное личное обогащение с помощью крупных уловов в раскинутых сетях;

– малочисленные воротилы, владельцы компаний, единичные бриллиантовые и прочие директора, которые вяжут сети маркетинга, организовывают структуру и функционирование складов продукции. Они обеспечивают постоянство школ своего бизнеса, придумывают разнообразные бизнес-планы, адаптируют и дополняют систему психологических установок для успешных продаж.

Ланка неизменно украшает своей неповторимой, яркой и невезучей личностью неисчерпаемые ряды всегда верящих в успех

дистрибьюторов. Мы с мужем неоднократно бываем втянуты загоревшейся подругой в очередную вариацию сети, но каждый раз быстро отцепляемся и выпутываемся из нее.

Для того чтобы понять и прочувствовать все «прелести» действия этого огромного спрута, нужно быть зацепленным его щупальцами и попытаться какое-то время просуществовать в его объятиях.

В первый раз нам довелось пройти это испытание в фирме «Долфин Ор», распространяющей относительно недорогие ювелирные украшения.

Период выдался вполне подходящий – мы оказались одесскими безработными на крутой волне перестройки. Чтобы как-то продержаться, вынуждены были заниматься разноской чужих товаров по чужим рабочим местам. В середине 90-х годов большинство одесских предприятий не функционировали. Каким-то непостижимым образом временно процветали недавно организованные банки – там у нас было множество клиенток, регулярно заказывающих модную одежду. Кроме банков в полную силу работали больницы – многострадальные одесситы пытались поправить остатки здоровья, подорванного неисчерпаемыми сюрпризами переживаемого безвременья. Медицинский персонал также проявлял покупательскую активность. В больницах шла бойкая торговля по предварительным заказам и с выплатой в рассрочку. Вот тогда мы и попали в школу сетевого маркетинга, прочитали несколько книжек по МЛМ и были потрясены установками ранее незнакомых принципов торговли.

Никаких магазинов и затрат на их содержание – только склады готовой продукции! Никаких ищущих вожделенные дефициты покупателей – только рыщущие дистрибьюторы, везде непрерывно прославляющие и без устали предлагающие всем попавшимся свои товары! И эти живые элементы сети – преданные, неутомимые, всегда учатся сами у своих спонсоров и одновременно учат своих последователей. Помимо постижения особенностей построения процесса распространения фирменной продукции необходимо было активно пополнять свои знания о ювелирных украшениях, об искусственных камнях, о знаменитых дизайнерах и модных тенденциях в этой процветающей отрасли.

А какой мощный психологический тренинг преподавался нам еженедельно как бы бесплатно! Это было так ново, познавательно и заманчиво! И такой уникальный товар – фальшивые украшения!

Первый вопрос, ответ на который перевернул наши прежние аксиоматические познания, звучал так: «Как вы думаете, господа дистрибьюторы, что предпочитают состоятельные женщины – настоящие украшения или фальшивые?».

Бриллиантовый директор фирмы «Долфин Ор» совершенно гениально просветил участников школы сетевого маркетинга насчет того, что фальшивые украшения, несомненно, предпочтительнее настоящих. Конечно, ведь цены на драгоценности постоянно растут, поэтому рисковать ими не стоит! Пусть лучше хранятся себе в банковских сейфах. А их хозяйки могут накупить себе огромное количество прекрасных ювелирных изделий, которые выглядят так же изумительно, хотя стоят абсолютно недорого (относительно подлинников). Но они радуют взоры окружающих совсем не меньше, чем их дорогущие оригиналы. И менять

их рекомендуется к каждой трапезе. И сейчас просто невозможно без специальной экспертизы отличить эти украшения от подлинных драгоценностей. И на душе у прекрасных дам, хозяек драгоценностей, а также мужчин, владеющих деньгами и этими дамами, будет легко и спокойно.

Все звучало очень логично и убедительно. Когда к тому же провели детальный обзор выставки готовой продукции, новички вообще получили эстетический шок от вариантов изделий и всей этой неземной блестящей красоты. Немыслимых форм и разнообразия колье и цепочки, серьги и клипсы, кулоны и брошки, кольца и перстни, браслеты, заколки, запонки – все в отдельности и в наборах! Красные рубины, синие сапфиры, зеленые нефриты, разноцветные топазы, коричневые авантюрины и прочие полудрагоценные камни сказочно переливались всеми цветами под мощными осветительными каскадами.

В завершение процедуры презентации новичкам обязательно демонстрировались банковские чеки на весьма крупные суммы, которые получали дистрибьюторы фирмы. Они с воодушевлением рассказывали, какая прекрасная жизнь ждет всех, кто будет нести миру несравненные драгоценности «Долфин Ор». Последние сомнения в головах даже ранее скептически настроенных гостей после презентации сменялись непоколебимой уверенностью: «Нужно вступать в эту фирму!».

Дальше события разворачивались по накатанному сценарию. Подписание дистрибьюторского соглашения под бурные аплодисменты счастливых окружающих. Первая закупка «драгоценностей» на приличную сумму, как бы для себя, получение фирменного номера и каталога-прейскуранта, ежедневная работа с обучающим спонсором. И вот уже начался постоянно ускоряемый процесс служения – головы переполнялись хитромудрыми бизнес-планами, назначались бесконечные встречи-презентации, изучались гороскопы в сочетании с драгоценными камнями для каждого знака зодиака. И вскоре стало просто невозможно представить, как раньше люди могли жить без наших ювелирных изделий!

Этого запала нам хватило на несколько месяцев каторжной работы. Но вместо чеков с увесистыми суммами в результате

этой ювелирной беготни у нас образовались какие-то непонятные баллы, которые давали право на 25-процентные скидки при закупке новых партий драгоценностей. При этом оказалось, что мы еще были в лучшем положении, чем другие дистрибьюторы, потому что наши клиентки заказывали довольно много всяких изделий. Особо высоким спросом пользовались брошки в форме позолоченных ящериц с яхонтовыми глазками. Подшефные медсестрички обожали цеплять этих ящериц на свои белые халаты.

В тот период Лана была одной из наших самых увлеченных клиенток-покупательниц, а затем бросилась с размаху в натянутую сеть маркетингового бизнеса. И, как оказалось, навсегда. Через некоторое время они с мужем репатриировались в Израиль, где развили бурную деятельность в местных сетях. Ее восторженные телефонные разговоры «оттуда» были полны предвкушением грядущего процветания.

Мы еще некоторое время до репатриации вынуждены были продолжать разбрасывать блестящие штучки по банкам и больницам. Многие клиентки чувствовали, что брошечки-ящерицы благотворно воздействуют на их личную жизнь. Нам нравилось быть причастными к процессу осчастливливания девушек. Но вскоре пошли жалобы на качество хваленых драгоценностей. Блеск изделий быстро утрачивался, камушки выпадали, серьги ломались, брошки плохо держались, падали и терялись. Мы попали в нелегкую ситуацию, так как клиенты стали возвращать нам вышедшие из строя украшения, а ведь они покупали товары в основном в рассрочку.

В семейных закромах сохранилась на долгую память коллекция неисправных ювелирных изделий, которые были возвращены из-за обнаруженного брака. В фирме никто и не думал нам чем-то помогать в этих случаях. Рассрочки, предоставленные нами покупательницам, также оказалась несостоятельными. Убыточный итоговый урок сетевого маркетинга был получен.

После переезда в Израиль мы очень быстро поняли, что маркетинговые сети раскинуты повсеместно. И здесь нашей спонсоршей-предводительницей стала уже многоопытная Лана. Цветущие и пропитанные здоровьем люди показывали свои прекрасные виллы, построенные на торговле продукцией

«Гербалайф» или товарами «доктор Нона», которая делала деньги из грязи Мертвого моря. Все они яростно увлекали нас за собой – к здоровью и процветанию.

Другие счастливцы безумно разбогатели, продавая натуральные одеяла, подушки, халаты и прочую прелесть из овчины и меха ламы, работая дистрибьюторами немецкой фирмы «Бауэр Комфорт». Если не хотите, чтобы стада клещей сожрали вас в своих постелях, нужно незамедлительно приобрести все фирменные натуральные постельные принадлежности, а также халаты, жилетки и тапочки из овчины. Только так вам удастся спасти от вымирания и вымерзания суровыми израильскими зимами всех своих друзей и знакомых. Всех, всех – по заранее подготовленному списку в соответствии со всегда горящим бизнес-планом!

Окончательно прозревшие сетевики-диетологи доказывали нам, что если немедленно не перейти только на продукты из сои, наши дни буквально сочтены.

Одна знакомая утверждала, что купила несколько квартир и объездила весь мир, непрерывно внедряя в окружающих дам потрясающе эффективно работающие *тампоны счастья*!

Но Ланку почему-то не обогащали никакие супертовары, даже полученные с применением нанотехнологии. Она питалась только витаминно-белковыми коктейлями и соевым гуляшом, потела в жару на подушке из шерсти ламы под овечьим одеялом, с неослабевающим упоением меняла фальшивые украшения на себе по три раза в день. Но деньги в ее жизни все не образовывались. На ее долю доставалась бесконечная беготня, надоевшие инструктажи, многочасовые встречи, уговоры клиентов и неизбежный крах. Ланкин муж работал охранником. Чтобы выживать, платить за квартиру и по счетам, он круглосуточно что-то от кого-то охранял. А Лана постоянно находилась в эйфорическом состоянии предвкушения исполнения всех желаний. И пыталась завлекать в сети весь свой ближний круг, включая нас. Ее глаза источали такое ослепительное сияние, а голос обладал истинно гипнотическими свойствами! Отказать ей было нереально.

Спасал незабываемый одесский маркетинговый опыт, развитое чувство юмора и отсутствие денег для покупок фирменной продукции. Почти все наши израильские знакомые в разные периоды

своей жизни попадали в ту или иную сеть. Поэтому опыт имеется у всех, причем вовсе не позитивный: создать свою персональную группу практически не из кого – страна маленькая! Но все же избежать еще одной оригинальнейшей сети мне не удалось.

В самом конце 20-го века Ланка затащила меня на презентацию фирмы, которая занималась продажей сайтов в Интернете. Это были типичные «Рога и копыта», и председатель фирмы господин Миша Бендер очень любил делиться с неискушенной аудиторией своими разнообразными познаниями. Его боготворили слушатели – покупатели персональных сайтов. За 500 шекелей у Миши можно было приобрести личный именной сайт (позднее мы узнали, что любой сайт открывался в принципе совершенно бесплатно). Но великий комбинатор щедро обогащал своих наивных учеников свежими для того времени идеями: как можно делать деньги на рекламе в личных сайтах в Интернете. А заодно для привлечения новых желающих давал мощнейший психологический тренинг – как привести человека туда, куда ему совсем не нужно. Тогда мы еще были очень далеки от покупки компьютера, поэтому покупка сайта была равнозначна приобретению участка на Луне. Но все же я пошла в эту школу из-за той информации, которую там преподавали слушателям. Впервые получила представление о социальных сетях, усвоила некоторые принципы существования в Интернете, идеи тематических сайтов и правил их посещаемости. В дальнейшем все это очень пригодилось для быстрейшего освоения виртуального сетевого пространства.

Ланочка, к сожалению, оказалась совершенно несовместима с компьютером. Зато она по-прежнему умеет гениально убеждать и заражать своим энтузиазмом все, что дышит и движется.

Но самое сильное впечатление произвели на меня лекции по концепции здоровья в «Коралловом клубе» – КК. Лана заявила, как обычно, сияя каждой своей клеточкой, что уж на этот раз – сбываются наши мечты о приобретении непоколебимого здоровья, практически бессмертия! И, естественно, появится время и силы на обогащение! Мы с ней прослушали цикл лекций, очень впечатлились и пленились открывшейся перспективой.

В основе постулатов, декларируемых КК, лежат фундаментальные биологические законы здоровья. Здесь осуществлялись

серьезные атаки на современную медицину. Причем выступали дипломированные врачи, приехавшие из бывших стран СНГ, с продуманным и аргументировано подобранным материалом. Оказывается, что напрасно мы питаем иллюзии относительно медицины. Современный терапевт в социальном плане – это преданный продавец фармацевтической продукции. Наши надежды могут оправдать разве что хирурги, но внутренние органы имеют тенденцию быстро заканчиваться. А новые пока только пробуют выращивать из стволовых клеток. Так что нужно продержаться еще пару десятков лет. Таким образом, необходимо как-то сохранить остатки здоровья. И здесь на помощь приходит именно КК и его знаменитые концепции выживания.

За основу принята реанимированная в коммерческих целях достаточно древняя наука нутрициология – правильность питания на клеточном уровне. В головы дистрибьюторов вбивались непоколебимые пункты глобальной концепции здоровья: регулярно очищать клетки тела, качественно поить клетки, достойно кормить клетки, надежно защищать клетки. И тогда тело становится бессмертным в промежутке времени, отведенном биологическими законами.

Лекции поражали изысканностью формулировок: необходимо постоянно поднимать уровень осознанности правильного потребления жидкости, чтобы убирать агрессию этого мира, проникшую внутрь организма.

Это означало, что спасение человечества в первую очередь заключается в обязательном выпивании ежедневно не менее двух, а лучше трех литров воды, обогащенной коралловыми минералами. Они неустанно добываются и доставляются с далеких японских островов Окинава, где буквально все население – счастливые долгожители с промытыми и обогащенными минералами организмами.

И тут же необходимо немедленно приступить к ликвидации вышеупомянутой агрессии этого мира, проникшей в нас через отравленный воздух, хлорированную воду с тяжелыми металлами, вместе с пищей с токсинами и химикатами, а также через подсознание, задавленное постоянным нагнетанием стрессовой информации. Все это безобразие является следствием бездумно-

го торжества развития цивилизации. Оно неумолимо вызывает в человеческом организме, спроектированном на добрых полторы сотни лет, падение иммунитета, вялотекущие болезни в молодом возрасте. И как неминуемое следствие – раннее старение и беспомощное существование в полной зависимости от безграмотных рвачей от медицины. И это еще в лучших случаях, когда в организме генетически заложены мощные механизмы выживания в неблагоприятной среде. А если вам досталась ущербная наследственность – тем более нельзя терять драгоценного времени. Вперед, к коралловому здоровью!

В результате многократных повторов основополагающих истин концепции здоровья вырисовывался набор аксиом выживания.

Самое главное – это непременно заболеть хроническим желанием сохранить здоровье и упорно заниматься этим каждый день. Ваши усилия получат достойное вознаграждение – молодой, свежий, крепкий организм! Оказывается, миллиарды наших клеток полностью обновляются в течение каких-то семи лет! И они практически бессмертны, если с ними грамотно обращаться. И крайне важно, из чего мы строим свои клетки, как их защищаем от повреждений.

Для нормального функционирования клетки кроме большого количества воды нужны аминокислоты, ферменты, витамины, разнообразные микроэлементы и т. д. Короче говоря, белки, жиры и углеводы с витаминами – 3 раза в день. Казалось бы, добывай в поте лица все это в виде сбалансированного питания – и пусть себе клетки строятся! Так ведь сейчас каждый младенец в курсе – невозможно организму получить все это из наших продуктов. В почве уже давно натуральные микроэлементы химизированы в бесконтрольное количество нитритов и нитратов. По поводу низкого качества питьевой воды пролиты водопады горьких слез. Белок, который организм пытается с огромным трудом вытащить из мяса и разложить на аминокислоты, несет незаказанные «дары» в виде гормонов и антибиотиков. А эти не подверженные гниению гигантские фрукты и овощи сами нуждаются в инъекциях витаминов, а не консервантов! Из таких стройматериалов вряд ли выстроится что-либо путное. Поэтому даже младенцы, к ужасу человечества, рождаются уже с различной патологией.

Как же нам всем быть? Как выживать и размножаться дальше, чтобы не вымереть в короткий исторический период? Казалось бы, пришла эра безнадеги, гибель человечества подступает. А вот и нет! КК со своей уникальной концепцией здоровья дает однозначные ответы на все вопросы и за относительно небольшие деньги (в пересчете на одну клетку) обеспечит каждую вашу задыхающуюся клеточку всем, что ей необходимо для вечного процветания. Итак, долой продукты из супермаркетов, ничего не приносящие организму, кроме вреда! И да здравствуют наши клеточки, накормленные из фирменных баночек КК. Здесь вы найдете все, что вашим клеткам угодно и жизненно необходимо. И сколько денег сэкономите при этом, исключив из вашей жизни этот нудный продуктовый шопинг!

А чувство голода у нас вовсе ненастоящее. Это просто животная распущенность. На самом деле мы хотим не есть, а пить! И только коралловую воду. Не менее 3-х литров в день. И не сметь даже думать о мясе с картошкой и о торте со взбитыми сливками. Ученые доказали – совершенно реально прожить 150 лет исключительно на продукции КК. И ничуть не стареть. Нужно только не прекращать ввод в организм потрясающих антиоксидантов. Их ассортимент практически не ограничен – на любой вкус. Хотя какой там у них вкус! Но, впрочем, это несущественно. Зато они гениально борются со свободными радикалами, образующимися из-за неподавляемых процессов окисления. Ведь что такое старение – это окисление, заржавление организма. Антиоксиданты, ферменты, витамины, микроэлементы – все проглотили и запили коралловой водой. Свободным радикалам в таких невыносимых для них условиях никак не окислить клеточки, у них просто нет ни одного шанса. И вот оно, полноценное здоровье навсегда без поликлиник и операций. Видите, как все просто!

Теперь, когда проблемы здоровья и долголетия практически решены, возникает ряд вытекающих вопросов. Необходимо понять, на какие средства можно прожить такие долгие годы, ведь стоимость продукции КК очень существенная – это с одной стороны. А с другой стороны, полученные в КК знания и бесценный опыт необходимо немедленно нести в народ. Иной вариант поведения сетевика-корраловца можно было бы расценивать как

проявление эгоизма, равнодушия к судьбе окружающих, сокрытие полученных знаний, преступное неоказание помощи несведущим ближним. Как реализовать просвещение и привлечение последователей благородного дела оздоровления населения? Итак, все сходится! Исчерпывающие ответы на эти вопросы дает именно многоуровневый сетевой маркетинг.

Оказывается, сетевой маркетинг очень молод – ему немногим более 50 лет. Приобретаемая профессия: в идеале – успешный сетевик. Кто же это такой?

В первую очередь, психолог, обладающий незаурядным артистическим обаянием, он же организатор и вдохновитель собственной сети. Кроме этого, круглосуточный наставник и агитатор, неутомимый тренер и вечный студент, консультант и врачеватель. Чего может добиться успешный сетевик? Среди реальных возможностей – стабилизация материального положения, самоутверждение, общение с единомышленниками, улучшение состояния здоровья. Но самое главное для тех, кто действительно полюбил профессию сетевика, – это найти и воспитать своих компаньонов, инвестировать в них свою веру, свое время и свои профессиональные навыки. Это должны быть достаточно амбициозные личности, трудолюбивые и хорошо обучаемые, имеющие реальные претензии на значительное повышение уровня жизни. Прямо скажем, такую сеть построить – очень трудоемкое занятие. Но, как показывает опыт, эти сети, проверенные годами активного бизнеса, очень прочны. Они вылавливают любую рыбку, пока не исчерпывается водоем. А затем перебрасываются на следующую наживку. Преуспевающие сетевики, находящиеся на верхних уровнях пирамид, гордятся тем, что они работают на себя, а не на Хозяина. Они распоряжаются временем по своему усмотрению – без всяких фиксаций начала рабочего дня. Но если проанализировать и прохронометрировать трудовые часы сетевика – станет очевидно, что это тот же рабский труд без всякой гарантии на стабильность заработков. Особенно ощутимы психологические перемены в людях, длительно работающих в сетевом маркетинге. У них практически нет других интересов в жизни, они фанатично зациклены на процессе продвижения своего товара. С ними невозможно говорить ни о чем другом, они

умудряются любую тему сворачивать на немедленную необходимость употребления своего предмета. Они проявляют фантастическую виртуозность в наведении незримых связей чего угодно со своим товаром. По прошествии определенного периода большинство сетевиков совершенно не способны перейти на режим нормальной трудовой деятельности. Они, подобно наркоманам, испытывают непреодолимую тягу к привычному ритму жизни. Трудовые биографии оказываются сломаны! И зачастую личная жизнь также разваливается.

Моя Ланочка – типичный представитель этого класса. Даже ее бывший муж-охранник не смог охранить себя от какой-то примитивной поварихи. И все из-за этой мерзкой сои и безвкусных белков, углеводов, витаминов и микроэлементов в чистом виде, которыми его постоянно оздоравливала жена. Он не согласился мучиться так до 150 лет и, роняя слезы по недостижимому совершенству тела и духа, уполз на запах поварихиных пирогов. Ланка теперь стала разведенкой и живет в каком-то пенале, который называется «разделенка». За эту полоску выживания она платит совсем не малые деньги, но ее энтузиазм по-прежнему не ослабевает.

У нас есть еще несколько таких знакомых, которые периодически пытаются вновь и вновь завлечь в свою сеть с новым беспрецедентным товаром. Я не могу отказать подруге, пылающей новой надеждой, в посещении очередной презентации. Всегда искренне восхищаюсь своевременностью появления и истинной востребованностью новых товаров. Хорошо изучив законы действия сетевого маркетинга и понимая, что не имею «счастья» быть постоянным элементом этих сетей, тем не менее всегда попадаю под обаяние презентации и покупаю несколько образцов. И все ожидаю, когда же, наконец, придумают и продадут жаждущим что-то совершенно уникальное и необходимое, единственное для всех и для каждого в отдельности. То, что способно оздоровить, осчастливить и умиротворить человечество! Надеюсь, что все мы этого дождемся…

Бат-Ям

Евгений Голубовский

Книжный развал

Издано в Одессе

Михаил Пойзнер
Одесские песни с биографиями
Одесса, ТЭС, 2016

Каждая книга Михаила Борисовича Пойзнера вводит в наше знание об Одессе и одесситах новые документы и новые факты. Круг его интересов – и Великая Отечественная война, и подслушанные диалоги старых одесситов, и одесские песни.

«Песен об Одессе, – пишет М. Пойзнер, – бесконечное множество. Их количество увеличивается, наверное, с каждым часом. В этом потоке много зарифмованной банальности, но есть настоящие одесские искорки преданности, памяти и любви».

Восемь глав, восемь историй. И оживают Леонид Утесов и Семен Кирсанов, Владимир Дыховичный и Модест Табачников, Евгений Агранович и Владимир Агатов. И вслед за автором мы любим его героев, потому что в очерках Михаила Пойзнера есть эти самые одесские искорки – преданности, памяти и любви.

Фауст Миндлин
Еврейский театр: актеры и судьбы
Одесса, 2016

Я бы уточнил название. Не вообще еврейский театр, а еврейский театр в Одессе, история его жизни и уничтожения.

Десять лет тому назад в нашем альманахе Фауст Миндлин опубликовал очерк об одесском еврейском театре. Десять лет собирались материалы для этой книги. Оказывается, еврейский профессиональный театр в России стартовал именно в Одессе. Оказывается, первый еврейский драматург… И таких находок в первой части книги много. Это плоды работы Ф. Миндлина в библиотеках и архивах. И все же эта часть книги представляется мне пунктирной, сам автор не считает работу завершенной и обещает через год-два издать «чемодан документов», уже им собранный.

А вот вторая и третья части книги – безусловная удача, уже состоявшаяся. Эти части книги – личностные, пропущенные через свои воспоминания. Это рассказ о судьбе замечательной актрисы еврейского театра Лии Исааковны Буговой, ушедшей на сцену Одесского русского театра, когда еврейский театр стал умирать в навязанном советском репертуаре.

И наконец третья часть – о судьбе мамы Фауста, еврейской артистки Риты Фаустовны Гендлин, ученицы С.М. Михоэлса, В.Л. Зускина, и о судьбе его деда – Иосифа Михайловича Миндлина, режиссера и актера еврейского одесского театра, арестованного 30 ноября 1950 года, когда под видом «борьбы с космополитизмом» уничтожены были еврейские театры в СССР.

Тираж этой книги – 100 экземпляров – представляется крошечным. Книга должна попасть в театры, в музеи, в библиотеки, на книжные полки любителей искусства, одесских коллекционеров.

Александр Бирштейн
Как это кушают в Одессе
Одесса, Экология, 2016

Рассказы Александра Бирштейна имеют своего преданного и взыскательного читателя. Мне представляется, что в своеобразном диалоге со своим читателем уже и как известный блогер пишет он свои рассказы.

Нет, это не поваренная книга, не рецепты вкусной и здоровой пищи. Хоть в рассказах есть и советы, и ингредиенты одесских блюд. Это о том, как… кушают в Одессе. А значит, о застольных беседах, о тостах и спичах, о спорах, о походах на Привоз и Новый базар.

Где-то около сотни новелл. Но разве забудешь нежную и трогательную историю «Купите… бублички» о всегда голодном мальчишке, которого посылали за бубликами на Екатерининскую, в самую знаменитую бубличную Одессы?

Это веселая грустная книга. Почему веселая? Потому что действие происходит в Одессе. Почему грустная? Потому что действие происходит в Одессе.

Леонид Гервиц
«…И случай, бог изобретатель»
Записки художника
Одесса, 2016

Известный художник Леонид Гервиц, родившийся в Одессе, окончивший Одесское художественное училище, многие годы живет в Нью-Йорке, работая профессором в Академии живописи. И пишет не только картины, но и рассказы, воспоминания.

Десять лет тому назад Л. Гервиц привозил в Одессу выставку своих картин. В этом году он привез рукопись своей первой книги и издал ее в родном городе.

Проза Леонида Гервица вещна и зрима. Он не нуждается в иллюстрациях, так как пишет не так, как слышит, а так, как видит. Этим интересна проза живописца. И еще тем, что у него поразительная память на детали. И когда он описывает мастерскую Одесского художественного училища, когда описывает пребывание в Ленинградской Академии художеств и посиделки у Семена Гейченко в Пушкиногорье – ощущение, что ты с ним там, не в качестве читателя, а как зритель.

Завершает книгу интервью для сборника «Смутная алчба – 3», присланное в свое время Леонидом Гервицем в Одессу по моей просьбе и по просьбе Евгения Деменка, составителей этого сборника.

Сергей Главацкий
Падение в небесах
Одесса, КП ОГТ, 2016

Редкое в наше время – трагическое высказывание. Несколько строк, буквально как только открывается книга:

«Ты знаешь, мир умер. Фантомное счастье…»
«Ну, что, все обернулось адом…»
«И никто ни в кого здесь не сможет влюбиться…»
«Но если никто никого не достоин…».

Читаешь стихи и, право, не обращаешь внимания на метафорический ряд, на синкопы ритма, потому что оказываешься сопричастным к человеческому страданию. Нет, это не фантомные боли. Это история болезни души. И возникает ощущение, что острота переживаний поэта настолько запредельна, что хочешь протянуть ему руку.

На обложке заглавие книги набрано так, что плохо читается. Я было прочитал: «Парение в небесах». Но, читая книгу, понял: это не парение, а падение. Перед поэтом между 25 и 33 годами (в этом году ему 33) открылась бездна. Думаю, он отошел от нее, отдав нам свои стихи.

Вестник Одесского
художественного музея
№ 2
Научный сборник
Одесса, Видавництво, 2015

Как и должно быть – каждый достойный музей выпускает свой научный сборник. Десятилетия это делает Археологический музей, больше десяти лет – Литературный музей издает свой сборник «Дом князя Гагарина». И вот перед нами второй выпуск Вестника Одесского художественного музея.

Многие исследования мне интересны. Продолжая изучение дореволюционных коллекций, В.А. Абрамов знакомит нас с судьбой коллекции А. Руссова. Мне приходилось списываться с Таллинном, мы публиковали в альманахе воспоминания Олега Костанди, внучатого племянника Кириака Костанди. В этом выпуске «Вестника…» большая публикация Л.А. Ереминой «Страницы жизни семьи К.К. Костанди», куда вошли и одесские мемуары Л.К. Костанди, и новые материалы из Таллинна от Олега Костанди.

Неожиданно открылось, как много хороших работ южнорусских художников хранится в собрании Одесского литературного музея (статья Алены Яворской). Александр Дмитренко продолжает знакомить читателя с одесскими мастерами офорта, а Евгений Деменок – с наследием Д. Бурлюка.

Как всегда, поражает безупречной точностью, я бы сказал, скрупулезностью, исследование Ольги Барковской о жизни Одесского художественного училища с 1865 года (открытия Рисовальной школы) по 1940 год.

Издано во Львове

Елена Касьян
Легенда про Одно,
или Как все было
Львов, 2016

Поэт, прозаик, бард Елена Касьян – постоянный автор нашего альманаха. Она по приглашению Ирины Барметовой, главного редактора журнала «Октябрь», приезжала на Одесский литературный фестиваль, не раз, бывая в Одессе, приходила на встречи «Зеленой лампы». А совсем недавно во Всемирном клубе одесситов мы провели презентацию этой новой книги Елены Касьян.

На это раз – это не сборник стихов, не диск с песнями, а сказки для взрослых. Добрая, умная притча о том, как возникла жизнь на Земле, как она протекает и как может все закончиться. Нет, не страшилка. А размышления человека, знающего, что такое добро и что такое зло. И умеющего поэтично, ярко, образно об этом рассказать.

Издано в Иерусалиме

Ирина Озерная
По ходу жизни
Иерусалим, 2015

Ирина Озерная – крупнейший специалист по творчеству Юрия Олеши. В этом качестве не раз публиковалась у нас в альманахе. Последние годы живет в Иерусалиме, куда переехала из Москвы.

В сборник вошли филологические изыскания литературоведа, эссеистика (Ирина – известнейший защитник домашних животных) и стихи, которые она называет *стишаги*.

Естественно для нас, одесситов, наиболее важны и интересны работы о Юрии Олеше, но и «Уроки одесского» – размышления о премьере спектакля Московского театра «Эрмитаж» «Уроки русского» по произведениям Михаила Жванецкого в постановке Михаила Левитина. Замечу, что Ирина Озерная многие годы была завлитом этого театра и работала в нем с одесситом Михаилом Левитиным над спектаклем по Юрию Олеше о попутчике Занде…

Неожиданными для меня были в этой книге стишаги. Но это была приятная неожиданность. Осознав, освоив поэтику обэриутов – Д. Хармса, Н. Олейникова, Ирина Озерная, развивая их творческий метод, абсурдирует нашу современность.

Евгений Голубовский

Детскость как метафора

Не хочу писать воспоминания.

Передо мной машинопись, почти полтораста стихотворений. Их могла отобрать Лена Миленти. Их мог сложить я, публикуя ее стихи в трех номерах «Всемирных одесских новостей», в сборниках «Зеленой лампы» – «Сто» и «Пять».

Эту подборку собрал, сложил Сергей Главацкий.

Пронзительное ощущение от стихов – детскость, пронесенная сквозь жизнь. Это понималось не сразу. Вначале вызывало удивление, но потом, привыкнув к голосу, которым она читает свои стихи (так исполняли пионерские речовки), ощутив в них мягкую иронию, наконец-то осознаешь, что Лена Миленти привносит в наш мир детскость как свой жизненный принцип.

Лена необычайно искренний человек. Сколько раз мы слышали, что искусство – игра, что поэт, художник, артист – человек играющий. А она жила, играя словами и смыслами. Для нее и парадоксы не были парадоксальными, она так жила, так верила.

Увидеть небо, падая с горы…

Может быть, кому-то покажется, что в этой строке – метафора ее жизни. Я бы сказал: только одна из метафор – не существенная, а сущностная.

И под ребро не запустить страх…

Ни боязни, что не успеешь высказаться, ни боязни, что покажешься смешной, ни боязни перед неоконченной строкой, мыслью. Зафиксировано чувство. Яркий всплеск жизни, и это самоценно.

Она знала, ощущала это всегда, писала, меняя слова, но оставаясь верной звуку:

В этом пределе грехи отпускает смерть.

Знала, но не жила в смирении, подсчитывая свои или чужие грехи. Поэтам грехи отпускает вечность, в которой остаются стихи.

А впрочем, она не раз в стихах проговаривает сквозь сон, сквозь явь, примеряет смерть. Вот и стихи, как бы воскрешающие Николая Гумилева, но, по сути, еще одна метафора ее существования.

Паутиной забвенья покроется бренное слово.
И земля заберет то, что небо не сможет забрать.
И ребенок дворец возведет на руинах былого,
Где окно задрожит, обретя отражения власть.

Где входящий узнает и сырость, и затхлость, и плесень,
Но картины на стенах излечат его от простуд.
На весах поражений победу последнюю взвесив,
Он увидит во сне, как его на расстрел поведут.

Лена Миленти – лирик. В самом прямом, хрестоматийном смысле этого слова. Только все, пропущенное сквозь себя, более того – все о себе. Не о Гумилеве, не о Марье Ивановне, не о Леониде Макаровиче или Петре Алексеевиче (а знала ли она эти имена-отчества?), нет, только про себя, про свой восторг перед миром,

про несправедливость мира, но где они касаются ее лично, нарушают ее миропорядок.

Это не значит, что она аполитична, что детскость отвлекла ее от болей современников. Вот стихотворение, написанное 4 мая – не знаю, какого года. Но, положив цветы на Куликовом поле, она позвонила мне, рассказала, что видела Олега Губаря и прочитала эти стихи. Свое поэтическое предвиденье…

Я сегодня узнаю, что я обрела свой ковчег.
И от будней, отхлынувших горлом, останется слово.
Это солнце четвертого мая сияет для всех
Потерявших себя для того, чтоб вернуть себя снова.

Волны будут дышать наравне, нараспев, на разрыв.
Ты почувствуешь право забыться, забыть, потеряться.
И, врастая в песок, все открытия опередив,
Чтоб на этой земле – кем дано тебе быть – оставаться.

И еще одна метафора, которой, пожалуй, закончу это короткое предисловие ко второй – Главной – книге Елены Миленти:

Дайте к вам прижаться птицей,
У которой крыльев нет.

Прижималась. И ей давали прижаться. Один из тех не очень многих человеков, которому всегда были рады на встречах в «Зеленой лампе», в «Потоках», на художественных выставках, на междусобойчиках. Кто знает, может быть, не столько она прижималась к друзьям, сколько прижимались к ней – источнику оптимизма, добра, улыбки, по-детски широко открытых глаз.

Поэтому эту книгу Елены Миленти мы завершили венком посвящений, написанных в мае-июне 2016 года, последнего года ее жизни.

ПЛАСКЕ
ПЛАСКЕ

Одесский журнал
№66
2018

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

